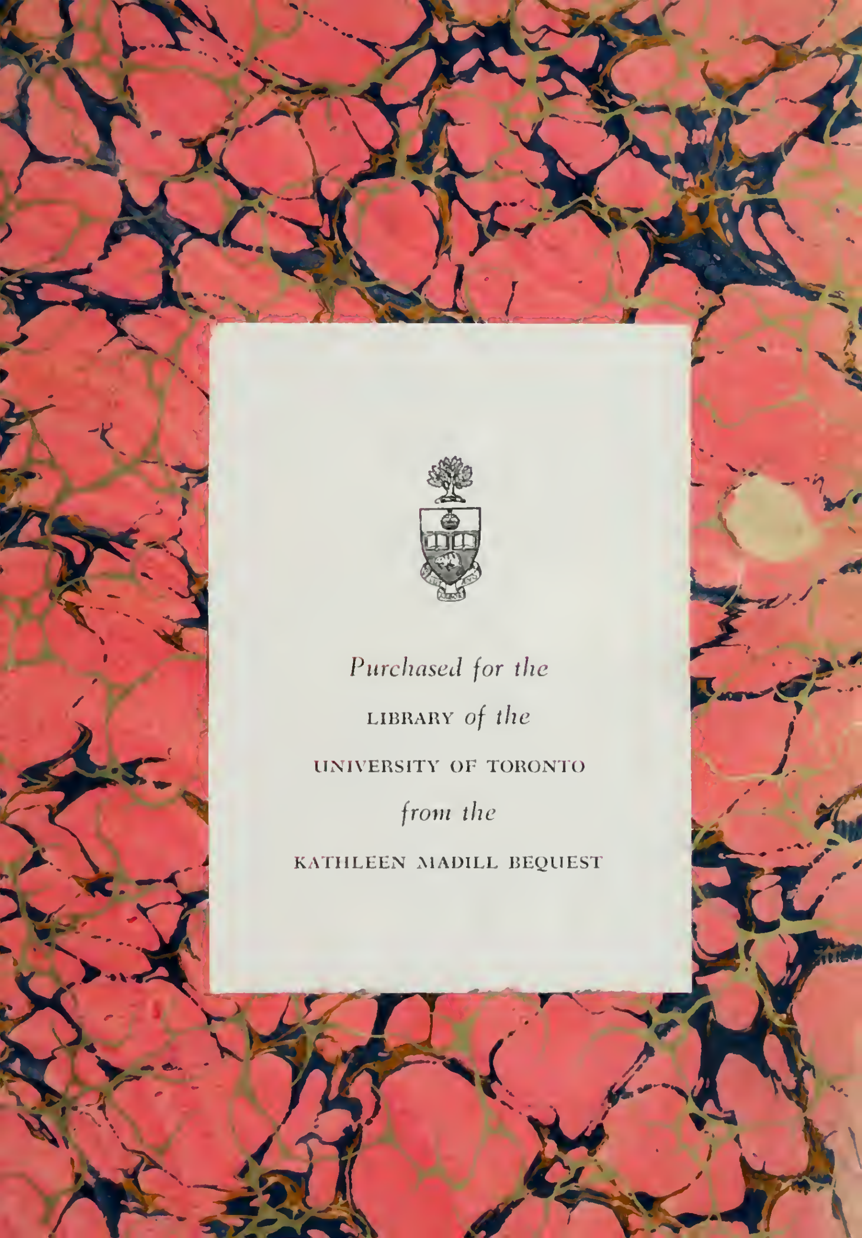
EX. LIBRIS
de SAVITSCH



Соч. Г. Ѳ. Квитки-Основьяненко.

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Е. А. ГУБАНОВА.
1894.

Печатано безъ предварительной цензуры.

Типогр. Е. К. Гербекъ, Москва, Салтыковскій пер., д. Головкина.

ПАНЪ
ХАЛЯВСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тьфу ты пропасть, какъ я посмотрю!—Не наудивляешься, право, какъ свѣтъ измѣняется!... Да во всемъ: и въ просвѣщеніи, и въ обхожденіи, и во вкусѣ, и въ политикѣ, такъ что не успѣешь приглядѣться къ чему нибудь, смотри: уже опять новое. Вонъ, чтобъ не далеко ходить, у моего сосѣда, у Марка Тихоновича, отъ дѣда и отца домъ былъ обмазанъ желтою глиною; ну вотъ и былъ, вотъ мы всѣ смотрѣли, видѣли и знали, что онъ желтый; какъ вдругъ, поди! — онъ возьми его, да и выбѣли! И сталъ теперь бѣлый; вотъ какъ бумага. Кто ихъ знаетъ?—А всѣ сосѣдки поговариваютъ, что чуть ли это не молодая невѣстка—что недавно сына женили—такъ не она ли выкинула эта-

кую штуку? И то станется: она въ пансіонѣ воспитывалась, любитъ все перемѣнять.

Всѣ гоняются за просвѣщеніемъ. Дяденька мой, Ѳома Лукичъ, и сохрани Богъ подать одну свѣчу въ комнату!—„Тоска, голубчикъ, беретъ — тотчасъ скажетъ—при одной свѣчкѣ сидѣть: и на томъ свѣтѣ насидимся во тьмѣ, подавай побольше". Вотъ и подадутъ четыре свѣчи ему, да по двѣ въ проходную, да въ столовую, да сюда, да туда, анъ сколько въ вечеръ сгоритъ? А вѣдь что четыре свѣчи, то и фунтъ. А къ чему, а на что?—Мой двоюродный братецъ, Василій Дмитріевичъ, затѣялъ домъ о двѣнадцати покояхъ, да о двадцати окнахъ.—„Не люблю тьмы—разсуждаетъ братецъ мой—свѣтло, такъ свѣтло".—Такъ, ни слова. Но зимою каково? Лишнее окно зимнее, стекла, обмазка, да и дровъ больше нужно, нежели въ уютной объ одномъ-о-двухъ окнахъ комнатѣ. Сосѣдъ мой, Трофимъ Ивановичъ, ни одни имянины и рожденія въ семьѣ его не празднуются безъ плошекъ и смоляныхъ бочекъ. — „Пускай — говоритъ — всѣмъ свѣтло, когда я гуляю". — Такъ, мысль прекрасная! Но, дяденька, братецъ и сосѣдушка, сосчитайте, что у васъ на ваши прихоти лишняго въ годъ изойдетъ, такъ вотъ вамъ и просвѣщеніе! А по старинкѣ-бы? Передъ собою огарочекъ, гдѣ ночничекъ, а гдѣ изъ другой и третьей комнаты позаимствоваться свѣтомъ. Въ комнатахъ не окна, а окошечки; да и то въ залѣ—два, три, а у прочихъ и по одному. Къ чему бочки

и плошки? Была бы кухня исправна, найдутся усердные поздравители, и пожелаютъ столько, что и на два вѣка вдоволь. Такъ куда!...

Объ образованіи и говорить нечего. Взгляните на всѣхъ нашихъ паничей, пріѣзжающихъ на вакаціи изъ университета: тотъ ли образъ и подобіе у нихъ, какой былъ у насъ, отцовъ ихъ? Гдѣ—косы, гдѣ плетешки, гдѣ выстриженный и взъерошенный вержетъ?— Измѣнилось, измѣнилось образованіе!

Вкусъ также потерянъ. Гдѣ прежнія водки — красная мастихинная, кардамонная съ золотомъ, нибирная коричневая, зеленая? Еще только внесутъ этотъ судокъ съ шестью карафинами—и называвшійся прилично: кабачокъ — такъ по комнатамъ пойдетъ ароматъ, истинно ароматъ, какъ теперь обоняю. А когда станешь пить, то, право слово,—наслажденіе! Одной выпьешь, уже на другую позываетъ. Да выпивши, устъ не разведешь, такъ и слипнутся. А теперь? Хотя бы и у нашего предводителя, что это за водка? Совсѣмъ отличнаго колера, не прежняго вкуса. О винахъ говорить нечего. Хороши, канальскія, — да все уже не тотъ, не прежній вкусъ, которымъ мы наслаждались, пивши наши наливки!—Нѣтъ, именно, измѣнился вкусъ!

Политика приняла совсѣмъ другое направленіе — если говорить штатскимъ языкомъ—а просто, перемѣнилась вовсе. Прежде бывало такъ: святками, вотъ я и поѣду къ сосѣду, у кого, по очереди, всѣ съѣха-

лись. Вхожу, расшаркаюсь, всѣмъ общій поклонъ, да и пошелъ къ ручкамъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ подходить, какъ сидятъ въ рядъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, да и какая мнѣ нужда, что она незнакома? Всѣмъ дѣлаешь честь и бережешься, чтобы не пропустить ни одной и тѣмъ безъ умысла не обидѣть. Иная, пріѣхавъ недавно, не успѣла теплыхъ перчатокъ снять; по ряду подойдешь къ ней: вотъ она хвать-хвать за перчатку, рука вспотѣла, пальцы отекли, перчатка не слѣзаетъ; ужъ она и зубами тащитъ, ужъ она рветъ ее, а перчатка, хоть ты что, такъ не лѣзетъ!—Видишь, что бѣдная барышня мучится, вся вспотѣла, отъ конфузіи покраснѣла, какъ калина, сжалишься надъ нею, скажешь: — „Не безпокойтесь, сударыня! все равно, пожалуйте и такъ“. И хотя въ перчатку, да сдѣлаешь честь,—поцѣлуешь. Тутъ же, только тебя усадили за жирные пироги, изъ которыхъ сокъ такъ и течетъ отъ изобильной приправы масла и сметаны, вдругъ входитъ одна изъ дочерей хозяйскихъ, или и чужая барышня, которой не было при моемъ пріѣздѣ, и я съ нею не видался (т. е. не подходилъ къ ея рукѣ), то я бросаю пирогъ, и, какъ салфетки при завтракѣ не бываетъ, обтираю свой замасленный и засметаненный ротъ носовымъ платкомъ, а если позабылъ его дома, то ладонью, и подхожу къ ручкѣ новопришедшей барышни. Не дай Богъ кого пропустить! Тотчасъ прозовутъ гордымъ. Оно-таки и вѣжли-

во, политика того требуетъ: а теперь и политика измѣнилась!

Опредѣлился въ нашъ земскій судъ секретаремъ, изъ приказныхъ гражданской палаты, молодой человѣкъ, какъ бы ни было, губернскій секретарь. Вотъ, какъ нужный человѣкъ, мы давай его приглашать. Въ первый съѣздъ, вотъ у Тимофея Васильевича... нѣтъ, лгу—у Петра Степановича—смотримъ: онъ входитъ... вѣдь то-то и жаль! Роста и фигуры порядочной, — немного прихрамываетъ, но въ бланжевыхъ нанковыхъ, широкихъ брюкахъ; жилетъ—изъ красной аладжи, въ бѣлой, хорошо собранной манишкѣ; блестящія перламутровыя на ней пуговки и булавка съ изображеніемъ мухи — простой, но такъ натурально сдѣланной, словно вотъ живая прилетѣла и сѣла; сюртучекъ на немъ голубаго камлота, ловко сшитый, на распашку; по всему таки видно, что этотъ человѣкъ бывалъ въ губернскомъ городѣ въ лучшихъ обществахъ. Пожалуйте; къ чему это я его привелъ?.. Да! вотъ такой-то человѣкъ вошелъ въ наше общество, и... кивъ, кивъ головою на всѣ стороны и сѣлъ себѣ на первомъ попавшемся стулѣ, не давъ хозяину и припросить себя, чтобы сѣлъ. Не забудьте же что тутъ было дамъ и дѣвицъ слишкомъ около двадцати, и много ему уже знакомыхъ, а онъ ни къ одной не подошелъ... Ну, божусь-же вамъ честью, что ни къ одной не подошелъ. Не вѣрите, спросите у тѣхъ, кто тамъ былъ, всѣ вамъ то же скажутъ. Такъ вотъ —

теперешняя политика въ губернскихъ городахъ! Что-жъ? Этого мало. На него глядя, и наша вся молодежь по его слѣдамъ идетъ, и хоть ты разрекомендуй, что это дескать моя жена, а это молъ мои дочери, ничего не бывало! Подойдетъ къ самому носу хозяйки, и видитъ же, что та сняла уже перчатку и, почитай, руку протянула: нѣтъ! Онъ кивнетъ головой—и вся такова!— Бѣдныя наши барышни! хоть цѣлый день просиди въ перчаткахъ, никто не потревожитъ! Вотъ тебѣ и политика!

А обхожденіе?.. О! обхожденіе вывелось. Я на все буду вамъ — какъ выражается мой старшій внукъ — буду представлять факты. Обѣдалъ я въ губернскомъ городѣ у живущаго тамъ стариннаго моего пріятеля,—а, можетъ, и вы его знаете,—Осипа Дмитріевича. Что-жъ? Во весь обѣдъ, хоть бы онъ разъ всталъ, да обошелъ гостей, да припросилъ, чтобъ больше кушали и пили; и коли правду сказать, такъ и около себя сидящихъ не просилъ о томъ, самъ же кушалъ все исправно. Прежде же, когда, бывало, у него обѣдаютъ гости, такъ онъ не присядетъ, все обходитъ и все упрашиваетъ: „и это скушай, и того прибавь, и сего выпей“. Ну словомъ, изъ души претъ, а онъ умаливаетъ, а онъ суетъ, а онъ подкладываетъ; закормитъ, бывало, и запоитъ. Я, теперь сидя у него за обѣдомъ, надѣясь на прежнее обхожденіе, съ нѣкоторыми блюдами и рюмками пасовалъ, жду: вотъ хозяинъ встанетъ, подойдетъ, припроситъ... Не тутъ-

то было! — А оттого и всталъ съ порядочною проголодью. Впередъ таковъ не буду. Правиломъ поставилъ, что подаютъ,—ѣмъ и пью, не ожидая просьбъ хозяйскихъ—и всегда доволенъ. Но, какъ необходимо приноравливаться къ обычаямъ свѣта, или — какъ говорятъ внуки мои—идти за вѣкомъ, то я, по совѣту съ женою, отмѣнилъ и у себя всякое обхожденіе. На насъ глядя, и у сосѣдей оно отмѣнено. Пошли новые обычаи!

И съ нашихъ ли дней свѣтъ началъ измѣняться? Куда!.. Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ, и сколько я видѣлъ перемѣнъ! батюшки мои...

Какъ-то мы съ женою были въ разладѣ. Уединясь въ свой кабинетъ, я впалъ въ меланхолію и предался сравненіямъ, какъ бывало прежде, и какъ идетъ нынѣ, какъ обращались мой батенька съ маменькою, какъ онѣ были имъ послушны, и какъ, напротивъ, живу я, сынъ ихъ, съ своею женою, и уже не она мнѣ, а я ей послушенъ. Это завлекло меня въ глубь событій жизни моей; предавшись воспоминаніямъ и сравнивая прошедшее съ давно-прошедшимъ, а настоящее со всѣмъ вообще прошедшимъ, увидѣлъ большую разницу. Удивленіе мое подстрекнуло меня изложить все на бумагѣ, т. е. описать главнѣйшіе періоды жизни моей и любопытнѣйшіе эпохи или случаи. со мною встрѣчавшіеся. Пусть это будетъ старости въ наслажденіе, а юности вь наставленіе.

Начинаю съ начала, т. е. отъ самаго дѣтства моего.

У нашихъ батеньки и маменьки насъ, дѣтей, всего было: Потруся, Павлуся, Трофимко, Сидорушко, Офремушка, Егорушка и Сонька, Вѣрка, Надежда и Любка; шесть сынковъ-молодцовъ и четыре дочери—всего десять штукъ. Мы, сыновья, получили имена, по тогдашнему, по имени того дня, въ который рождались; а дочерей батенька желали имѣть по числу добродѣтелей и начали съ премудрости; были утѣшены, что уже, хотя въ супружеской ихъ жизни, явилась у нихъ любовь. Не смотря ни на что, маменька все увѣряли, что у нихъ долженъ быть еще сынъ; но когда батенька возражали на это, что уже и такъ довольно, и что не должно противъ натуры идти, то маменька, не понимая ничего, потому что Россійской грамоты не знали, настаивали на своемъ и даже открыли, что онѣ видѣли видѣніе, что у нихъ будетъ-де сынъ и коего должно назвать Дмитрюшею. Батенька повѣрили было маменькиному видѣнію, но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, начали возражать, что маменькѣ явилось ложное видѣніе. Маменька плакали (онѣ были очень слезливы; чуть услышатъ что печальное, страшное или не по ихъ чувствамъ и волѣ, тотчасъ примутся въ слезы; такая была ихъ натура) и увѣряли, что точно должно быть у нихъ сыну, но батенька рѣшительно сказали: „это у тебя, душко, мехлюдія!“ Такъ батенька называли меланхолію, которой приписывали всѣ несбыточныя затѣи. Тѣмъ и заключилось умноженіе нашего семейства къ пользѣ благосостоянія нашего.

Правду сказать, не всѣ сынки были молодцы: одинъ изъ насъ, Павлуся, былъ горбатъ отъ неприсмотра нянекъ, которыхъ за каждымъ изъ насъ было по двѣ, потому что батенька были богатый человѣкъ. Павлуся какъ-то оступился и упалъ съ крыльца, а крыльцо было высокое; съ него одинъ нашъ Сидорушка — о! да и проворная же былъ штука! — могъ только прыгать; слѣдовательно, можете посудить, какъ оно было высоко! Такъ вотъ съ этого-то крыльца Павлуся скатился внизъ и повредилъ себя. Няньки тогда не сказали маменькѣ, да уже на пятомъ году возраста его увидѣли, что у него горбъ растетъ сзади. Досталось же тогда нянькамъ! Я думаю, что если онѣ живы еще, то и теперь помнятъ благодарность батеньки и маменьки за присмотръ Павлуси.

Братъ Юрочка и сестра Любочка были у насъ послѣдніе. У всѣхъ насъ оспа была натуральная, и мы изъ рукъ ея вышли не вовсе изуродованными. Но у послѣднихъ брата и сестры оспа была прививная, о которой батенька прослышавъ, что она входитъ въ моду, захотѣли привить своимъ дѣтямъ. Для сего они приказали старому нашему Кондрату, который, по наслышкѣ, рвалъ зубы и оттого назывался „цылюрныкомъ“, такъ этому медику батенька, растолковавши, какъ они объ оспѣ слышали, приказали ему привить. Маменька плакали, убивались и нѣсколько разъ хотѣли сомлѣть (что теперь называется въ обморокъ упасть), однакожъ не сомлѣвали, а ушли въ другую

горницу и шепотомъ укоряли батеньку, что они тиранъ, живьемъ зарѣзываютъ дѣтей своихъ.

Батенька этого не слыхали, а если бы и слышали, то это бы ихъ не удержало. Они были очень благоразумны и почитали, что никто и ничего умнѣе ихъ не выдумаетъ; и маменька въ томъ соглашались, но не во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ далѣе.

Пожалуйте. Оспа пристала, да какая! Такъ отхлестала бѣдныхъ малютокъ и такъ изуродовала, что страшно было смотрѣть на нихъ. Маменька, когда увидѣли сихъ дѣтей своихъ, то, вздохнувши тяжело, покачали головою и сказали: — „А что мнѣ въ такихъ дѣтяхъ? хоть брось ихъ! Вотъ уже трехъ моихъ рожденій выкидываю изъ моего сердца, хотя и они кровь моя. Какъ ихъ любить наравнѣ съ прочими дѣтьми! Пропали только мои труды и болѣзни!“ И маменька навсегда сдержали слово: Павлусю, Юрочку и Любочку онѣ никогда не любили за ихъ безобразіе.

Насъ воспитывали со всѣмъ стараніемъ и заботливостью и, правду сказать, не щадили ничего. Утромъ всегда уже была для насъ молочная каша или лапша въ молокѣ, или яичница. Мяса по утромъ не давали, для здоровья, и хотя мы съ жадностью кидались къ оловяному блюду, въ коемъ была наша пища, и скоро уписывали все, но няньки подливали намъ снова и заставляли, часто съ толчками, чтобы мы еще ѣли,—потому, говорили онѣ, что маменька съ нихъ будутъ взыскивать, когда дѣти мало покушали

изъ приготовленнаго. И мы, напужась и собравшись съ силами, еще ѣли до самаго не-льзя.

Послѣ завтрака насъ вели къ батенькѣ челомъ отдать. а потомъ, за тѣмъ же, къ маменькѣ. Какъ же маменька любили плотно позавтракать и всегда въ одиночку безъ батеньки, то мы и находили у нея либо блины, либо пироги, а въ постные дни пампушки или горофяники; маменька и удѣляли намъ порядочныя порціи и приказывали, чтобы тутъ же при нихъ съѣдать все, а не носиться съ пищею, какъ собака-де.

Отпустивши прочихъ дѣтей, маменька удерживали меня при себѣ и тутъ доставали изъ шкафика особую, приготовленную отлично, порцію блиновъ или пироговъ съ изобиліемъ масла, сметаны и т. п. славностей. „Покушай, душко-Трушко (Трофимушка) — приговаривали маменька, гладя меня по головѣ: — старшіе больше ѣдятъ и тебѣ мало достается". Управившись съ этимъ, я получалъ отъ маменьки либо яблочко, либо какую нибудь сладость на закуску и всегда съ приказаніемъ:—„съѣшь тутъ, не показывай братьямъ; тѣ, головорѣзы, отнимутъ все у тебя". Такое отличіе вразумило меня, что я маменькинъ „пестунчикъ" (любимецъ), что и подтвердилось потомъ. Но за что я попалъ въ такую честь, хоть убейте меня, не знаю. Видно по маменькиной комплекціи.

Отдавши челомъ батенькѣ и маменькѣ, насъ высылали въ садъ пробѣгаться. Дворовые ребятишки насъ ожидали—и начиналась потѣха. Бѣгали въ запуски,

лазили по деревьямъ, ломали вѣтви, и, когда были на нихъ плоды, хотя бы еще только зародыши, то мы тутъ же ихъ объѣдали: разоряли птичьи гнѣзда, а особливо воробьиныя. Птенцамъ ихъ тутъ же откручивали головки, да и старымъ, когда излавливали, не было пощады. Насъ такъ и наставляли: маменька не одинъ разъ намъ изъясняли, что воробей между птицами тоже, что жидъ между людьми, и потому щадить ихъ не должно. Маменька хоть и не грамотная были, но имѣли отличную память: и въ старости не забывали исторій, слышанныхъ ими въ дѣтствѣ.

Среди такихъ невинныхъ игръ и забавъ насъ позовутъ обѣдать. Это всегда бывало къ полудню. Борщъ съ кормленною птицею, чудеснѣйшій, саломъ свинымъ заправленный и сметаною забѣленный—прелесть? Такихъ борщей я уже не нахожу нигдѣ. Я, по счастью моему, былъ въ Петербургѣ—не изъ тщеславія хвалюсь этимъ, а къ рѣчи пришлось —обѣдалъ у порядочныхъ людей и даже обѣдывалъ въ Лондонѣ, да не въ томъ Лондонѣ, что есть въ самой Англіи городъ, а просто большой домъ, не знаю почему Лондономъ называемый, такъ я и тамъ обѣдывалъ: духа такого борща не видалъ. Гдѣ ты, святая старина!

Къ борщу подавали намъ по большому куску пшенной каши, облитой коровьимъ масломъ. Потомъ мясо изъ борща разрѣжетъ тебѣ нянька кусочками на деревянной тарелкѣ и сверху еще присолитъ крупною, невымытою солью — тогда еще была натура; такъ и

уписывай. Потомъ дадутъ ногу большаго жирнѣйшаго гуся или индюка; грызи зубами, обгрызывай кость до послѣдняго, а жиръ — вѣрите-ли—такъ и течетъ по рукамъ: когда не успѣешь обсосать тутъ же рукъ, то и на платье потечетъ, — особливо, если нянька, обязанная утирать намъ ротъ, зазѣвается. Посмѣй же не съѣсть всего, что положено тебѣ на тарелку, то маменька, кромѣ того что станутъ бранить, а подъ сердитый часъ и ложкою шлепнуть по лбу: „Ѣшь, дуракъ, не умничай", и перестанешь умничать — и выскребаешь съ оловяной тарелки, или примешься выѣдать мясо отъ кости до послѣдней плевочки. Спасибо, тогда ни у насъ и нигдѣ не было серебряныхъ ложекъ, а все деревянныя: такъ оно и не больно, только загудитъ въ головѣ, какъ будто въ пустомъ котликѣ.

Послѣ обѣда батенька съ маменькой лягутъ въ спальнѣ опочивать, а дѣти въ садъ, на улицу, по деревьямъ, плетнямъ, крышамъ избъ и т. под. Когда же батенька и маменька проснутся, тогда позовутъ дѣтей къ лакомству. Тутъ намъ вынесутъ или орѣховъ, или яблоковъ, пастилы, повидла, или чего нибудь въ этомъ родѣ, и прикажутъ раздѣлиться дружно, поровну и отнюдь не ссориться. Что жъ? Только лишь Петруся, какъ старшій братъ, начинаетъ дѣлить и откладывать свою часть, мы, подстаршіе, въ крикъ, что онъ несправедливо дѣлитъ и для себя беретъ больше. Онъ насъ не уважитъ, а мы — цапъ-царапъ!

и принялись хватать безъ счета и мѣры. Сестры и младшія дѣти, какъ обиженныя въ этомъ раздѣлѣ, начнутъ кричать, плакать... Батенька, слышимъ, идутъ, чтобы унять и поправить безпорядокъ, мы, завладѣвшіе насильно, благимъ матомъ на голубятню; встащимъ за собой и лѣстницу, и, сидя тамъ, не боимся ничего, зная, что когда вечеромъ слѣземъ, то уже никто и не вспомнитъ о сдѣланной нами обидѣ другимъ.

Чтобы мы ни дѣлали между собой, раздѣлъ всегда оканчивался ссорою и въ пользу одного изъ насъ, что заставило горбунчика-Павлусю сказать одинъ разъ при подобномъ раздѣлѣ:—„Ахъ, душечки, братцы и сестрицы! какъ бы скорѣе вы всѣ померли, чтобы мнѣ не съ кѣмъ было дѣлиться и ссориться!“

Въ полдникъ намъ давали молоко, сметану, творогъ, яичницы разныхъ сортовъ — и всего вдоволь. Потомъ, къ вечеру, мы „подвечерковывали“: обыкновенно тутъ давали намъ холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, вновь зажареннаго поросенка и еще что нибудь подобное. А при захожденіи солнца, ужинать, галушки вздобные въ молокѣ, „квасокъ“ (особенное мясное кушанье съ лукомъ, и что за превкусное! Въ лучшихъ домахъ, за пышными столами, его не видать уже!), колбаса, шипящая на сковородѣ; и всегда вареники, плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною. Приказъ отъ маменьки былъ прежній:—„Ѣсть побольше; ночью-молъ не дадутъ“.

Описавъ домашнее наше времяпровожденіе, не излишнимъ почитаю изложить и о дѣлаемыхъ батенькою „банкетахъ" въ урочные дни года. И что это были за банкеты!... Куда! Въ нынѣшнее время и не приснится никому задать такой банкетъ, и тѣни подобнаго не увидишь; а еще говорятъ, что всѣ вдались въ роскошь! Да какая была во всемъ чинность и регула!...

Когда батенька задумывали поднять банкетъ, то заблаговременно объявляли маменькѣ, которыя, бывало, тотчасъ принимаются вздыхать, а иногда и всплакнутъ. Конечно онѣ имѣли къ тому большой предлогъ. Посудите: для одного банкета требовалось курей 50, утокъ 20, гусей столько же, поросятъ 10. Кабана непремѣнно должно было убить, нѣсколько барановъ зарѣзать и убить цѣлую яловицу. Все же—откормленное, упитанное зерномъ отборнымъ. Ахъ, какія маменька были мастерицы выкармливать птицу, или въ особенности кабановъ! Наврядъ-ли изъ теперешнихъ молодыхъ барынь-хозяекъ знаютъ всѣ способы къ тому, да и занимаются ли, полно, этою важною частью?—Повѣрьте моему слову, что когда, бывало, убьютъ кабана,—такъ у него, канальи, сала на цѣлую ладонь, кромѣ что все мясо проросло саломъ! А птица! пальцемъ можно было раздѣлять, а жиръ съ него во рту не помѣщается, такъ и течетъ!

Надобно сказать, что маменька не вдругъ взялись къ хозяйству, и сначала много было смѣшныхъ съ

ними событій. Разскажу одинъ чувствительный анекдотъ. Вскорѣ послѣ замужества ихъ съ батенькою, пріѣхали къ нимъ семья сосѣдей, только пообѣдать. Маменька, чтобъ хорошенько ихъ угостить, призвавъ кухаря домашняго, приказали ему зарѣзать барана и изготовить что слѣдуетъ. Кухарь, усердный человѣкъ къ пользамъ господъ своихъ, началъ представлять резоны, что-де мы барана зарѣжемъ, да онъ весь не потребуется на столъ, половина останется и по лѣтнему времени испортится, надо будетъ выкинуть.—Такъ ты вотъ что сдѣлай,—сказали маменька, не долго думавши.—„Заднюю часть барана употреби на столъ, а передняя пусть живетъ и пасется въ полѣ, пока до случая". Кухарь такъ и расхохотался, а маменька принялись додумываться, что ему такъ смѣшно; да какъ додумались и увидѣли, что онѣ сказали нелѣпое и смѣшное, такъ махнули рукой, покраснѣли какъ вишневка и ушли отъ кухаря. Послѣ этого полно его держать, отпустили на свободу, а опредѣлили кухарку.

Пожалуйте, обратимся къ своему предмету. Вотъ какъ батенька объявятъ маменькѣ о банкетѣ, то сами пошлютъ въ городъ за „городскимъ кухаремъ", какъ всѣми назывался человѣкъ, въ рангѣ чиновника, всѣми чтимый за его необыкновенное художество и искусство приготовлять обѣденные столы; при томъ же онъ, при исправленіи должности, подвязывалъ бѣлый фартукъ и на голову вздѣвалъ колпакъ, все до-

вольно чистое. Этотъ кухарь явится за пять дней до банкета и, прежде всего, начнетъ гулять. Извѣстно, что три дня ему должно было погулять прежде начатія дѣла. И чего бы онъ, въ эти три дня, ни спросилъ: должно все ему поставить; иначе онъ броситъ все, уйдетъ и ни за что уже не примется. Отгулявъ три дня, приступитъ къ работѣ. Узнавъ отъ батеньки, сколько предполагается перемѣнъ при столѣ, онъ идетъ съ маменькою въ сажи, гдѣ кормится живность, и выбираетъ самъ, какую ему будетъ угодно. Помню и теперь, какъ маменька стоятъ у дверей сажа и, приложа руки къ груди, жалостно смотрятъ на выборъ кухаря. Когда же онъ замѣтитъ жирнѣйшую изъ птицъ и обречетъ ее на смерть, тутъ маменька ахнутъ, оботрутъ слезку изъ глазъ и не вытерпятъ, чтобъ не шепнуть: „А, чтобъ ты самъ лопнулъ! Самую жирнѣйшую взялъ, теперь весь сажъ хоть брось!“ Впрочемъ маменька это дѣлали не отъ скупости и не жалѣя подать гостямъ лучшее, а такъ: любили, чтобъ всего было много въ запасѣ и чтобы все было лучшее. Онѣ бывало и гостямъ хвалятся, что благословенны природою, какъ изобиліемъ дѣтей, такъ и домашнимъ скотомъ, то есть, птицею и проч. На завтрашній день убылое мѣсто въ сажѣ наполнится птицами, которыя по времени также будутъ выкормлены, а о взятыхъ все-таки жалѣютъ. Неизъяснимо сердце, непостижимъ характеръ хозяекъ, подобныхъ маменькѣ!

Кухарь, при помощи десятка бабъ, взятыхъ съ ра-

боты, управляется съ птицею, поросятами, кореньями, зеленью; булочница дрожитъ тѣломъ и духомъ, чтобы опара на булки была хороша и чтобы тѣсто выходилось и булки выпеклись бы на славу; кухарка, въ другой кухнѣ, съ помощницами, также управляется съ птицею, выданною ей, но уже не кормленною, а изъ числа гуляющихъ на свободѣ, и приготовляетъ въ большихъ горшкахъ обѣдъ особо для конюховъ гостевыхъ, для казаковъ, препровождающихъ пана полковника и прочихъ пановъ; особо и повкуснѣе для мелкой шляхты, которые пріѣдутъ за панами: имъ не дозволено находиться за общимъ столомъ съ важными особами. Дворецкій, выдавъ для вычищенія большія оловяныя блюда съ гербами знаменитаго рода Халявскихъ и съ вензелями прадѣда, дѣда, отца папенькиныхъ и самого папеньки, самъ остритъ ножъ и другой про запасъ, для разбиранія при столѣ птицъ и другихъ мясъ. Ключникъ разливаетъ въ кувшины пиво и медъ, изъ вновь початыхъ бочекъ, изъ которыхъ пробы носилъ уже къ папенькѣ и, по одобренію ихъ, распредѣляетъ: изъ какихъ бочекъ подавать панамъ, изъ какихъ шляхтѣ, казакамъ, конюхамъ и проч. Изъ боченковъ же, особо стоящихъ и заключающихъ въ себѣ отличные меда, липецъ, сахарный и т. п., будетъ онъ выдавать къ концу стола, чтобы „уложить“ гостей. Конюха на конюшенномъ дворѣ принимаютъ лучшаго овса и ссыпаютъ его въ свои закрома; заботятся о привозѣ сѣна изъ лучшаго стожка и скидываютъ его

на конюшню, чтобы все это задать гостевымъ лошадямъ по пріѣздѣ ихъ, дабы люди послѣ не осуждали господъ: такіе-де хозяева, что о лошадяхъ и не позаботились.

Однимъ словомъ, всѣмъ и каждому пропасть дѣла и заботъ, папенькѣ и маменькѣ болѣе всѣхъ. Они, каждый, за всѣмъ смотрятъ по своей части, все наблюдаютъ, и бѣда конюху, если онъ принялъ овесъ не чисто вывѣянный, сѣно луговое, а не лучшее изъ степнаго; бѣда ключнику, если кубки не полны нацѣжены, для меньшаго стола худшаго сорта приготовлены напитки; бѣда булочницѣ, если страва (кушанье) для людей не такъ вкусна и не въ достаткѣ изготовлена. Одинъ „городской кухарь“ не подлежитъ осмотру: ему дана полная воля приготовлять что знаетъ по своему искусству, и дѣлать какъ умѣетъ и какъ хочетъ. За то уже, чего требуетъ, все въ точности спѣшатъ ему выдавать, хотя маменька и не пропустятъ, чтобъ не поворчать: „А, чтобъ онъ подавился! Какую пропасть требуетъ масла! а рыжу? а родзынковъ? видимо-невидимо! Охота же Мирону Осиповичу подпимать банкеты! Шутка ли: четыре раза въ годъ! Не напасешься ни съ чѣмъ; того и смотри, что разоримся вовсе“. Послѣднія слова маменька произносили шепотомъ, чтобъ батенька не слыхали; а то бы досталось имъ! Батенька хотя были и очень политичны, но когда уже имъ чего захачивалось, такъ уже поставятъ на своемъ. Маменька, не знавши еще хорошо ихъ комплекціи, лѣтъ пять,

бывало, принимаются спорить противъ нихъ; такъ что же?... Ну, не наше дѣло разсуждать, а знаетъ про то кофейный шелковый платокъ, который не разъ въ такомъ случаѣ слеталъ съ маменькиной головы, несмотря на то, что навязанъ былъ на подкапокъ изъ синей сахарной бумаги.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я говорилъ? да, о банкетѣ; такъ.

Вотъ въ этотъ торжественный день, прежде всего, утромъ еще, является команда казаковъ для почетнаго караула, поелику въ домѣ будетъ находиться самъ панъ полковникъ своею особою. При этой командѣ всегда находятся сурмы (трубы) и бубны (литавры). Команда и устроитъ свой караулъ.

По прошествіи утра, днемъ, попозже, такъ часу въ десятомъ по полуночи, съѣзжаются званые гости. А кого только батенька не звали на банкетъ къ себѣ? Верстъ за пятьдесятъ посылали, никого не пропустили, да всѣ же и собрались. Неприлично же было такую персону, какъ былъ въ то время его ясновельможность, панъ полковникъ, угощать при двадцати только человѣкахъ; слѣдовало и звать, чести ради гостя, хоть сотню, слѣдовало-же всѣмъ и пріѣхать изъ уваженія къ такому лицу, и сдѣлать честь батенькѣ, немаленькому пану по достатку и знатности древняго рода. Кто не имѣлъ на чемъ пріѣхать, тотъ пѣшкомъ пришелъ съ семействомъ, принеся въ узлѣ нарядное платье, потому что тутъ въ простомъ невозможно

было-бы показаться. Да посмотрѣли бы вы, какъ всѣ гости разряжены, разубраны. Мужской полъ въ славныхъ суконныхъ черкескахъ темныхъ цвѣтовъ, рукава съ велетами, т. е. назадъ откидными; подъ ними кафтанъ глазетовый, блестящій. Много-много когда уже на комъ моревый; то платье... знаете, что при дамахъ неприлично называть, — краснаго сукна, широкое; пояса блестятъ точно кованые; за поясомъ, на золотой или серебряной цѣпочкѣ, ножъ съ богатою оправою; сапоги сафьяна краснаго, желтаго или зеленаго; а кто пощеголеватѣе, такъ и на высокихъ подковахъ; волоса красиво подбриты въ кружекъ, усы приглаженые, опрятные, какъ называли тогда „чепурные“. А женскій полъ, въ свою очередь,—это прелесть! Кунтуши богатѣйшей парчи, такой, что и не согнешь; на стану перехвачено, сутою сѣткою выложено; корсеты глазетовые; запясочки заморскихъ пестрыхъ матерій, плотныхъ какъ лубокъ. На головахъ кораблики или очипки парчи сутой, какъ жаръ горятъ! Нынѣшнія дамы не смѣли бы и надѣть корабликъ или очипокъ. На шеѣ намиста, намиста! дукатовъ, еднусовъ, крестовъ!... Господи, Твоя воля! дѣвушки иныя для полегкости безъ кунтушей, въ однѣхъ юбкахъ, т. е. корсетахъ и... какъ бы вамъ пополитичнѣе сказать?... не стѣсняя натуры или природы,—безъ рукавовъ; но за то, какіе рукава ихъ рубашекъ—это заглядѣніе: тонкаго холста, кисейные, какіе можно вообразить. Да все это вышито преискусно разныхъ цвѣтовъ шелками, золотомъ,

серебромъ. Головы убраны,—на удивленіе, какъ прелестно! Косы заплетены мельчайшими пасмами, свиты вѣнкомъ и уложены на макушкѣ, а по лбу положены, одна на другой, разныхъ цвѣтовъ ленты, а поверхъ ихъ золотой газъ сутой... Ну, однимъ словомъ, это прелесть! Ножки въ суконныхъ чулочкахъ, бѣлыхъ или синихъ; башмачки красные на колодочкахъ. Изъ-подъ шелковой плахты виднѣется „ляхавка“, т. е. подолъ сорочки, такимъ же узоромъ вышитый, какъ рукава... Такъ этакая краля невольно обратитъ глаза на себя одна,—а тутъ ихъ собралось десятками! Не подумайте, что онѣ изубыточились и дѣлали себѣ наряды для нашего банкета. Совсѣмъ нѣтъ! Каждая все это получила отъ матери, а та отъ своей матери, и такъ все выше; теперь носитъ сама и передастъ будущимъ своимъ дочерямъ и внукамъ. Теперешніе сборы на банкетъ не стоили имъ ничего болѣе, какъ кружки ключевой воды, чтобы умыться; а одѣлись во все готовое. Да какъ же онѣ хороши! Какой здоровый цвѣтъ въ лицахъ! какой яркій живой румянецъ въ щекахъ! какая свѣжесть въ прелестныхъ глазахъ! Не мудрено: онѣ ложатся спать въ вечеру и съ солнцемъ встаютъ; онѣ...

(Тутъ все, написанное мною, моя невѣстка, втораго сына жена, женщина модная, воспитанная въ пансіонѣ мадамъ Грос-вашъ зачернила такъ, что я не могъ и разобрать, а повторить—не вспомнилъ, что написалъ-было. Ну, да и нужды нѣтъ. Мы и безъ того всѣ знаемъ все. Гмъ!)

Вотъ такіе-то гости собрались и сидятъ чинно. Такъ, уже къ полудню, часовъ въ одиннадцать, сурмы засурмили, бубны забили—ѣдетъ *самъ*, ѣдетъ вельможный панъ полковникъ въ своемъ берлинѣ; машталеръ то и дѣло хлопаетъ бичемъ на четверню вороныхъ коней, въ шорахъ посеребреныхъ, а они безъ фореса, по теперешнему форейтора, идутъ на однихъ возжахъ машталера, сидящаго на правой коренной. Уборъ на машталерѣ и кожа на шорахъ зеленая, потому что и берлинъ былъ зеленый.

Батенька съ маменькой вышли встрѣчать его ясновельможность на рундукъ, т. е. на крыльцо. Батенька бросились къ берлину, отворили дверцы и принимали пана полковника, который вылѣзалъ, опираясь на батеньку. Тутъ батенька поцѣловали ему руку, а онъ—это право я самъ видѣлъ и никому не лгу—онъ, вылѣзши, обнялъ батеньку. Маменька на рундукѣ очень низко поклонились пану полковнику, и когда онъ взошелъ на нашъ высокій рундукъ, бросились также, чтобъ поцѣловать его руку, но онъ охватилъ и допустилъ маменьку поцѣловать себя въ уста. Этимъ началъ онъ давать знать, что недавно былъ въ Петербургѣ и видѣлъ тамошнюю политику. За такую отличную честь маменька опять ему пренизко поклонились и униженно просили его ясновельможность осчастливить ихъ убогую хижину своимъ присутствіемъ. Полковникъ просилъ ихъ идти впередъ; но маменьку—нужды нѣтъ, что онѣ были такъ-нѣсколько простова-

ты—гдѣ надобно, трудно было ихъ провести: хотя онѣ и слышали, что панъ полковникъ проситъ ихъ идти впередъ, хотя и знали, что онъ вывезъ много Петербургской политики, никакъ-же не пошли впереди пана полковника и, идучи сзади его, взглянулись съ батенькою, на лицѣ котораго сіяла радостная улыбка отъ ловкости маменькиной.

Въ сѣняхъ пана полковника встрѣтилъ весь мужской полъ, стоя по чинамъ и отдавая честь поклонами; при входѣ же въ комнату весь женскій полъ встрѣчали его у дверей, низко и почтительно кланяясь. Панъ полковникъ, вопреки понятій своихъ о политикѣ, заимствованной имъ въ Петербургѣ, по причинѣ тучности своей, тотчасъ усѣлся на особо приготовленное для него съ мягкими подушками высокое кресло и началъ предлагать дамскому полу также сѣсть, но онѣ никакъ не поступали на это, а только молча откланивались. Наконецъ, когда онъ объявилъ, что, бывши въ Петербургѣ, ко всему присматривался и очень ясно видѣлъ, что женщины тамъ сидятъ даже при особахъ въ генеральскихъ рангахъ, тогда онѣ только вынуждены были сѣсть, но и сидѣли—себѣ на-умѣ: когда панъ полковникъ изволилъ которую о чемъ спрашивать, тогда она спѣшила встать и, поклонясь низко его ясновельможности, опять садилась, не сказавъ въ отвѣтъ ничего. Къ чему же было и отвѣчать? Если отвѣтъ долженъ быть утвердительный, то это и безъ рѣчей показывалъ поклонъ; если же слѣдовало воз-

разить что папу полковнику, то, не осмѣливаясь на такую дерзость, изъявляли это поклономъ. Гдѣ увидишь теперь эту утонченную вѣжливость? У нашихъ молодыхъ людей? Ой, ой, ой! Не говорите мнѣ про нихъ!

Замѣтно батенька были окуражены, что панъ полковникъ изволилъ быть веселъ. Услышавъ громко и пріятно поющаго чижа въ клѣткѣ, онъ похвалилъ его; какъ тутъ же батенька, низко поклонясь, сняли клѣтку и, вынесши, отдали людямъ пана полковника, чтобъ приняли и бережно довезли до дома „какъ вещь, понравившуюся его ясновельможности“.

Панъ полковникъ, разговаривая со старшими, которые стояли у стѣны и отнюдь не смѣли садиться, изволилъ закашляться и плюнуть впередъ себя. Стремительно одинъ изъ бунчуковыхъ товарищей, старикъ почтенный, бросился и почтительно затеръ ногою плеванье его ясновельможности: такъ въ тотъ вѣкъ политика была утонченна!

Немного съ-годомъ (спустя нѣсколько), дворецкій внесъ большой подносъ, кругомъ уставленный серебряными, позлащеными чарками; а на другомъ подносѣ несли хрустальные—помню, купленные батенькою у приходившаго къ намъ съ товарами цесарца—карафины, наполненные разныхъ сортовъ, вкусовъ и цвѣтовъ водками, нарочно для сего маменькою приготовленными. Водки не подносили никому, пока батенька и маменька изъ своихъ рукъ не просили пана пол-

ковника. Когда онъ изволилъ принять въ руки чарку, тогда только начали подносить гостямъ, и каждый наливалъ себѣ желаемой водки, а батенька не переставали упрашивать каждаго, чтобы пополнѣе наливали.

Панъ полковникъ былъ политиченъ. Онъ не пивши держалъ чарку, пока всѣ не налили себѣ, и тогда принялся пить. Всѣ гости смотрѣли на него: и если бы онъ выкушалъ всю чарку разомъ, то и они выпили бы также; но какъ полковникъ кушалъ прихлебывая, то и они не смѣли выпивать прежде его. Когда онъ изволилъ морщиться, показывая крѣпость выкушанной водки, или цмокать губами, любуясь вкусомъ водки, то и они всѣ дѣлали тоже изъ угожденія его ясновельможности.

Панъ полковникъ, выкушавши водку, изволилъ долго разсматривать чарку и похвалилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ чарка была отличная: большемѣрная, тяжеловѣсная, жарко вызолоченная и съ гербомъ Халявскихъ. Политика требовала и чарку отдать пану полковнику, что батенька съ удовольствіемъ и исполнили.

Вслѣдъ за тѣмъ панъ полковникъ прошенъ выпить по другой чаркѣ. При чемъ батенька съ униженнымъ поклономъ докладывали: „Осмѣливаюсь нижайше доложить вашей ясновельможности, что по первой не закусываютъ“—и на сей разъ пану полковнику поставили другую чарку такую же, и онъ выкушать—выкушалъ полную, но уже не хвалилъ чарки. Ему по-

слѣдовали и прочіе гости, разумѣя одинъ мужской полъ, поелику женщинамъ и подносить не смѣли; онѣ очень чинно и тихо сидѣли, только повертывая пальчиками одинъ около другаго;—мода эта вошла съ незапамятныхъ временъ, долго держалась, но и это уже истребилось и пальчики женскаго пола покойны, не вертятся!—или кончикомъ вышитаго платочка махали на себя, потому что въ комнатѣ было душно отъ народа.

Еще немного съ-годомъ батенька подступили къ пану полковнику съ докладомъ, что „поставивши-де тарелки, не соблаговолите-ли ваша ясновельможность по чаркѣ горѣлки?“ Тутъ панъ полковникъ, приставши, сказалъ: „погодите“ и пошли. Имъ пожелалось прогуляться. Такова была ихъ натура. Лишь только панъ полковникъ всталъ, то и весь женскій полъ поднялся, т. е. съ своихъ мѣстъ; а панъ полковникъ, въ сопровожденіи батеньки вышедъ въ сѣни, закричалъ караульнымъ: „а нуте же—сурмите, сурмите: вотъ—я иду!“ и разомъ на сурмахъ и бубнахъ отдавали ему честь до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратился въ покои. Что значитъ высокій рангъ!

Пожалуйте. Прежнимъ порядкомъ выпито было и по третьей чаркѣ—и вдругъ засурмили и забубнили уже въ сѣняхъ въ знакъ того, что пора къ обѣду, и первая перемѣна стола уставлена.

Столъ былъ приготовленъ въ противной комнатѣ, т. е. расположенной чрезъ сѣни, насупротивъ той, гдѣ

находились до обѣда. По стѣнамъ были лавки и передъ ними столъ длинный, покрытый ковромъ и сверхъ скатертью длинною, вышитою по краямъ въ длину и на углахъ красною бумагою разными произвольными, отличными узорами. На столъ уставлены были часто большія оловяныя блюда или мисы, отлично, какъ зеркало блестящія, такъ вычищенныя, и всѣ съ гербами Халявскихъ, наполненныя, т. е. мисы, борщами разныхъ сортовъ. Для сидящихъ не было болѣе приборовъ, какъ оловяная тарелка, близъ нея большіе ломти хлѣба бѣлаго и чернаго, ложка деревянная, лакомъ покрытая—и все это, чрезъ всю длину, на обоихъ концахъ покрывало длинное полотенце, такъже вышитое, какъ и скатерть. Оно служило для вытиранія рукъ вмѣсто теперешнихъ салфетокъ. Столъ, кромѣ мисокъ, уставленъ былъ большими кувшинами, а иногда и бутылками, наполненными пивами и медами различныхъ сортовъ и вкусовъ,—и какіе это были напитки! Ей, истинно, не лгу; теперь никому и не приснится вкусъ такихъ напитковъ; а чтобъ сварить или приготовить, такъ и не говорите; никто и понятія не имѣетъ. Вообразите себѣ пиво тонкое, жидкое, едва имѣющее цвѣтъ желтоватый; поднесите-же къ устамъ, то уже одинъ запахъ манитъ васъ отвѣдать его, а отвѣдавши, вы уже не хотите оставить и пьете его, сколько душѣ вашей угодно. Сладко вкусно, пріятно, усладительно и въ головѣ не оставляетъ никакихъ послѣдствій!... А медъ? Это на удивленіе! Вы налили

его, а онъ чистый, прозрачный, какъ хрусталь, какъ ключевая вода. „Что это за медъ?“ сказали бы вы съ хладнокровіемъ, а можетъ еще и съ презрѣніемъ. Да подите-же съ нимъ! начните его кушать, т. е. пить, такъ отъ третьяго глотка вы именно не раздвинете губъ своихъ: онѣ такъ и слипнутся. Сколько сладости! А ароматъ какой! теперь ни отъ одной барыни нѣтъ такого благоуханія,—а откровенно сказать: когда онѣ выѣзжаютъ въ люди, такъ это онѣ точно имѣютъ. Нѣтъ, никто мнѣ не говори, гдѣ именно Россія; спорю и утверждаю, что она у насъ въ Малороссіи. Доказательство: когда Россіяне еще были Славянами (это я, непомню, гдѣ-то читалъ), то имѣли отличные меды, и только ихъ и пили. Когда какому народу хотѣлось попить меду, то они ѣхали къ Славянамъ. Въ великой Россіи такихъ медовъ, какъ у насъ въ Малороссіи, варить не умѣютъ: слѣдовательно, мы—настоящіе Славяне, переименованные потомъ въ Россіянъ... Но оставимъ ученыя разсужденія и возвратимся къ батенкиному банкету. Такъ извольте-же припомнить, что этакіе меды и пива стоятъ по всему столу. Увидите-же, что изъ этого послѣ выйдетъ.

Промежду кувшинами или бутылками стоятъ кружки, стопы и все серебряное, тяжеловѣсное, вычеканенное различными фигурами и миѳологическими, т. е. ложными божествами—и всѣ заклейменныя пышнымъ гербомъ Халявскихъ, прeискусно отработаннымъ.

Его ясновельможность, панъ полковникъ, изволилъ

садиться, по обычаю, на самомъ первомъ мѣстѣ, въ головѣ стола; подлѣ него не было приготовлено другаго мѣста, потому что никому же не слѣдуетъ сидѣть наравнѣ съ такою важнаго ранга особою. Женскій полъ замужній садились, по чинамъ своихъ мужей, на лавкахъ у стѣны. „Хозяинъ долженъ былъ крѣпко наблюдать, чтобы пани есаулова не сѣла какъ нибудь выше пани бунчуковой товарищки; если онъ замѣтитъ такое нарушеніе порядка, то долженъ просить пани есаулову пересѣсть пониже; въ противномъ случаѣ ссора вѣчная у мужа униженной жены съ хозяиномъ банкета и съ есауломъ, мужемъ зазнавшейся; а если онъ ему подчиненъ, то мщеніе и взысканіе по службѣ.“ Послѣ усѣвшихся женщинъ садились дѣвушки также по чинамъ отцовъ своихъ. Мужчины, и все-же по чинамъ, садились на скамьямъ или „ослонахъ“ противъ женскаго пола. Хозяинъ банкета садился на самомъ концѣ стола, чтобы удобнѣе вставать по разнымъ надобностямъ. Хозяйка-же не садилась вовсе; она распоряжала отпускомъ блюдъ и наблюдала за всѣмъ ходомъ банкета. Нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ, прилично случаю убранныхъ, въ своемъ національномъ, свободномъ вездѣ нарядѣ—тогда не умѣли еще стѣснять и снуровать—какъ бы это сказать?.. ну, натуры или природы—такъ стояли онѣ въ углу, близъ большой печи, въ готовности исполнять требованія гостей. Хозяйкинъ глазъ наблюдалъ и за ними—и бѣда дѣвкѣ, зазѣвавшейся до того, что гость самъ скажетъ: „Дѣв-

чино! подними мнѣ хлѣбъ или ложку,“ или что нибудь потребуетъ. Маменька бывало изъ другой комнаты кивнутъ пальцемъ на виновную—а иногда имъ и покажется, что она будто виновата—такъ вызвавши схватятъ ее за косы и тутъ-же ну-ну-ну-ну! да такъ ее оттреплютъ, что дѣвка нескоро и въ разумъ придетъ. По щекамъ же, въ такомъ случаѣ, никогда не били, чтобъ предосудительные звуки не дошли до слуха гостей. Проученная, поправивъ косы и все разстроенное, опять является на свое мѣсто и стоитъ какъ свѣча.

Вотъ какъ усѣлись—и всѣ смотрятъ на пана полковника. Онъ снялъ съ тарелки ручникъ или полотенце, положилъ къ себѣ на колѣни—и всѣ гости, обоихъ половъ, сдѣлали то же. Онъ, своимъ ножемъ, бывшимъ у него на цѣпочкѣ, отрѣзалъ кусокъ хлѣба, посолилъ, съѣлъ и, взявъ ложку, хлебнулъ изъ миски борщу, перекрестился—и всѣ гости за нимъ повторили то же, но только одинъ мужской полъ. Женщины же и дѣвушки не должны были отнюдь ѣсть чего либо, но сидѣть неподвижно, потупивъ глаза внизъ, никуда не смотрѣть, не разговаривать съ сосѣдками; а могли только, по утреннему, или пальчиками мотать, или кончикомъ платка махаться; иначе противъ нихъ сидящіе панычи осмѣютъ ихъ и разславятъ, такъ что имъ и просвѣта не будетъ, стыдно будетъ и глаза на свѣтъ показать.

Послѣ первой ложки пошли гости кушать, какъ и

сколько кому угодно. Противъ четырехъ особъ ставилась миска, изъ нея прямо кушали, выкидывая на тарелку, передъ каждымъ стоящую, косточку, муху или другое, что неприличное попадется. По окончаніи одного борща подавали другаго сорта. И сколькихъ сортовъ бывали борщи, такъ на удивленіе! Борщъ съ говядиною—или по тогдашнему, съ яловичиною; борщъ съ гусемъ, прежирно выкормленнымъ; борщъ со свининою; борщъ Собіескаго (бывшаго въ Польшѣ королемъ); борщъ Скоропадскаго (гетмана Малороссійскаго). Опять долженъ сдѣлать ученое замѣчаніе: по исторіи нашей извѣстно, что эти особы сами составили особаго рода борщи, и благодарное потомство придало этимъ блюдамъ имена изобрѣтателей. Рыбный борщъ печерскій, бикусъ, борщъ съ кормленною уткою... да уже и не вспомню всѣхъ названій борщей, какіе-бывало подаютъ.

Когда оканчивались борщи, то сурмы и бубны въ сѣняхъ возвѣщали окончаніе первой перемѣны. При звукѣ ихъ должно было оставить кушать и положить ложки. Гости мужскаго пола вставали съ своихъ мѣстъ и становились къ сторонкѣ, чтобы дать кухарю свободно дѣйствовать. Онъ забиралъ опорожненныя миски; а дѣвки, по знаку маменьки, изъ другой комнаты поданному и съ прикрикомъ: „дѣвчата! а ну-те заснули?“—опрометью кидались къ столу, собирали тарелки, сметали руками со стола хлѣбныя крошки, кости и проч., устроивали новые приборы и, окончивъ все,

отходили въ сторону. Тутъ, при новомъ звукѣ сурмъ и бубенъ, являлся кухарь съ блюдами второй перемѣны и уставлялъ ими столъ, и тогда вставшій мужской полъ садился по прежнему.

За симъ подносилась водка; панъ полковникъ и гости прошены были выпить предъ второю перемѣною.

Вторую перемѣну составляли супы, также разныхъ сортовъ и вкусовъ: супъ съ лапшею, супъ съ рыжемъ и родзынками (сарачинское пшено и изюмъ) и многіе другіе, въ числѣ коихъ былъ и супъ историческій, подобно борщу, носившій названіе: „Леопольдовъ супъ,“ изобрѣтенія какого-то маркграфа Римской имперіи, но какого не знаю. Любопытные могутъ узнать навѣрное изъ историческихъ разсмотрѣній критикъ и споровъ ученыхъ мужей.

При началѣ второй перемѣны панъ полковникъ, а за нимъ и всѣ гости, все же мужскаго пола, облегчали свои пояса. При первой и второй перемѣнахъ пили пиво или медъ, по произволенію каждаго.

Несмотря на то, что у гостей мужскаго пола нагрѣвались чубы и рдѣлись щеки еще при первой перемѣнѣ, батенька, съ самаго начала стола, ходили и, начиная съ пана полковника до послѣдняго гостя, упрашивали побольше кушать, выбирая изъ мисокъ куски мясъ и клали ихъ на тарелки каждому и упрашивали скушать все; даже вспотѣютъ, ходя и кланяясь, а все просятъ, приговаривая печальнымъ голосомъ, что конечно-де я чѣмъ прогнѣвалъ пана Чуп-

ринскаго, что онъ обижаетъ меня и въ ротъ ничего не беретъ? Панъ Чупринскій, крехтя, пыхтя и тяжело дыша, силится съѣдать положенное ему на тарелку, противъ силы, чтобы не обидѣть хозяина.

Мясо разрѣзывалось на тарелкѣ имѣвшимся у каждаго гостя ножемъ, а ѣли—за невведеніемъ еще вилокъ или виделокъ—руками.

Третья перемѣна происходила прежнимъ порядкомъ.

За третьею перемѣною поставились блюда съ кушаньями „сладкими“. То были: утка съ родзынками и черносливомъ на красномъ соусѣ, ножки говяжьи съ такимъ же соусомъ и съ прибавкою „миндалю“; мозги, разные сладкіе коренья, рѣпа, морковь и проч. и проч., все преискусно приготовленное. При сей перемѣнѣ панъ полковникъ снималъ съ себя поясъ вовсе, и батенька, поспѣшивъ принять его, бережно и почтительно несли и чинно клали на постель, гдѣ они (т. е. батенька съ маменькою) обыкновеннымъ образомъ опочивали. Гости мужскаго пола, снявъ свои пояса, прятали ихъ въ свои карманы, или передавали чрезъ столъ своимъ женамъ, а тѣ уже прятали у себя за корсетъ или куда удобнѣе было. При третьей перемѣнѣ поставлялись на столъ наливки: вишневка, терновка, сливянка, яблоновка и проч. и проч. Рюмокъ тогда не было и ихъ не знали, и ихъ бы осмѣяли, если-бъ увидѣли, а пили наливки тѣми же кубками и стопами, что пиво и медъ. Всякому предоставлялось выпить по волѣ и комплекціи.

Съ прежнимъ порядкомъ поставлена и четвертая перемѣна, состоящая изъ жареныхъ разныхъ птицъ, поросятъ, зайцевъ и т. п., соленые огурцы, огурчики уксусомъ прилитые, также съ чеснокомъ; вишни, груши, яблоки, сливы опошнянскія и другихъ родовъ — горами навалены были на блюда и поставлены на столъ. Чѣмъ столъ болѣе близился къ концу, тѣмъ усерднѣе батенька упрашивали гостей побольше кушать и пить, чтобъ ихъ послѣ не осуждали, что они не умѣли угостить. Уже на блюдахъ мало чего оставалось, но батенька и остатки подкладывали почетнѣйшимъ гостямъ, упрашивая „добирать все и оставить посуду въ чистотѣ“. Наконецъ, чтобъ заставить гостей долго вспоминать свой банкетъ, батенька упрашивали пана полковника и гостей уже обоихъ половъ выпить „на потуху“ по стаканчику медку. Тутъ же, пожалуйте, какая штука выйдетъ: въ продолженіе питья наливокъ, какъ уже къ пиву и меду не касались, искусно былъ подмѣненъ медъ медомъ же, но другаго свойства.

Прошенные гости, чтобы сдѣлать хозяину честь и доставить удовольствіе за его усердіе, помня, что медъ былъ отлично вкусенъ, охотно соглашались пріятнымъ напиткомъ усладить свои чувства. Медъ на видъ былъ тотъ же — чистый, какъ ключевая вода, и свѣтлый, какъ хрусталь. Вотъ они, наливши въ кубки, выпивали по полному. Батенька, поглотивъ свой смѣхъ, и поклонясь пану полковнику и всѣмъ гостямъ, вѣжли-

вымъ образомъ просили извиненія, что не угостили, какъ должно его ясновельможность и дорогихъ гостей, а только обезпокоили ихъ и заставили голодовать.

Панъ полковникъ, бывъ до того времени многорѣчивъ и неумолкаемъ въ разговорахъ со старшинами, близъ его сидящими, послѣ выпитія послѣдняго кубка меда онѣмѣлъ какъ рыба; выпуча глаза, надувался, чтобы промолвить хотя слово, но не могъ никакъ; замахалъ рукою и поднялся съ мѣста, а за нимъ и всѣ встали... Но вотъ комедія! встать-встали, да съ мѣста не могли двинуться и выговорить слова не могли. Это—надобно сказать—батенькинъ медъ производилъ такое дѣйствіе: онъ былъ необыкновенно сладокъ и незамѣтно крѣпокъ до того, что у выпившаго только стаканъ отнимался языкъ и подкашивались ноги.

Проказники батенька были! И эту штуку дѣлали всегда при концѣ стола и хохотали безъ памяти, какъ гости были отводимы своими женами или дочерьми; а въ случаѣ, если и жены испивали роковаго напитка, то и ихъ вмѣстѣ проводили люди.

Пана полковника, крѣпко опьянѣвшаго, батенька удостоились сами отвести въ свою спальню для опочиванія. Прочіе же гости расположились, гдѣ кто попалъ. Маменькѣ были заботы снабдить каждаго подушкою. Если же случались барыни, испившія медку, то ихъ проводили въ дѣтскую, гдѣ въ заперти сидѣли четыре мои сестры.

„Молодыя отрасли женскаго пола“, какъ ихъ ба-

тенька называли на штатскомъ языкѣ, а просто „паннычки", или, какъ теперь ихъ зовутъ, „барышни" выходили изъ дому и располагались на присбахъ играть въ разныя игры. Которая изъ нихъ была подогадливѣе, та привозила съ собою „креймашки", и всѣ, посадясь въ кружокъ, играли. Это превеселая и презанимательная игра! Креймашекъ есть ничто иное, какъ обдѣланный кружекъ изъ разбитыхъ тарелокъ или кафлей, величиною въ мѣдную копѣйку. Каждая панночка положитъ передъ собою одинъ креймашекъ, а другой кидаетъ вверхъ, и пока тотъ летитъ обратно внизъ, она должна схватить лежащій и уловить летящій. Въ эту презанимательную игру тогдашнія панночки игрывали хоть цѣлый день. А теперь гдѣ вы увидите, чтобы наши барышни занимались въ креймашки? Легко станется, что онѣ и понятія о нихъ не имѣютъ!.. Ужасъ какъ свѣтъ измѣнился.

Пожалуйте! Пока такъ занималась молодость женскаго пола, въ то время панычи, тутъ же на дворѣ, между собою боролись, бѣгали „на випередки" (въ запуски), играли въ мячъ, „въ скрагли"... Тоже не думаю, чтобы кто изъ теперешнихъ молодыхъ, даже благовоспитанныхъ юношей имѣлъ понятіе объ этой игрѣ! Выбиваешь изъ города (т. е. за черту) противной партіи палки; побѣдишь—и въ награду на побѣжденномъ ѣдешь верхомъ въ тріумфѣ въ завоеванный городъ. Сколько тутъ мыслей! поощренія къ под-

вигу! возмездія за ловкость! Это должно быть нѣчто изъ обычаевъ древнихъ Римлянъ.

А деркачъ? Вотъ игра: это умереть надо со смѣху. Вколачиваютъ колышекъ въ землю, и къ нему, на длинныхъ веревкахъ, привязываютъ двухъ панычей, и, обоимъ имъ завязавъ глаза, дадутъ въ руки одному крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленныя двѣ палочки, чтобы терчалъ ими. Вотъ одинъ терчитъ и бережется товарища; а тотъ также, невидя ничего, подкрадывается и хочетъ его ударить жгутомъ... и... пафъ!.. бьетъ по воздуху; а тотъ, изворотясь, терчитъ уже съ другой стороны... Тотъ бросается туда, а этотъ уходитъ сюда... Ну, ложатся, бывало, отъ смѣху! И попадетъ жгутъ деркача; такъ уже дубаситъ, дубаситъ, сколько душѣ угодно!.. Умора уморою!..

Ахъ, сколько было подобныхъ веселыхъ, острыхъ, замысловатыхъ игръ! И гдѣ это все теперь? Посмотрите на теперешнее юношество, такъ ли оно воспитано? Кожа да кости! Какъ образованы! Не распознаешь отъ взрослыхъ мужей. Въ чемъ упражняются? Наука да ученіе. Какъ ведутъ себя? Совсѣмъ противно своему возрасту... Объ этомъ предметѣ поговорю послѣ...

Вотъ панночки, соскучась, что панычи не пристаютъ къ нимъ и даже не обращаютъ на нихъ вниманія, приступаютъ къ хитростямъ: начинается между ними игра въ короли. „Король, король! что прикажете дѣлать?“ спрашиваетъ каждая у избраннаго изъ нихъ короля.

— У короля жены нѣтъ, отвѣчаетъ король.

Спрашивавшая должна бы цѣловать короля; но она кричитъ громко, чтобы панычи услышали: Вотъ еще выдумали что! Что намъ цѣловаться между собою? „Это будетъ горшокъ о горшокъ, а масла не будетъ.“ При чемъ нѣкоторыя глядятъ на панычей, подходятъ ли они къ нимъ: и если еще нѣтъ, то продолжаютъ маневры, пока успѣютъ привлечь ихъ къ себѣ.

Панычи съ разными обходами, наконецъ, подошли къ кругу панночекъ и просятъ „скуки ради“ принять ихъ до компаніи. Кружокъ раздвигается, панычи усѣлись между панночками, и начинается игра. Разными хитростями и явными неправдами король избранъ всегда изъ красивыхъ.

„Король, король! что прикажете дѣлать?“ спрашиваетъ первая, краснѣя, зная содержаніе приказанія.

Король отвѣчаетъ важно: „короля должно шановать (почитать) и всѣмъ панночкамъ по семи разъ цѣловать“.

„Вотъ выдумали! вотъ выдумали! Довольно бы и по два раза, а то по семи“, кричатъ бунтовщицы, но нечего дѣлать: каждая, обтирая губки, подходитъ къ королю, и ровно, ни больше ни меньше семи разъ, цѣлуетъ вѣрно, безъ фальши, счастливца—и спокойно возвращается на свое мѣсто.

„Въ стыдное мѣсто поцѣловать короля“ приказываетъ король другой. Всеобщій хохотъ, и всѣ смотрятъ на смутившуюся. „Что же? чего ты стала? ты

думаешь что? развѣ не знаешь?“ Такъ кричатъ ей подруги, и одна изъ нихъ предлагаетъ: „дай я за тебя исполню“.

Получивъ довѣренность, она подходитъ къ королю и свободно цѣлуетъ его въ обѣ щеки, мѣсто гдѣ обнаруживается стыдъ.

„Королю отпустить лентъ пять аршинъ“ приказывается третьей; и получившая такое приказаніе панночка подходитъ къ королю, беретъ его за руки и протягиваетъ ихъ, какъ будто мѣряя на аршинъ и цѣлуя при каждомъ отмѣриваніи.

„Собрать подать для короля“ и король съ спрашивавшею идетъ взыскивать съ каждой подать. Получаетъ поцѣлуй отъ каждой панночки и цѣлуетъ свою подругу, яко-бы складывая въ сумку подать.

— Да не щипайтесь же, паничу! вдругъ вскрикиваетъ изъ круга одна панночка, отодвигаясь отъ своего сосѣда.

— Я совсѣмъ не щипаю, а только щекочу—отвѣчаетъ проказникъ.

— И щекотить не прошу: я щекотки боюсь.

И много происходитъ тутъ веселыхъ шутокъ. Смѣхъ, забавныя рѣчи, острыя и умныя слова занимаютъ молодыхъ людей, которые и не замѣтятъ, какъ день пройдетъ.

А нынѣ въ какомъ обществѣ молодыхъ людей найдете подобное препровожденіе времени, подобныя за-

мысловатыя игры, веселость, свободу, умъ, удовольствіе?.. Все, все измѣнилось!

Но вотъ, часу въ четвертомъ съ полудня, панъ полковникъ и прочіе гости, выспавшись, сходятся въ большую комнату. Маменька, по заботливости своей, приготовили имъ изобильный полдникъ. Блины. вареники, яичницы, разныя мяса холодныя безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ. Теперь уже маменька хлопочутъ упрашивать гостей, чтобы поболѣе кушали, и каждому, впрочемъ по рангу гостя, подкладываютъ отличные кусочки, и поливаютъ масломъ и сметаною болѣе или менѣе, смотря на важность особы. Батенька же то и дѣло, что обходятъ гостей, прося о наливкахъ, которыя разныхъ цвѣтовъ, вкусовъ, сортовъ и родовъ разносятся въ изобиліи. По очищеніи блюдъ подносится „на потуху“ „вареная“... Вотъ опять не вытерплю, чтобы не сказать: гдѣ найдете у насъ этотъ напитокъ? Никто и составить его не умѣетъ. А что за напитокъ! Такъ я вамъ скажу: „вещь!“ что въ ротъ, то спасибо! Сладко такъ, что губъ не разведешь, такъ и слипаются; вкусно такъ, что и самый нектаръ не стоитъ противъ него ничего: благоуханно такъ, что я, въ бытность мою въ Петербургѣ, ни въ одномъ „козмантическомъ“ магазинѣ не находилъ подобныхъ духовъ. Дешево и ничего не стоитъ, потому что весь матеріалъ домашній: водка, ягоды разныя и нѣсколько ароматныхъ произведеній: перецъ, корица, лавровый листъ. Подп-

те же вы! И этотъ драгоцѣнный по благоуханію, здоровью, вкусу, и дешевый по матеріаламъ напитокъ откинули и погрязли въ винахъ, якобы заморскихъ, когда честью увѣряю, что всѣ эти вина съ мудреными названіями составляются тутъ же, на мѣстѣ, у насъ, и продаются по дорогой цѣнѣ на вредъ карманамъ и здоровью православныхъ. Сердце болитъ и душа стѣсняется!.. гдѣ ты, блаженная старина?...

Пожалуйте. Вотъ, какъ выкушиваютъ по нѣскольку чашекъ вареной, панъ полковникъ пожелаетъ проходиться по двору, осмотрѣть батенькину конюшню, скотный дворъ и другія заведенія. Пошелъ — и всѣ чиновники за нимъ; батенька предшествуетъ, а сурмы сурмятъ и бубны гремятъ въ честь полковника, но уже съ замѣтнымъ разладомъ, потому что изобильное угощеніе было и трубящимъ—какъ казакамъ, конюхамъ и всѣмъ съ гостями прибывшимъ людямъ.

На конюшнѣ и вездѣ панъ полковникъ осматривая что похвалитъ, то немедленно выводится прочь и сдается на руки полковничьимъ людямъ, нарочно для сего прибывшимъ. Батенька, отъ удовольствія, даже облизываются, что ихъ хозяйство одобряется паномъ полковникомъ.

Осмотрѣвъ все, возвращаются въ домъ, гдѣ маменька между тѣмъ угощали женскій полъ... чѣмъ вздумали; и какъ при этомъ не присутствовалъ никто изъ мужскаго пола, то, по натуральности, дѣло было на порядкахъ... И странно: передъ ними стоятъ орѣхи

калепые и мышеловки, яблоки, павидлы (медовыя варенья) разныхъ сортовъ и всякая такая мебель, а нашъ женскій полъ, раскраснѣвшись препорядочно, щекочутъ, балагурятъ, разсказываютъ одна другой разныя разности, и каждая, одна другой не слушая, продолжаетъ свое. Самый приходъ пана полковника имъ незамѣтенъ, и маменька, бѣгая отъ одной къ другой, удерживаютъ ихъ отъ разговоровъ. „Да замолчите же, пани обозная! да перестаньте же, пани бунчукова товарищка! Вотъ панъ полковникъ пришелъ". И въ силу въ силу ихъ ускромятъ.

Понявши. что панъ полковникъ здѣсь, утихнутъ и, какъ должно, вставши съ своихъ мѣстъ, начнутъ манериться: и улыбаются къ нему, платочками утираются, и хотя не къ чему, но все кланяются, пока его ясновельможность не соизволитъ сѣсть и, почти приказомъ, не усадитъ ихъ. Все лакомство со стола снято и поданы блюда „подвечерковать". Ветчина, солонина, буженина, полотки, соленыя перепелки и другія жареныя птицы украшаютъ столъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки принимаются гости „подвечерковать" и очищаютъ все при безпрестанномъ потчиваньѣ разными сортами пива и меду.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени. панночки, наигравшись въ короли, не имѣя чѣмъ заняться, „скуки ради" идутъ къ рѣкѣ, за садомъ протекающей, и тамъ купаются. А панычи „для забавки" идутъ въ проходку въ кустарники, за рѣкой противъ

самаго купанья находящіеся, и тамъ любуются разсматриваніемъ натуры или природы. Теперь, какъ уже старики, извѣстно, послѣ подвечеркованья должны уѣхать, то вотъ вся молодежь, освѣжившись купаньемъ и налюбовавшись натурою и природою, приходитъ къ общему собранію и снова не глядятъ другъ на друга, потому что не благопристойно при почтенныхъ особахъ показывать, что они знакомы между собою.

Окончивъ послѣднюю трапезу, панъ полковникъ встаетъ, чтобы уѣзжать. Берлинъ его поданъ. Машталеръ то и дѣло хлопаетъ бичемъ. Батенька подносятъ кубокъ, прося о полномъ, „чтобы въ оставляемомъ его ясновельможностью домѣ все было полно". При выходѣ въ сѣни, на порогѣ, подносится кубокъ, „чтобы хозяйскіе вороги (враги) не переступали черезъ пороги". На рундукѣ еще выпивается полный кубокъ, „чтобы изливалось изобиліе на все видимое хозяйство". Дойдя до берлина, панъ полковникъ прошенъ снова выпить „гладко", чтобы гладилась дорога его ясновельможности. Выкушавъ также до дна и сей кубокъ, панъ полковникъ обнимаетъ батеньку, а они, поймавъ руку его, цѣлуютъ нѣсколько разъ и благодарятъ въ отборныхъ, униженныхъ выраженіяхъ за сдѣланную отличную честь своимъ посѣщеніемъ и проч.; а маменька, также ухитрясь, схватили другую ручку папа полковника и, цѣлуя, извиняются, что не могли прилично угостить нашего гостя, проморили его цѣлый день голодомъ, потому что все недостойно было та-

кой особы и проч. Панъ полковникъ преисполненный... чувствами не можетъ ничего выговорить, а только машетъ рукою и силится поднять ногу, знаками показывая, что онъ хочетъ сѣсть въ берлинъ. Предстоящіе бросаются, поднимаютъ его и усаживаютъ. Тутъ батенька еще съ кубкомъ для пожеланія пану полковнику благополучнаго пути; панъ полковникъ, почесавъ чубъ, запинаясь, съ трудомъ произноситъ: „Вѣрно панъ-подпрапорный (батенька имѣли чинъ подпрапорнаго; я разскажу, какъ они его дослужились), вѣрно подноситъ того меду, что за обѣдомъ"... Батенька предузнали вопросъ его и подносили точно тотъ медъ. Панъ полковникъ, опорожнивъ кубокъ, тутъ же свалился на подушку, не сказавъ уже ни слова. Берлинъ тронулся, сурмы засурмили, бубны забубнили въ честь полковника, чего онъ однакоже слышать не могъ. За берлиномъ вели лошадей, бугаевъ, коровъ, везли кабановъ и все то, что понравилось у батеньки пану полковнику.

Проводивъ такого почетнаго гостя, батенька должны были уконтентовать прочихъ, еще оставшихся и желающихъ показать свое усердіе хлѣбосольному хозяину. Началось съ того, чтобы „погладить дорогу его ясновельможности". Потомъ благодарность за хлѣбъ-соль и за угощеніе. Маменька поднесли еще „ручковой" т. е. изъ своихъ рукъ. Потомъ пошло провожаніе тѣмъ же порядкомъ, какъ и пана полковника, до колясокъ, повозокъ, телѣжекъ, верховыхъ лошадей и

проч. и проч., и наконецъ всѣ гости до единаго разъѣхались.

А что? Просимъ покорно сказать мнѣ: есть ли теперь хоть тѣнь подобнаго пированья, искренняго, веселаго, чиннаго, изобильнаго? То-то и есть!

А вотъ, изволите видѣть, какъ батенька попали въ подпрапорные. Его ясновельможность, нашъ панъ полковникъ, послѣ трехъ-четырехъ банкетовъ у батеньки описаннымъ порядкомъ, началъ уважать батеньку, хотѣлъ вывести его въ сотники, потому что батенька были очень богаты какъ маетностями, такъ вещами и монетою; такъ-де такой сотникъ скомплектуетъ сотню на славу и весь полкъ закраситъ. Вотъ и прислалъ къ батенькѣ универсалъ, что онъ батеньку, за усердную службу, возводитъ на степень подпрапорнаго, съ обнадеживаніемъ и впредь дальней милости. Какъ же получили батенька этотъ универсалъ: Господи! что тутъ было! И разсказывать страшно!.. Ногами затопали, начали кричать гнѣвно, какъ будто въ глаза пану полковнику, и даже запѣнились... Послѣ, одумавшись, поѣхали къ пану полковнику и объяснили, что они служить не желаютъ, избѣгая отъ непріятеля наглой смерти, и что они нужны для семейства, и что они долго верхомъ ѣхать не могутъ, тотчасъ устанутъ, и тому подобныхъ уважительныхъ причинъ много представили. Но когда панъ полковникъ, даже побожась, увѣрилъ батеньку, что они въ походъ никогда не пойдутъ, то батенька и согласились остаться

въ военной службѣ; но сотничества, за другими охотниками, умѣвшими особымъ манеромъ снискивать милости полковника, батенька никогда не получили и, стыда ради, всегда говорили, что они выше чина ни за что не желаютъ, какъ подпрапорный, любили слышать, когда ихъ этимъ рангомъ величали, да еще и вельможнымъ, хотя, правду сказать, подпрапорный и въ сотнѣ „не много могъ“, а для постороннихъ и того менѣе.

Обращаюсь теперь къ продолженію описанія нашего воспитанія. Правду сказать, можно было благодарить батенькѣ, а еще болѣе маменькѣ: ихъ труды не втунѣ остались. Мы были воспитаны прекрасно: были такіе брюханчики, что любо-весело на насъ глядѣть: настоящіе боченочки.

Когда уже съ нами достигнуто до главнѣйшаго, т. е. когда обезпечено было наше здоровье, тогда начали подумывать о послѣдующихъ. Въ одинъ день, когда у батеньки разболѣлась голова отъ нашего шуму, и они досадовали, что нами переломаны были лучшія изъ прищепъ въ саду, такъ они, вздохнувши, сказали маменькѣ: „А что, душко, пора бы нашихъ хлопцевъ отдать учиться письму?“

Не могу и до сихъ поръ надивляться рѣшимости маменькиной. Онѣ были отъ природы сложенія горячаго, крикливаго, спорнаго, бранчиваго, такъ что и Господи! Но это бывало съ булочницами, птичницами, ключницами и прочими должностными, ей под-

чиненными лицами. Противъ батеньки же онѣ не смѣли никогда пикнуть. Даже до чего! кормленіе птицъ и кабановъ было подъ неограниченнымъ распоряженіемъ маменьки, и онѣ были къ этому дѣлу весьма склонны и искусны въ немъ, знали всѣ части по этой отрасли и не позволяли ничего перемѣнять. Но когда батенька вмѣшивались и приказывали что не въ попадъ, какъ и часто случалось, то маменька не противорѣчили и исполняли по волѣ батенькиной, хотя бы ко вреду самаго откормленнаго кабана — конечно, не безъ того, что, забившись къ себѣ въ опочивальню, перецыганятъ батенькино приказаніе, пересмѣютъ всякое слово его, но все это шепотомъ, чтобъ никто и не услышалъ. Кромѣ этого предмета, чего бы только батенька ни пожелали, ни потребовали, ни приказали, маменька, какъ законная жена, повиновались, спѣшили исполнить во всей точности требуемое и приказываемое, даже и въ мысляхъ не ворча на батеньку. Такъ я къ тому говорю: онѣ и въ любимой своей страсти не противорѣчили явно; но въ этомъ обстоятельствѣ, когда батенька напомнили о приступѣ къ ученію нашему, маменька вышли изъ своей комплекціи противъ батеньки. Конечно, и то надобно правду сказать, природа во всѣхъ тваряхъ одинакова: посмотрите на матерей изъ всѣхъ животныхъ, когда ихъ дѣтищамъ умышляютъ сдѣлать какое зло, тутъ онѣ забываютъ свое сложеніе, не помнятъ о своемъ безсиліи и съ остервененіемъ

кидаются на нападающихъ. Такъ поступили и маменька, когда увидѣли, что ихъ рожденію предстоитъ ужасное положеніе: отлучка изъ дома, невременная пища, принужденное сидѣніе, забота объ урокахъ и всего болѣе наказанія, необходимыя при ученіи. Онѣ, видя, что это касается уже ни къ какому нибудь гусаку, кабану или индѣйскому пѣтуху, а къ ихъ исчадію, вышли изъ себя, и видя, что матерія серьезная, начали кричать громко, и слова у нихъ сыпались скоро, примѣромъ сказать, какъ будто бы кто сыпалъ изъ мѣшка орѣхи на желѣзную доску. Такъ рѣзко и звонко онѣ въ отвѣтъ на батенькины слова закричали:

„Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Человѣкъ вы умный, и умнѣе васъ я въ свой вѣкъ никого не знавала и не видала; а что ни скажете, что ни сдѣлаете, что ни выдумаете, то все это такъ глупо, что совершенно надобно удивляться, плюнуть (тутъ маменька въ самомъ дѣлѣ плюнули) и замолчать“. Но онѣ плюнуть плюнули, а замолчать не замолчали и продолжали въ томъ же духѣ.

„Съ чего вошло вамъ въ голову морить бѣдныхъ дѣтей грамотою глупою и безтолковою? Развѣ я на то ихъ породила и дала имъ такое отличное воспитаніе, чтобы они надъ книгами исчахли? Образумьтесь, побойтесь Бога, не будьте дѣтоубійцею, не терзайте безвинно моей утробы!.....“ Тутъ маменька горько заплакали.

Я таки не наудивляюсь перемѣнѣ и батенькинаго обхожденія. Бывало, при малѣйшемъ противорѣчномъ словѣ, маменька не могли уже другаго произнести, ибо очутивались въ другой комнатѣ, разумѣется, противъ воли... но это дѣло семейное; а тутъ папенька смотрѣли на маменьку удивленными глазами, пыхтѣли, надувались, и какъ увидѣли слезы ея, то, конечно войдя въ материнскія чувства, сказали безъ гнѣва и размышленія, а такъ, просто, дружелюбно:

„А какъ же бы вы, Ѳекла Зиновьевна, думали, чтобы мои дѣтки росли дураками и ничего не знали?"

Тутъ маменька, хотя и видно было, что онѣ рѣшились на большія крайности, нежели очутиться даже въ сѣняхъ—материнское сердце!—увидя, что батенька сохраняютъ противъ нихъ мягкость, пріободрились и усилили свой крикъ:

„Поэтому и я дура—кричали онѣ:—и я ничего не знаю оттого, что не училась вашей глупой грамотѣ? Такъ и я дура? Дожилась у васъ чести за восемь лѣтъ супружеской жизни!.....

— То вы, душко, а то они......

„И не говорите мнѣ: все равно, все равно! Вы конечно глава: но я же не раба ваша, а подружіе. Въ чемъ другомъ я вамъ повинуюсь, но въ дѣтяхъ—*зась!* знайте: дѣти не ваши, а наши. Петрусь по осьмому году, Павлусѣ не вступно семь лѣтъ; а

Трушку (это я) что еще? только стукнуло шесть лѣтъ. Какое ему ученье? Онъ безъ няньки и пробыть не можетъ. А сколько граматокъ истратится, покуда они ваши дурацкія буки да вѣди затвердятъ! Да хотя и выучатъ что, такъ выросши все забудутъ".

Батенька призадумались и начали считать по пальцамъ наши годы отъ рожденія, коихъ никогда въ точности не знали, а прибѣгали къ этому вѣрному средству. И видно, что маменькинъ счетъ былъ вѣренъ, потому что они, подумавъ, почмокавъ — чѣмъ изъявлялась у нихъ досада—и походивъ по комнатѣ, сказали, что мы еще годикъ погуляемъ.

Маменька примѣтно обрадовались и, чтобы поддобриться къ батенькѣ, сказали: „какъ знаете такъ и дѣлайте. Вы мужской полъ, вы разумнѣе насъ".

Хитрыя же и маменька были! Видите, какъ онѣ поступили: крикомъ и слезами заставили батеньку отстать отъ своей мысли, да потомъ и говорятъ: „дѣлайте по своей волѣ... вы-де умнѣе"... Батенька и и повѣрили на чистоту и замѣтно весь тотъ день къ маменькѣ были мягкосердечны.

Да и шалили же мы и проказничали во весь льготный годъ! Сколько оконъ въ людскихъ перебили! Сколько у кухарокъ горшковъ перемолотили! Сколько жалобъ собиралось на насъ за разныя пакости! Но маменька запрещали людямъ доносить батенькѣ на насъ. „Не долго ужъ имъ погулять! говорили онѣ: пойдутъ въ

школу, перестанутъ. Пусть будетъ пмъ чѣмъ вспомнить жпзнь въ родительскомъ домѣ“.

Наконецъ пришло наше къ намъ. Не увидѣли, какъ и годъ прошелъ. Передъ Покровомъ-днемъ призванъ былъ нашъ стихарный дьячекъ, панъ Тимоѳтей Кнышевскій, и спрошенъ о времени, когда пристойнѣе начинается ученіе дѣтей.

Панъ Кнышевскій, кашлянувши нѣсколько разъ по обычаю дьячковъ, сказалъ: Вельможные паны и благодѣтели! Премудрость чтенія и писанія не ежеденно дается. Подобаетъ начать оную со дня пророка Наума, перваго числа декемвріа мѣсяца. Извѣстно, что отъ дней Адама, праотца нашего, какъ его сынъ, такъ и всѣ произшедшіе отъ нихъ народы и языки не иначе начинали посылать дѣтей въ школу, какъ на пророка Наума, еже есть перваго декемвріа; въ иной же день начало не умудритъ ничьихъ дѣтей. Сіе творится во всей вселенной.

Маменька и тому обрадовались, что хотя два мѣсяца еще погуляютъ, и скорѣе сказали: „когда жъ во всей вселенной съ того числа начинаютъ, такъ и намъ надобно дѣлать по ней“. Маменька были не грамотныя и потому не знали, что и онѣ во вселенной живутъ и заключаются; отъ того и сказали такъ... немножко... простовато... Но тутъ же выпросили у батеньки позволеніе торговаться съ паномъ Кнышевскимъ за наше обученіе—и послѣ долгаго торга положили: вмѣсто сорока алтынъ (120 коп.) отъ ученика платить

по четыре золотыхъ (80 коп.) и по мѣшку пшеничной муки за выучку Кіевской граматки съ заповѣдями; граматки должны быть наши. За меня же, какъ меньшого, мука выговорена не пшеничная, а гречневая, для галушекъ собственно пану Кнышевскому, и букварь его, а не нашъ.

Я былъ у маменьки „пестунчикъ" т. е. любимчикъ, за то, что во всякое время дня могъ все ѣсть, что ни дадутъ, и съѣдать безъ остатковъ. Только лишь сталъ разумѣть, то маменька открыли во мнѣ это достоинство и безмѣрно меня за то жаловали и хвалили предъ всѣми, что во мнѣ нѣтъ никакого упрямства. Если бы маменькина воля была, онѣ меня не отдали бы ни въ школу къ пану Кнышевскому и никуда не отпустили бы меня отъ себя, потому что имъ со мною большая утѣха была: какъ посадятъ меня подлѣ себя, такъ я готовъ цѣлый день просидѣть не вставая съ мѣста и не проговорить ни слова; сколько-бъ ни пожаловали мнѣ чего покушать, я все, безъ упрямства, молча, уберу и опять молчу. Маменька не нарадовались мною. Видя же необходимость пустить меня въ ученіе, онѣ, по окончаніи торга, позвавъ пана Кнышевскаго въ кладовеньку попотчивать изъ своихъ рукъ водкою на магарычъ, начали всеусерднѣйше просить его, чтобы бѣднаго Трушка, т. е. меня, отнюдь не наказывать, хотя бы и слѣдовало; если же уже будетъ необходимо наказать, такъ сѣкъ бы вмѣсто меня другаго кого изъ простыхъ учениковъ. За

это маменька тутъ же и отрѣзали ему пять локотъ (аршинъ около осьми) домашняго холста, немного согнившаго отъ неудачнаго бѣленья.

Маменька были такія добрыя, что тутъ же мнѣ и сказали: „Не бойся, Трушко; тебя этотъ цапъ (козелъ) не будетъ бить, чтобы ты ни дѣлалъ. Хотя бы въ десять лѣтъ этой поганой граматки не выучилъ, такъ не посмѣетъ и пальцемъ тронуть. Ты же, какъ ни придешь изъ школы, то безжалостному твоему отцу и мнѣ жалуйся, что тебя крѣпко въ школѣ били. Отецъ спроста будетъ вѣрить и будетъ утѣшаться твоими муками, а я притворно буду жалѣть о тебѣ“. Такъ мы и положили условіе съ маменькою.

И вотъ наступилъ роковой день! Перваго декабря насъ накормили выше всякой мѣры. Батенька, благословляя насъ, всплакнули порядочно. Они были чадолюбивы, да скрывали свою нѣжность къ намъ до сего часа; тутъ же не могли никакъ удержаться!... Приказывая намъ отнынѣ почитать и уважать пана Кнышевскаго, какъ его самого, родителя, а притомъ... Тутъ голосъ батенькинъ измѣнился—и они, махнувъ рукою, сказали: „послѣ“, перецѣловали насъ, обливая слезами своими, и ушли въ спальню.

Но маменька!... вотъ уже истинная мать! Что можетъ сравниться съ нѣжностію материнскаго сердца?... Онѣ плакали на-взрыдъ, выцѣловывали насъ, а потомъ принялись голосить и приговаривать точно какъ надъ умершими: „Ахъ, мои дѣточки-голубяточки! куда же

вы отправляетесь, мои соколики! Въ дальнюю сторону, въ дьячкову школу.... за этою проклятою наукою!... Никто васъ тамъ ни приголубитъ, ни приласкаетъ.... Замучатъ васъ глупымъ ученіемъ дурацкихъ книгъ.... Кого я буду прикармливать вкусными варениками?... Для кого изготовлю молочную кашу?...“ и много подобныхъ тому нѣжностей приговаривали весьма жалко, такъ-что и теперь, когда вспомню, меня жалость беретъ.

А какія маменька были хитрыя, такъ это на удивленіе! Тутъ плачутъ, воютъ, обнимаютъ старшихъ сыновей и ничего; меня же примутся оплакивать, то тутъ одною рукою обнимаютъ, а другою, изъ-за пазухи у себя, то бубличекъ, то пирожокъ, то яблочко.... я обремененъ былъ маменькиными ласками....

Петрусь-братъ шелъ охотою; Павлуся, бывъ всегда веселъ, тутъ что-то повѣсилъ носъ; я шелъ весьма равнодушно и старался идти за братьями, чтобы они не примѣтили, какъ я пожираю лакомства, маменькою мнѣ въ путь данныя. „Пропала батенькина мука̀ и четыре золотыхъ за мое ученье!“ такъ разсуждалъ я, пожирая яблоко, скрываемое мною въ рукавѣ, и куда я запрятавъ ротъ съ зубами, тамъ ѣлъ секретно, чтобы не примѣтили братья. Я имѣлъ какой-то благородный характеръ и не терпѣлъ принужденія къ тому, что мнѣ не правилось. Бывъ одинаковой натуры съ маменькою, я терпѣть не могъ наукъ, и потому тутъ же давалъ себѣ обѣщаніе какъ можно хуже учиться,

а что наказывать меня не будутъ, я это твердо помнилъ.

Со стороны маменькиной подобные проводы были намъ сначала ежедневно, потомъ все слабѣе-слабѣе: конечно онѣ уже попривыкли разлучаться съ нами; а наконецъ и до того доходило, что когда старшіе братья надоѣдали имъ своими шалостями, такъ онѣ бывало прикрикнутъ: „когда бъ васъ чортъ унесъ въ эту анаѳемскую школу!“ Батенька же были къ намъ ни се, ни то. Я же, бывши дома, отъ маменьки не отходилъ.

Пожалуйте, какъ же мы начали свое ученье. Большое строеніе, раздѣленное на двѣ половины длинными сѣнями; вотъ мы и вошли. Налѣво была хата и „комната“, гдѣ жилъ панъ-дьякъ Тимоѳтей Кнышевскій съ своимъ семействомъ, а направо большая изба съ лавками кругомъ и съ большимъ столомъ.

Панъ Тимоѳтей, встрѣтивъ насъ, ввелъ въ школу, гдѣ нѣсколько учениковъ, изъ тутошнихъ казацкихъ семействъ, твердили свои „стихи“ (уроки). Кромѣ насъ, панычей, въ тотъ же день, на Наума, вступило также нѣсколько учениковъ. Панъ Кнышевскій, сдѣлавъ намъ какое-то наставленіе, чего мы, какъ еще неученые, не могли понять, потому что онъ говорилъ свысока, усадилъ насъ и преподалъ намъ корень, основаніе и фундаментъ человѣческой мудрости. Азъ, буки, вѣди—приказано было намъ выучить до обѣда.

„А что ты мнѣ сдѣлаешь, если я не выучу?“ подумалъ я, увидѣвъ, что мнѣ никакъ не шли въ голову и странныя эти названія и непонятна была фигура этихъ каракулекъ. Я зналъ, что пану Кнышевскому отпущено было пять локотъ холста за то, чтобы онъ слѣдующее мнѣ наказаніе передавалъ другому, и потому, вовсе не занимаясь урокомъ, разсуждалъ съ сидѣвшимъ со мною казацкимъ сыномъ, осуждая все. „Къ чему эта грамота?“ разсуждали мы. „Чему научатъ эти крючки?“ Хорошо маменька дѣлаютъ, что не любятъ грамоты! Проклиная все ученіе и ученыхъ, выдумавшихъ его, мы, на зло азбукѣ, дали свои наименованія: азъ сталъ у насъ раскаряка, буки горбунъ съ рогомъ, вѣди пузанъ. Эти названія мы затвердили скоро, а подлинныя забыли и не старались вспомнить.

Время подошло къ обѣду, и панъ Кнышевскій спросилъ насъ съ уроками. Изъ насъ Петрусь проговорилъ бойко: зналъ назвать буквы и въ рядъ, и въ разбивку, и бокомъ ему поставятъ, и вверхъ ногами, а онъ такъ и дуетъ, и не ошибется, до того, что панъ Кнышевскій возвелъ очи горѣ и, положивъ руку на Петрусину голову, сказалъ: „Вотъ дитина!“ Павлусь не достигъ до него. Онъ зналъ разницу между буквами, но ошибочно называлъ и относился къ любимымъ имъ предметамъ: наприм. вмѣсто буки, все говорилъ „булки“ и не могъ иначе сказать.

Панъ Кнышевскій только вздохнулъ; потомъ призвалъ меня.

„Что это за слово?“ спросилъ онъ, указывая на азъ.

— А кто его знаетъ!—отвѣчалъ я съ духомъ, помня тайныя условія маменьки съ паномъ Кнышевскимъ.—Трудно какъ-то зовутъ этого раскаряку.

Гнѣвныя слова посыпались на меня изъ устъ пана Кнышевскаго. Насмѣшка, брань, упрекъ за дерзость мою, что я, вмѣсто православнаго наименованія, приложилъ ругательныя; наконецъ изрекъ онъ запрещеніе, чтобы я не ходилъ обѣдать, а все бы твердилъ свой урокъ.

Мнѣ обѣдъ не важенъ былъ, я накормленъ былъ порядочно; при томъ же изъ запасовъ, данныхъ мнѣ маменькою въ часъ горестной разлуки, оставалась еще значительная часть. Какъ же школа отстояла отъ нашего дома не близко, а я лѣнивъ былъ ходить, то я еще и радъ былъ избавиться двойной походки. Для приличія я затужилъ и остался въ школѣ заниматься надъ своимъ букваремъ, въ половину оборваннымъ.

Не много времени прошло, какъ гляжу, двѣ служанки отъ матушки принесли мнѣ всего вдоволь. Кромѣ обыкновеннаго обѣда въ изобильныхъ порціяхъ, маменька разсудили, „чтобы дитя не затосковалось“, утѣшить его разными лакомствами. Чего только не нанесли мнѣ! Панъ Кнышевскій по обѣдѣ отдыхалъ и не приходилъ въ школу до начала ученія; слѣдовательно я имѣлъ время кончить свое дѣло отличнымъ образомъ.

По ѣдѣ, мысли мои сдѣлались чище и разсудокъ изобрѣтательнѣе. Когда поворачивалъ я въ рукахъ букварь, мнѣ пришла счастливая мысль: „если бы не было буквъ, чтобы я училъ? слѣдовательно, если ихъ не будетъ, мнѣ нечего учить“. Подумалъ, рѣшился и исполнилъ. Несносныя азъ, буки, вѣди—одно за другимъ были мною вырваны, истерты пальцами и, чтобы не отыскались вскорѣ, зарыты мною въ уголъ школы. Я не только былъ покоенъ, но даже веселъ, не имѣя что учить.

Пришли братья и вся школа собралась. Началось послѣобѣденное ученіе. Кончилось. Подали уроки.... братья—куда! Къ *како* дошли. Ихъ расхвалили. Позвали меня.... „Гдѣ твои слова?“ возопилъ грозно панъ Тимоѳей, взглянувъ въ букварь.

— Не знаю—отвѣчалъ я почти смѣло, приготовясь къ отвѣту.

— Какъ не знаешь? Ихъ здѣсь не обрѣтается.

— Вѣрно выпали изъ граматки — сказалъ я и началъ шарить по полу.

— Выучилъ-ли ты ихъ?

— Выучилъ очень твердо, такъ вотъ же выскочили куда-то.

— Смотри сюда — возгласилъ панъ Кнышевскій, и представилъ предъ глаза мои другой букварь, въ коемъ ясно торчали и азъ, и буки, и вѣди, тѣ самыя, которыя я уничтожилъ. Я полагалъ, что уже и во всей вселенной не можно отыскать ихъ, а они, какъ вол-

шебники, возродились снова и явились цѣлыми, даже не измятыми!

Несмотря на прежнее мое увѣреніе, что я знаю урокъ, я не могъ поименовать ихъ. Отговорка, что какъ это не моя книжка и потому я этихъ словъ не училъ, не помогла. И панъ Кнышевскій повелѣлъ виновной руки пальцы сложить вмѣстѣ—и торжественно, съ какимъ-то припѣвомъ ударилъ линейкою по пальцамъ три раза.... О! вы не можете ни съ чѣмъ сравнить этой боли!!! Хорошо ли вы помните чувство, которое вы ощущали, когда сѣкли васъ? А уже вѣрно васъ сѣкли въ дѣтствѣ. Такъ повѣрьте, тридцать ударовъ розгою все не то, что эти три удара линейкою по пальцамъ. У-у-у, какъ больно!

Возвратясь домой, отдали мы въ своемъ ученьѣ отчетъ батенькѣ; братьевъ похвалили, а меня порвали за чубъ порядочно. За это маменька пожаловали мнѣ два маковника: одинъ за батенькину „скубку", а другой за дьячкову „палію". При чемъ маменька сказали: „Пусть толчетъ собачій сынъ, какъ хочетъ, когда безъ того не можно, но лишь бы сѣченьемъ не ругался надъ ребенкомъ". Не порадовало меня такое маменькино разсужденіе!

Начало ученья меня не потѣшило и еще болѣе усилило отвращеніе къ наукамъ. Иногда, не хвастаясь скажу, приходило какъ будто и желаніе что-нибудь выучить; но что-же? бьюсь-бьюсь, твержу-твержу, нейдетъ въ голову. Такъ и брошу. Братья уже бойко

читали шестопсалміе, а особливо Петруся—что это за разумъ былъ! цѣлый псаломъ прочтетъ безъ запинки, и ни въ одномъ словѣ не поймешь его; какъ трещотка — трррръ! — я же тогда сидѣлъ за складами. Братья оканчивали часословецъ, а я повторялъ: „здо, тло, мну, зду“ и то не чисто, а съ прибавкою такихъ словъ, какихъ невозможно было не только въ Кіевскомъ букварѣ, но ни въ какой тогдашней книгѣ отыскать.... Я про теперешнія ничего не говорю: свѣтъ измѣняется, и книги на что теперь похожи?

Ну те, пожалуйте. Вотъ я учусь плохо, а братья лѣзутъ впередъ; панъ же Кнышевскій беретъ плату и за меня, какъ будто за порядочно учащагося. На мою бѣду, онъ былъ совѣстливъ и, получая плату, хотѣлъ непремѣнно научить меня всему, чему самъ зналъ. „Не вотще же мнѣ получать деньги; „добьюсь“ у паца Трофима премудрости“. И точно, началъ ее „добиваться“. При первомъ разѣ, когда онъ нарушилъ свое условіе съ маменькою, т. е. когда положилъ меня на ослонъ (скамейку).... охъ! и теперь помню, какъ это больно!... я, пришедши домой, пожаловался маменькѣ, что панъ Кнышевскій не только бьетъ меня каждый день, но сегодня уже и высѣкъ. Что же маменька? Вообразили себѣ, что я нарочно такъ говорю при батенькѣ, слыша отъ нихъ, какъ они попрекали маменьку, что онѣ упросили пана Кнышевскаго, чтобы онъ спускалъ ихъ пестунчику. Такъ маменька, выслушавши мою жалобу, сказали: „И хорошо, Трушко: за

битаго двухъ небитыхъ даютъ". При чемъ и подморгнули мнѣ, давая знать, что онѣ поняли мою хитрость. Каково же сыграли со мною?

Панъ Кнышевскій, узнавъ, что я жаловался на него, началъ учащать наказанія. Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ молчать предъ маменькою, и всякій разъ, когда меня полагали, я приговаривалъ мысленно: „пропали, маменька, ваши пять локотъ холста; меня бьютъ такъ, какъ будто и ничего отъ васъ не платится".

Но что же успѣлъ панъ Кнышевскій съ своими наказаніями? Таки совершенно ничего. Я съ наукою никакъ не подвигался впередъ. Наконецъ пану Тимоѳтею пришло на мысль, что человѣку даются различные таланты: иной грамоту плохо знаетъ, но хватается писать (въ этомъ пунктѣ свѣтъ, видно, мало измѣнился). Основавшись на этомъ, онъ изрекъ: „А ну, пане Трофиме! не угобзишься ли ты въ писаніи? Нѣсть человѣка безъ дарованія: иный славенъ въ одномъ, другій въ другомъ; овъ мудро чтетъ, овъ красно пишетъ; иный умудряется звонить, а иный отличается въ шалостяхъ—и то талантъ. И самое питіе горѣлки требуетъ дарованія: овъ отъ чарки упивается и творится безгласенъ, а овъ и осьмухою неодолимъ пребываетъ. И такъ, пане Трофиме! воспріимемся испытывать твои таланты". Послѣ чего панъ Кнышевскій зѣло засуетился, собирая что-то, и я ожидалъ, что онъ поставитъ предо мною штофъ водки, дабы испы-

тать, имѣю ли талантъ къ питію ея; но все это клонилось къ приготовленію для письма.

Предложили мнѣ черную доску, разведенный въ водѣ мѣлъ и перо. Панъ Кнышевскій объяснилъ со всѣмъ жаромъ пользу писанія, что безъ него „како бы возможно было словесно помянуть всѣхъ усопшихъ? А понеже придумано писаніе, то и всѣ покойники отъ Адама до сего дне, всѣ до единаго переписаны и записаны въ поминальныя грамотки, и никто безъ поминанія не остается. А каковый доходъ дается пишущимъ грамотки упокойныя! потщися, панычу, почерпнуть сію премудрость и будеши имѣти мзду велію. При благопріятномъ случаѣ, егда отъ свирѣпѣющихъ болѣзней многіе умираютъ, угобзится тебѣ не мало толико! Писаніе таковыхъ грамотокъ одна полезная вещь, а прочее все суета; не подобаетъ унижати сего великаго художества на таковое мизерное тщеславіе“. Тутъ слѣдовало изъясненіе, какъ держать перо, какъ писать и т. п. — и моя десница пошла писать.... Но что это были за фигуры вмѣсто буквъ, я вамъ и разсказать не умѣю; однимъ словомъ, пробовалъ онъ учить меня, писать уставомъ, полу-уставомъ и скорописью—и все никуда не годилось.

Панъ Кнышевскій справедливо заключилъ, что мнѣ „не дадеся мудрость и въ писаніи“ и потому отложилъ свои труды; но, желая открыть во мнѣ какой ни есть талантъ, при первомъ случаѣ послалъ меня на звонницу отзвонить „на вѣрую“ по покойнику.

На колокольнѣ нашей было колоколовъ всего пять, и я могъ уже и одинъ съ ними управиться. Подобравъ веревки, и видя, что никто не оспариваетъ у меня удовольствія звонить, я съ восторгомъ принялся трезвонить во всѣ руки, а между тѣмъ читать, какъ наставленъ былъ паномъ Кнышевскимъ, читать не спѣшно, сладко и не борзясь весь символъ по стихамъ, а съ аминемъ перестать. „Разбестія Артемій! прибавилъ къ наставленію панъ-дьякъ: могъ бы, по случаю скончанія родителя, разщедриться и угобзитися на цѣлый пятидесятый псаломъ, но заплатилъ только на символъ“.

Испытали ли вы, господа, наслажденіе звонить, а еще того болѣе трезвонить? Не въ переносномъ смыслѣ, а въ прямомъ, буквальномъ? Нѣтъ? Жалѣю о васъ. Это особаго рода удовольствіе! Вы взлѣзете на колокольню, вы выше всѣхъ, всѣ ниже васъ. Еще взбираетесь на нее: сколько мальчиковъ по сродной имъ склонности, обгоняли васъ, не пускали, сталкивали; но вы сякъ-такъ превозмогли всѣ препятствія, побѣдили все, удержали мѣсто за собою. Не встрѣчая препятствій, подобрали всѣ веревки въ руки, уладили ихъ—и давай гремѣть, трезвонить во всѣ руки. Какой восторгъ! По всей деревнѣ раздается „динь-динь-динь-динь-бемъ-бемъ-бомъ“. Всѣхъ оглушаетъ звонъ, и все это производите вы, стоя на возвышеніи, а чернь т. е. ваша чернь, стоящая и ходящая ниже васъ, слыша вашъ трезвонъ, поглядываетъ на васъ, поднявъ го-

ловы, какъ на нѣчто возвышенное. Тутъ удовлетворено ваше славолюбіе, самолюбіе, и даже честолюбіе! Вы плаваете въ восторгѣ! Весь этотъ шумъ производите вы, нарушаете всеобщую тишину.... Не хотите перестать, повинуетесь одной необходимости, оттрезвонили и съ колокольни прочь, смѣшались со всѣми, никто и не глядитъ на васъ, не отдаетъ вамъ цѣны и не замѣчаетъ васъ въ толпѣ.... Не скорбите, вы были выше всѣхъ; шумъ и звонъ вашъ слышали всѣ. Послѣ него не осталось ничего? Нужды нѣтъ; вы наслаждались, вы шумѣли, вы трезвонили.... Испытайте, прошу васъ, это особаго рода наслажденіе! Спросите у бывшихъ на колокольнѣ и трезвонившихъ въ свой чередъ: они готовы вамъ цѣлый день разсказывать, какъ они подбирали веревки, какъ улаживали все, какъ старались громче звонить!... Никто вамъ этого кромѣ дѣйствовавшаго не разскажетъ, потому что всѣ прочіе слышали только звонъ, а звонившимъ не занимались, да и звонъ, съ послѣднимъ ударомъ колокола, забыли—и почитаютъ, что человѣкъ, или глупый мальчикъ, только за тѣмъ взбирался на возвышеніе, чтобы пустымъ звономъ набить уши другимъ.

Въ такихъ философическихъ разсужденіяхъ я трезвоню себѣ во всѣ руки больше полчаса, забывъ всѣ наставленія пана Кнышевскаго, и продолжалъ бы до вечера, какъ онъ явился ко мнѣ на звонницу и съ грознымъ взоромъ вырвалъ у меня веревки, схватилъ за чубъ и безжалостно потащилъ меня по лѣстницѣ

внизъ; дома же порядочно высѣкъ за то, что я оттрезвонилъ болѣе данныхъ ему денегъ.

„Не имѣетъ и въ звонѣ таланта", сказалъ панъ Кнышевскій, ударяя себя руками по бедрамъ.

Въ то время былъ благочестивый въ школахъ обычай—и какъ такъ, что въ теперешнее время онъ не существуетъ ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ училищахъ! — въ субботу школяры не имѣли уроковъ, но, протвердивъ зады и собравшись въ кучу, приходили къ пану Кнышевскому. Ученикъ, первый по ученію (и это всегда былъ братъ Петруся) возглашалъ за всѣхъ: „Миръ ти, благій учителю нашъ!"—Треба бити васъ—отвѣчалъ важно панъ Тимоѳтей, а мы должны были поклониться низко. Послѣ того всѣ ученики, безъ различія состояній, становились въ двѣ линіи, по срединѣ поставлялся ослонъ (скамейка), и у нея востоялъ панъ Кнышевскій, имѣя рукава засученные и въ грозной десницѣ держа толстый пукъ розогъ! Въ линіяхъ стояли отдѣльно псалтырщики, часословщики и граматники; школа дѣлилась на три класса; писатели не отличались особо, потому-что учащій псалтырь учился и писать.

Когда все было устроено, панъ Кнышевскій возглашалъ: „пане Петре!" и братъ мой подходилъ свободно, что нужно было разслабливая, дабы не задерживать другихъ.... Панъ Кнышевскій относился къ одному изъ учениковъ: „пане Закрутинскій, кая есть четвертая заповѣдь? Прочти намъ ее поважомъ и не

борзясь". И ученикъ провозглашалъ: помни день субботній и проч. слово-за-словомъ, медленно; а панъ Кнышевскій полагалъ шуйцею брата Петра на ослонъ, а десницею ударялъ розгою, и не по платью, а въ чистоту.... ударялъ же по расположенію своему къ ученику, или во всю руку или слегка; а также или сыпалъ удары часто, или отпускалъ ихъ медленно. Я сдѣлалъ расчисленіе, что иному досталось ударовъ пятнадцать, смотря по скорости движенія руки дьяка въ продолженіе чтенія; а иному только три. Получившій напоминаніе заповѣди вскакивалъ, кланялся пану Кнышевскому и, цѣлуя руки его, долженъ былъ сказать: благодарствую, пане Тимоѳтее, за наученіе. И панъ Тимоѳтей, со всею важностью, запечатлѣвалъ обрядъ, приговаривая: „Сіе тебѣ за прошедшія и будущія прегрѣшенія. Помни день субботній до грядущія субботы; иди съ миромъ". Ученикъ тутъ же убѣгалъ изъ школы и былъ свободенъ до понедѣльника.

Потомъ производилось тоже дѣйствіе съ каждымъ ученикомъ по одиночкѣ до послѣдняго. И какъ въ иной годъ учениковъ бывало до пятнадцати благородныхъ и низкородныхъ (кромѣ насъ панычей, были и еще дѣти помѣщиковъ, нашего же прихода), то мы, граматники, какъ послѣдніе, нетерпѣливо ожидали очереди, чтобы отбыть неминуемое и скорѣе бѣжать къ играмъ, шалостямъ и ласкамъ матерей. Ожидая очереди, мы, все должное разслабивъ, поддерживали

руками, чтобы не затрудняться при наступленіи дѣйствія.

Отъ дѣйствія субботки не освобождался никто изъ школярей; и самые сыновья пана Кнышевскаго получали одинаковое съ нами напоминаніе.

За то, какая свобода въ духѣ, какая радость на душѣ чувствуема была нами до понедѣльника! Въ субботу и воскресенье, чтобы ученикъ ни сдѣлалъ, его не только родители, но и самъ панъ Кнышевскій не имѣлъ права наказать и оставлялъ до понедѣльника, и тогда—„воздавалъ съ лихвою“, какъ онъ самъ говорилъ.

Дѣйствіе субботки мнѣ не понравилось съ первыхъ поръ. Я видѣлъ тутъ явное нарушеніе условія маменькинаго съ паномъ Кнышевскимъ, и потому я не преминулъ пожаловаться маменькѣ. Какъ же онѣ чудно разсудили, такъ послушайте. „А чтожъ, Трушко!“ сказали онѣ, гладя меня по головѣ: „я не могу закона перемѣнить. Жалуйся на своего отца, что завербовалъ тебя въ эту дурацкую школу. Тамъ не только я, но и панъ Кнышевскій не властенъ ничего отмѣнить. Не отъ насъ это установлено“.

Узнавъ о моей жалобѣ, панъ Кнышевскій взялъ свои мѣры. Всякій разъ, когда надо мною производилось дѣйствіе, онъ заставлялъ читающаго повторять нѣсколько разъ, крича: „Какъ, какъ? я не разслышалъ. Повтори чадо! Еще прочти“. И во все это время, когда заповѣдь повторяли, а иногда „пятерили“,

онъ учащалъ удары мелкою дробью, какъ барабанщикъ по барабану.... Ему шутки; онъ называлъ это „глумленіемъ“, но каково было мнѣ? Ясно, что маменькинъ холстъ пошелъ задаромъ!

Въ одну изъ субботъ, когда панъ Кнышевскій болѣе обыкновеннаго поглумился надо мною до того, что мнѣ невозможно было идти съ братьями домой, я остался въ школѣ ожидать, пока маменька пришлютъ мнѣ обѣдъ, который всегда бывалъ роскошнѣе домашняго, и прилегъ на лавкѣ, додумываясь, по какой причинѣ мнѣ болѣе всѣхъ задаютъ память о субботѣ? Въ это время панъ Кнышевскій, распустивъ школу, усѣлся въ своей свѣтлицѣ и принялся за ирмолой протвердить ирмосы, догматики и другіе напѣвы, требуемые въ наступающую вечерню и воскресное служеніе. Голосъ у него былъ отличный; когда бралъ низомъ, то еще все ничего; но когда поднималъ горою, такъ тутъ прелесть была! Конечно на третьей улицѣ слышно было это рѣзкое, звонкое, поразительное пѣніе. До того голосъ его былъ разителенъ, что всѣ слушающіе его сознавались, что при его пѣніи у нихъ кожу на спинѣ подирало, точно такъ, какъ при пиленіи желѣза.

Вотъ онъ какъ протверживалъ свое пѣніе, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда же дьячиха покликала его обѣдать, то я, скуки ради, началъ себѣ лежа напѣвать: и далѣе, далѣе, придя въ нассію, вырабатывалъ своимъ голосомъ самыя трудныя штучки.

Пропѣвъ одну псальму, другую, я оглянулся.... о, ужасъ! панъ Кнышевскій стоитъ съ поднятыми руками и разинутымъ ртомъ. Я не смѣлъ пошевелиться; но онъ поднялъ меня съ лавки, ободрилъ, обласкалъ и заставилъ меня повторить пѣтую мною псальму: „пробудись отъ сна, невѣста“. Я пѣлъ, какъ наслышался отъ него, и старался подражать ему во всемъ: когда доходило до высшихъ тоновъ, я такъ же морщился, какъ и онъ, глаза сжималъ, ротъ расширялъ и кричалъ съ тою-же пріятностію, какъ и онъ.

Съ восторгомъ погладилъ меня по головѣ панъ Кнышевскій и повелъ меня въ свѣтлицу. Тамъ досталъ онъ пряникъ и въ продолженіи того, какъ я ѣлъ его, онъ уговаривалъ меня учиться ирмолойному пѣнію. Струсилъ я крѣпко, услышавъ, что еще есть предметъ ученія. Я полагалъ, что далѣе псалтыря нѣтъ болѣе чему учиться человѣку, какъ тутъ является ирмолой; но дабы угодить наставнику и отблагодарить за засохшій пряникъ, я согласился.

Панъ Кнышевскій развернулъ предо мною ирмолой, и, пробы ради, началъ толковать мнѣ значеніе ирмолойныхъ крючковъ. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, только я понималъ всю эту премудрость и быстро слѣдовалъ за рѣзкимъ голосомъ пана Тимоѳтея, до того, что могъ пропѣть съ нимъ легенькій догматикъ. Правду сказать, что и метода его была самая благоуспѣшная. Пользы ради другихъ учениковъ и въ наставленіе другихъ учащихъ вообще пѣнію, я долженъ

открыть ее. Онъ держалъ меня за ухо: когда тоны спускались внизъ, онъ тянулъ меня книзу: возвышающіе тоны заставляли его тянуть ухо мое кверху. При самыхъ высокихъ тонахъ онъ тянулъ ухо кверху, сколько было у него силы, а я пѣлъ, или правильнѣе, кричалъ, что было во мнѣ мочи. При переливахъ голоса, онъ дергалъ меня изъ стороны въ сторону и я выдѣлывалъ всѣ га-га-га-га — чудно. Вотъ и весь секретъ, я не утаиваю ничего и говорю во всеуслышаніе. Совѣтую первому учителю пѣнія испытать эту методу надъ ученикомъ или ученицею, и честью увѣряю, что въ нѣсколько часовъ научитъ громкому пѣнію. Я тому живой примѣръ. Вѣкъ открытій! Изобрѣтены способы въ нѣсколько уроковъ читать, писать, рисовать, обучиться всѣмъ наукамъ; вотъ новый способъ въ два, три часа выучиться пѣть такъ, чтобы далеко слышно было. Способъ легкій, не затѣйливый и удачливый.

Дѣло у насъ шло удивительно успѣшно. Но ученіе мое происходило келейно, тайно отъ всѣхъ. Панъ Кнышевскій хотѣлъ батеньку и маменьку привести въ восторгъ нечаянно, какъ успѣхами и другихъ братьевъ, а именно:

Петрусь, какъ я и сказалъ, удивительно преуспѣвалъ въ чтеніи; послѣ трехъ лѣтъ ученья, не было той книги церковной печати, которой-бы онъ не могъ разобрать и читать бойко. Въ одно воскресенье, когда батенька и маменька были въ церкви, вдругъ выхо-

дитъ читать Апостолъ.... кто же? Петрусь!... Посудите, пожалуйте: мальчикъ по двѣнадцатому году, недоучивши и девятой каѳизмы, и читаетъ Апостолъ! Да какъ читаетъ! Безъ лести сказать, дѣло давно прошедшее, и мы же съ нимъ всю жизнь провели въ ссорахъ и тяжбахъ, но именно, какъ бы самъ панъ Кнышевскій читалъ; также выводитъ, такъ понижаетъ, такъ же оксіи.... Нѣтъ! братъ имѣлъ необыкновенный умъ! Конечно, гортань дѣтская, не противъ звонкой, рѣзкой гортани пана Кнышевскаго — это также чудо въ своемъ родѣ, — но все-таки гортань, по возрасту, рѣдкая!

Безъ умиленія нельзя было глядѣть на батеньку и маменьку. Они, батенька, утирали слезы радости; а онѣ, маменька, клали земные поклоны и тутъ же поставили большую свѣчу. Панъ Тимоѳтей получилъ не въ счетъ мѣрку лучшей пшеничной муки и мѣшокъ гороху, и Петруся, послѣ обѣда, полакомили бузинымъ цвѣтомъ въ меду вареныхъ.

Горбунъ Павлусь также въ грамотѣ силу зналъ; но какъ его натура была вѣтреная, то онъ все дѣлалъ, какъ теперь говорять „негляже". Онъ склоненъ былъ болѣе къ художествамъ: достать ли чего нужно изъ маменькиной кладовой безъ пособія ключа; напроказивъ что, самому сложить вину на невиннаго, изъ явной бѣды вывернуться—на все это онъ былъ великій мастеръ; но колокольня была его любимое занятіе. И, сказать по справедливости, какъ онъ звонилъ,

такъ на удивленіе! Не подумайте, однакожъ, чтобы его кто училъ или показалъ методъ — панъ Кнышевскій или Дрыгало, нашъ плѣшивый пономарь,—честью моею увѣряю, что никто его не наставлялъ, а такъ, самъ отъ себя, натура, или лучше сказать, природа. Не изъ хвастовства сказать, а какъ опять къ рѣчи пришлось, что я удостоился на своемъ вѣку быть въ Петербургѣ и прислушивался, какъ звонятъ.... бывалъ и въ Москвѣ, слышалъ различные звоны.... хорошо, но все не то, что Павлусино звоненье: пусть себѣ столичные жители хотя обижаются, но я правду не потаю.

Дѣло прошлое, онъ хотя и братъ мой и уже умеръ, но скажу, что онъ вызванивалъ разныя штучки: умѣлъ на колоколахъ выражать, какъ утки квакаютъ, какъ гуси игекгекаютъ, пѣтухи кукарекаютъ.... Да чего не выражалъ онъ! Даже до того дошелъ, что „вдавалъ", какъ дьячиха на пана Тимоѳея ворчала и грызла его: это онъ выражалъ маленькими колокольчиками.... да какъ затрещитъ, запорошитъ вотъ точно слышишь: „изгинь, пропади твоя голова, таратататарата".... какъ обыкновенно жены грызутъ мужей. А большой колоколъ выражалъ гнѣвнаго пана Кнышевскаго, яко бы ворчащаго; „баба, полно, будетъ". Великій художникъ былъ братъ Павлусь!

Однажды панъ Кнышевскій послалъ Павлуся отзвонить по преставившемся обывателѣ, богатомъ и оставившемъ большое семейство. Павлусь отличался, а

дьякъ у колокольни читалъ 17-ю каѳизму, какъ мѣру, пока должно звонить, потому что заплачено за позвонъ щедро. Въ то время батенька съ маменькою были въ проходкѣ и подошли къ звоницѣ послушать необыкновеннаго звона.

„Кто это такъ умилительно звонитъ?“ спросили маменька у пана Кнышевскаго.

— Одинъ изъ школяровъ моихъ, сказалъ съ лукавствомъ панъ Кнышевскій, прервавъ стихъ псалма.

„Мастерски!“ сказали батенька.

— Явственно изражаетъ, продолжалъ дьякъ: и скорбь супруги, и плачъ чадъ, и звонъ оставшихся денегъ, ихъ же не мало остася.

— „Прикажите ему, пане Тимоѳтее, сказали маменька: когда перезвонитъ, чтобъ пришелъ ко мнѣ, я ему дамъ моченое яблоко въ услажденіе, какъ онъ усладилъ меня своимъ звономъ“.

Сіе можно учинить и въ сіе мгновеніе, сказалъ панъ Кнышевскій, махнувъ рукою, чтобъ Павлусь пересталъ звонить и сошелъ.

Слѣзши съ звоницы, братъ Павлусь явился взору родителей моихъ—и радостный крикъ ихъ остановилъ глаголаніе дьяка. Невозможно описать восторга батеньки, увидѣвшихъ и удостовѣрившихся, что и у втораго сына ихъ, обиженнаго натурою, произведшею на спинѣ его значительный горбъ, открылся талантъ и еще отличный. Полные радости душевной, какъ нѣжные родители, они попеременно ласкали Павлуся

и повели съ собою, чтобы покормить молочною кашею, приготовленною для нихъ послѣ проходки. А пану Кнышевскому, ни за что, ни про-что — потому что вовсе не училъ Павлуси этому художеству—батенька подарили копну сѣна, а маменька клубокъ валу (пряжи) на свѣтильни для каганца.

Наступало время батенькѣ и маменькѣ узнать и отъ третьяго сына своего, о которомъ даже самъ панъ Кнышевскій рѣшительно сказалъ, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ таланта. И такъ панъ Кнышевскій пре-остроумно все распорядилъ: избралъ самыя трудныя псалмы, и, заведя меня и своего дьяченка, скрытно отъ всѣхъ, на токъ (гумно), въ клунѣ (ригѣ) училъ насъ вырабатывать всѣ га-гаканья.... О, да и досталось же моимъ ушамъ!

Панъ Кнышевскій, трудясь до пота лица, успѣлъ наконецъ въ желаніи своемъ, и мы, въ три голоса, могли пропѣть нѣсколько псальмъ умилительныхъ и кантиковъ восхитительно. Для пораженія родителей моихъ внезапною радостію, избралъ онъ день тезо-имепитства маменьки, зная, что по случаю сей радости у насъ въ домѣ будетъ банкетъ.

Въ радостный тотъ день, когда панъ полковникъ и гости сѣли за обѣденный столъ, какъ мы, дѣти, не могли находиться вмѣстѣ съ высокопочтенными особами за однимъ столомъ, то и я, поѣвъ прежде порядочно, скрывался съ дьячкомъ подъ нашимъ высокимъ крыльцомъ, а панъ Кнышевскій присѣлъ въ ку-

стахъ бузины въ саду, ожидая благопріятнаго случая. Первую перемѣну блюдъ мы пропустили, чтобы дать волю гостямъ свободно накушаться. Но когда сурмы и бубны возвѣстили о другой перемѣнѣ, тутъ мы вошли въ сѣни, прокашлялись, развернули ирмолой, панъ Кнышевскій взялъ меня и дьяченка за уши—и мы начали.... Внезапное изумленіе поразило всѣхъ трапезующихъ.

Батенька какъ были очень благоразумны, то имъ первымъ на мысль пришло: не слѣпцы ли это поютъ? Но разслушавъ ирмолойное искусство и разительный, окселентующій голосъ пана Тимоѳтея, какъ сидѣли въ концѣ стола, встали, чтобъ посмотрѣть, кто это съ нимъ такъ сладко поетъ? Подошли къ дверямъ, увидѣли и остолбенѣли!... Наконецъ, чтобъ раздѣлить радость свою съ маменькою, тутъ же у стола стоявшею, отозвались къ ней:

„Ѳекла Зиновьевна!... посмотри!...“ Больше ничего не могли сказать; слезы ихъ проняли....

Маменька очень любили пѣніе; и кто бы имъ ни запѣлъ, онѣ тотчасъ задумываются, тутъ же онѣ подносили пану полковнику тотъ кусочекъ отъ курицы, что всякій желаетъ взять, и какъ услышали наше сладкопѣніе, забыли и кусочекъ, и пана полковника, и все, стали какъ вкопанныя, очень задумались и голову опустили. Услышавъ же батенькинъ отзывъ, подумали и спросили: „чего тамъ смотрѣть?“

— Посмотрите, душко, кто это поетъ! сказали батенька.

— А путе, путе, кто это тамъ поетъ? сказали маменька.

Тутъ батенька, взявъ пана Кнышевскаго за поясъ, втащили его въ горницу, а за нимъ и мы втянуты были дьякомъ, не оставлявшимъ ушей нашихъ, дабы не разстроилась псальма.

Маменька, какъ увидѣли и разслушали мой голосъ, который взобрался на самые высочайшіе тоны, — потому что панъ Кнышевскій, дабы пощеголять дарованіемъ ученика своего, тянулъ меня за ухо что есть мочи, отъ чего я и кричалъ необыкновенно, — такъ вотъ, говорю, маменька, какъ разслушали, что это мой голосъ, отъ радости хотѣли было сомлѣть, отъ чего должно бы имъ и упасть, то и побоялись, чтобы не упасть на пана полковника, или чтобъ не сдѣлать непристойнаго чего при паденіи, то и удержались гостей ради, а только начали плакать слезами радости. Конечно, имъ бы слѣдовало сильнѣе выразить свою чувствительность, за тѣмъ, что когда батенька, и не любивши меня, прослезились, увидя мое дарованіе, а имъ, маменькѣ, какъ о пѣстунчикѣ своемъ, однѣхъ слезъ недостаточно было, но и я не виню; банкетъ, панъ полковникъ и всѣ гости помѣшали большому „пассажу“.

Батенька, съ дозволенія пана полковника, поднесли пану Кнышевскому большую чарку вишневки и просили еще услаждать пѣніемъ. Панъ полковникъ приказалъ стать поближе къ себѣ, и мы, ободренные,

пошли вдаль, все вдаль. Панъ полковникъ, хотя кушалъ индѣйку, начиненную сарацинскимъ пшеномъ съ изюмомъ, до того прельстился нашимъ пѣніемъ, что, забывъ, что онъ за столомъ, началъ намъ подтягивать басомъ, довольно пріятно, хотя за жеваніемъ не разводилъ губъ, причемъ былъ погруженъ въ глубокія мысли, чаятельно вспомнилъ свои молодыя лѣта, ученіе въ школѣ и таковое же пѣніе. Гости были въ восторгѣ отъ нашего пѣнія, маменька все плакали отъ умиленія, потому что мы пѣли псальмы все чувствительныя. Батенька не могли усидѣть на мѣстѣ, забывали угощать гостей, и когда я вырабатывалъ, при помощи дранья меня за ухо, высшія ноты — они подходили ко мнѣ и цѣловали меня въ голову.

Послѣ обѣда батенька приказали уконтентовать пана Кнышевскаго елико можаху, а меня закормили всѣ, кто чѣмъ успѣвалъ, и всѣ любовались и завидовали моему громкому и звонкому голосу.

Торжество мое было совершенное. Послѣ этого достопримѣчательнаго дня мнѣ стало легче. Въ школѣ, зналъ ли я, не зналъ ли урока, панъ Кнышевскій не взыскивалъ, а по окончаніи ученія бралъ меня съ собою и водилъ въ домъ богатѣйшихъ казаковъ, гдѣ мы пѣли разныя псальмы и канты. Ему давали деньги, а меня кормили сотами, огурцами, молочною кашею, или чѣмъ другимъ, по усердію.

Маменька очень рады были, что у любимаго ихъ сынка открылся любимый ихъ талантъ; и когда бы-

вало батенька покричать на нихъ порядочно, то маменька, отъ страха и грусти ради, примутся плакать и тутъ же шлютъ за мною и прикажутъ мнѣ пѣть, а сами еще горше плачутъ — такъ было усладительно мое пѣніе!

Такимъ побытомъ продолжалось наше ученіе, и уже прочіе братья: Сидорушка, Ефремушка и Егорушка поступили въ школу; а старшій братъ Петрусь, выучивъ весь псалтырь, не имѣлъ чему учиться. Напять же „инспектора" (учителя) батенька находили неудобнымъ тратиться для одного, а располагали приговорить ко всѣмъ троимъ старшимъ, но я ихъ задерживалъ: какъ сталъ на первомъ часѣ, да ни назадъ, ни впередъ.

Брату Петрусю было уже пятнадцать лѣтъ. Онъ пана Кнышевскаго и въ грошъ не ставилъ; и какъ былъ одаренъ отличнымъ умомъ, и потому склоненъ къ шалостямъ, то началъ изобрѣтать разныя потѣхи.

Дьячиха, жена пана Кнышевскаго, преобладала мужемъ своимъ, несмотря на всѣ его увѣренія, доказательства, что онъ есть ея глава. „Какъ бы ты былъ въ супружествѣ рука, возражала на это дьячиха: тогда бы ты что хотѣлъ, то и дѣлалъ; но какъ ты голова, да еще дурная, глупая, то я, какъ рука, могу тебя бить". И съ этимъ словомъ она колотила порядочно его голову и рвала за волосы.

„Воздержись, окаянная!" вопилъ Кнышевскій: — „изможда̀й тѣло мое, но не глумись надъ власами, на нихъ же не подобаетъ желѣзу взыти"....

— Я не желѣзомъ, а грѣшными руками рву твои патлы — приговаривала дьячиха, таская его за длинную косу, коею онъ всегда отличался.

Онъ былъ въ совершенной ея зависимости по самый день смерти ея. Когда она умерла, положивши ее какъ должно, назначилъ псалтырщиковъ своихъ читать надъ нею, умилился сердцемъ и возопилъ при всѣхъ насъ: „Брате Тимоѳтее! лукавствуй! твоя воля, твори, еже хощеши, нѣсть препинающій тя“. И потомъ, выпивъ на калганъ гнатой горѣлки, пошелъ въ школу отдыхать на лаврахъ, избавясь отъ гонительницы своей.

Это дѣлалось вечеромъ. Лишь только панъ Кнышевскій восхрапѣлъ, братъ Петрусь приступилъ къ дѣйствію. Меня поставили къ псалтырю, приказавъ мурныкать, будто кто читаетъ. Братъ Павлусь, какъ великій художникъ, пробилъ въ горшкѣ глаза, носъ и ротъ, заклеилъ бумагою и оттѣнилъ углемъ. Братъ Петрусь досталъ дьячихино платье, принарядился коекакъ и приготовленный горшокъ поставилъ вверхъ дномъ на голову, а въ средину его утвердилъ свѣчу. Фигура была ужасная, отъ которой нѣтъ такого храбраго въ мірѣ воина, чтобъ на смерть не испугался. Въ этомъ нарядѣ Петрусь пошелъ къ спящему зѣло крѣпко въ школѣ пану Кнышевскому. Петрусь былъ окруженъ школьниками, державшими кошекъ, коихъ, при входѣ въ школу, начали они тянуть за уши и хвосты; кошки подняли страшный крикъ, мяуканье,

визгъ.... Панъ Кнышевскій невольно воспрянулъ отъ сна, и, увидѣвъ необычайное явленіе, началъ творить заклинанія. Но Петрусь не боялся ихъ, и тонкимъ, визгливымъ, рѣзкимъ голосомъ, какъ покрикивала умершая, началъ грозить пану Кнышевскому, чтобы онъ не полагалъ ее въ отсутствіи отъ себя, что душа всегда будетъ находиться въ зеленомъ поставчикѣ и, смотря на его дѣянія, по ночамъ будетъ мучить его, если онъ неподобное сотворитъ. Повелѣвала не наказывать вовсе ни за что школярей и не принуждать ихъ къ ученію, а особливо паничей (коихъ съ поступившими отъ другихъ помѣщиковъ было всего одиннадцать), которымъ приказывала давать полную волю.... и много тому подобнаго наговоривъ, Петрусь скрылся съ глазъ дьяка.

Трепещущій, какъ осиновый листъ, вошелъ въ хату панъ Кнышевскій, гдѣ уже Петрусь, какъ ни въ чемъ не бывало, читалъ псалтырь бѣгло и не борзясь, а прочіе школяры предстояли. Первое его дѣло было поспѣшно выхватить изъ зеленаго поставца калгановую и другія водки и потомъ толстымъ рядномъ покрыть его, чтобы душа дьячихи, по обѣщанію своему тамъ присутствующая, не могла видѣть дѣяній его.

Съ сихъ поръ Петрусь, что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Школа наша превратилась въ собраніе шалуновъ самыхъ дерзкихъ. Главнымъ занятіемъ было, подъ предводительствомъ Петруся, пріобрѣтеніе дынь, арбузовъ, огурцовъ, яблоковъ, грушъ и проч. и проч. Никакіе

плетни не удерживали школярей; гдѣ же встрѣчались запоры или замки, тутъ дѣйствовало художество брата Павлуся, и онъ препобѣждалъ все. Дерзкимъ шалостямъ не было конца. Неуважаемый нами, панъ Кнышевскій возставалъ на насъ съ грозою и требовалъ, чтобы мы сидѣли смирно и твердили стихи; но Петрусь при томъ вскрикивалъ: „пане Кнышевскій! не слышите ли, что это въ зеленомъ поставцѣ шевелится?“

— Гмъ! гмъ! покашливая, взглядывалъ панъ Кнышевскій на поставецъ и медленно уходилъ въ свою свѣтлицу, а мы, школяры, продолжали свои занятія неудержанно пикѣмъ.

Дому своего мы вовсе не знали. Батенька хвалили насъ за такую прилежность къ ученію; но маменька догадывались, что мы вольничаемъ, но молчали для того, что могли меня всегда, не пуская въ школу, удерживать при себѣ. Тихонько, чтобы батенька не услыхали, я пѣлъ маменькѣ псальмы, а онѣ закармливали меня разными сластями.

Братья же мои, пребывая всегда въ школѣ съ благородными и подлыми товарищами, „преуспѣвали на горшее“, какъ говорилъ панъ Кнышевскій вздыхая, не имѣя возможности обуздать своихъ учениковъ.

Братъ Петрусь, какъ всѣ великаго ума люди, былъ любовной комплекціи, но въ занятія такого роду, по тогдашнему правилу, не могъ пускаться, потому что еще не брилъ бороды, ибо еще не исполнилось ему шестнадцати лѣтъ отъ роду.

Когда же настал этотъ вожделѣнный для него день, день рожденія его, коимъ начиналось семнадцатое лѣто жизни его, то призванъ былъ священникъ: прочтена была молитва; Петрусь сдѣлалъ три поклоненія къ ногамъ батеньки и маменьки, принялъ отъ нихъ благословеніе на бритіе бороды и получилъ отъ батеньки бритву, „которою", какъ увѣряли батенька, „голился еще пра-пращуръ нашъ, войсковой обозный, панъ Талемонъ Халявскій", и бритва эта, переходя изъ рода въ родъ, по прямой линіи, вручена была Петрусю съ тѣмъ же, чтобы въ потомствѣ его, старшій въ родѣ, выбривъ первовыросшую бороду, хранилъ какъ зеницу ока и передавалъ бы также изъ рода въ родъ.

Маменька же благословили Петруся кускомъ грецкаго мыла и полотенцемъ, вышитымъ разными шелками, руками также прабабушки нашей, въ подарокъ прадѣдушкѣ нашему, для такого же употребленія. Вотъ и доказательство, что родъ Халявскихъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ.

Церемонія была трогательная. Сами батенька даже всплакнули; а что маменька, такъ тѣ на взрыдъ рыдали. Конечно очень чувствительно для родителей видѣть первенца брака своего, достигшаго совершенныхъ лѣтъ, когда уже по закону или обычаю онъ долженъ былъ исполнять дѣйствіе взрослыхъ людей. Въ теперешнее время гдѣ найдемъ сей похвальный обычай? Кто изъ юношей достигаетъ шестнадцатилѣтня-

го возраста съ небритою бородою и съ удаленіемъ себя отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, свойственнымъ совершеннымъ людямъ? Наши, т. е. теперешніе юноши, въ шестнадцать лѣтъ смотрятъ стариками, твердятъ, что они знаютъ свѣтъ, испытали людей, видѣли все, настоящее ихъ тяготитъ, прошедшее (у шестнадцатилѣтняго!!!) раздираетъ душу, будущее ужасаетъ своею безбрежною мрачностью и проч. и проч... И всѣ такія черныя мысли у нихъ оттого, что они не имѣли учителей подобныхъ пану Кнышевскому съ его суботками, правилами ученія, методою въ преподаваніи пѣнія и всѣмъ и всѣмъ. Святая старина!

Пожалуйте же, что тамъ, на церемоніи, происходитъ. По окончаніи поклоненій и подарковъ, Петрусь тутъ же былъ посаженъ, и рука брадобрѣя, брившаго еще дѣдушку нашего, оголила бороду Петруся, довольно по чернотѣ волосъ замѣтную; батенька съ большимъ чувствомъ смотрѣли на это важное и торжественное дѣйствіе; а маменька пугались всякаго движенія бритвы, боясь, чтобы брадобрѣй, по неосторожности, не перерѣзалъ горла Петрусю; и только все ахали.

Когда кончилось дѣйствіе (долженъ объявить, что усы у Петруся, по тогдашнему обыкновенію, не были выбриты), тогда батенька попотчивали изъ своихъ рукъ брадобрѣя и Петруся, которому приказали выпить свою рюмку, сказавъ: ты теперь совершенный мужъ, и тебѣ разрѣшается на вся. Потомъ былъ обѣдъ праздничный и послѣ него лакомства разныхъ сортовъ.

Панъ Кнышевскій, въ числѣ прочихъ дѣтей, имѣлъ дочь, достигшую пятнадцати-лѣтняго возраста. Увидѣвъ, что Петрусь, оголивъ свою бороду, началъ обращеніе свое съ нею, какъ совершенный мужъ, коему—по словамъ батеньки—разрѣшается на вся, онъ началъ ее держать почти въ-заперти во все то время, пока панычи были въ школѣ, слѣдовательно весь день; а на ночь онъ запиралъ ее въ комнатѣ и бдѣлъ, чтобы никто не безпокоилъ ее ночною порою. Затворница крѣпко тосковала и при случаѣ успѣла шепнуть, что она рада бы избѣгать отъ такого стѣсненія. Немедленно приступлено къ дѣлу.

Вечеромъ нѣсколько школярей по одному названію, а вовсе не хотѣвшихъ учиться, не слушая и не уважая пана Кнышевскаго, тутъ собрались къ нему и со всею скромностью просили усладить ихъ своимъ чтеніемъ. Восхищенный возможностью блеснуть своимъ талантомъ въ сладкозвучномъ чтеніи и краснорѣчивомъ изъясненіи неудобопонимаемаго, панъ Кнышевскій усѣлся въ почетномъ углѣ и разложилъ книгу; вмѣсто каганца, даже самую свѣчу засвѣтилъ и, усадивъ насъ кругомъ себя и подтвердивъ слушать внимательно, началъ чтеніе.

На третьей страницѣ я отпросился выйти. Не успѣвъ выйти изъ сѣней, я началъ кричать необыкновеннымъ голосомъ: „собака, собака! ратуйте..... собака!....“

Панъ Кнышевскій первый бросился ко мнѣ на по-

мощь; но лишь только онъ выскочилъ изъ сѣней, какъ собака бросилась на него, начала рвать его за платье, свалила на землю, хватала за пальцы и лизала его по лицу.

Панъ Кнышевскій кричалъ не своимъ голосомъ. Всѣ школяры высыпали изъ хаты, закричали на собаку, которая, отбѣжавъ и никого не трогая, смотрѣла съ угла на происходящее. Не пораненнаго нигдѣ, но болѣе перепуганнаго, пана Кнышевскаго втащили мы въ хату и, осмотрѣвъ, единогласно закричали, что это бѣшеная собака, которая, если не покусала его, то уже навѣрное заразила его. Панъ Кнышевскій задрожалъ всѣмъ тѣломъ, а школяры начали кричать: „бѣсится, панъ Тимоѳтей бѣсится, давайте воды, попробовать“. Мы, не выпуская его изъ рукъ, приготовлялись обдать водою, а онъ кричалъ ужасно. даже ревѣлъ. Тутъ мы больше принялись утверждать, что „панъ Тимоѳтей бѣсится“.

— Чада моя! спасите меня—началъ онъ просить насъ умоляющимъ голосомъ, и мы признали за необходимое связать ему руки и ноги, и такъ отнеся его въ пустую школу, тамъ запереть его. Трепеща всѣмъ тѣломъ и со слезами, онъ согласился и былъ заключенъ въ школѣ, коей дверь снаружи заперли крѣпко.

„Ѳеодосію!... Ѳеодосію!...“ началъ кричать панъ Кнышевскій изъ своего заключенія, вспомнивъ про дочь свою. „Ѳеодосію спасите! да идетъ она на пребываніе къ пономаркѣ Дрыгалихѣ, дондеже перебѣшуся“.

Но мы, увѣривъ бѣснующагося, что дочь его при первой суматохѣ побѣжала звать знахарку, тѣмъ успокоили его.

Братъ Петрусь, какъ расположившій всѣмъ этимъ происшествіемъ, торжествовалъ побѣду.... А Павлусь, какъ отличный художникъ, бывъ наряженъ и дѣйствуя собакою, и такъ сильно пугавши пана Кнышевскаго, теперь переряживался въ знахарку.

Когда все кончилось и Павлусь также былъ готовъ, то Петрусь пошелъ съ нами къ заключенному. Ѳеодосія смущенная, разстроенная, дрожащими руками несла передъ нами свѣчу.

Знахарка вошла, шептала надъ страждущимъ, плевала, лизала его, умывала и, намѣшавъ толченаго угля съ водою, дала ему выпить эту воду, все продолжая шептать. Всѣ мы увѣряли; что съ больнаго какъ рукою снято бѣшенство, и мы выпустили его.

Горбунчикъ Павлусь прекрасно сыгралъ свои роли; былъ настоящею собакою, ворчалъ, лаялъ, вылъ и тормошилъ пана Кнышевскаго, вотъ-таки какъ истинная собака. Знахарку онъ также представилъ весьма натурально: поговорки, приговорки, хриплый голосъ, удушливый кашель, все, все было очень хорошо. Недурно и Петрусь сыгралъ свою роль, даже весьма успѣшно; и это ему такъ понравилось, что онъ затѣялъ повторить эту комедію и на слѣдующій вечеръ.

Вечеромъ, когда мы усѣлись опять слушать чтеніе пана Кнышевскаго и когда онъ со всѣмъ усиліемъ

выражалъ читаемое, Өеодосія изъ комнаты, гдѣ она запираема была отцомъ своимъ, закричала: „Ахъ, мнѣ лихо! Посмотрите, панычи, чуть ли не бѣсится мой панъ отецъ?“

— Ахъ, такъ и есть, такъ и есть!—началъ кричать Петрусь, а за нимъ и всѣ мы кричали: „бѣсится панъ Кнышевскій, бѣсится!“

„Берите же меня паки — простоналъ несчастный— свяжите вервіемъ и предайте заключенію во тьму кромѣшную....“

Мы его честно связали и поволокли въ школу. Онъ оттуда кричалъ дочери: „Өеодосія! по вчерашнему....“

— И безъ васъ знаю—отвѣчала она, поспѣшая въ комнату.

„Пригласите волшебницу спѣшнѣе!“ вопилъ дьячокъ.

Въ свое время знахарка явилась и освободила пана Кнышевскаго отъ бѣшенства. Онъ самъ сознавался, что въ сей разъ бѣшенство овладало имъ менѣе, нежели вчерашній день.

Панъ Кнышевскій охотно давалъ себя связывать, и мы увѣрены были, что онъ безъ ворожбы съ мѣста не подвинется, а потому день-ото-дня безпечнѣе были насчетъ его; слабо связывали ему руки и почти не запирали школы, введя его туда.

Эти комическія интермедіи съ паномъ Кнышевскимъ повторялись довольно часто. Въ одинъ такой вечеръ

нашъ художникъ Павлусь, отъ небрежности, какъ то лѣниво убирался знахаркою и выскочилъ съ нами на улицу ради какой-то новой проказы. Пану Кнышевскому показалось скучно лежать; онъ привсталъ, и, не чувствуя въ себѣ никакихъ признаковъ бѣшенства, освободилъ свои руки, свободно разрушилъ заклепы школы и тихо, чрезъ хату, вошелъ въ комнату.

Тутъ онъ въ самомъ дѣлѣ взбѣсился и „возрыкалъ аки вепрь дикій", какъ самъ послѣ разсказывалъ. Виновный пробѣжалъ мимо него, за ворота, на улицу.... Не понимая, въ чемъ дѣло, мы также пустились „во всѣ лопатки" за Петрусемъ домой!

На другой день очень рано панъ Кнышевскій явился къ батюшкѣ съ жалобой на всѣхъ насъ.

„Помилуйте, вельможный пане подпрапорный!" вопилъ панъ Кнышевскій; и просилъ, и требовалъ удовлетворенія; причемъ разсказалъ весь ходъ интриги нашей, и всѣ дѣйствія изъяснилъ со всею подробностью.

Батенька такъ и покатились отъ смѣху и съ удивленіемъ восклицали: „что за умная голова у этого Петруся! Что за смѣлая бестія этотъ Петрусь! Мнѣ бы и во сто годовъ такъ не выдумать. Это удивленіе, а не хлопецъ".

Когда же панъ Кнышевскій умолялъ и требовалъ возмездія за поруганіе, то батенька сказали ему:

„Да чего ты, пане Кнышевскій, такъ турбуешься (хлопочешь)? Что дитя такъ пошалило, а ты уже и за дѣло почитаешь."

— Истина глаголетъ устами вашими, вельможный пане подпрапорный! сказалъ панъ Кнышевскій, прижавъ руки къ груди и возведя очеса свои горѣ.—Но одначе.... послѣдствіе....

„Будетъ еще время толковать объ этомъ, пане Кнышевскій, а теперь иди съ миромъ. Станешь жаловаться, то кромѣ сраму и вѣчнаго себѣ безчестья ничего не получишь; а я, за порицаніе чести рода моего, уничтожу тебя и сотру съ лица земли. Иди же, возьми, когда хочешь, мѣшокъ гречишной муки на галушки и не разсказывай никому о панычевой шалости. Себя только осрамишь.“

Панъ Кнышевскій, поклонясь, пошелъ, и не отказавшись отъ муки, принесъ ее домой, а происшествіе предалъ вѣчному молчанію, а Ѳеодосія и подавно никому не открывала.

И хорошо сдѣлалъ панъ Кнышевскій, что замолчалъ. Онъ ничего бы не выигралъ противъ батеньки, а только раздражилъ бы ихъ. Хотя они были не больше какъ подпрапорные, но, оставляя титулъ, по своему богатству были очень сильны и важны. Но какъ были нравны, такъ это ужасъ! Всѣ ихъ трепетали, а они ни о комъ и не думали. Не приведи Господи взойти на нашу землю хотя курицѣ господской—въ прахъ разорятъ владѣльца ея: а если вздумаетъ поспорить или упрекать, такъ и тѣлесно надъ нимъ наругаются, а сами и въ усъ себѣ не дуютъ. И панъ полковникъ таки всегда за батеньку руку тянулъ, помня отличные его банкеты и другаго рода уваженія.

Такъ куда же было пану Кнышевскому подумать тягаться съ батенькою, такъ ужаснымъ и чтимымъ не только всею полковою старшиною, но и самимъ ясновельможнымъ паномъ полковникомъ? Гдѣ бы и какъ онъ ни повелъ дѣло, все бы дошло до разсудительности пана полковника, который одинъ рѣшалъ всѣ и всякаго рода дѣла. Могъ ли выиграть ничтожный дьячекъ противъ батеньки, который былъ „панъ на всю губу?“ И потому онъ бросилъ все дѣло, униженно прося батеньку, чтобы уже ни одинъ панычъ не ходилъ къ нему въ школу.

Батенька, топнувъ ногою, прикрикнули на него: „Вотъ глупый дьякъ, умствуетъ изъ-за своей дрянной дочки! Самъ не знаетъ уже, чему учитъ, да и находитъ пустую причину къ отзыву. Вздоръ! Меньшіе хлопцы, Сидорушка, Офремушка и Егорушка должны у тебя учиться по договору, а старшихъ трехъ ты не умѣешь чему учить.“

Въ таковыхъ батенькиныхъ словахъ заключалась хитрость. Имъ самимъ не хотѣлось, чтобы мы, послѣ давишняго, ходили въ школу; но желая предъ паномъ Кнышевскимъ удержать свой „гоноръ“, что якобы они объ этой исторіи много думаютъ — это бы унизило ихъ—и потому сказали, что намъ не чему у него учиться. Дабы же мы не были въ праздности и не оставались безъ ученья, то они поѣхали въ городъ и въ училищѣ испросили себѣ „на кондиціи“ нѣкоего Игнатія Галушкинскаго, славимаго за свою ученость и за способность передавать ее другимъ.

Маменька крѣпко поморщились, увидѣвъ привезеннаго „нахлѣбника, дѣтскаго мучителя и приводчика къ шалостямъ.“ „Хотя у него и нѣтъ дочки—такъ говорили онѣ съ духомъ какого то предвѣдѣнія — но онъ найдетъ, чѣмъ развратить дѣтей еще горше, нежели тотъ цапъ (такъ маменька всегда называли за козлиный голосъ). А за сколько вы, Миронъ Осиповичъ, договорили его?“ спрашивали онѣ у батеньки, смотря изъ подлобья.

„Столъ вмѣстѣ съ нами всегда, разсказывали батенька, однакожъ въ пол-голоса, потому что сами видѣли, что проторговались, дорогонько назначили; столъ съ нами кромѣ банкетовъ: тогда онъ обѣдаетъ съ шляхтою; жить въ паничевской; для постели войлокъ и подушка. Въ зимніе вечера одна свѣча на три дня. Въ мѣсяцъ разъ позволеніе проѣздиться на таратайкѣ къ знакомымъ священникамъ, не далѣе семи верстъ. Съ моихъ плечъ черкеска, какая бы ни была, и по пяти рублей отъ хлопца, т. е. пятнадцать рублей въ годъ.“

— Такъ онъ уже за эту цѣну выучитъ дѣтей всѣмъ на свѣтѣ наукамъ? спросили маменька хитростно и укорительно противъ оплошности батенькиной въ высокой цѣнѣ.

„Какимъ же всѣмъ наукамъ?“ говорили батенька, смотря въ окно, чтобъ скрыть свой маленькій стыдъ. „Россійскому чтенію церковной и гражданской печати, писанію и разумѣнію по латыни....“

— И по латыни! вскрикнули маменька удивленно-жалкимъ голосомъ. То были простые, а теперь будутъ латынскіе дурни!...

„Нуте-же полно“, сказали батенька, возвышая голосъ: „не давайте воли язычку. Вы знаете меня. Идите себѣ къ своему дѣлу.“

И точно, маменька очень хорошо знали батенькину комплекцію, и потому поспѣшили убраться въ свою опочивальню, гдѣ наговорились въ волю, осуждая батенькины распоряженія объ насъ, но все, по обычаю, тихо, чтобъ никто не слыхалъ. Потомъ волею или неволею,—а помѣстили пана Галушкинскаго въ панычевской.

Новое ученье наше началось 1-го сентября. Мы принялись прямо читать по латыни. Инспекторъ нашъ, Галушкинскій, объявилъ, что онъ, не имѣя букварей латынскихъ, которыхъ батенька, поспѣшая выѣздомъ изъ города, позабыли купить, не имѣетъ по чемъ научить насъ азбукѣ и складамъ латынскимъ, то и началъ насъ учить прямо читать за нимъ по верхамъ. Не понимая отъ чего и почему, указывая на слово, мы должны были непремѣнно говорить manus, pater и проч. На вопросъ объ этомъ Петруся, какъ весьма любознательнаго, инспекторъ всегда отвѣчалъ: „Того требуетъ наука. Не ваше дѣло разсуждать“.

Петрусь, по своему необыкновенному уму, въ чемъ не только прежде панъ Кнышевскій, но уже и панъ

Галушкинскій, прошедшій реторическій классъ, сознавался, равно и Павлуся, по дару къ художествамъ, мигомъ выучивали свои уроки; а я, за слабою памятью, не шелъ никакъ вдаль. Да и самъ горбунчикъ Павлуся, выговаривая слова бойко, указывалъ пальцемъ совсѣмъ на другое слово.

Къ удивленію и обрадованію батенькиному — маменька же всегда, когда доходило до нашего ученья, замахивали руками и уходили прочь—въ первое воскресенье инспекторъ привелъ насъ къ батенькѣ и заставилъ читать „что мы выучили за недѣлю". Молодцы принялись отплетывать бойко, громко, звонко, съ разстановкою, руки вытянувъ впередъ себя, глаза уставивъ въ потолокъ (домине Галушкинскій, кромѣ наукъ, взялся преподавать намъ свѣтскую ловкость или „политичное обращеніе") и съ акцентами по своему произволенію: „патеръ ностеръ кви эстъ инъ цѣлисъ"— и проч. до половины.

Горбунчикъ Павлуся, какъ отрокъ изобрѣтательнаго ума, самыя слова выговаривалъ по своему произволенію, наприм. est in Coelis, онъ произносилъ: „ѣсть нацѣлился" и проч.

Батенька, слушая ихъ, были въ восторгѣ и немного всплакнули; когда же спросили меня, что я знаю, то я называлъ на изворотъ: manus хлѣбъ, pater зубы, за что и получилъ отъ батеньки въ голову щелчекъ, а старшихъ братьевъ они погладили по головкѣ, учителю же изъ своихъ рукъ поднесли „гануссовой" водки.

Маменька же, увидѣвши, что я не отличился въ знаніи иностраннаго языка и еще оштрафованъ родительскимъ щелчкомъ, впрочемъ весьма чувствительнымъ, отъ котораго у меня въ три ручья покатились слезы, маменька завели меня тихонько въ кладовую и то-то материнское сердце! накормили меня разными сластями и, приголубливая меня, говорили: „хорошо дѣлаешь, Трушко, не учись ихъ наукамъ. Дай Богъ и съ одною наукою ужиться, а они еще и другую вбиваютъ дитяти въ голову".

Такимъ побытомъ, инспекторъ нашъ, домине Галушкинскій, ободренный милостивымъ вниманіемъ батенькинымъ, пустился преподавать намъ свои глубокія познанія вдаль—и своимъ особымъ методомъ. Ни я, ни Петруся, ни Павлуся, не обязаны были, что называется, учиться чему, или выучивать что, а должны были перенимать все изъ словъ многознающаго наставника нашего и сохранять это все, по его выраженію, „какъ бублики въ узелъ навязанные, чтобы ни одинъ не выпавъ былъ годенъ къ употребленію".

Хорошо было братьямъ: имъ все удавалось. Петруся, какъ необыкновенно остраго ума человѣкъ, все преподаваемое ему поглощалъ и даже закидывалъ впередъ учительскихъ изъясненій. Домине Галушкинскій изъяснялъ, что, вытвердивъ грамматику, должно будетъ твердить піитику. Любознательный Петруся даже не усидѣлъ на мѣстѣ и съ большимъ любопытствомъ спросилъ: „а чему учитъ піитика"?

Домине Галушкинскій погрузился въ размышленія, и надумавшись и кашлянувши нѣсколько разъ, сказалъ рѣшительно; „видите ли, грамматика сама по себѣ, и она есть грамматика; а піитика сама по себѣ, и она уже есть піитика, а отнюдь не грамматика. Поняли ли?“ спросилъ онъ, возвыся голосъ и поглядѣвъ на насъ съ самодовольствомъ.

— Поняли, вскрикнулъ я за всѣхъ и прежде всѣхъ, потому что и тогда не любилъ и теперь на смерть не люблю разсужденій объ ученыхъ предметахъ и всегда стараюсь рѣшительнымъ словомъ пресѣчь глубокомысленную матерію. Вотъ потому я и поспѣшилъ крикнуть „поняли“; хотя, ей Богу, ничего не понялъ тогда и теперь не понимаю. Видно такая моя комплекція.

Въ другой разъ Петруся, принявшись умствовать, находилъ въ грамматикѣ неполноту и полагалъ, что нужно добавить еще одну часть рѣчи. Брань—такъ онъ витійствовалъ и принялся въ примѣрахъ высчитывать возможныя брани и ругательства, нарицательныя и пожелательныя, знаемыя имъ во всѣхъ родахъ, свойствахъ и оборотахъ, и спрашивалъ: „къ какой части рѣчи оно принадлежитъ? Оно де ни имя, ни мѣстоименіе, ни предлогъ и даже ни междометіе, слѣдовательно, особая часть рѣчи должна быть прибавлена“.

Я желалъ, чтобы вы взглянули тогда на нашего инспектора. Недоумѣніе, удивленіе, восторгъ—что его

ученикъ такъ глубоко разсуждаетъ, все это ясно, какъ на вывѣскѣ у портнаго въ Пирятинѣ всѣ его предметы, къ мастерству относящіеся, было изображено. Когда первое изумленіе его прошло, тутъ онъ чмокнулъ губами и произнесъ, вскинувъ голову немного къ верху: „Ну!“ Это ничтожное „ну“ означало: „ну растетъ голова!“ И справедливо было заключеніе домина! Во всемъ Петруся преуспѣлъ; жаль только, что не сочинилъ своей грамматики!

Павлуся, какъ малый художественный, изобрѣтательнаго ума, отдѣлывался прежде всѣхъ. Какую бы ни дали ему задачу, изъ грамматики ли, или изъ ариѳметики, онъ мигомъ, не думавши, подпишетъ такъ, ни се ни то, а чортъ знаетъ что, вздоръ, какой только въ голову придетъ. Подмахнулъ, скорѣе со скамейки, съ панычевской, уже на улицѣ у дожидающихъ его мальчишекъ.... и дуетъ себѣ въ скрагли, въ свайку и ѣздитъ торжественно на побѣжденныхъ. Задачу-же, ему данную, домине Галушкинскій самъ потѣетъ и рѣшаетъ. Сначала пробовалъ его возвратить и заставить исправить упущеніе: куда! и не говори ему о томъ.

Со мною домину Галушкинскому было тяжелѣе, потому что я не выучивалъ своихъ уроковъ и не требовалъ у него объясненій ни на что. Я находилъ, что во мнѣ есть какая то благородная амбиція, внушающая мнѣ ничего ни у кого не искать, чтобы не быть никому обязану. И такъ, всѣ мои сомнѣнія въ нау-

кахъ и ученыхъ предметахъ я, по комплекціи моей, разрѣшалъ и доходилъ самъ. Наприм. для меня казалось странно, къ чему такъ говорить, чтобы понимали мною говоримое? Писать, не какъ мысль идетъ, а подкладывать слово къ слову, какъ куски жаренаго гуся на блюдо, чтобы все было у мѣста, дѣлало видъ и понятно было для другаго? По моему: говорю ли я, пишу ли, все для себя. Отзвонилъ, да и съ колокольни прочь; пусть другіе разбираютъ, о чемъ звонъ былъ, за здравіе или за упокой? Такъ и тутъ: выговорилъ все, что на умѣ, и баста! Разбирай другой, что къ чему, а я вдвойнѣ не обязанъ трудиться, чтобъ писать или говорить и при томъ еще думать. Эту задачу, повѣрьте мнѣ, я рѣшилъ безъ помощи домина Галушкинскаго самъ и не учусь многому. Вмѣстѣ съ прочими науками одна честь была у меня и пресловутой ариѳметикѣ, которую, домине Галушкинскій увѣрялъ, что сочинилъ какой-то китаецъ Пиѳагоръ, фамиліи не припомню. Если бы, говоритъ, онъ не изобрѣлъ таблицы умноженія, то люди и до сихъ поръ не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, домине Галушкинскій говорилъ по ученому, какъ учившійся въ высшихъ школахъ; а я молчалъ, да думалъ: къ чему трудился этотъ панъ Пиѳагоръ? Къ чему сочинялъ эти таблицы, надъ которыми мучились, мучатся и будутъ мучиться до вѣку всѣ дѣти человѣческаго племени, когда можно вѣрнѣе расчитать деньги въ натурѣ, раскладывая кучами на столѣ? Давайте мнѣ и

всякую науку, я докажу, что можно жить безъ нихъ, быть покойну, а потому и счастливу.

Домине Галушкинскій, видно, былъ противнаго со мною мнѣнія: онъ, противъ воли нашей, хотѣлъ сдѣлать насъ умными, да ба! маменька прекрасно ему доказывали, что онъ напрасно трудится. Онѣ всегда ему говорили: „лиха матери дождешься, чтобъ съ моихъ сыновей былъ хотя одинъ ученый“ и при этомъ бывало сложатъ шишъ, вертятъ его, вертятъ и тычутъ ему къ носу, прицмокивая. О! маменька ему ни въ чемъ не спускали, разумѣется, безъ бытности батеньки: а то бы....

Домине Галушкинскій, злясь въ душѣ, и примется за свои предметы; всѣ мѣры употребляетъ, чтобы вбить намъ науки, такъ куда же! братья отъ нападковъ домина инспектора отдѣлывались собственными силами и сами тузили людей, призванныхъ „для сдѣланія положенія.“ А домине Галушкинскій побѣсится-побѣсится, да и отстанетъ и батенькѣ не скажетъ, потому что онъ замѣтилъ, когда жалуется на братьевъ, то батенька и на него сердятся; а когда хвалитъ за успѣхи, такъ батенька поднесутъ «гануской» водки. Такъ онъ и давай все хвалить. Мнѣ же этого рода методъ не былъ полезенъ. Первоначально еще, маменька съ Галушкинскимъ заключили тайный „альянсъ“, чтобы на меня за лѣность и тупость кричать и жаловаться, но отнюдь не наказывать, и за всякое снисхожденіе обѣщано отъ маменьки Галуш-

кинскому какое-то награжденіе изъ съѣдомаго. Такъ домине инспекторъ для пріобрѣтенія себѣ водки и закуски всегда братьевъ хвалилъ, а меня порицалъ. Хитрый-хитрый человѣкъ, а и въ Петербургѣ не былъ. И что же? онъ пожалуется, и его уконтентуютъ, а мнѣ батенька дадутъ тутъ-же щипки, и я плачу, но тутъ же прислушиваюсь, не звенятъ ли маменькины ключи у кладовой? Я хорошо зналъ ихъ натуру: когда батенька меня бранятъ или пощелкаютъ, тутъ онѣ съ лакомствами, и примутся утѣшать меня, приговаривая: „пускай батенька твой сердится. Ты, Трушко, не унывай, не вдавайся въ ихъ слова. И батенька твой ничему же не учился, а право въ десять разъ умнѣе всѣхъ инспекторовъ.“ И правда ихъ была.

Но.... оставимъ ученые предметы. Домине Галушкинскій, и внѣ ученія, былъ противъ насъ важенъ съ строгостью. По вечерамъ, ни съ собою не бралъ „въ проходку“, ни самимъ не позволялъ отлучаться и приказывалъ сидѣть въ паничевской смирно до его прихода. Куда же онъ ходилъ, мы не знали.

Мнѣ это нравилось. Моя комплекція вела меня къ уединенію и я, тотчасъ послѣ ученія, добирался къ своимъ, днемъ отъ маменьки полученнымъ и старательно спрятаннымъ, лакомствамъ, съѣдалъ ихъ поспѣшно и, управившись до-чиста, тутъ-же засыпалъ въ ожиданіи желаемаго ужина. Братьямъ же моимъ такое принужденіе было несносно. На бѣду имъ, батенька очень не любили, чтобы дѣти, безъ призыва

приходили въ домъ, а потому и прогоняли насъ оттуда. Маменька же рады были всякому принужденію, братьямъ дѣлаемому, и все ожидали, что батенька потеряютъ терпѣніе и отпустятъ инспектора, который, по ихъ разсчету, не дешево приходился. Въ самомъ дѣлѣ какъ посудить: корми его за господскимъ столомъ, тутъ лишній кусокъ хлѣба, лишняя ложка борщу, каши и всего болѣе обыкновеннаго; а все это, маменька говаривали, въ хозяйствѣ дѣлаетъ счетъ, какъ и лишняя кружка грушеваго квасу, лишняя свѣча, лишнее.... да таки и все лишнее, кромѣ уже денегъ— а за что?... тьфу! при этомъ маменька всегда плевали въ ту сторону, гдѣ въ то время могъ находиться домине Галушкинскій.

Притомъ же онъ, какъ ученый, не зналъ вовсе политики. Бывало, когда съѣстъ порцію борщу, а маменька бывало накладываютъ ему полнехонькую тарелку, то онъ, дочиста убравъ, еще подноситъ къ маменькѣ тарелку и проситъ „усугубите милости.“ Спору нѣтъ, что маменька любили, чтобы за обѣдомъ всѣ ѣли побольше и бывало приговариваютъ: „ужъ наварено, такъ ѣшьте; не собакамъ же выкидывать.“ Но все же домине Галушкинскій поступалъ противъ политики.

И въ какіе же дураки онъ попался въ одинъ день! Надобно знать, что у насъ къ обѣду готовился одинъ день борщъ, а въ другой день супъ, чтобы не прискучило. Въ суповой день принесли къ столу свѣжей

рыбы и раковъ. Маменька пожелали рыбнаго борщу и приказали изготовить. Кухарка, зная порядокъ, изготовила, какъ требовала очередь, и супъ съ лапшею и гусемъ. Изъ раковъ же, какъ ихъ было не много, сами приготовили „холодецъ“, котораго, по малому числу раковъ, едва достаточно было на двѣ порціи, батенькѣ и маменькѣ. Маменька имѣли привычку раздать всѣмъ горячее, а потомъ уже принимались кушать сами, чтобы ничто ихъ не развлекало. Какъ же онѣ иностранныхъ языковъ не знали, то и не могли выговаривать „домине“, равно, не любя распространяться вдаль, Галушкинскаго сокращали просто въ „Галушку“ и потому безъ „домине“ звали его просто: Галушка, да и Галушка. и больше ничего. Хорошо. Вотъ мы сѣли за столъ; маменька, отставивъ въ сторону для себя и батеньки „холодецъ“, начали раздавать горячее, спрашивая кто чего хочетъ, супу или борщу? Вопросъ очень натуральный, когда есть супъ и борщъ, потому всякій изъ насъ отвѣчалъ по желанію. Дошла очередь до инспектора. Маменька спросили его: „а ты, Галушка, чего хочешь: борщу или супу?“ Домине, съ осклабленнымъ лицомъ, произнесъ не обинуясь: „и борщику, и супцу, а коль можно, то и холодцу пожалуйте мнѣ, вельможна пани!“

Боже мой! тутъ надобно было видѣть маменьку! Онѣ всѣ побагровѣли, и тутъ же, отложивъ тарелки, какъ сложили двойные шиши на обѣихъ рукахъ, да какъ завертятъ, минутъ пять вертѣли, а потомъ чмо-

кнули и ткнули ему шиши къ носу, промолвивъ: „А заськи не хочешь! Видишь, какой ласый до холодцу? Нѣтъ же тебѣ ничего!“

Напекъ же раковъ домине Галушкинскій; т. е., просто говоря, покраснѣлъ какъ сукно и не имѣя духу, стыда ради, на кого либо взглянуть, просидѣлъ весь столъ опустивши голову и не ѣлъ ничего. Вотъ тебѣ и полакомился „холодцомъ!“

Но это все посторонняя матерія и сказано только кстати; обратимся къ настоящему предмету.

Художественный Павлуся, а потомъ и Петруся, чрезъ отличный свой разумъ, замѣтили, что реверендиссиме домине Галушкинскій каждую ночь, въ полномъ одѣяніи, а иногда даже выбрившись, выходитъ тайнымъ образомъ изъ дома и возвращается уже на разсвѣтѣ. Въ одну ночь братъ художникъ тихонько пустился по слѣдамъ его и открылъ, что нашъ велемудрый философъ „открылъ путь ко храму радостей и тамъ приноситъ жертвы различнымъ божествамъ“; это такъ говорится ученымъ языкомъ, а просто сказать, что онъ еженочно ходилъ на вечерницы и веселился тамъ до свѣта, не дѣлая участниками въ радостяхъ учениковъ своихъ, изъ коихъ Петруся, какъ необыкновеннаго ума, во многомъ могъ бы войти съ нимъ въ соперничество. Отъ такого поступка самолюбіе братьевъ моихъ крѣпко было пощекочено. Какъ? послѣ того, когда Петруся, по внушенію домашнихъ лакеевъ, располагалъ было „любопытства ради“ проходиться на вечер-

ницы и домине Галушкинскій удержалъ, не пустилъ и изрекъ предлинное увѣщаніе, что таковая забава особамъ изъ шляхетства неудобо-приличная, а кольми паче людямъ, вдавшимся въ науки, и что таковая забава тупитъ умъ и истребляетъ память.... Послѣ всего этого, „самъ онъ *изволитъ шваньдять* (такъ выражался братъ), а мы сиди дома, какъ мальчики, какъ дѣти, не понимающія ничего? Такъ докажемъ же, что мы знаемъ и понимаемъ все и даже можемъ оставлять другихъ съ дѣтьми, а сами гулять по своей волѣ. Идемъ за нимъ на вечерницы." Они собрались, пошли, взявъ и меня съ собою для того, чтобы всему нашему ученому обществу равно пить изъ одной чаши радостей или, въ противномъ случаѣ, отвѣчать.

Войдя въ хату одной изъ вдовыхъ казачекъ, у коихъ обыкновенно собираются вечерницы, мы увидѣли множество дѣвокъ, сидящихъ за столомъ; гребни съ пряжею подлѣ нихъ, но веретена валялись по землѣ, какъ и прочія работы, принесенныя ими изъ домовъ, преспокойно лежали по угламъ; никто и не думалъ о нихъ, а дѣвки или играли въ дурачки, или балагурили съ парубками, которые тутъ же собирались также во множествѣ; нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, болтали, разсказывали, и тому подобно пріятнымъ образомъ проводили время.

Надъ всѣми ими законодательствовалъ нашъ ревērендиссиме Галушкинскій, котораго и величали „скубентъ" (испорченное студентъ), потому что онъ былъ въ бекешѣ и курилъ табакъ изъ коренковой трубки.

О! какъ изумился онъ, увидя воспитываемое имъ юношество, пришедшее насладиться удовольствіями, о которыхъ онъ запрещалъ имъ и мыслить!... Тайные подвиги его открыты!... Когда мы вошли, онъ, съ одною дѣвкою, пѣлъ пѣсню: „*Зелененькій барвиночку*“.... и остановился на полусловѣ.... Пришедъ въ себя, началъ кричать и прогонять насъ домой. Но братъ Петрусь, имѣвшій отважный духъ и геройскую смѣлость, неустрашимо сталъ противъ него и объявилъ, что если онъ и пойдетъ, то пойдетъ прямо къ батенькѣ и сей же часъ разскажетъ, гдѣ находится и въ чемъ упражняется наставникъ нашъ.

Домине Галушкинскій опѣшилъ и не зналъ, чѣмъ рѣшить такую многосложную задачу, какъ сидѣвшая подлѣ него дѣвка, внимательно осмотрѣвъ Петруся, первая подала голосъ, что панычи могутъ остаться, и что если ему, инспектору, хочется гулять, то и панычамъ также, „потому что у нихъ такая же душа“. Прочія дѣвки подтвердили тоже, а за ними и парубки, изъ коихъ нѣкоторые были изъ крестьянъ батенькиныхъ, такъ и были къ намъ почтительны; а были и изъ казаковъ, живущихъ въ томъ же селѣ, какъ это у насъ вездѣ водится.

„Вашецы должны благодарить Малашкѣ“, сказалъ наставникъ нашъ, указывая на свою пару: „ея логика убѣдила меня. Но не смѣйте сообщать родителямъ вашимъ....“

Братья побожились въ томъ и присоединились къ обществу....

„Что же входнаго отъ васъ?“ вскрикнулъ одинъ парень и выступилъ противъ насъ. „Я здѣсь есть атаманъ и смотрю за порядкомъ. Вновь вступающій парубокъ, хоть вы же и панычи, а все же парубки, долженъ внесть входное“.

Братъ горбунъ, раскинувъ все въ широкомъ умѣ своемъ, тотчасъ вызвался требуемое поставить—и вышелъ. Вскорѣ возвратился онъ и, къ удивленію инспектора и Петруся, принесъ три курицы, полхлѣба и полонъ сапогъ пшеничной муки. Все это онъ, по художеству своему, *секретно набралъ* у ближнихъ, спавшихъ сосѣдей: какъ же не во что было ему взять муки, такъ онъ—изобрѣтательный умъ!—разулся и полонъ сапогъ набралъ ее. Всѣ эти припасы отданы были стряпухѣ, готовившей ужинъ на все общество.

Павлусь исполнилъ требуемое правилами. Теперь Петрусь долженъ былъ поставить горѣлки. Денегъ у него не было. Изобрѣтательный умъ Павлуся отказался удовлетворить въ семъ по той причинѣ, что къ шинкарю трудно войти *секретно*, а явно не съ чѣмъ было. Все пришло въ смятеніе; но великодушный наставникъ нашъ ее исправилъ, предложивъ для такой необходимости собственныя свои деньги, сказавъ Петрусю: „постарайтесь, вашецъ, поскорѣе мнѣ ихъ возвратить, прибѣгая къ хитростямъ и выпрашивая у пани подпрапорной, маменьки вашей, но не открывая какъ, что, гдѣ и для чего, но употребляя одинъ лаконизмъ; если же не удастся выманить, то

подстерегите, когда ихъ сундучекъ будетъ не запертъ, да и.... что же? это ничего. Нужда измѣняетъ законъ."

За такое мудрое наставленіе, послужившее много Петрусю и намъ въ пользу при разныхъ случаяхъ, братъ благодарилъ ревверендиссима.

Получивъ деньги, Павлусь, по усердію своему, побѣжалъ въ шинокъ и скоро возвратился съ горѣлкою. Пошла гульня. Чтобы доставить и мнѣ, среди общества, занятіе, пріятное другимъ, наставникъ принялся пѣть со мною псальмы, чѣмъ мы усладили бесѣду до того, что и дѣвки затянули свои пѣсни, парубки къ нимъ пристали и пошла потѣха! Ужинъ нашъ былъ изобильный во всемъ; простота въ обращеніи съ парубками и любезничанье съ дѣвками брата Петруся такъ всѣхъ расположило къ нему, что тутъ же единогласно онъ былъ избранъ атаманомъ нашихъ вечерницъ, и всѣ, даже самъ почтенный студентъ философіи, домине Галушкинскій, далъ торжественную клятву повиноваться всѣмъ распоряженіямъ атамана.

Если сіи строки дойдутъ до могущихъ еще быть въ живыхъ современниковъ моихъ, то, во первыхъ, они не дадутъ мнѣ солгать, что въ вѣкъ нашей златой старовины все такъ бывало и съ ними, и съ нами, и со всѣми, начиная отъ „воспитанія", т. е. вскормленія (теперь подъ словомъ „воспитаніе" разумѣется другое, совсѣмъ противное), чрезъ все ученіе у пановъ Кнышевскихъ, приключенія въ школѣ, субботки,

Өеодосія, такъ и у доминовъ Галушкинскихъ, даже до хожденія на вечерницы; вездѣ, взявши отъ семейства самаго наиясновельможнаго пана гетмана, до послѣдняго подпрапорнаго (не къ батенькѣ рѣчь), вездѣ все такъ было, конечно съ измѣненіями, но не съ разительными. А потому они, современники мои, признаютъ, что лестно, точно лестно было для брата Петруся, безъ большихъ подвиговъ, обратить на себя вниманіе такого общества и отъ всѣхъ пріобрѣсти довѣренность. А Петрусѣ было не болѣе какъ семнадцать лѣтъ! Вотъ что значитъ дарованіе и способности.

Братъ Павлусь, за его способность въ изобрѣтеніи средствъ, ловкость и проворство въ произведеніи ихъ, и все къ общей пользѣ и удовольствію, не оставленъ безъ вниманія, а избранъ ключникомъ нашихъ вечерницъ. Его дѣло было заботиться, какъ онъ знаетъ, чтобы въ ужинѣ у насъ было всего въ изобиліи. Стряпухи были въ завѣдываніи его. Ему открыто было пространное поле выказывать свои дарованія и искусство. Ужины наши были роскошные: кормленныя куры маменькины, яйца, молоко, масло, дрова и проч., все это было брато у сосѣдей *секретно*; а изобрѣтательнымъ умомъ брата горбунчика всѣ слѣды закрыты искусно и ни отъ кого ни одной жалобы не бывало.

Вхожу въ подробности, конечно излишнія для теперешнихъ молодыхъ людей: они улыбаются и не вѣрятъ моему разсказу, но мои современники ощущаютъ

навѣрно одинаковое со мною удовольствіе и извинятъ мелочи воспоминаній о такой веселой, завидной жизни. Часто гляжу на теперешнихъ молодыхъ людей, и съ грустнымъ сердцемъ обращаюсь ко всегдашней мысли моей: „какъ свѣтъ перемѣняется!“ Такъ ли они проводятъ свои лучшіе, золотые, молодые годы, какъ мы? Куда! Они рабы собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ правилъ; они, не живя, отжили; не испытавъ жизни, тяготятся ею; не видавъ еще въ свой вѣкъ людей, уже удаляются отъ нихъ; не насладясь ничѣмъ, тоскуютъ о *быломъ*, скучаютъ настоящимъ, съ грустью устремляютъ взоръ въ будущность.... Имъ кажется, что вдали, во мракѣ мерцаетъ имъ завѣтная звѣзда, сулитъ что то не земное... а до того они, какъ засохшіе листья спавши съ деревъ, носятся вѣтромъ сюда и туда, противъ ихъ цѣли и желаній!... Такъ ли мы жили? Мы жили и наслаждались, а они не живутъ и грустятъ!... Ну, да въ сторону ихъ: займемся собою.

Домине Галушкинскій, вмѣсто наставника нашего, сталъ совершенно подчиненъ намъ. Лишь вздумаетъ только заговорить нѣсколько повелительнымъ голосомъ, то мы и начнемъ угрожать, что скажемъ батенькѣ о посѣщеніи вечерницъ, и тогда онъ лишится мѣста, дающаго ему, кромѣ содержанія, пятнадцать рублей въ годъ, и черкеску съ плеча самого батеньки нашего, да еще отпишутъ къ начальству его и онъ лишится „кондиціи“ навсегда. Это его останавливало,

и онъ далъ намъ совершенную волю во всемъ. Днемъ мы были неотлучно въ панычевской, куда намъ приносили сытные и изобильные завтраки. Мы ихъ уничтожали, курили трубку, слушали разныя повѣсти, разсказываемыя наставникомъ нашимъ о подвигахъ бурсаковъ на вечерницахъ и улицахъ въ городѣ, ночныхъ нападеніяхъ на бакчи и шпики за городомъ; извороты при открытіи и защита товарищей, и мн. т. под. Многое изъ того мы прятали въ память нашу, чтобы воспользоваться при случаѣ. Въ домъ приходили только къ обѣду, челомкались съ батенькою и маменькою, обѣдали, наблюдая скромность и учтивство, преподанное намъ великимъ, по сему предмету, мужемъ, студентомъ философіи, Игнатіемъ Галушкинскимъ. Послѣ обѣда, возвратясь въ панычевскую, мы ложились спать, чтобы быть бодрымъ въ ночь, и потомъ принимались за приготовленія къ наступающимъ вечерницамъ. Отъ движенія, неумѣренной веселости, если мы тогда не могли уснуть, тогда менторъ нашъ давалъ намъ выпить по доброй чаркѣ водки, изъясняя, что она даетъ сонъ, а сонъ укрѣпляетъ человѣка и даетъ ему силу! сила же человѣку во всякое время и при всякомъ обстоятельствѣ весьма необходима; ergo, приговаривалъ реверендиссиме,—водка преполезная вещь и потому не должно уклоняться отъ нея. Намъ это средство нравилось, и мы находили въ немъ удовольствіе. Правда, я не долженъ былъ бы пить водки, потому что за молодостью лѣтъ не полу-

чилъ еще благословенія брить бороду и разрѣшенія на вся, какъ старшіе братья, по домине принуждалъ меня и приводилъ какой-то латинскій стихъ — не помню уже — въ силу коего, всякій, желающій себѣ блага, долженъ непремѣнно пить. Повинуясь латинскимъ мудрецамъ, я пилъ, но немного — голова не могла выносить; братья же напротивъ могли пить много и не были хмѣльны! Такая была счастливая ихъ натура!

И за обѣдомъ, при батенькѣ и маменькѣ, и на вечерницахъ, при стороннихъ людяхъ, въ нашемъ разумномъ обществѣ нужно было намъ иногда передать мысли свои, чтобы другіе не поняли. Какъ тутъ быть? Опытный наставникъ нашъ открылъ намъ таинственный бурсацкій языкъ. Въ одинъ классъ мы поняли его и свободно могли изъясняться на немъ. По моему мнѣнію, это языкъ-отростокъ латинскаго, труднаго, неудобопонимаемаго, несноснаго языка. И для чего бы не оставить вовсе всѣхъ этихъ иностранныхъ языковъ, за коими какъ хвостъ слѣдуетъ грамматика со своими глупостями? Тутъ же какая легкость и удобство! Вотъ вамъ примѣръ. Въ молодости я твердо зналъ словъ десять латинскихъ, понималъ и значеніе ихъ; но теперь — хоть сей часъ убейте меня — не помню ничего; на томъ же бурсацкомъ я могу и теперь свободно обо всемъ говорить. Прелегкій и презвучный языкъ, достойнѣйшій быть во всеобщемъ употребленіи болѣе, нежели теперь французскій, за выученіе коего французскіе мусьи — вродѣ Галушкинскихъ — бе-

рутъ тысячами и морятъ ребенка года три; а этотъ языкъ можно безъ книги понять въ пол-часа и безъ копѣйки. Какая экономія даже и во времени!... Даже прекрасный полъ съ восторгомъ принялъ бы этотъ языкъ, потому что на немъ можно выражать всѣ тончайшія нѣжности усладительнѣе, нежели на французскомъ; не нужно гнусить, а говорить ярко; при томъ же какъ пожелается, можно объяснить чувства свои открыто и прикрыто.... Но, видно, не намъ переучивать людей!...

Въ одинъ обѣдъ, когда домине Галушкинскій управился со второю тарелкою жирнаго съ индѣйкою борщу и прилежно салфеткою, по обычаю, вытиралъ потъ, оросившій его лицо и шею, батенька спросили его: „а что? каково хлопцы учатся и нѣтъ ли за ними какихъ шалостей?“ Тутъ домине, изъ решпехта, всталъ, какъ и всегда дѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ, и въ отборныхъ выраженіяхъ объяснялъ всѣ успѣхи наши (о которыхъ мы и во снѣ не видали) и въ конклюзію (въ заключеніе) сказалъ, что мы „золотые паничи“.

Примѣтно было въ батенькиномъ лицѣ сердечное удовольствіе, и они нацѣдили крохотную рюмочку вишневки и подвинули къ инспектору, сказавъ съ принужденнымъ равнодушіемъ: „пей, домине!“ Домине Галушкинскій всталъ, почтительно выпилъ, и, отблагодаривъ за честь, утерся съ наслажденіемъ и, сѣвъ по прежнему, сказалъ Павлусю: „домине Павлуся! Не-

могентусъ украдентусъ сісусъ вишневентусъ для вечерницентусъ?“ А братъ безъ запинки и отвѣчалъ: „какъ разентусъ, я украдентусъ у маментусъ ключентусъ и нацѣдентусъ изъ погребентусъ бутылентусъ“. Надобно было видѣть, какое дѣйствіе произвелъ этотъ разговоръ на батеньку! Они были умный человѣкъ и отмѣнно любили ученость. Каково же было ихъ родительскому, нѣжности къ намъ исполненному сердцу слышать, что дѣти его такъ усовершенствованы въ ученіи, что хотя и при немъ говорятъ, но они не понимаютъ ничего! Чувства его могутъ постигнуть и теперешніе родители, слыша дѣтей, ведущихъ подобнаго содержанія разговоръ на французскомъ языкѣ и также не понимая его ни въ одномъ волосѣ.

Глаза у батеньки засіяли радостью, щеки воспламенились: они взглянули на маменьку такимъ взоромъ, въ коемъ ясно выражался вопросъ: „а? что, каково?“ Въ первую минуту восторга уже не нацѣдили, а со всѣмъ усердіемъ налили изъ своей кружки большую рюмку вишневки и, потрепавъ инспектора по плечу, сказали милостиво: „пейте, панъ инспекторъ! вы заслужили своими трудами, возясь съ моими хлопцами.“

Домине Галушкинскій, какъ слѣдуетъ при полученіи отъ благотворителя какой милости, всталъ, поклонился батенькѣ низко, благодарилъ за лестное одобреніе посильныхъ трудовъ его, сѣлъ съ повтореніемъ поклоновъ и усладился выпитіемъ рюмки до дна и заключилъ похвалу сему напитку риторическою фигурою:

„таковой напитокъ едва ли и боги на Олимпѣ пьютъ въ праздничные дни."

Съ маменькою же было совсѣмъ противное. Ахъ, какъ онѣ покосились на инспектора, когда онъ заговорилъ на неизвѣстномъ имъ языкѣ; а еще болѣе, когда отвѣчалъ Павлусь. Но когда батенька изъ своей кружки удѣлили инспектору вишневки, да еще въ большую рюмку, тутъ маменька уже не вытерпѣли, а сказали батенькѣ просто:

„Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Съ чего вы это взяли такъ разливаться вишневкою. Вѣдь у насъ ея не море, а только три бочки. И за что ему такая благодать сверхъ условленнаго?"

— Ѳекла Зиновьевна! отвѣчали батенька съ важностью; не смущайте въ сію минуту моего родительскаго сердца, преисполненнаго радостью. Я, въ сей моментъ, не только рюмку вишневки, но и цѣлую вселенную отдалъ бы пану инспектору.

NB. Батенька, при какой либо радости, всегда говорили такимъ возвышеннымъ штилемъ и голосомъ громче обыкновеннаго.

— Вселенную какъ хотите, мнѣ до нея нужды мало, отвѣчали маменька: кому хотите, тому ее и отдайте; не мною нажитое добро; но вишневкою не согласна разливаться. Это дѣло другое.

NB. Маменька, по тогдашнему времени, были неграмотныя, и потому не могли знать, что никакъ не возможно отдѣлить вишневку отъ вселенной. Да, ко-

нечно: куда вы вселенную ни перенесете, а вишневку гдѣ оставите? на чемъ ее утвердите, поставите? Никакъ невозможно.

„Я же только рюмку и налилъ, сказалъ батенька: кажется, рюмка вишневки стоитъ радости, какую мы имѣемъ, слыша дѣтей нашихъ говорящихъ на иностранномъ діалектѣ?

— Подлинно, что иностранный! никто и не пойметъ его, сказали съ явнымъ неудовольствіемъ маменька. И какъ то сбиваетъ на вечерницы да на украдку. Ужасно слушать!

NB. Я долго не могъ сообразить, отъ чего маменька, неграмотныя, а скорѣе, нежели батенька, которые были напротивъ умный человѣкъ и любили ученость, поняли, о чемъ говоритъ доминe инспекторъ? Онѣ какъ разъ разслушали вечерницы и „украдъ“, а батенька и съ ученостью да прозѣвали всю силу. Теперь уже мусье гувернеръ одного изъ внуковъ моихъ объяснилъ мнѣ, что иногда человѣкъ и безъ ума, а скажетъ слово или сдѣлаетъ дѣйствіе такое, чего умному и на мысль не придетъ, „и что, прибавилъ онъ, мать ваша, какъ женщина, одарена была.... статестическимъ.... чувствомъ“. Что маменька была женщина, это такъ; но чтобъ имѣла такое чувство, я въ ней не замѣтилъ, и она не сознавалась. Мнѣ кажется, это произошло такъ, безъ всякаго чувства.

На ея замѣчаніе батенька возразили: „это, маточко, отъ того, что вы вовсе не знаете въ языкахъ силы“.

— Видите, какіе вы стали неблагодарные, Миронъ Осиповичъ! А вспомните, какъ вы посватались за меня и даже въ первые годы супружеской жизни нашей, вы всегда хвалили, что я большая мастерица приготовлять, солить и коптить языки, а теперь уже, чрезъ восемнадцать лѣтъ, упрекаете меня явно, что я въ языкахъ силы не знаю. Грѣхъ вамъ, Миронъ Осиповичъ, за такую фальшь! И маменька чуть не заплакали: такъ имъ было обидно!

„Умилосердитесь надо мною, Ѳекла Зиновьевна!" почти вскрикнули батенька и бросили назадъ поднесенную уже ко рту косточку жаренаго поросенка, которую предпринимали обсосать. „Вы всегда превратно толкуете. У васъ и столько толку нѣтъ, чтобъ понять, что я не о говяжьихъ языкахъ говорю, а о человѣчьихъ. Вы ихъ не знаете, такъ и молчите".

— По крайней мѣрѣ я имѣю свой языкъ и знаю его короче, нежели вашъ, и потому говорю имъ, что думаю. Говорю и всегда скажу, что дѣтскій языкъ, не тотъ, что у нихъ во рту, а тотъ, которымъ они говорятъ не по нашему, языкъ глупый, воровской, не пристойный.

NB. Маменька имѣли много природной хитрости. Бывало, какъ замѣтятъ, что онѣ скажутъ какую неблагоразумную рѣчь, тотчасъ извернутся и заговорятъ о другомъ. Такъ и тутъ поступили: увидѣвъ, что не въ попадъ начали толковать о скотскихъ языкахъ, такъ и отошли отъ предмета.

Батенька, чтобъ больше маменькѣ досадить, начали подтрунивать надъ ними и просили даже инспектора проэкзаменовать и насъ въ иностранной словесности.

Петрусь на заданный вопросъ отвѣчалъ *бойко и отчетисто* (слова, мною недавно схваченныя въ одной газетѣ, а смысла ихъ совсѣмъ не понимаю); батенька улыбнулись отъ восхищенія. Дошла очередь ко мнѣ и домине спросилъ: „У когентусъ лучшентусъ голосентусъ, у Ганентусъ или у Веклентусъ?“ Вопросъ былъ удобенъ къ рѣшенію и совершенно по моей части. Для незнающихъ бурсацкой словесности я переведу на россійскій языкъ: „у кого дескать лучше голосъ, у Ганки или Веклы?“ Это были двѣ дѣвушки, которыхъ домине Галушкинскій училъ пѣть со мною разные кантики. Я могъ бы однимъ словомъ рѣшить задачу, сказавъ, что „у Ганки де“, потому что у нея, въ самомъ дѣлѣ, былъ необыкновенный звонкій голосъ, отъ котораго меня какъ морозомъ драло по спинѣ. Но я былъ маменькиной комплекціи: чего мнѣ не хотѣлось, ни за что не скажу и не сдѣлаю ни за какіе милліоны, и хоть самая чистѣйшая правда, но мнѣ не нравится, то я и не соглашаюсь ни съ кѣмъ, чтобъ то была правда. И какъ вижу, что маменькѣ, имѣвшей отвращеніе отъ всякой учености, не нравится наша иностранная словесность, рѣшился притвориться непонимающимъ ничего и молчалъ.... молчалъ, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, намекамъ и понужденіямъ домине Галушкинскаго.

Батенька, озлясь, вставши отъ стола и проходя мимо меня, дали мнѣ такой щипки въ голову, что у меня слезы покатились въ три ручья, и пошли опочивать. NB. У батеньки рука была очень тяжела. Маменька же, напротивъ, погладивъ меня по головѣ и обтерши горькія мои слезы, взяли за руку, повели въ свою кладовеньку и надавали мнѣ разныхъ лакомствъ и, усадивъ меня со всѣмъ моимъ пріобрѣтеніемъ у себя въ спальнѣ на лежанкѣ, сказали: „сдѣлай милость, Трушко, не перенимай ничего нѣмецкаго!“ (NB. Извѣстно уже, что маменька были неграмотныя и до того не свѣдующія въ *свѣтскомъ* положеніи, что не знали разницы между нѣмецкимъ и латинскимъ государствами. Имъ и на мысль не входило, что эти различные между собою народы говорятъ различными языками. По ихъ разумѣнію всѣ Нѣмцы, да и Нѣмцы). Ты и какъ отъ природы глупенекъ, а какъ научишься всякой премудрости, то и совсѣмъ одурѣешь.“

Достопамятное изреченіе! Его слѣдовало бы изобразить золотыми буквами на публичномъ столбѣ каждаго города. Слѣдуя ему, сколько молодыхъ людей отъ дверей училища возвратились бы прилично мыслящими и были бы пристойно живущими людьми; а то, не имѣя собственнаго разсудка, и вникнувъ въ бездну премудрости, но понявъ ее превратно, губятъ потомъ себя и развращаютъ другихъ.

Это разсужденіе помѣстилъ въ моихъ запискахъ

однихъ изъ многаго числа племянниковъ моихъ, который хотя и былъ записанъ въ студенты, но слѣдуя предостереженію маменьки моей, далѣе сѣней университетскихъ не доходилъ, даже въ карцерѣ не бывалъ. Впрочемъ былъ *умная голова*!

Маменька на этомъ увѣщаніи не остановились. Онѣ были однѣ изъ важнѣйшихъ маменекъ нашего вѣка, коихъ правда и теперь въ новомъ поколѣніи можно бы найти тысячи, подъ другою только формою, но съ тѣми же понятіями о пользахъ и выгодахъ любимчиковъ сынковъ своихъ. Итакъ маменька, продолжая мотать нитки, продолжали наставлять меня: „Я съ утѣшеніемъ замѣчаю, что ты имѣешь столько ума на то, чтобъ не выучиваться всѣмъ этимъ глупостямъ, которыя вбиваетъ въ голову вамъ тотъ проклятый бурсакъ. Ты, душка, выслушивай всегда, да ничего не затверживай и не перенимай. Плюй на науки, и останешься разумнымъ и съ здоровымъ желудкомъ на весь вѣкъ. Вмѣсто этой дурацкой грамоты, которая только и научитъ тебя что читать, я бы желала, чтобы ты взялся за иконописство или, по крайней мѣрѣ, за малярство. Что за веселая работа! Что мазнулъ кистью, то либо красная, либо блакитная полоса!... И мнѣ бы когда обмалевалъ сундучокъ или дзигликъ (какъ тогда называлась стулка, т. е. стулъ). Я бы умерла спокойно, если бы увидѣла что нибудь окрашенное твоимъ искусствомъ....“

Въ ту пору я доѣдалъ моченое яблоко изъ пожало-

ванныхъ мнѣ маменькою лакомствъ, и поспѣшилъ обрадовать маменьку, что я уже умѣю раскрашивать „кунтштики".

„О?..." вскричали восхищенная маменька и, отъ восторга забывши, что онѣ мотаютъ нитки, всплеснули руками и уронили клубокъ свой. „Кто же тебя этому художеству научилъ?" спросили онѣ, даже облизываясь отъ радости.

— Никто не училъ, а самъ перенялъ, отвѣчалъ я. И не солгалъ. Почувствовавъ въ себѣ влеченіе къ живописи и увидя у домине Галушкинскаго нѣсколько красокъ и пензеликъ, я выпросилъ ихъ и принялся работать. Нарисовавъ нѣсколько изъ своей головы лошадей, собакъ и людей, и бывъ этимъ доволенъ, я рѣшился идти вдаль и раскрашивать все, попадавшееся въ книжкахъ. Въ Баумейстеровой логикѣ и въ Ломоносовой риторикѣ, какіе были цвѣточки или простыя фигурки, я такъ искусно закрашивалъ, что подлиннаго невозможно было и доискиваться; и даже превращалъ весьма удачно цвѣточки въ лошадку, а скотину въ женщину.

Маменька не совсѣмъ повѣрили мнѣ; но когда я принесъ свое художество, то онѣ ахнули, а потомъ прослезились отъ восторга. Долго разсматривали мною раскрашенные кунтштики; но какъ были не грамотны, то и не могли ничего понять и каждый кунтштикъ держали къ себѣ или вверхъ ногами или бокомъ. Я имъ не толковалъ; а онѣ не переставали хвалить, что

какъ это все живо сдѣлано! То-то материнское сердце: всегда радуется дарованію дѣтей своихъ! При распросахъ о значеніи каждаго кунштика, имъ вдругъ пришла въ голову слѣдующая счастливая мысль:

„Послушай, Трушко, что я вздумала. У твоего панотца (маменька о батенькѣ и за глаза отзывались политично) есть книга, вся въ кунштахъ. Меня совѣсть мучитъ, и нѣтъ ли еще грѣха, что всѣ эти знаменитыя лица лежатъ у насъ въ домѣ безъ всякаго уваженія, какъ будто они какой арапской породы, всѣ черныя, безъ всякаго человѣческаго вида. Книга, говорятъ, по кунштамъ своимъ рѣдкая, но я думаю, что ей цѣны вдвое прибавится, какъ ты ихъ покрасишь и дашь каждому живой видъ“.

Я задрожалъ отъ восхищенія, что мнѣ предстоитъ такая знаменитая работа, и тутъ же обѣщалъ маменькѣ отдѣлать всѣ куншты такъ, что ихъ и узнать не можно будетъ.

Маменька скоро нашли случай вытащить эту книгу у батеньки и передали ее мнѣ для приведенія въ лучшій видъ. Съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ приступилъ я къ работѣ. Всѣхъ кунштиковъ было сто. Первый куништъ представлялъ какого-то нагаго человѣка въ саду, окруженнаго звѣрями. Не было у меня красокъ всѣхъ цвѣтовъ, но это меня не остановило. Я пособилъ своему горю и раскрасилъ человѣка, какъ первую фигуру, лучшею краскою, красною; льва желтою, медвѣдя зеленою и такъ далѣе по очереди, на-

блюдая правило, о коемъ тогда и не слыхалъ, а самъ по себѣ дошелъ, чтобы на двухъ, вмѣстѣ стоящихъ, звѣряхъ не было одинаковаго цвѣта.

Работа моя шла быстро и очень удачно. Маменька не находили словъ хвалить меня и закармливали ласощами. Только и потребовали, чтобы нагихъ людей покрыть краскою, сколько можно толще и такъ, чтобы ничего невозможно было различить. „Покрой ихъ, Трушко, потолще; защити ихъ отъ стыда“. И я со всѣмъ усердіемъ накладывалъ на нихъ всѣхъ цвѣтовъ краски, не жалѣя, и имѣлъ удовольствіе слышать отъ маменьки: „Вотъ теперь живо; не возможно различить, человѣкъ ли это или столбъ?“

Лица, нравившіяся мнѣ, я красилъ любимыми цвѣтами, наприм.: лицо зеленое, волосы и борода желтые, глаза красные; но какъ „пензель“ у меня былъ довольно толстъ, то и крашеніе мое переходило черезъ границы, но это вовсе не портило ничего. Тѣхъ же, кто мнѣ не нравились — ухъ! какими уродами я сдѣлалъ! Чтобы имѣть выгоду представить ихъ по своему желанію, я, вмѣсто лица, намазывалъ большое пятно, и на немъ уже располагалъ уродливо глаза (у злѣйшихъ моихъ враговъ выковыривалъ ихъ вовсе), носъ и ротъ, и все въ самомъ отвратительномъ видѣ. И по дѣломъ имъ! Какъ имъ равняться съ порядочными людьми!...

Домине Галушкинскій и братья мои озабочены были своими дѣлами и не имѣли времени подмѣтить мои занятія и полюбоваться моимъ художествомъ.

Наконецъ работа моя кончилась, и маменька собирались обрадовать батеньку нечаянно. У нихъ обоихъ было общее правило: о чемъ нибудь хорошемъ, восхитительномъ, не предварять, а вдругъ поразить нечаянностью. Маменька такъ и расположились до случая, который скоро открылся.

Домине Галушкинскому истекалъ срокъ быть „на кондиціяхъ“, и онъ долженъ былъ возвратиться въ школу, чтобы продолжать свое ученіе. За руководство насъ въ наукахъ онъ получалъ изрядную плату и не желалъ лишиться ея, для чего онъ предложилъ батенькѣ, чтобы насъ, паничей, опредѣлить въ школу для большаго усовершенствованія въ наукахъ, въ коихъ мы, подъ руководствомъ его, такъ успѣли. Батенька нашли это выгоднымъ и договорились съ нимъ вновь: вмѣсто платья съ плеча батенькинаго должно было ему „набрать“ сукна цвѣтомъ, какого онъ самъ изберетъ, и къ этому снабдить его снурками и кистями, какъ слѣдуетъ для кирей. Деньги прежнія сами по себѣ. Жить ему съ нами на квартирѣ и на нашихъ харчахъ. Въ городѣ пріискана была уже квартира, и сукно для кирей пана Галушкинскаго было куплено цвѣтомъ, какого онъ желалъ. Избранный имъ цвѣтъ сукна былъ чудесный! Это былъ вишневый, смѣшанный съ краснымъ, чернымъ и голубымъ. Чудесный отливъ былъ! Пожалуйте же, что съ этимъ прелестнаго цвѣта сукномъ случится, такъ это умора! разскажу послѣ. Теперь же батенька, что отъ нихъ

зависѣло, до послѣдняго все распорядили; оставалось маменькѣ устроить насъ провизіею, посудою и прислугою. Батенька искали удобнаго времени объявить объ этомъ маменькѣ, не потому, чтобы ихъ не огорчить внезапнымъ извѣстіемъ о разлукѣ съ дѣтьми, но чтобы самимъ приготовиться и, выслушивая возраженія и противорѣчія маменькины, которыхъ ожидали уже, не выйти изъ себя, и гнѣвомъ и запальчивостью не разстроить своего здоровья, что за ними иногда бывало.

На таковъ конецъ батенька начали довольно меланхолично:

„Прикажите, Ѳекла Зиновьевна, завтра поутру рано отпустить муки, крупъ, масла и что нужно“....

— Не опять ли коммиссару? спросила маменька твердымъ голосомъ, не ожидая ничего непріятнаго.

„Какому коммиссару? Подите себѣ съ нимъ въ болото, а слушайте меня. Всего этого отпустите, сколько надобно для дѣтей. Они завтра переѣдутъ въ городъ, учиться въ школахъ“.

Маменька такъ и помертвѣли!... Черезъ превеликую силу могли вступить въ рѣчь и принялись было доказывать, что ученіе вздоръ, гибель-де нашимъ деньгамъ и здоровью. Можно быть умнымъ, ничего не зная, и всему научась, быть глупу. „Многому ли научились наши дѣти, продолжали онѣ: несмотря что сколько мы на на нихъ положили кошту пану Тимоѳтею и вотъ этому дурню, что по дурацки научилъ говорить

нашихъ дѣтей и невинныя ихъ уста заставилъ произносить непонятныя слова"....

— Чудны вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна, съ вашею глупостію! Каково было бы вамъ слушать, если бы я началъ толковать о вашихъ ниткахъ или кормленныхъ птицахъ? Такъ и тутъ. Наукъ совсѣмъ не знаете, а толкуете объ нихъ.

„Первые годы послѣ вашего супружества", сказали маменька очень печальнымъ голосомъ и трогательно подгорюнились рукою, „я была хороша и разумна. А вотъ пятнадцать лѣтъ, счетомъ считаю, какъ не знаю, не вѣдаю, отъ чего *я* у васъ изъ дуръ не выхожу. Зачѣмъ же вы меня дуру брали? А что правда, я то говорю, что ваши всѣ науки дурацкія. Вотъ вамъ примѣръ. Трушко; также ваша кровь, а мое рожденіе; но какъ онъ еще непороченъ и тѣломъ, и духомъ, и мыслію, такъ онъ и имѣетъ къ нимъ сильное отвращеніе".

— Вы мнѣ, Ѳекла Зиновьевна, не колите глазъ своимъ пѣстунчикомъ, Трушкомъ; онъ хотя и непороченъ, но изъ дураковъ дуракъ, и изъ него будетъ не болѣе какъ свинопасъ. Батенька отъ противорѣчій начинали уже приходить въ азартъ.

Тутъ маменька нашли удобную минуту опѣшить батеньку и, подойдя къ столу, достали нѣмецкую книгу и начали переворачивать листы, изукрашенные моимъ художествомъ.

— Кто.... кто это сдѣлалъ? вскричали батенька, вскипѣвъ отъ гнѣва.

Маменька, не замѣтивъ въ тонкости состоянія духа ихъ, а относя крикъ ихъ къ удивленію, отвѣчали такимъ же меланхоличнымъ тономъ, какъ и батенька при началѣ разговора: „Это дуракъ изъ дураковъ такъ украсилъ; онъ не болѣе, какъ свинопасъ!“ Маменька такою аллегоріею хотѣли кольнуть батеньку.

— Какъ онъ смѣлъ это сдѣлать? не кричали, а ревѣли батенька до того, что окна и двери въ домѣ тряслись. Въ запальчивости бросились они къ маменькѣ, желая по обычаю потузить ихъ хорошенько.... И тогда мнѣ лучше было бы. У батеньки такая была натура, что когда разлютуются, такъ и колотятъ перваго, кто попадется; когда же выбьютъ свое сердце, то виноватому уже ни слова не скажутъ. Тутъ же, къ моему несчастью, маменька ушли отъ ударовъ батенькиныхъ, оставивъ въ дверяхъ и епаничку свою; а я, спрятавшійся было въ пуховики маменькины, вытащенъ и наказанъ чувствительно и больно.

Батенька цѣлый день не могли успокоиться и знай твердили, что книга ихъ по кунштамъ была неоцѣненна; что иконописецъ, расписывающій въ ближнемъ селеніи иконостасъ, самъ предлагалъ за нее десять рублей.

Маменька же хотя не смѣли и на глаза показаться батенькѣ, но сидя въ другой комнатѣ, переговаривали ихъ слова тихонько: „десять рублей! великое дѣло! Кажется, своя утроба дороже стоитъ.“

Однако же это происшествіе не удержало бы насъ

отъ поѣздки въ городъ; но случилось нѣчто еще страшнѣе. На концѣ отъѣзда, когда домине Галушкинскій по обычаю управлялся съ другою тарелкою борщу, вдругъ.... какъ обваренный, кидаетъ ложку, схватывается за животъ, вскакиваетъ со стула и бѣжитъ.... формально бѣжитъ изъ комнаты.... Маменька насупились за такую неучтивость, а батенька, тоже подумавъ, что и маменька, улыбнулись, а за ними и мы дѣти, и особливо меньшія, расхохотались во все горло. Ну, и нужды нѣтъ, пересмѣялись, подумали и принялись за слѣдующее блюдо... какъ бѣжитъ нашъ домине, блѣдный какъ мертвецъ, волосы, какъ ни были связаны крѣпко въ косѣ, однакожъ всѣ напужались отъ внутренняго его волненія; въ рукахъ онъ несетъ какую то дерюгу, рыже-желто-краснаго цвѣта съ разнаго безобразнаго колера пятнами, а самъ горько плачетъ и, обращаясь къ батенькѣ, жалостнымъ голосомъ говоритъ:

„Вотъ, ваша вельможность, мой милостивый патронъ и благодѣтель! вотъ что учинилось съ вашимъ даромъ!...“

Батенька изумились такимъ его рѣчамъ, взяли эту дерюгу, развернули ее я насилу узнали, что это было то сукно, которое они пожаловали по уговору на кирею домине Галушкинскому, и которое было необыкновенно прелестнаго цвѣта, какъ я сказалъ выше, а теперь стало мерзкаго цвѣта съ отвратительными пятнами.

По миновеніи батенькинаго удивленія, они принялись распрашивать домине, отъ чего сукно измѣнило свой цвѣтъ? И тотъ, т. е. домине Галушкинскій, среди вздоховъ и всхлипываній, разсказывалъ слѣдующій пассажъ: получивъ отъ милостей батенькиныхъ сказанное сукно, онъ понесъ, дабы похвалиться имъ, Ульянѣ, нашей ключницѣ, молодой женщинѣ и дружно жившей въ домине инспекторомъ до того, что она каждое утро присылала ему „горяченькую булочку“ съ масломъ и сметаною ради фриштыка. Но это другая матерія; отложимъ въ сторону. Въ ту самую пору, когда онъ принесъ сукно, Ульяна разливала уксусъ, и какъ домине Галушкинскій необыкновенно близко подошелъ къ Ульянѣ, то одна мельчайшая капелька брызнула на сукно и сдѣлала на немъ пятнышко ярко-оранжеваго, необыкновенно прелестнаго цвѣта. По возвращеніи отъ Ульяны, домине Галушкинскому пришла счастливая мысль — все сукно превратить въ такой чудесно-прекрасный цвѣтъ. На сей конецъ, получивъ отъ Ульяны достаточное число уксусу, намочилъ въ немъ несчастное сукно.... Какъ намочилъ, а самъ пошелъ въ проходку; возвратился, поужиналъ, легъ спать, а сукно все мокнетъ. Уже и утро; домине Галушкинскій исполнилъ все должное, сѣлъ обѣдать, а сукно все мокнетъ!... Онъ всегда говорилъ о себѣ, что чѣмъ бы онъ ни занимался, что бы ни дѣлалъ, всегда имѣлъ философическія мысли въ головѣ. Такъ и теперь: ѣвши борщъ, онъ раз-

суждалъ, что малое количество пищи не можетъ утолить сильнаго голода. Отъ сего силлогизма, восходя все выше и выше, съ приспособленіями и примѣненіями, онъ мысленно дошелъ и до сукна, какъ вдругъ озарила его свѣжая мысль: когда капнула капля уксусу на сукно, то онъ его тотъ же мигъ стеръ и отъ того вышелъ цвѣтъ неизъяснимо прелестный; но когда сукно мокнетъ невступно цѣлыя сутки, но не испортилось бы оно.... Эта догадка какъ молнія поразила его, и онъ, какъ кипяткомъ облитый, выскочилъ и побѣжалъ, „оставя по себѣ сомнѣніе—такъ заключилъ онъ свое повѣствованіе—насчетъ моей благопристойности....“

Батенька и мы всѣ много смѣялись несчастью домине инспектора, однѣ маменька ужасно сердито смотрѣли, не изъ сожалѣнія къ убытку „Галушки“, а опасаясь, что батенька изъ жалости „къ этому дурню“—такъ онѣ его часто называли—наберутъ ему вновь столько же сукна. Такъ и вышло. Единственно въ пику маменькѣ батенька послали въ городъ за сукномъ, а пока его привезли, мы это время наслаждались домашнею жизнію.

Ну-те. Чтобъ не долго разсказывать, насъ, собравши, отправили въ повозкѣ въ городъ. Кромѣ изобильной провизіи для пропитанія нашего, намъ данъ хлопецъ Юрко; онъ долженъ былъ прислуживать намъ троимъ и домину инспектору нашему. Для наблюденія за насыщеніемъ нашимъ откомандирована была „ба-

буся", мастерица производить блины, пироги, пирожки, пирожечки, пироженчики и т. под. разныя вкусныя блюда и лакомства. Ей дано было подробное наставленіе—и все это отъ нѣжнѣйшей маменьки нашей—чѣмъ и по скольку разъ въ день кормить насъ. Въ помощь ей дана была дѣвка, стряпуха; на ней лежала обязанность мыть намъ головы еженедѣльно, чесать и заплетать длинныя косы наши ежедневно, распоряжать бѣльемъ и т. п.

Еще съ вечера отъѣзда нашего маменька начали плакать, а съ утра печальнаго дня „голосить" и оплакивать насъ съ невыразимо-трогательными приговорами. Само по себѣ разумѣется, что я, какъ объявленный „пѣстунчикъ" ихъ, получалъ болѣе ласкъ, нежели старшіе братья мои. Такимъ образомъ, приговаривая и лаская меня, вдругъ онѣ въ самомъ дѣлѣ сомлѣли и валятся-валятся—и упали на полъ. Я испугался и закричалъ: „батенька, пожалуйте сюда: маменька померли!" Батенька пришли и, увидѣвъ, что онѣ не совсѣмъ умерли, а только сомлѣли, дали мнѣ порядочнаго туза, чтобы я не лгалъ, а сами принялись освобождать отъ обморока маменьку, шевеля ей въ носу бумажкою. Это скоро помогло: маменька чихнули раза три и встали сами по себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, и принялись опять за свое—голосить.

Ну, какъ же не хвалить старины. Чудное дѣло какъ было все совершеннѣе! Какъ бы крѣпко ма-

менька ни сомлѣли, батенька, пощекотавши ихъ въ носу бумажкою, въ ту же минуту приводили ихъ въ себя. Теперь же прошу покорно! Жена моя то и дѣло, по слабости натуры, сомлѣваетъ, но щекотать ей въ носу даже и я не смѣю, строжайше запретила, не объяснивъ причины. А тутъ взбѣгаемся всѣ: я, дѣти, прислуга; кто спиртъ къ носу тычетъ, кто „оподель-докомъ“ виски ей третъ; кто, разведя ложку „магнезіи“ въ красномъ винѣ, дастъ ей выпить, и тьма хлопотъ! А не успѣемъ привести въ чувство, какъ она вновь сомлѣла, и бацъ на полъ. Пощекотать бы ей въ носу, такъ и не было бы такихъ бѣдъ!

И то сказать: и различные обмороки и отъ различныхъ причинъ бываютъ. Въ старину маменька сомлѣвали отъ всякаго сильнаго чувства; въ среднее время, моя любезнѣйшая супруга упадетъ въ обморокъ, такъ, ни отъ чего, ни съ радости, ни съ печали, когда вздумаетъ бацъ! и возись съ нею. Въ новѣйшее же, усовершенствованное—какъ нынѣшніе люди думаютъ—время, вторая моя невѣстка, хотя ей ужасная радость или печаль, ни за что не упадетъ въ обморокъ, когда не случится тутъ „гувернеръ“ сына ея. Онъ, изволите видѣть, какой-то природный маркизъ, но имѣетъ особую страсть воспитывать юношество, и потому, сложивъ свою знатность, договорился у моей невѣстки, когда она была на чужестранныхъ водахъ, образовать сына ея.... О! да и взялъ же съ нея—гувернерствовать! между нами сказавши—очень

дорого. Правда, кромѣ образованія мальчика, онъ ей полезенъ въ обморокахъ: никто-де такъ ловко не поддержитъ, какъ этотъ мусье-гувернеръ. А по той причинѣ, когда онъ при ней, что часто бываетъ, то она уже смѣло падаетъ, чтобы наслаждаться удовольствіемъ быть поддержанной мусье-маркизомъ. Вотъ и выходитъ, что и обмороки, и причины къ нимъ теперь совсѣмъ отличны отъ прежнихъ.

Пожалуйте; о чемъ-бишь я разсказалъ?... Да, вотъ насъ принялись провожать.... Но я не въ состояніи пересказать вамъ этого чувствительнаго пассажа. Меня и при воспоминаніи слеза пронимаетъ! Довольно скажу, что маменька за горькими слезами не могли ничего говорить, а только насъ благословляли: что же принадлежитъ до ихъ сердца, то вѣрно оно разбилось тогда на мелкіе куски, и вся внутренность ихъ разорвалась въ лохмотья.... вѣдь материнское сердце!

Что же относится до батеньки, то они показали крѣпкій свой духъ. Не мудрено: они имѣли крѣпкую комплекцію. Они не плакали, но не могли и слова болѣе сказать намъ, какъ только: „слушайте во всемъ пана Галушкинскаго; онъ вашъ наставникъ.... чтобъ не пропали даромъ деньги....“ и, махнувъ рукою, закрыли глаза, маменька ахнули и упали, а—мы себѣ поѣхали....

Еще мы не выѣхали изъ селенія, какъ меня одолѣла сильная грусть, по той причинѣ, что я забылъ

свои маковники въ бумажкѣ, для дороги завернутые и оставленные мною въ маменькиной спальнѣ на лежанкѣ. Заторопился и забылъ. Тоска смертельная! Ну, воротился бы, если бы льзя было! Но тутъ уже неограниченно властвовалъ домине Галушкинскій надъ нами, лошадями и малѣйшею частицею, обозъ нашъ составляющею.

Въ силу чего онъ занялъ въ повозкѣ первое мѣсто, разлегся и приказалъ намъ размышлять о пути, о цѣли поѣздки нашей, о намѣреніяхъ нашихъ, какъ намъ употребить время, и что встрѣтится намъ въ размышленіяхъ нашихъ умненькое или сомнительное, объявлять ему, а онъ будетъ разрѣшать.

Долго царствовало между нами молчаніе. Кто о чемъ думалъ, не знаю; но я все молчалъ, думая о забытыхъ маковникахъ. Горесть маменькина не занимала меня. Я полагалъ, что такъ и должно было быть. Онѣ съ нами разстались, а не я съ ними; онѣ должны грустить.... Какъ вдругъ братъ Петруся, коего быстрый умъ не могъ оставаться покоенъ и требовалъ себѣ пищи, вдругъ спросилъ наставника нашего:

„Скажите, пожалуйте, реверендиссиме домине Галушкинскій, гдѣ же городъ и наше училище? Вы говорили намъ, что гдѣ небо соединено съ землею, тамъ и конецъ вселенной. Вонъ далеко очень видно, что небо сошлось съ землею, ergo, тамъ конецъ міру; но на этомъ разстояніи я не вижу города. Гдѣ же онъ? Туда ли мы ѣдемъ?“

— Бене, домине Халявскій! Ваше предположеніе глубокомысленно, и вы мнѣ показали, что голова ваша занята важными размышленіями: но я долженъ разсѣять ваши сомнѣнія. Такъ сказалъ великій нашъ наставникъ и, поправивъ подъ собою подушку, продолжалъ ораторствовать: видимое вами соединеніе неба съ землею не есть въ существѣ, а это.... просто.... какъ бишь?... „фле.... флегматическій“ обманъ. Напротивъ, намъ надобно ѣхать долго, пока мы доѣдемъ до моря, и все намъ будетъ казаться, что впереди насъ земля соединяется съ небомъ, но это ложь, обманъ, призракъ. Потомъ и моремъ мы должны ѣхать еще долѣе, нежели па сушѣ, но уже не въ кибиткѣ, а въ кораблѣ или другомъ сосудѣ (иначе назвать домине Галушкинскій почиталъ непристойно и осуждалъ за то другихъ) и тогда достигнуть до края вселенной, т. е. гдѣ небо сошлось съ землею. Но никто изъ смертныхъ еще не достигалъ сего. И такъ, на этомъ-то пространствѣ, которое мы переѣзжаемъ до края вселенной, встрѣтится намъ городъ, въ коемъ наше училище....

„Такъ мы и моремъ поѣдемъ“? спросилъ Петруся живо; а я, боясь воды, уже принимался плакать.

— О, нѣтъ! воскликнулъ нашъ реверендиссиме: это въ описаніи я употребилъ только риторическую фигуру, т. е. исказилъ истину, придалъ ей ложный видъ. Но мы моремъ не поѣдемъ, потому что не имѣемъ приличнаго для того сосуда, а во вторыхъ и по-

тому, что училище наше расположено на сушѣ, ergo мы сушею и поѣдемъ.

За симъ домине инспекторъ обратился съ испытательными вопросами къ Павлусѣ, углубившемуся размышленіемъ своихъ въ лошадей. Повторенный вопросъ наставника: о чемъ онъ такъ глубоко размышляетъ? едва извлекъ его изъ задумчивости.

„А вотъ, сказалъ Павлуся, зѣвая при выходѣ изъ своихъ размышленій: я нахожу, что въ лошадиной упряжи много лишняго, и кожи, и ремней, и колецъ; такъ я дохожу, какъ бы этотъ безпорядокъ исправить“.

— Во всемъ виденъ изобрѣтательный умъ! проговорилъ въ пол-голоса домине и продолжалъ свои вопросы.

Какъ ни вслушивался я въ ученые разговоры нашего наставника, но меня одолѣлъ сонъ, и я не слыхалъ ни окончанія на семъ переѣздѣ начатаго, ни въ послѣдующіе за тѣмъ дни въ дорогѣ нашей разговоровъ, потому что лишь только влѣзалъ въ повозку, то и засыпалъ. Ergo—скажу по ученому, я путь свой совершилъ спокойно для тѣла и разсудка, не обременяя его никакими разсужденіями.

Близко ли, далеко ли отстоялъ городъ; скоро ли, не скоро ли—но насъ довезли и расположили на квартирѣ у какого-то обывателя. Квартира была со всѣми удобствами и весьма близко отъ училища. Бабуся, прибывъ прежде насъ, расположилась со своимъ хозяйствомъ и употчивала насъ ужиномъ вкуснымъ, жирнымъ, изо-

бильнымъ. Спасибо ей! Она была мастерица своего дѣла.

Хорошо. На другой день домине Галушкинскій долженъ былъ вести насъ къ начальнику, помощнику и главнымъ учителямъ школъ; чего для одѣли насъ въ новыя, долгополыя, суконныя киреи. Новость эта восхищала насъ. Въ самомъ дѣлѣ пріятно перерядиться изъ вѣчнаго халата, хотя бы изъ китайки сдѣланнаго, въ суконную, въ важно облекающую васъ кирею, изукрашенную тесьмами, снурками и кистями.

Домине Галушкинскій, осмотрѣвъ насъ и повторивъ уроки, какъ мы должны были отвѣшивать впередъ руки при поклонѣ помощнику, и какъ еще болѣе оттопыривать ихъ при нижайшемъ поклонѣ начальнику, сказалъ намъ слѣдующее наставленіе:

„Вашици, не забывайте, что начальникъ есть все, а вы ничто. Стоять вы должны передъ нимъ съ благоговѣніемъ; однимъ словомъ изобразить собою—?—вопросительный знакъ, и премудрыя его наставленія слушать со вниманіемъ. Избави Богъ противорѣчить! Речетъ:—„ложись!“, исполняй немедленно хотя бы ты былъ раз-пере-правъ и раз-пере-невиненъ. Вытерпливай наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить премудрое правосудіе его, и не смѣй ни малѣйше и никогда возроптать и попрекословить. Угодно будетъ ему полунощь признать полуднемъ? Сознавайся и утверждай, что солнце свѣтитъ и даже печетъ. Благоволитъ глаголъ обратить въ имя? *Vene*;

признавай и утверждай. Его власть и сила. Къ помощнику сохраните все тоже. Часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ.... точка, знакъ сильный, но безгласный. Въ школѣ, въ какову по мѣрѣ знаній вашихъ поступите, учителя уважайте и относитесь какъ бы къ своему начальнику; но—при глазахъ самого реверендиссиме—учителя уже ставьте ни во что. Предъ товарищами держите себя по шляхетски, какъ —!— знакъ удивительный, бодро, гордо, важно, и всѣ васъ почтутъ. Въ ссорахъ спѣшите отгрызаться и заганивайте своихъ противниковъ; иначе они унизятъ васъ хуже запятой. Въ драку сами не вступайте, но попавшаго колотите въ волю, остерегаясь дѣлать явные боевые знаки: для этого есть волосы, ребра, спина и др. Ходя по рынку, не рѣшайтесь ничего своровать; а наипаче вы, домине Павлуся, имѣющіе къ тому великую наклонность; здѣсь не село, а городъ; треклятая полиція тотчасъ вмѣшается. Одни не напивайтесь, но пригласивъ кого или бывъ приглашены отъ кого. Вы, домине Петруся, одарены особымъ, счастливымъ талантомъ: можете выпить бездну и пробыть на ногахъ тверды, съ непомраченною головой; но запахъ вина можетъ вамъ измѣнить. Для сего имѣйте всегда въ „кишенѣ" ишено или чеснокъ. Когда васъ, находящагося въ такомъ положеніи, призовутъ къ начальнику, поспѣшите пожевать ишена или чесноку и смѣло представайте къ реверендиссиму: носъ его не услы-

шитъ; на опытѣ извѣстно. Далѣ, о прочихъ подробностяхъ, какъ вамъ вести себя и какъ поступать, скажу во оное время.“

Мы такъ глубоко тронуты были назидательнымъ для нас наставленіемъ нашего наставника, что невольно, по сердечному влеченію, отдали ему поклонъ, довлѣющій одному начальнику, и при изъявленіи вѣчной благодарности всѣ его мудрыя правила обѣщали навѣкъ запечатлѣть въ юныхъ сердцахъ нашихъ и слѣдовать имъ. Само собою разумѣется, что я не говорилъ такихъ словъ, потому что незналъ о существованіи и значеніи ихъ, но говорили это братья моя; а я только кланялся, отвѣшивая руки впередъ,—и касаясь длинными руками нарядной моей киреи до полу, восхищался.

Убравъ отличный завтракъ, попеченіемъ бабуси приготовленный, мы пошли къ начальнику, а гостинцы, привезенные для него, несли за нами люди, привезшіе ихъ изъ дому. Мы шли по улицѣ.... Незабвенныя минуты! Что могло равняться съ восторгомъ моимъ, когда я шелъ въ киреѣ синяго сукна, коей кисти на длинныхъ снуркахъ болтались туда и сюда! Не знаю, смотрѣли ли на меня проходящіе, я не заботился; я смотрѣлъ самъ на себя, шевелилъ плечами, болталъ руками, все для того, чтобы мотались мои кисти. Истинно скажу: при женитьбѣ моей я былъ разодѣтъ хватски, идя въ парѣ съ своею, тогда прелестною, новобрачною; но я не былъ такъ восхищенъ, какъ

болтающимися кистями у моей киреи.. Ахъ, киреа!... ахъ, кисти!.... Но все прошло!.... Обратимся къ предмету.

Мы пришли къ начальнику.

Когда мы еще жили дома, то батенька говаривали намъ, чтобы мы сами себя готовили къ тому званію, какое кому нравится, исключая Павлуся, котораго предназначилъ онъ по бумажной части, говоря, „горбъ не помѣшаетъ тебѣ быть хорошимъ юристою“.

И вотъ, когда я вошелъ только въ прихожую начальника, то уже и рѣшился не быть ни кѣмъ болѣе, какъ начальникомъ училища. Это было окончаніе наказаній. Родители возвращали сыновей своихъ изъ домовъ въ училище. Нужно было вписать явку ихъ, переписать въ высшій классъ: ergo съ чѣмъ родители являлись. То-то же. Я очень благоразумно избралъ. Итакъ рѣшено: желаю быть начальникомъ училища!

Наконецъ, послѣ многихъ, допустили и насъ къ самому. Отвѣсивъ должные высокому его сану поклоны, доминe Галушкинскій началъ объясняться, что онъ не даромъ провелъ время на кондиціяхъ: приготовилъ трехъ юношей, имѣющихъ сдѣлать честь училищу и даже вѣку. Начальникъ удостоилъ насъ обозрѣть, но нѣсколько меланхолически. Домине инспекторъ поспѣшилъ подать письмо, писанное самими батенькою.

Начальникъ прочелъ и взглянулъ на насъ внимательнѣе. Потомъ сказалъ руководителю нашему: „ну, что жъ?“

— Сей-часъ, сказалъ Галушкинскій и началъ „дѣйствовать“.

Первоначально внесъ онъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго тончайшаго домашняго холста.

Начальникъ сказалъ меланхолично: „написать ихъ въ синтаксисъ“.

Домине Галушкинскій не унывалъ. Поклонясь, вышелъ и вошелъ, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ.

Реверендиссиме, приподнявъ голову, сказалъ: „они могутъ быть и въ піитикѣ.“

Наставникъ нашъ не остановился и втащилъ три боченочка: съ вишневкою, терновкою и сливянкою.

Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: „впрочемъ, зачѣмъ глушить талантъ ихъ? Когда дома такъ хорошо все приготовлено (при чемъ взглянулъ на все принесенное отъ насъ домашнее), то вписать ихъ въ риторику.“

Домине Галушкинскій остановился, поклонился низко и началъ говорить съ нимъ на иностранномъ діалектѣ...

„О батенька и маменька!“ думалъ я въ то время: „зачѣмъ поскупились вы прислать своей отмѣнной грушовки, славящейся во всемъ околодкѣ? Насъ-бы признали прямо философами, а чрезъ то сократился бы курсъ ученія нашего, и вы, хотя и вдругъ, но, быть можетъ, меньше заплатили бы, нежели теперь, уплачивая за каждый предметъ!“

Тутъ я началъ прислушиваться къ разговору реверендиссима начальника съ домине Галушкинскимъ. Перваго я не понималъ вовсе: конечно онъ говорилъ настоящимъ латинскимъ, домине же нашъ хромалъ на обѣ ноги. Тутъ была смѣсь словъ: латинскаго, бурсацкаго и чистаго россійскаго языка. Благодаря такого рода изъясненію, я легко понялъ, что онъ просилъ за старшихъ братьевъ помѣстить ихъ въ риторику, а меня, вмѣсто инфимы, „по слабоумію“ написать въ синтаксисъ, обѣщая заняться мною особенно и такъ, чтобы я догналъ братьевъ.

Реверендиссиме кивнулъ головою и сказалъ: „*Bene*, согласенъ. Ты знаешь, что должно дѣлать, исполни.“ И проговоривъ еще чистыхъ латинскихъ словъ нѣсколько, коихъ я не понялъ, отпустилъ насъ.

Домине Галушкинскій обходилъ съ нами помощника и другихъ учителей. Мы кланялись имъ, подносили гостинцы, соотвѣтственно званію и вѣсу ихъ въ училищѣ, и возвратились въ квартиру—братья „риторами“, а я, мизерный, синтаксщикомъ: что дѣлать!

О благословенная старина! Не могу не похвалить тебя! Какъ было покойно и справедливо. Наприм. дѣти богатыхъ родителей—зачѣмъ имъ безпокоиться, изнурять здоровье свое, главнѣйшее—истощать желудокъ свой, мучиться вытверживаніемъ тѣхъ наукъ, которыя не потребуются отъ нихъ черезъ весь ихъ вѣкъ? Подарено—а подарить есть изъ чего—и дѣтямъ приписаны всѣ знанія и приданы имъ ученыя званія

безъ потери времени и ущерба здоровья... Теперь же?.... Морозъ подираетъ по кожѣ! Головы сахару, штофы, боченки, хотя удвойте ихъ—ничто, ничто не доставитъ вовсе ничего. Бѣдные молодые люди теперешняго вѣка! хотя тресните, а должны всѣ науки выучить, какъ буки азъ—ба. А сколько умножилось наукъ! Сколько выраженій, словъ, надъ изобрѣтеніемъ которыхъ иной просиживалъ цѣлыя ночи—и въ награду, значенія ихъ никто и даже самъ онъ, выдумщикъ, никахъ не понимаетъ и изъяснить не можетъ! O tempora, o mores. Невольно восклицаю я ученую фразу, невольно уцѣлѣвшую въ памяти моей!.... Обычаи начальства измѣнились въ пріемѣ ищущихъ свѣта ученія.... Гдѣ ты, блаженная старина?... Возвратишься ли?.. Грустно!..

Но будемъ продолжать. Тутъ увидите, какая разница послѣдовала въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, и что я долженъ былъ вытерпѣть, опредѣляя въ ученіе Миронушку, Егорушку, Савушку, Ѳомушку и Трофимушку, любезнѣйшихъ сыновей моихъ.

Наступилъ день открытія ученья. Ни ѣвши, ни пивши, мы поведены въ школы. Братья, какъ риторы, пошли особо, а я въ препровожденіи вышесказаннаго хлопца Юрка поплелся въ своей синтаксисъ, который и называть съ трудомъ могъ. Въ школу вступилъ я очень равнодушно, предоставляя все случаю, а самъ рѣшился, по наставленію нѣжнѣйшей маменьки, не перенимать ни одной изъ всѣхъ наукъ, вообще глу-

ныхъ и глупыми людьми отъ праздности выдуманныхъ. И такъ я принялъ твердое и непоколебимое намѣреніе „не учиться съ жаромъ“, а жить свободно, какъ хочу, по вольности моей шляхетской породы. Будутъ наказывать? Правда больно и даже утвердительно скажу, очень больно, но и панъ Кнышевскій и домине Галушкинскій говаривали, что „все начинающееся оканчивается“, а потому хотя и начнутъ сѣчь, но по естественному порядку, какъ и по опыту знаю, перестанутъ. При томъ же, послѣ сѣченія, какъ бываетъ человѣкъ или мальчикъ живъ, одушевленъ, развязенъ—ссылаюсь на всѣхъ, кто испыталъ на себѣ сѣченіе. До сихъ поръ не знаю настоящей тому вины: физическое ли это слѣдствіе, что отъ эксперимента кровь придетъ въ быстрое кругообращеніе, и отъ того человѣкъ дѣлается веселѣе, быстрѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, или тому причиною душевное состояніе человѣка, когда онъ знаетъ, что его наказали и больше сѣчь не будутъ. Но чтобы ни было, только послѣ сѣченія положеніе восхитительное! Но оставимъ одну половину этого ученаго разсужденія: выгодно ли неучиться? И обратимся къ другой: какую пользу принесетъ ученіе?

Положимъ, что я въ молодыхъ лѣтахъ поглотилъ всю премудрость, изученъ всему отличнѣйшимъ образомъ, достоинъ во все ученыя степени. Но вступивъ въ свѣтъ, скажите, пожалуйста, когда и на что пригодятся науки? Жить своимъ домомъ, въ хозяйствѣ,

на охотѣ — скажете? Тутъ ихъ совсѣмъ не спросятъ. При женитьбѣ и того болѣе. Хотя проглоти всю халдейскую премудрость, а египетскою закуси, такъ все не распознаешь нрава въ невѣстѣ до брака, а потомъ не примѣнишься къ капризамъ, когда станетъ женою твоею. Есть на свѣтѣ и неученые, и живутъ себѣ изряднехонько. И я туда же пойду, куда и выслушавшіе всю премудрость. Когда батенька и маменька помрутъ, и мы съ братьями раздѣлимся имѣніемъ, такъ на мою долю придется порядочная часть, и тогда къ чему мнѣ науки? Меня почтутъ люди, навѣщающіе меня, также какъ и ученаго.

Скажете, нужно учиться для того, чтобы читать книги. Вотъ еще что выдумали! Что изъ того, если онѣ достигнутъ цѣли, для какой пишутся, т. е. чтобы насъ усыплять? И правду сказать, какъ усыпляютъ! а особливо—канальскія! съ пышными заглавіями, съ цвѣтистыми обертками, съ значительными точками, съ умышленными пробѣлами.... Это чудо что за книжки! Полагаю, что не родился человѣкъ, чтобы ихъ до конца дочиталъ; уснетъ — будь я каналья, когда не уснетъ, по опыту говорю, *знатно* уснетъ. Такъ неужели для того, чтобы самому уснуть или усыплять другихъ, губить въ принужденіи золотую молодость; тратить время, нужное на игры и веселья; разстроивать здоровье принужденнымъ сидѣньемъ и удаленіемъ отъ пищи? На что это похоже? Меня и простой сказочникъ такъ же усыпитъ, какъ и лучшая повѣсть или романъ въ 4-хъ (уфъ!) частяхъ.

При томъ же маменька моя правду говаривали: ничто такъ человѣку не нужно, какъ здоровье; съ нимъ можно все и много кушать; а кушая все, поддерживаешь свое здоровье. Пирогъ сдѣланъ для вмѣщенія начинки, а начинка сдабриваетъ пирогъ; такъ и человѣкъ съ своимъ желудкомъ. Науки же — настоящіе „глисты": изнурятъ и истощатъ человѣка хоть брось.

Основавшись на такомъ ясномъ и справедливомъ заключеніи моей маменьки, женщины хотя и неученой, но съ большимъ количествомъ здраваго разсудка, и потому видящей всѣ вещи въ настоящемъ видѣ, цвѣтѣ и мѣрѣ, и сходно съ моими понятіями, я всѣмъ моимъ разсужденіямъ произнесъ слѣдующій результатъ: „тьфу!" и произнеся это маменькино любимое выраженіе и, по примѣру ихъ, плюнувъ въ самомъ дѣлѣ, вступилъ „въ синтаксисъ" съ видомъ самодовольства.

Насъ, синтаксистовъ, было большое число, и все однолѣтки. До прихода учителя я подружился со всѣми до того, что нѣкоторыхъ приколотилъ и отъ другихъ былъ взаимно поколоченъ. Для перваго знакомства дѣла шли хорошо. Звонъ колокольчика возвѣстилъ приходъ учителя, и мы поспѣшили кое-какъ усѣсться. Имѣя отъ природы характеръ меланхоличный, т. е. комплекцію кроткую, застѣнчивую, я не любилъ выставляться, а потому и сѣлъ далѣе всѣхъ: правда съ намѣреніемъ, что авось-либо меня не замѣтятъ, а потому и не спросятъ.

Учитель открылъ классъ рѣчью, прекрасно сложенною, и говорилъ очень чувствительно. О чемъ онъ говорилъ, я не понялъ, потому что и не старался понимать. Къ чему рѣчь, написанную по правиламъ риторики, говорить передъ готовящимися еще слушать только синтаксисъ? Пустыя затѣи! При всякой его остановкѣ для перевода духа, я, кивая головою, приговаривалъ тихо: „говори!"

Рѣчь кончилась и учитель каждому изъ насъ замѣтилъ, что мы должны были назавтра выучить. Съ тѣмъ насъ и распустили.

„Напрасно безпокоитесь, домине учитель!" разсуждалъ я, поспѣшая къ трудолюбивой бабусѣ, съ разсвѣта заботившейся о пирожкахъ къ завтраку нашему. „Учить вашего урока не буду и не буду". О! да и позавтракалъ же я въ тотъ день знатно!...

Домине Галушкинскій цѣлый день не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, твержу ли я свой урокъ и чѣмъ занимаюсь. А въ силу того, я въ книжку и не заглядывалъ, а цѣлый день проигралъ съ сосѣдними ребятишками въ бабки, свайку и мячъ.

Утромъ домине приступилъ прослушивать уроки панычей до выхода въ школы. Какъ братья учились и какъ вели себя, я разсказывать въ особенности не буду: я знаю себя только. Дошла очередь до моего урока. Я ни въ зубъ не зналъ ничего. И могъ ли я что нибудь выучить изъ урока, когда онъ былъ по латыни? Домине же Галушкинскій насъ не училъ бук-

вамъ и складамъ латинскимъ, а шагнулъ впередъ поверхамъ, заставляя затверживать по слуху. Моего же урока даже никто и не прочелъ для меня; и потому изъ него я не зналъ ни словечка.

Домине инспекторъ принялся меня ужасно стыдить; напоминая мнѣ шляхетское мое происхожденіе, знатность рода Халявскихъ и въ conclusio—такъ назвалъ онъ—запретилъ мнѣ въ тотъ день ходить въ школу. „Стыдно-де и мнѣ, что мой ученикъ, на первый классъ, неисправенъ съ урокомъ“.

Я для приличія потупилъ голову, яко бы устыдясь; а ей Богу! по совѣсти и чести говоря, внутренно радовался, что не обязанъ идти въ школу. Вотъ еще нужда мнѣ до знаменитыхъ Халявскихъ, предковъ моихъ! Мнѣ къ нимъ дѣла нѣтъ, и они меня не знай. Съ чего я буду мучиться надъ проклятыми именительными и родительными? Что тутъ общаго съ заслуженною славою предковъ моихъ? Предки мои не знали этихъ пустяковъ, то и не взыщутъ, хоть домине инспекторъ тресни себѣ съ досады, что потомокъ ихъ презираетъ всю учебную галиматью. Такъ я размышлялъ, а бабуся между тѣмъ украшала столъ пирожками, блинами, вареникаии....Ну, прелесть, заглядѣніе!... Какъ вдругъ жестокосердый домине изрекъ приговоръ: „домине Трушко не вытвердилъ урока, за то въ классъ не пойдетъ; а когда въ классъ не пойдетъ, ergo—не долженъ участвовать въ завтракѣ“.

Вообразите мое положеніе! Я былъ какъ громомъ

поражень и, бывъ маменькиной комплекціи, хотѣлъ сомлѣть, но меня прорвало слезами.... да какими?... изобильными, горькими.... Я ревѣлъ, кричалъ, вопилъ, но домине Галушкинскій оставался непреклоненъ и съ братьями моими сокрушилъ все предложенное имъ. Чѣмъ меньше оставалось прелестей на столѣ, тѣмъ сильнѣе я ревѣлъ, теряя всякую надежду позавтракать вкусно.

Наконецъ жестокій Галушкинскій усилилъ скорбь мою, давъ слезамъ моимъ превратный, обидный для меня толкъ. Онъ уходя сказалъ: „утѣшительно видѣть въ вашицѣ благородный гоноръ, заставляющій васъ такъ страдать отъ стыда; но говорю вамъ, домине Трушко, что если и завтра не будете знать урока, то и завтра не возьму васъ въ классъ!“ Съ сими словами онъ вышелъ съ братьями моими.

„Слѣдовательно (должно бы сказать мнѣ, какъ учащемуся латинской премудрости, ergo; но какъ я ужасно сердился на все латинское, то сказалъ по россійски слѣдовательно) я и завтра безъ завтрака?“ Я хотѣлъ показать моему мучителю, что меня не лишеніе класса терзаетъ, я хотѣлъ бы и навѣкъ отъ него избавиться, но существенная причина—но онъ уже ушелъ, не слыхавши словъ моихъ, что и вышло къ лучшему.

Пожалуйте. По уходѣ ихъ, я въ сильной горести упалъ на постель и разливался въ слезахъ. Въ самомъ же дѣлѣ, если безпристрастно посудить, то мое

положеніе было ужаснѣйшее! Лишиться въ жизни одного завтрака... Положимъ, я сегодня буду обѣдать, завтра также будетъ изобильный завтракъ; но гдѣ я возьму сегодняшній? Увы! онъ перешелъ въ желудки братьевъ и наставника, слѣдовательно—а все-таки не ergo—поступивъ въ вѣчность, погибъ для меня безвозвратно.... Горесть убивала меня....

Но геній утѣшитель бодрствовалъ близъ меня....

„Папыченько! не хотите ли вы чего нибудь закусить?“ услышалъ я сладкій въ то мгновеніе голосъ бабуси, дергающей меня за руку, которою я закрылъ слезящіяся очи мои.

— Чего тамъ....у...уже...когда....все...п...по....покушали! отвѣчалъ я всхлипывая.

„Какое покушали! Я вамъ всего оставила, да еще больше и лучшенькое.“ Никакая гармонія такъ не услаждала человѣка, какъ усладили меня эти, повидимому, простыя слова; но какая была въ нихъ сила, звучность, жирность!...

Я поспѣшилъ приподнять голову.... о восторгъ!... На столѣ пироги, вареники, яичница, словомъ, все то, лишеніе чего повергло меня въ отчаяніе.

Я перескочилъ разстояніе отъ кровати къ столу и принялся... Ахъ, какъ я ѣлъ!... вкусно, жирно, изобильно, живописно и, въ добавокъ, полновластно, не обязанный спѣшить изъ опасенія, чтобы товарищъ не схватилъ лучшихъ кусочковъ.... Иному все это покажется мелочью, не стоющею вниманія, не только

разсказа; но я пишу о томъ вѣкѣ, когда люди „жили“, т. е. одна забота, одно попеченіе, одна мысль, одни разсказы и сужденія были все объ ѣдѣ: когда ѣсть, что ѣсть, какъ ѣсть, сколько ѣсть. И все ѣсть, ѣсть и ѣсть. И жили для того, чтобы ѣсть.

Восхитительная музыка при моемъ завтракѣ такъ бы не усладила меня, какъ слѣдующій разсказъ бабуси: „Кушай, панычонько, кушай, не жалѣй матушкинаго добра. Покушаешь это, я еще подамъ. Какъ увидѣла я, что тебя хотятъ обидѣть, такъ я и припрятала для тебя все лучшенькое. Такъ мнѣ пани приказала, чтобъ ты не голодовалъ. Не тужи, если тебя не будутъ брать въ школу; я буду тебя подкармливать еще лучше, нежели ихъ.“

Баста! Бабусины слова еще болѣе усилили во мнѣ отвращеніе къ ученію. И я далъ себѣ и бабусѣ торжественное обѣщаніе, сколько можно рѣже быть достойнымъ входа въ училище, имѣя въ виду наслаждаться жизнію. Далъ и сдержалъ свое благородное, шляхетское, какъ прилично потомку знаменитыхъ Халявскихъ, слово: весьма рѣдко выучивалъ задаваемые уроки и выучиваемаго не старался помнить. То, по наученію бабуси, прикидывался больнымъ, лежа въ теплой комнатѣ подъ двумя тулупами, то будто терялъ голосъ и хрипѣлъ такъ, что нельзя было разслушать, что я говорю—что дѣлалъ я мастерски! и много подобныхъ тому средствъ, кои въ подробности передалъ уже моимъ любезнѣйшимъ сыночкамъ при

опредѣленіи ихъ въ училище, какъ полезное имъ для сбереженія здоровья ихъ.... не на таковскихъ напалъ! Это ужасъ, какъ различно отъ меня мыслятъ дѣти мои; послушайте только ихъ. Говорю и утверждаю: свѣтъ вывороченъ на изнанку.

Сказано мною выше, что братья мои признаны были риторами; но какъ вовсе не знали предыдущихъ риторикѣ наукъ, то домине Галушкинскій преподавалъ ихъ дома. Къ рѣчи скажу: что это за голова была у нашего инспектора! Онъ только того не зналъ, чего не было на свѣтѣ или въ природѣ. Примется ли за грамматику? такъ и пожинаетъ ее! Именительныхъ, родительныхъ, къ чему хотите, кучами навалитъ. Прошедшее, будущее, это какъ искры сыплются, и не запнется ни на одномъ словѣ. Когда доходило до *лицъ*, то онъ представлялъ въ лицахъ: онъ былъ *я*, Петруся былъ *ты*, Павлуся *онъ*, я же по тупоумію всегда было *оно*, среднее лицо. И тутъ какъ примется, такъ на всякое слово всѣ и дѣйствуютъ: и я, и ты, и онъ, также и въ множественномъ. Куда! всего и пересказать не можно, а онъ все это изъ книжки такъ и дѣйствуетъ, не запинаясь.

Въ стихотворствѣ опять: это на удивленіе! Не только зналъ, что есть хореи, ямбы—чортъ знаетъ, что тамъ еще! не только училъ, какъ по нимъ сочинять, но и самъ сочинялъ преотличные стихи, какіе хотите, длинные, короткіе, мужскіе, женскіе.... да какъ напишетъ такихъ стиховъ листахъ на двухъ,

станетъ читать, такъ это прелесть!... Всѣ такъ и уснемъ на первой страницѣ.

Отъ своего дарованія возбудилъ онъ и въ насъ страсть къ стихотворству. Братья хотѣли попробовать себя въ сочиненіи и попросили у домине инспектора *мѣры* на стихи. Онъ далъ мѣрку не длинную, такъ, вершка три не больше длины (теперешнимъ стихотворцамъ эта мѣра покажется короткою, но увѣряю васъ, что въ наше время длиннѣе стиховъ не писали, разумѣется, *стихотворцы*, а не *стихоплеты*; имъ законъ и въ наше время не былъ писанъ); притомъ преподалъ правила, что-бы мужской и женскій стихъ слѣдовали постоянно одинъ за другимъ, и чтобы риѳмы были богатыя.

Принялись наши молодцы за стихотворство—и написавъ, подали домине Галушкинскому, сѣвшему за столъ съ мѣркою въ рукахъ. И что-же? Петрусь, какъ выше обыкновеннаго ума, полетѣлъ и полетѣлъ! Ни одинъ стишекъ не пришелся въ мѣру; то уже длиненъ черезъ-чуръ, то коротокъ; риѳмы набраны были *словно поднятыя изъ валяющихся на улицѣ*—такъ изъяснилъ наставникъ. У Павлуся же стихи вышли на удивленіе! Во-первыхъ, всѣ въ одну мѣрку; уже какъ ея ни прикладывалъ домине, все точь въ точь, ни длиннѣе, ни короче. Стихи мужской и женскій съ богатыми риѳмами шли безпрестанно. Наприм. впереди *Агаѳонъ*, риѳма ему самая богатая, *милліонъ*. За Агаѳономъ Марина, рифма *гривна* конечно не такъ

богата, но и домине Галушкинскій сознался, что женскихъ богатыхъ риѳмъ мало. Пожалуйте-же. За Мариною, *Омельянъ*, риѳма *имперiалъ;* тутъ же вслѣдъ по правиламъ: *Агрипина*, риѳма *полтина.* И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же порядкѣ. Въ риѳмахъ даже *грошъ* не былъ включенъ, не только *копѣйка.* Я вамъ говорю, что все были богатыя. Это же я сказалъ объ окончательныхъ словахъ, а въ строчкахъ что было, такъ прелесть! Изобильная бакча на Парнасѣ.... богини на вечерницахъ.... всѣ боги пьяны.... да это чудо, что тамъ было въ стихахъ! Домине Галушкинскій даже облизывался, читая. У Петруся все не такъ: у него все страшные, военные, съ пушечною пальбою; и какъ выстрѣлитъ пушка и начнутъ герои падать, такъ такое ихъ множество поразитъ, что изъ мѣрки вонъ; а чрезъ то и не получилъ одобренія отъ наставника.

Стихотворство увлекательно. Какъ ни ненавидѣлъ я вообще ученыя занятія, но стихи меня соблазнили, и я захотѣлъ написать маменькѣ поздравительные съ наступающимъ новымъ годомъ. Чего для, притворясь больнымъ, не пошелъ по обыкновенію въ школу, а позавтракавъ, сдѣлавъ самъ себѣ мѣрку, принялся и къ обѣду написалъ:

Когда я проходилъ,
То лѣзъ мимо крокодилъ,
Превеликой величины
И несъ въ зубахъ кусокъ ветчины....

Все шло хорошо. Мужская и женская, *крокодилъ* и *ветчина*, правильно, слова нѣтъ.... но не пріискалъ богатства для риѳмы, а пуще всего бился я съ мѣркою стиховъ. Никакъ не слажу! Въ короткій стихъ не найду словъ, чтобъ вытянуть его, изъ длиннаго не придумаю какое слово выкинуть, чтобъ укоротить стихъ.... возился-возился, ужъ я и палецъ приставлялъ ко лбу, какъ дѣлывалъ домине Галушкинскій, все ничего. И я среди размышленій крѣпко заснулъ. Ни одному нашему брату стихотворцу не стоили такъ дорого оды его, какъ мнѣ эти два стишка; но къ несчастію для потомства этотъ пушистый, махровый цвѣтокъ Россійской словесности, не распустившись, увялъ навсегда!!!

Къ Рождественскимъ святкамъ мы должны были возвратиться домой. Батенька приказывали намъ привезти свидѣтельства объ ученіи и поведеніи нашемъ. Не знаю, какіе аттестаты получили братья; полагаю, что не дурные, потому что Петруся боялись не только риторы, но и самые философы: онъ безъ вниманія оставлялъ ученость ихъ, а въ случаѣ неповиновенія и противорѣчія тузилъ ихъ храбро; никто не смѣлъ ему противоборствовать. Да и на кулачныхъ бояхъ, куда мы ходили подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ учителей, подъ простою одеждою скрывавшихъ свою знаменитость, и тамъ Петрусь былъ законодателемъ; въ какой стѣнѣ стоялъ онъ, тамъ была и побѣда. Высокъ ростомъ, широкоплечъ, мужественъ, неустра-

шимъ, храбръ, горячъ, вспыльчивъ, за бездѣлицу, кого бы ни было, тотчасъ по мордасу — и выходитъ на кулаки; все трепетало его. Онъ отъ фортуны одаренъ былъ всѣми геройскими достоинствами! Какъ же тому не получить по всей справедливости лучшаго аттестата? Одинъ изъ начальствующихъ въ училищѣ говаривалъ про него: „завидный молодецъ! сильный по роду, сильный по богатству, сильный по силѣ своей.“

Братъ Павлусь другими достоинствами пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Природою обиженный въ своей „натуральности“, какъ выражались о немъ учители—онъ богатъ былъ хитрымъ, тонкимъ, изобрѣтательнымъ умомъ. Чтобы имѣть большій кругъ для дѣйствій своихъ, онъ присталъ къ бурсакамъ и, чистосердечно сказать, его способами они роскошествовали въ пищѣ и прочемъ. Изъ всѣхъ подвиговъ его вкратцѣ скажу: онъ выходилъ всегда на рынокъ, припасши на бѣломъ конскомъ волосѣ, связанномъ длиною саженей въ пять, удочку, закрытую какимъ нибудь лакомствомъ для птицы. На каждомъ рынкѣ обыкновенно ходятъ домашнія птицы: куры, гуси, индѣйки, и живятся крохами. Въ кучу ихъ Павлусь броситъ удочку, и съ волоскомъ отойдетъ далѣе, поджидая, пока удочку его схватитъ индѣйскій пѣтухъ. Тутъ Павлусь побѣжитъ изо всей силы, а бѣдный пѣтухъ, чувствуя боль въ горлѣ, не можетъ сопротивляться тянущей его удочкѣ, бѣжитъ какъ взбѣ-

сившійся, голову протянувъ, глаза выпучивъ и растопыривъ крылья. Народъ, не примѣчая бѣгущаго впереди школяра и также волоска, коимъ тащится пѣтухъ, смотритъ на необыкновенное положеніе птицы, удивляется, кричитъ: „гляди, гляди! вотъ чудесія! сказился индюкъ!“ Въ воротахъ бурсы встрѣчаютъ побѣдителя съ тріумфомъ, а добычу, схвативши, немедленно зарѣзываютъ и на бѣгу ощипываютъ перья, и чуть только вбѣгутъ на кухню, кидаютъ въ котелъ.

Снабдивъ такимъ и подобнымъ образомъ бурсаковъ пищею, братъ Павлусь позаботится о снабженіи ихъ и питейной частью. Для сего онъ пріищетъ широкую шинель, уберетъ ее какъ-то хитро и мудро, спрятавъ подъ нее два штофа, на особыхъ шнуркахъ и, наполнивъ одинъ водою, а другой оставивъ пустымъ, идетъ въ шинокъ. Тамъ онъ рѣшительно требуетъ наполнить пустой штофъ водкою и спроситъ смѣло, сколько слѣдуетъ за водку денегъ? штофъ же съ полученною водкой спрячетъ за горбъ свой. Услышавъ же, что должно за штофъ водки заплатить двадцать копѣекъ, онъ разсердится, перебранитъ шинкаря и будто въ досадѣ вытащитъ опять штофъ, но искусно подмѣнивъ на тотъ, что съ водою и выливаетъ ее въ кадку, крича, что ему такой дорогой водки не надо. Шинкарь, не имѣя времени съ нимъ торговаться и спорить, почитая, что онъ свою водку получилъ обратно, отгоняетъ его отъ кадки. Павлусь въ торжествѣ спѣшитъ въ бурсу, гдѣ и получаетъ должную признательность.

То ли онъ дѣлывалъ, ходя по рынку и *собирая секретно* бублики, паляницы, яйца, макъ и проч. и проч.! И надобно отдать честь его проворству производить, и необыкновенной способности изворачиваться, когда бывалъ замѣченъ и изобличаемъ въ дѣйствіяхъ своихъ: о! онъ всегда былъ правъ.... Нѣтъ, если бы не уродливость его, онъ пошелъ бы далеко къ чести фамиліи Халявскихъ.

И такому таланту не дать аттестата? Слѣдовало бы писать всѣ его дѣянія и тонкости и напечатать большою книгою и приложить картинки. Пусть бы теперешніе молодые люди читали и, подражая, изощряли бы свой умъ. Но куда имъ!

Домине инспекторъ, пользы ради своей и выгодъ, исходатайствовалъ и мнѣ свидѣтельство, въ коемъ сказано было, что я „былъ въ синтаксическомъ классѣ и какъ за ученіе, такъ и за поведеніе никогда наказываемъ не былъ.“ Все правда. Я бывалъ въ классѣ, но выучивалъ ли что, или вовсе ничего, никто не наблюдалъ; а какъ я очень, очень рѣдко приходилъ, то и поведеніе мое не было никому извѣстно. Когда другіе мучились, слушая всякаго рода глупости на россійскомъ и латинскомъ языкахъ, я преспокойно выслушивалъ замысловатыя сказки, которыя мнѣ поочередно разсказывали бабуся и Юрко, или игралъ съ нимъ въ свайку, въ карты и т. под. Наказывать меня, кромѣ домине Галушкинскаго, никто не могъ; а я очень хорошо зналъ, что онъ боялся немилости маменькиной, и потому не трогалъ меня и пальцемъ.

Батенька, не добравшись хорошенько до настоящаго смысла, очень довольны были таковымъ засвидѣтельствованіемъ и, наравнѣ съ братьями, по пріѣздѣ нашемъ домой, пожаловали и мнѣ въ гостинецъ свѣжее зимнее яблоко.

Радость же маменьки при видѣ дѣтей ея—и кажется болѣе всѣхъ меня—возвратившихся здоровыми и не похудѣвшими, была неописанна. Я даже заболѣлъ: такъ меня закормили жаренымъ и сладкимъ.

Когда же маменька узнали, что доминe Галушкинскій, по условію съ ними, секретно отъ батеньки сдѣланному, не изнурялъ меня ученьемъ, то пожаловали ему съ батенькиной шеи черный платокъ, а другой новый бумажный для кармана; чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ и благодаренъ. Да кромѣ того вотъ еще что:

По пріѣздѣ я нашелъ въ домѣ нѣкоторыя перемѣны. Въ маменькиной спальнѣ на лежанкѣ стоялъ мѣдный сосудъ, коего употребленія я еще не зналъ. По врожденному во мнѣ любопытству, я распрашивалъ объ этомъ сосудѣ и къ чему онъ пригоденъ? Маменька сказали мнѣ, что это „самоваръ"; въ немъ-де грѣется вода, а изъ воды приготовляется напитокъ, называемый чай, который „хотя и дорогъ, бестія! (такъ маменька выразили), но какъ вездѣ входитъ въ употребленіе, то и онѣ, чести ради рода нашего, завели его у себя, и Хиврю отдали въ науку приготовлять чай, и она его мастерски готовитъ". При чемъ обѣщали полакомить насъ завтра этимъ на-

питкомъ. „Оно правда и вкусное (такъ говорили маменька), но какъ-то противно ни ѣвши, ни пивши употреблять его. Ты, Трушко, завтра сдѣлай такъ, какъ я дѣлаю въ то утро, когда *готують* чай; сбѣгай въ булочную, тамъ будутъ къ завтраку приготовлять пирожки, блины и булочки; такъ ты похватай тамъ чего побольше, да и употребляй тогда смѣло чай; онъ тебѣ покажется пріятенъ. Вотъ кофе такъ не могу пить, съ души воротитъ, хотя его и послѣ обѣда должно принимать. Я его и не завожу и не посылаю Хиврю учиться приправлять его. Разъ только я пила его у своей кумы Алены Васильевны — да тьфу!“ При семъ маменька, поворотясь въ ту сторону, гдѣ живетъ Алена Васильевна, плюнули отъ негодованія на ея кофе.

Пожалуйте же, что тутъ за комедія вышла на другой день. Вотъ мы собрались всѣ около стола, на которомъ уже шумѣлъ самоваръ, и Хивря хлопотала около него и только знай закидывала свои длинные волосы на затылокъ, чтобъ не попадали въ чашки, что насъ очень веселило. Маменька, по заботливости своей, растолковали намъ, какъ выливать чай изъ чашки въ блюдце, какъ дуть, чтобы остудить, и какъ потомъ закрыть чашку. Все готово, и намъ подали по чашкѣ чаю. Я исполнилъ по маменькиному предварительному совѣту и нахватался въ булочной разной стряпни до жажды, и отъ того чай показался мнѣ удивительнымъ напиткомъ, равно какъ и брать-

ямъ моимъ. Правда, запахъ и вкусъ былъ настоящаго мыла, потому-что маменька намъ такъ говорили: „этой проклятой травы нельзя ни съ чѣмъ держать, такъ и принимаетъ чужой запахъ. Эта благоразумная Хивря держитъ чай въ одномъ сундукѣ съ мыломъ....“ Вдругъ при этомъ словѣ маменька крѣпко разгнѣвались, покраснѣли какъ кровь, и напустились на Хиврю, чайную стряпуху, зачѣмъ она такъ много воды навела въ чайникѣ: больше чашки оставалось, куда съ нею дѣваться? Жирно будетъ, какъ этакой дорогой напитокъ да выливать! Вотъ что развѣ сдѣлать, сказали маменька и повеселѣли, что не пропадетъ чайная вода.

„Позовите-ка Галушку сюда!“ Такъ маменька, какъ уже извѣстно, называли его, не гнѣваясь и не въ укоръ. Домине, какъ мы по иностранному называли, онп не могли выговорить, потому что не учились иностраннымъ языкамъ; паномъ, какъ его звали батенька, не хотѣли отъ благородной амбиціи, и говорили: „какъ же васъ (т. е. батеньку) величать, когда школяръ будетъ панъ?“ Всей же фамиліи „Галушкинскій“ не могли выговорить, потому что, не знавъ россійской грамоты, не могли понять, отъ чего оно четырех-сложенное; а чтобъ разобрать, что „Галушкинскій“ есть часть рѣчи и именно имя, и отличить, существительное ли оно, прилагательное, парицательное, собирательное? куда! имъ бы и въ десять лѣтъ не втолковать въ понятіе! Такъ отъ того и называли онѣ его просто и кратко, и ясно: Галушка.

Пожалуйте. Вотъ и пришелъ домине „Галушка.“ Маменька изъ своихъ рукъ поднесли ему чашку чаю. Домине началъ отказываться, что онъ ничего хмѣльнаго во всю Филипповку въ ротъ не беретъ.

Маменька, боясь, чтобъ онъ вовсе не отказался, тогда куда бы дѣвать этотъ чай? даже побожились, увѣряя, что этотъ напитокъ вовсе не хмѣльной.

Реверендиссиме взялъ чашку, поклонился батенькѣ и маменькѣ и, на штатскомъ языкѣ, произнесъ желаніе здравія, во всемъ преуспѣяніи, изобилія въ достаткѣ, веселія въ чувствахъ, отриновенія въ горестяхъ и т. п., и при послѣднемъ словѣ хлебнулъ, не наливая, какъ бы должно, въ блюдце, а прямо изъ чашки.... обжегся сильно, дѣлалъ разныя гримасы и признавался послѣ, что только стыда ради не швырнулъ чашку о полъ.

Мы, глядя на его дѣйствія и замѣшательство, катались отъ смѣха.... Кое-какъ выпилъ домине свою чашку и—опять замѣшательство! Не накрывши чашки, поднесъ ее къ маменькѣ.

„*А заськи не хочешь?*“ крикнула на него маменька. NB. Онѣ обращались съ нимъ безъ политики. Это другой *холодецъ* (см. выше)! Разжирѣешь, по двѣ чашки пивши. Благодари и за одну.“

Домине инспекторъ былъ какъ во тьмѣ, не понимая причины гнѣва маменькинаго; но батенька, объяснивъ ему, въ чемъ онъ не политично поступилъ, тутъ же открыли ему правила, необходимыя при упо-

требленіи чаю. Домине въ пристойно учтивыхъ выраженіяхъ просилъ извиненія, оправдываясь, что для него это была первина, и все устроилось хорошо; другой чашки ему не подали теперь, да и впредь более пе дѣлали ему подобнаго отличія.

Кстати еще одно замѣчаніе объ этомъ восхитительномъ напиткѣ, чаѣ. Вѣдь надобно же родиться такому уму, какой гнѣздился въ необыкновенно-большой головѣ брата Павлуся! Всѣ мы пили чай: и батенька, и мы, и сестры, и домине Галушкинскій; но никому не пришло таковой счастливой догадки и богатой мысли. Онъ, выпивши свою чашку и подумавши немного, сказалъ: „напитокъ хорошъ; но самъ по себѣ прѣсенъ очень; рюмку водки сюда, и все бы исправило.“

Мы всѣ и батенька засмѣялись; но на повѣрку вышло, что онъ правду говорилъ. Братья нашли способъ вынуть у маменьки секретно всего нужнаго къ опыту и начали свои опыты и не нахвалились открытіемъ. Домине Галушкинскій всегда говорилъ: „это вещь сицевая: лучше олимпійскаго нектара.“

И такова благодарность потомства къ первымъ изобрѣтателямъ. Чтобъ недалеко уходить, я вамъ укажу на два разительные примѣра. Кто открылъ четвертую часть свѣта? Христофоръ Колумбъ. Назвали ли ее въ честь его? То-то же! Я думаю ни у одного Американца нѣтъ и портрета его. Это первый примѣръ. Второй: кто первый изобрѣлъ прѣсность чая сдабри-

зать и дѣлать напитокъ вкуснымъ и полезнымъ? Исторически доказываю, что тайну сію постигъ первый и не скрылъ отъ потомства Малороссійскаго Лубенскаго казачьяго полка подпрапоренко Павелъ Мироновичъ Халявченко (онъ умеръ холостымъ, и потому не могъ именоваться полнымъ „Халявскимъ", но какъ юноша Халявченко); но отдастъ ли ему потомство признательность? сомнѣваемся по первому примѣру. Сколько ни пьютъ, по иностранному называемый, пуншъ (въ относительномъ смыслѣ „Америка"), но никто не вспомнитъ о первомъ изобрѣтателѣ. Хотя бы изъ національной гордости включили имя Павлуся въ списокъ людей, своими изобрѣтеніями бывшихъ полезными „людимству". NB. Предлагаю новое слово, замѣняющее и имѣющее другой смыслъ и понятіе, нежели „человѣчество". И я увлекся духомъ времени!

Оставлю ученыя разсужденія и обращаюсь къ своей матеріи. Батенька не хотѣли наслаждаться одни удовольствіемъ, доставляемымъ ученостью сыновей своихъ, и пожелали раздѣлить оное съ искренними пріятелями. На таковъ конецъ затѣяли позвать гостей обѣдать на святкахъ. Ну, перебранили же маменька и званыхъ гостей, и учившихъ насъ, и кто выдумалъ эти глупыя науки! и все однакожъ тихомолкомъ, чтобъ батенька не слыхали: всѣ эти проклятія шли въ уши поварки, когда приходила требовать масла, соли, оксета, родзынковъ и проч.

Вотъ и пріѣхали: Алексѣй Пантелеймоновичъ Брыкайловскій, бунчуковый товарищъ. Онъ, въ молодости, учился въ томъ же училищѣ, гдѣ и мы чрезъ тридцать лѣтъ послѣ него учились. О, да и умная же голова! Онъ не только слушалъ философію, но на публичныхъ диспутахъ былъ первый спорщикъ и до зарѣза поддерживалъ свое предложеніе. Что ему ни говорили — онъ, не внимая никакимъ силлогизмамъ, остается при своемъ. Сверхъ того имѣлъ собственныя книги на латинскомъ діалектѣ съ собственноручною о принадлежности подписью на томъ же языкѣ и съ означеніемъ цѣны римскими цыфрами. Божился домине Галушкинскій, что самъ своими глазами все это видѣлъ.

Другой былъ Потапъ Корнеевичъ, не больше. Человѣкъ, не то что съ умомъ, но боекъ на словахъ; закидывалъ другихъ рѣчью, и для себя и для нихъ безтолковою, правда; но уже за то, *въ карманъ за словами не лазилъ*, не останавливаясь, сыпалъ словами, какъ изъ мѣшка горохомъ.

Третій Кондратъ Демьяновичъ.... нѣтъ, лгу; Даниловичъ—и точно Даниловичъ, помню вотъ почему: маменька называли его Кондратъ Демьяновичъ; а батенька, какъ это было не подъ часъ, не вытерпѣли, да тутъ же при всѣхъ и прикрикнули на нихъ: „что вы это, маточка, вздумали людей перекрещивать? Скоро и меня изъ Осиповичей передѣлаете во что другое. Такъ я вамъ не позволю такъ глумиться надъ

собой. Родился законно Осиповичемъ, Осиповичемъ и умереть хочу. Такъ и ихъ: не перемѣняйте и имъ отчества въ обиду или въ насмѣшку. Даниловичъ — кажется не трудно выговорить!“

Да и покраснѣли же маменька послѣ такого репримапта! Словно ракъ, такъ стали красны до самыхъ ушей! Покраснѣли, да стыда ради вышли скорѣй.

Уже такіе батенька были, что это страхъ, какъ на нихъ найдетъ. За бездѣлицу, подъ-часъ, такъ разлютуются, что только держись! Никому спуска нѣтъ. А въ другой разъ, такъ и ничего. Это было по комплекціи ихъ: хоть и за дѣло, такъ тише мокрой курицы; сидятъ себѣ, да только глазами хлопаютъ. Тогда-то маменька могли имъ всю правду высказать, а они въ отвѣтъ только рукою машутъ.

Вотъ же я, заговорившись о почтенныхъ моихъ родителяхъ, забылъ, на чемъ остановился.... Да, о Кондратѣ Даниловичѣ, что вмѣстѣ съ прочими званъ былъ на обѣдъ и послушать нашей учености.

Кондратъ Даниловичъ имѣлъ счастливый темпераментъ у кого обѣдалъ, все хозяйство хвалилъ. Когда подавали ему жарснаго гуся, то онъ говорилъ, что гусь лучше всѣхъ мясъ на свѣтѣ, и жирнѣе, и вкуснѣе, и сытнѣе. Подайте же ему назавтра индѣйку; то уже и гусь, и все никуда не годится—одна индѣйка цаца. Я нахожу, что онъ съ этой стороны счастливо надѣленъ былъ мудрою фоpгуною. Батенька поступили

хитростно, пригласивъ и его къ обѣду. Когда бы мы не отличились своими знаніями, то если два первые гостя не похвалятъ, такъ третій будетъ хвалить—вотъ и раздѣлились бы мнѣнія... О! подъ-часъ батенька были тонкаго и проницательнаго ума человѣкъ!

Насталъ день обѣда. Гости съѣхались. Насъ воззвали; и мы, въ праздничныхъ киреяхъ, отдавъ должный, почтительный решпектъ, стали у дверей чинно. Гости осмотрѣли насъ внимательно и, казалось, довольны были нашею „внѣшностью" (слово заимствованное) и пріемами. Особливо же Алексѣй Пантелеймоновичъ; онъ-таки даже улыбнулся и принялся испытывать Петруся. Подумавши, поморщась, потерши лобъ, наконецъ спросилъ: „сколько Россійская грамматика имѣетъ частей рѣчи?"

Этотъ вопросъ, для такого ума, какъ Петруси, былъ тьфу! Онъ (т. е. Петрусь) немножко обидѣлся такимъ легкимъ, да еще и изъ грамматики, вопросомъ. А слышавъ, что Алексѣй Пантелеймоновичъ и ученъ, и много самъ знаетъ, рѣшился поворотить его въ другую сторону, и потому вдругъ ему отрѣзалъ: прежде нежели я отвѣчаю на ваше предложеніе, дозволяю себѣ обратиться къ вамъ съ краткимъ вопросомъ, имѣющимъ связь съ предыдущимъ: знаніе отъ науки или наука отъ знанія?

„Принимаю, домине, ваше предложеніе... но нѣчто не совсѣмъ ясно понимаю его", сказалъ, смутясь, къ хитрости прибѣгшій экзаминаторъ, желавшій, во время

повторенія вопроса, приготовить отвѣтъ. Мы тотчасъ смекнули, что *стара штука.*

— Объясню—рѣзалъ Петрусь. Знаніе ли предмета составило науку, или наука открыла въ человѣкѣ знаніе? Поясню слѣдующимъ предложеніемъ: человѣкъ постигъ грамматику и составилъ ее; ergo, до того не было ея. Какимъ же образомъ онъ постигалъ ту науку, которой еще не было? Обращаюсь къ первому предложенію: знаніе ли отъ науки, или наука отъ знанія?

Я говорю, что Петрусь былъ необыкновеннаго ума. Онъ имѣлъ талантъ всегда забѣгать впередъ. За обѣдомъ ли, то еще борщъ не съѣденъ, а онъ уже успѣетъ жаркаго отвѣдать; въ борьбѣ ли, еще не сцѣпился хорошенько, а ужъ ногою и подбиваетъ противника. Такъ и въ наукахъ: ему предлагаютъ начало, а онъ уже за конецъ хватается. Вотъ и теперь, нагнувши такъ быстро, смѣшалъ совсѣмъ Алексѣя Пантелеймоновича до того, что тотъ, приглаживая свой чубъ, отошелъ въ сторону и говоритъ: „какъ въ томъ училищѣ, гдѣ и я учился, науки чрезъ тридцать лѣтъ усовершенствовались? При мнѣ—а я слушалъ философію—непремѣнно слѣдовало на заданный вопросъ отвѣчалъ логически; теперь же вижу, что вмѣсто отвѣта должно предложить новый, посторонній вопросъ, затемняющій тему. Умудрятся народъ! и—будь я бестія! —если дѣти вашихъ сынковъ, съ своей стороны, не изобрѣтутъ чего еще къ усовершенствованію наукъ!“ Тутъ онъ вдругъ ударилъ себя по лбу и сказалъ съ

самодовольствіемъ: „счастливая мысль! Я вамъ предложу письменный вопросъ; прошу отвѣчать на бумагѣ“.

Тутъ онъ, схвативъ листъ бумаги, написалъ: „въ чемъ заключается изящество краснорѣчія въ рѣчахъ и ученіяхъ Цицерона, Платона и Сократа?“ И торжествуя сказалъ: „вы риторъ: вамъ легко рѣшить“. И подалъ Петрусю перо.

Не на таковскаго напалъ. Братъ Петрусь только глазомъ кинулъ на писаніе, какъ тутъ же и сказалъ: не могу отвѣчать, видя неправильность вопроса. Позвольте исправить. И тутъ же, не дожидая согласія противника, замаралъ имена философовъ и написалъ по высшему ученію:

„Platon'a, Ciceron'a и Socrat'a“.

Батюшки мои! какъ сконфузился Алексѣй Пантелеймоновичъ, увидѣвъ премудрость, каковой въ вѣкъ его никому и во снѣ не снилось! покраснѣлъ, именно, какъ хорошо уваренный ракъ. NB. Правду сказать, и было отъ чего! И схвативъ свою бумагу, онъ смялъ ее при всѣхъ и утирая потъ съ лица, сказалъ задушающимъ голосомъ: „послѣ такой глубины премудрости всѣ наши знанія ничто. Счастливое потомство, пресчастливое потомство! Голова! заключилъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, обратясь къ батенькѣ и на словѣ *голова* подмигивая на Петруся.

Батенька просили его приняться за Павлуся; и Алексѣй Пантелеймоновичъ спросилъ:

„Что есть Россійская грамматика?“

На лицѣ Павлуся не замѣтно было никакого замѣшательства. Извѣстно намъ было, что онъ ничего не изучилъ; но я, знавши его изобрѣтательный умъ, не боялся ничего. Онъ съ самоувѣренностью выступилъ два шага впередъ, поднялъ голову, глаза уставилъ въ потолокъ, какъ въ книгу, руки косвенно отвѣсилъ впередъ и началъ не переводя духу:

„Россійская грамматика. Сочиненіе Михаила Ломо-„носова. Санктпетербургъ, иждивеніемъ Импера-„торской Академіи Наукъ. Тысяча семь сотъ шесть-„десятъ пятаго года. Наставленіе второе. О чтеніи „разнородныхъ чиселъ. Россійская грамматика есть „философское понятіе; къ сему насъ ведетъ самое есте-„ство: ибо когда я разсуждаю, что, помноживъ дѣли-„теля на семью семь—тридцать семь; пятью восемь—„двадцать восемь; тогда именительный кому, датель-„ный кого, звательный о комъ, седьмое предлогъ, „осьмое мѣстоимепіе, девятое не укради....“ И такъ далѣе, да какъ пошелъ! словно подъ гору, не останавливаясь и не мигая глазами, но голосомъ рѣшительнымъ и съ совершенною увѣренностью, что говоритъ дѣло.

Алексѣй Пантелеймоновичъ отъ удивленія сперва разинулъ ротъ, потомъ поднялъ вверхъ руки, наконецъ бросился къ Павлусю, давай его обнимать и кричать: „довольно, довольно! я въ изумленіи!... остановись... отдохни!....“ Куда! нашъ молодецъ, какъ будто

осѣдлавъ ученость, погоняетъ по ней во всю руку и несется, что есть духу, ломая и уничтожая все, что попадется на встрѣчу. Трещитъ грамматика, лопается ариѳметика, свиститъ піитика, въ дребезги летитъ логика... Наконецъ кое-какъ уняли его, и онъ остановился, запыхавшись. Удивительный умъ, бѣглость мыслей, проворство языка, находчивость необыкновенная!... Да, это былъ человѣкъ!

Потапъ Корнеевичъ и отъ Петруся былъ внѣ себя и выхвалялъ его отборными словами; когда же проораторствовалъ Павлусь, тутъ онъ *не своимъ голосомъ* вскричалъ: „это геній, ему въ академіи не чему учиться. Поздравляю, Миронъ Осиповичъ, поздравляю! И должно безпристрастно сказать, что старшій сынъ вашъ имѣетъ много ума, а другой много разума. По моему это различные темпераменты. Разница умѣть, и разница разумѣть; а все велико. Подлинно вы счастливый отецъ, Миронъ Осиповичъ, счастливый! Давайте намъ поболѣе такихъ фаворитовъ... Нѣтъ, не такъ: патер.... патри.... патріотовъ. Посмотримъ, что скажетъ третій?“

У меня душа такъ и покатилась! Я не имѣлъ ни Петрусинаго ума, ни Павлусинаго разума; да таки просто не зналъ ничего и не могъ придумать, какъ изворотиться. Къ счастію успокоили меня, предложивъ по мѣрѣ знаній моихъ вопросъ:

„По наружности вашей физіогномики—такъ, обращаясь ко мнѣ, свысока началъ Алексѣй Пантелей-

моповичъ — я посредствомъ моей проноціаціи вижу, что изъ васъ будетъ отличный метематистъ, и потому спрашиваю: восемь и семь сколько будетъ?“

Съ начала я принялъ умное положеніе Павлуся: глаза уставилъ въ потолокъ и руки отвѣсилъ; но услыша вопросъ, долженъ былъ поскорѣе руки запрятать въ карманы, потому что я, слѣдуя *методу* домине Галушкинскаго, весь ариѳметическій счетъ производилъ по пальцамъ и суставамъ. Зная твердо, что у меня на каждой рукѣ по пяти пальцевъ и на нихъ четырнадцать суставовъ, я скоро сосчиталъ 8 и 7, и не сводя глазъ съ потолка, отвѣчалъ удовлетворительно.

„А пятнадцать и восемнадцать?“

Вопросъ затруднительный, потому что не доставало у меня суставовъ, и я было призадумался и полагалъ, что долженъ буду обратиться къ ножнымъ пальцамъ; однако же при мысленной повѣркѣ оказалось это средство не нужнымъ; и хотя я отвѣчалъ болѣе, нежели черезъ четверть часа, но отвѣчалъ вѣрно.

Такимъ порядкомъ я откатывалъ на всѣ задачи вѣрно, не смотря на то, что меня путалъ одинъ суставъ на указательномъ пальцѣ, перевязанный по случаю порѣза; но я управлялся съ нимъ ловко и нигдѣ не ошибся.

Къ моему счастію экзаминаторъ, какъ самъ говорилъ, не могъ болѣе спрашивать, забывъ примѣры, на-

печатанные въ книгѣ ариѳметики, въ которую не заглядывалъ со времени выхода изъ школы.

Похвалы сыпались и на меня. По мнѣнію Алексѣя Пантелеймоновича, хоть во мнѣ и не видно такого ума и разума, какъ въ старшихъ братьяхъ, но замѣтно необыкновенное глубокомысліе. «Посмотрите, продолжалъ онъ: какъ онъ не вдругъ отвѣчалъ, но обдумывалъ сдѣланное ему предложеніе, обсуживалъ его мысленно, соображалъ—и потомъ уже произносилъ рѣшеніе».

А я, будь я гунстватъ, если что либо обсуживалъ или соображалъ; я не зналъ, какъ люди обсуживаютъ и соображаютъ; я просто считалъ по пальцамъ и, кончивши счетъ, объявлялъ рѣшеніе.

Истощивъ всѣ похвалы, Алексѣй Пантелеймоновичъ обратился съ вопросомъ къ Кондрату Даниловичу, кого изъ насъ онъ находитъ ученѣе?

Тотъ, давно скучавшій на медленность ученія и съ нетерпѣніемъ ожидавшій обѣда, отвѣчалъ прилично занимавшимъ его мыслямъ: „извольте видѣть: отъ человѣка до скота; а я сихъ панычей уподоблю птицамъ. Примѣромъ сказать: возьмите гусака, индюка и селезня. Ихъ три, и панычей, стало быть, три. За симъ: птицы выкормлены, панычи воспитаны; птицы зажарены, панычи выучены; вотъ и выходитъ, что все суть едино. Теперь поставьте передъ меня всѣхъ ихъ зажаренныхъ, разумѣется птицъ, а не панычей. Избави Богъ, я никому не желаю смерти

не причинной; за что ихъ жарить? Вотъ, какъ подадите мнѣ ихъ, я, допускаю, всѣхъ ихъ съѣмъ, но не берусь рѣшить, которая птица вкуснѣе которой. Разные вкусы, разныя прелести. Такъ и съ панычами. Разные умы, разныя знанія, а все порознь хорошо, какъ смачность въ гусакѣ, индюкѣ и селезнѣ".

Алексѣй Пантелеймоновичъ остолбенѣлъ отъ такого умнаго уподобленія, и смотря на него долго и размышляя глубоко, спросилъ съ важностью: „до какой школы вы достигали?"

— Записанъ былъ въ инфимѣ — меланхолично отвѣчалъ Кондратъ Даниловичъ — но при первоначальномъ входѣ въ классъ сдѣлалъ важную вину и тутъ же отведенъ *подъ звонокъ*, гдѣ, получивъ должное, немедленно и стремительно бѣжалъ, и въ послѣдующее время не только въ школу не ходилъ, но далеко обходилъ и все зданіе.

„Чудно!" сказалъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, вздвигивая плечами: „а вы свою дисертацію произнесли логически и конклюзію сдѣлали по всѣмъ правиламъ риторики".

Въ отвѣтъ на это Кондратъ Даниловичъ почтительно поклонился Алексѣю Пантелеймоновичу.

Батенька, слушая наше испытаніе, вспотѣли крѣпко, конечно отъ внутренняго волненія. И не мудрено: пусть всякій отецъ поставитъ себя на ихъ мѣстѣ. Принявъ поздравленіе со счастіемъ, что имѣютъ такихъ необыкновенныхъ дѣтей, погладили насъ—да-

же и меня—по головѣ и приказали идти въ панычевскую.

Во время нашего испытанія домине Галушкинскій былъ въ отлучкѣ: ѣздилъ къ знакомымъ. И безъ него братья мои были въ восторгѣ отъ удавшихся имъ пассажей ихъ. „Вотъ какъ мы этихъ ученыхъ надули“ (провели, въ дураки ввели. Это слово самое коренное бурсацкое, но, какъ слышу, вышло изъ своего круга и пошло далѣе), — почти кричалъ въ радости братъ Петрусь: прекрасное правило домине Галушкинскаго: когда люди, умнѣе тебя, уже близки изобличить твое незнаніе, такъ пусти имъ пыль въ глаза; и ты самымъ ничтожнымъ предложеніемъ остановишь ихъ, отвлечешь отъ предмета и заставишь предполагать въ себѣ болѣе знаній, нежели оныхъ будетъ у тебя въ наличности. Благодарю Platon'a, Ciceron'a, Socrat'a! Они прикрыли мое невѣжество и—будь я гунстватъ—если по времени не будутъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ подражать, чтобъ за глупостью укрыть свое невѣжество.

Что же дѣлали маменька во время нашего испытанія? О! онѣ, по своей материнской горячности, не вытерпѣли, чтобъ не подслушать за дверью; и бывъ болѣе всѣхъ довольны мною за то, что я одинъ отвѣчалъ дѣльно и такъ, что онѣ могли меня понимать, а не такъ — говорили онѣ—какъ тѣ болваны (т. е. братья мои), которые чортъ знаетъ что мололи изъ этихъ дурацкихъ наукъ; и пожаловали мнѣ большой

пряникъ и приказали поиграть на гусляхъ, припѣвающе.

Я пропустилъ сказать о важномъ пассажѣ въ жизни моей, коимъ доставилъ маменькѣ особенную радость, когда возвратился изъ училища домой.

Въ городѣ, въ меланхоличные часы, домине Галушкинскій поигрывалъ на гусляхъ, какъ-то имъ пріобрѣтенныхъ и на которыхъ онъ мастерски разыгрывалъ восемнадцать штучекъ. Пробуя меня, по части ученія, въ томъ и другомъ, онъ задумалъ: не возьмусь ли я хоть на гусляхъ играть? И принялся испытывать мое дарованіе. И чтожъ? Я взялся, понялъ и выигрывалъ цѣлыхъ пять штучекъ и половину шестой, и все очень исправно и безъ запинки, а особливо отлично гудѣли у меня басы, минутъ пять неумолкая.

Съ этимъ новымъ открывшимся во мнѣ талантомъ прибылъ я въ домъ, привезя съ собою и гусли, ставшіе моею собственностью чрезъ мѣну на одну вещь изъ одѣянія. Хорошо. Вотъ я, не говоря ничего, и внесъ ихъ въ маменькину опочивальню. Онѣ подумали, что это сундучекъ, такъ, ничего—и ничего себѣ.... Но надобно было видѣть ихъ изумленіе и наконецъ радость, восторгъ, изступленіе, когда я, открывъ гусли, началъ дѣлать по струнамъ переборы, дабы показать, *что я нѣчто на гусляхъ играю*.

Отерши радостныя слезы и расцѣловавши меня, онѣ заставили меня играть. Я поразилъ ихъ! я заигралъ и запѣлъ. Голосъ мой противъ прежняго еще

усовершенствовался и, перейдя изъ дишканта въ теноръ, сталъ звонче и рѣзче. Я игралъ и пѣлъ извѣстный кантикъ: „Ужъ я мученіе злое терплю для ради того, кого вѣрно люблю“. Маменька плакали на взрыдъ и потомъ объяснили мнѣ, что эта-де пѣсня какъ нарочно сложена по ихъ комплекціи; что-де я терплю отъ твоего отца, такъ и не приведи Господи никому! и все ради того, заключили онѣ съ стихотворцемъ, что вѣрно его люблю! Повтори, душко, еще этотъ усладительный кантикъ. И я пѣлъ, а онѣ рыдали.

Потомъ я запѣлъ другой кантикъ: „Разсуждалъ я предовольно, кто въ свѣтѣ всѣхъ счастливѣй?“ Онъ имъ понравился по музыкѣ, по не по словамъ: „цуръ ей, душко! Это мужеская, не играй при женщинахъ. Я да, я думаю, и весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ. Не знаешь ли другой какой?“

Я заигралъ: „Гдѣ, гдѣ, ахъ, гдѣ укрыться? О грозный день! лютѣйшій часъ!“ Слушали онѣ, слушали и вдругъ меня остановили. „Не играй и этой, сказали онѣ; это, видишь, сложено на страшный судъ. Тутъ поминается и грозный день, и лютый часъ, и гдѣ укрыться!... Охъ, Боже мой! я и помыслить боюсь о страшномъ судѣ! Я, благодарю Бога, христіанка: такъ я эту ужасную мысль удаляю отъ себя. Нѣтъ ли другаго кантика?“

Я умѣлъ живо разыгрывать „Камарицкую“, подъ

которую, какъ мнѣ говорили, и мертвый бы не улежалъ, а поплясалъ бы; но не игралъ при маменькѣ изъ опасенія, чтобы подъ-часъ не разобрала ихъ музыка, и чтобы онѣ не пошли плясать, что весьма не прилично было бы въ тогдашнемъ ихъ меланхолическомъ восторгѣ. И такъ я заигралъ и запѣлъ:

— „Владычица души моей, познай, колико стра-стенъ мой духъ несчастенъ“. Какъ вижу, встали отъ меня, начали ходить по комнатѣ; что-то шептать съ большимъ чувствомъ, и ударяя себя въ грудь, утирали слезы. Онѣ, какъ были не грамотныя, то и не разобрали, что это слова любовныя, а понимали ихъ въ противномъ смыслѣ. Особливо же, когда при кончикѣ этого кантика я долженъ былъ, почти вскрикивая, пѣть: „неисцѣлима страсть моя!“, то и онѣ тутъ, крѣпче ударивъ себя въ грудь, возглашали: „охъ, точно неисцѣлима страсть моя. Вотъ уже близъ шестидесяти лѣтъ, а страсть пылаетъ“.

Пользы ради своей я молчалъ и не растолковалъ имъ прямаго смысла пѣсни. За чѣмъ? Меня за мою усладительную музыку всегда окармливали всякими лакомствами, и всегда, чуть только батенька прогнѣваются на маменьку и имъ порядочно достанется отъ нихъ, онѣ и шлютъ за мною и прикажутъ пропѣть: „Ужъ я мученіе злое терплю“, а сами плачутъ-плачутъ, что и мѣры нѣтъ! Вечеромъ же, на сонъ грядуще, прикажутъ пѣть: „Владычица души моей“, а сами все шепчутъ и плачутъ.

Не только маменькѣ нравилась моя игра и пѣніе, но и старшая изъ сестеръ, Софійка, ужъ года два назадъ, т. е. когда ей исполнилось четырнадцать лѣтъ, надѣвшая корсетецъ и юпочку, а до того бѣгавшая въ одной лелечкѣ (рубашкѣ), только кушачкомъ подпоясанная, такъ и Софійка очень полюбила это упражненіе и чистосердечно мнѣ говорила: „хорошо братъ Павлусь звонитъ, очень хорошо, я всегда заслушиваюсь его; но ты, Трушко, на гусляхъ лучше играешь“. Изъ благодарности я принялся ее учить; но или я не могъ научить, или она не могла перенять, она не взялась на гусляхъ, а только пѣла со мною и, вмѣстѣ со мною услаждая горести маменькины, услаждалась и лакомствами. Ахъ, какъ мы громко и выразительно пѣли *Владычицу!* Да что? теперь такихъ нотъ и подобнаго стихотворства не услышишь.... Все миновалось!

Послѣ сдѣланнаго намъ испытанія, слава о нашей учености пронеслась далеко, и сосѣди, пріѣзжая къ батенькѣ, поздравляли ихъ съ такимъ счастіемъ; за что батенька были къ нимъ очень милостивы. Они дали намъ во всемъ полную волю и, надѣясь на степенность домине Галушкинскаго, ни малѣйше не заботились, гдѣ мы находимся и въ чемъ упражняемся. Удальцамъ Петрусѣ и Павлусѣ то было на руку. Святки—веселье, гульба. Братъ Петрусь далъ волю своему геройскому духу: завелъ кулачные бои, для примѣра самъ участвовалъ, показывалъ правила, за-

нятыя имъ на кулачныхъ бояхъ въ городѣ во время ученія въ школахъ, ободрялъ храбрѣйшихъ. Противною стѣною командовалъ нашъ ревередиссиме наставникъ, отпущенный для повторенія съ нами уроковъ. Но онъ не исполнялъ сей обязанности по причинѣ другихъ занятій: днемъ на кулачномъ бою, а по ночамъ подвигами на вечерницахъ, которыя имъ и братьями были посѣщаемы съ новымъ жаромъ; при чемъ введены были ими и новыя права, также городскія и также служившія только къ ихъ пользамъ.

Такіе ново-вводимые обычаи на вечерницахъ и право сильнаго, помѣщичьяго сынка, папыча, законодательство на кулачномъ бою Петруся, при томъ подтакиваніе и ободреніе къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ домине Галушкинскаго, равно содѣйствіе художественными способами Павлуся, весьма не правилось большей части парубковъ. Ропотъ усилился, и они приступили къ мщенію, въ чемъ и успѣли.

Въ одинъ вечеръ, злополучный вечеръ! ревередиссиме Галушкинскій, пригласивъ наставляемыхъ имъ юношей, Петруся и Павлуся (я не участвовалъ съ ними по особенной, пріятной сердцу моему причинѣ, о которой не умолчу въ своемъ мѣстѣ), пошли на вечерницы, и какъ ничего худаго не ожидали и даже не предчувствовали, то и не взяли съ собою другихъ орудій, кромѣ палокъ для-ради собакъ.

Ничего не подозрѣвая, подходили къ хатѣ, гдѣ обыкновенно бывало сходбище, какъ вдругъ изъ-за

угловъ и плетней раздалось: „сюда наши, бей, валяй, кого попало!“ и вмѣстѣ съ крикомъ выбѣжало парубковъ двадцать съ большими дубинами и съ азартомъ бросились къ Петрусю и реверендиссиму, а другіе, схвативъ брата горбунчика, по предпріимчивому духу своему ушедшаго впередъ, начали по горбу Павлуся барабанить въ двѣ палки, съ насмѣшками и ругательствами крича: „славный барабанъ; Ониська! бей на немъ зорю!“

Петрусь, при первомъ раздавшемся крикѣ парубковъ, слѣдуя внушенію геройскаго духа своего, хотѣлъ было бѣжать, но, какъ нѣжный братъ, видя бѣдствующаго Павлуся, бросился съ отчаяніемъ въ кучу злодѣевъ, исхитилъ его изъ ихъ рукъ, принимая и на себя значительное число ударовъ, и, одушевляемый храбростью и неустрашимостью, пустился бѣжать что есть духу. Почтенный наставникъ, разжигаемый тѣмъ же духомъ мужества, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ. Павлусь то же пустился было по слѣдамъ храбрыхъ, но какъ былъ слабосиленъ, а тутъ еще отбарабаненъ порядочно, не могъ никакъ бѣжать за героями. Но что значитъ умъ, талантъ, изобрѣтательность, творчество! Сіи дары и въ самомъ опасномъ, отчаянномъ положеніи избавляютъ отъ бѣдъ человѣка одареннаго ими. Съ таковыми талантами Павлусь въ критическую минуту нашелся и произвелъ къ своему спасенію слѣдующую хитрость, едва ли не знаменитѣе всѣхъ прежнихъ своихъ, но.... увы!... и послѣднюю!... Собравъ

остатокъ силъ, онъ догналъ бѣгущаго ревверендиссима, подскочилъ и ухватился ему за шею, а ногами обвилъ его и такимъ образомъ расположился на хребтѣ наставника своего, какъ на конѣ или на верблюдѣ, очень покойно. Домине Галушкинскій, какъ ни старался освободиться отъ сѣдока, но никакъ не могъ, находясь въ необходимости улепетывать отъ разъяренныхъ парубковъ, которые не переставали преслѣдовать бѣгущихъ и щедро осыпать ударами Петруся и самаго ревверендиссима съ ношею его.

Избитые, испуганные, измерзшіе герои мои едва могли дотащиться домой; бѣднаго же Павлуся, жестоко избитаго по чувствительному мѣсту, едва могли снять съ хребта наставника, и тутъ же уложили въ постель.

Батенька, узнавъ о ночномъ приключеніи, поступили весьма благоразумно. Во первыхъ, пострадавшимъ дали по большой рюмкѣ водки съ перцемъ, для согрѣтія тѣла и исправленія желудка по причинѣ всего претерпѣвшаго, приказали лечь въ постели и закутаться, чтобы вспотѣть. Средство это очень помогло: герои мои къ полудню чувствовали себя совершенно справившимися и могущими еще снова перенести подобное дѣйствіе. Во вторыхъ, принялись отыскивать дерзкихъ, осмѣлившихся поднять руку на кровь ихъ въ лицѣ Петруся и Павлуся. И какъ, перебирая, не находили виновнаго, то и приказали всѣхъ парубковъ до единаго, былъ ли кто изъ нихъ или не

былъ въ экспедиціи, участвовалъ ли въ чемъ или нѣтъ, собрать во дворъ и подъ наблюденіемъ Петруся и подъ руководствомъ почтеннаго наставника нашего, управиться съ ними по своему усмотрѣнію. Будутъ же они помнить мщеніе оскорбленныхъ ими!...

Батенька имѣли такой нравъ, а можетъ и комплекцію, что, сдѣлавъ дѣло, потомъ обсуживаютъ, хорошо ли они это сдѣлали. Такъ и тутъ. Они принялись разсуждать—и, не знаю отъ чего, пришла имъ вдругъ мысль, что не парубки, уже наказанные, а братья и инспекторъ виноваты, зачѣмъ не учились, для чего изъ училища отпущены, а пошли на вечерницы, чего никто не поручалъ. А того батенька и не разсудили, что это были святки, праздники, какое тутъ ученіе? можно ли заниматься дѣломъ? надобно гулять, должно веселиться: святки разъ въ годъ; не проморит ься же въ такіе дни надъ книгами! чудные эти старики! имъ какъ придетъ какая мысль, такъ они и держатся ея—такъ и батенька поступили теперь; укрѣпясь въ этой мысли, начали раздражаться гнѣвомъ все болѣе и болѣе, и придумывали, какъ наказать дѣтей?

Вотъ, какъ они о томъ обдумывали, маменька между тѣмъ, по сродной чувствамъ и сердцу ихъ нѣжности, хотя и о нелюбимомъ за его уродливость сынѣ, но видя его потерпѣвшаго такъ много, плакали все равно, какъ бы и обо мнѣ, пѣстунчикѣ своемъ, если бы это случилось со мною. Сердце матери неизъяснимая вещь!

Оплакавъ страдающаго Павлуся и видя, что слезами ничего нельзя помочь, онѣ принялись лечить его и на таковъ конецъ призвали сельскую знахарку. Женщина въ своемъ мастерствѣ преискусная была! Могла въ рядъ стать съ лучшимъ нѣмцемъ-лекаремъ. Она, когда было скажетъ, что больной не выздоровѣетъ, а умретъ, то какъ разъ такъ и случится. Впрочемъ и сама говорила, что она къ выздоровленію не имѣла дара лечить, развѣ больной самъ себѣ догадается и выздоровѣетъ. Пожалуйте же. Эта умная и опытная женщина принялась укрѣплять ослабѣвшаго сильно Павлуся. И признаюсь, средство ея было самое близкое къ натурѣ. Она, выкупавши его въ разныхъ травахъ, распареннаго, приказывала немедленно выносить на морозъ, пока хорошенько продрогнетъ. Знавъ свое дѣло, она доказывала, что и желѣзо такимъ же образомъ закаливается и отъ того дѣлается крѣпче; то же желѣзо, бездушное, а то же человѣкъ, созданіе другаго рода, лучшее, слѣдовательно ему скорѣе поможетъ. Но несмотря на это и другія подобныя средства, Павлуся не получалъ облегченія, а изнемогалъ все болѣе и болѣе. Такая уже видно была слабая его натура!

Послѣ перваго опыта надъ Павлусемъ, маменька принялись обсуживать, отчего это ихъ сынки, почти дѣти еще—что тамъ: Петрусѣ 18, Павлусѣ 17, а мнѣ 16 лѣтъ—возымѣли такую охоту ходить на вечерницы и рѣшили: „это ни кто, какъ Галушка! это онъ

ихъ всему научилъ, чего дѣтямъ на ихъ невинный умъ и никогда бы не взошло.“ Съ подобными жалобами на инспектора, онѣ хотѣли идти къ батенькѣ и, какъ всегда это дѣлали, прежде посмотрѣли въ дверную щелочку, чѣмъ они занимаются и въ какой пассіи. Тѣ же, какъ я сказалъ выше, проходя все въ большее сердце, наконецъ взбѣшены были до чрезвычайности—а отъ чего? маменька не знали. Извѣстна же имъ очень хорошо была батенькина коплекція, что въ такой часъ не подходи къ нимъ никто, ни правый, ни виноватый—всѣмъ будетъ одна честь: кулакъ и оплеухи. Такъ потому онѣ и не пошли, а разсудили залучить къ себѣ батеньку и для того поднялись на обыкновенныя свои хитрости. Громкаго плача батенька терпѣть не могли и болѣе еще сердились; но когда маменька плакали тихомолкомъ и горестно, тогда батенька, лишь бы увидѣли, тотчасъ расчувствовались и захаживали уже сами около маменьки. Видно въ тѣ поры въ батенькѣ пробуждалась любовь, а отъ того и сожалѣніе. Конечно, проживъ около двадцати лѣтъ въ безпорочномъ супружествѣ, они оба уже налюбились и излюбились; но все-таки при видѣ скорби близкаго лица пробуждается какое-то особенное чувство, въ родѣ любовнаго воспоминанія, и рождаетъ уже одно сожалѣніе. Я это нынѣ испытываю на себѣ.

Такъ вотъ маменька по обычаю и принялись въ сосѣдней отъ батенькиной комнатѣ хныкать, будто

удерживая себя отъ плача. Когда батенька это замѣтили, то и пришли въ чувство, описанное мною. Гдѣ и гнѣвъ дѣвался! Они по своему обычаю стали ходить на цыпочкахъ около маменькиной опочивальни и все заглядывали въ непритворенную съ умысломъ дверь, покашливаютъ, чтобы обратить ихъ вниманіе.

Но маменька были себѣ на умѣ: не вдругъ поддавались батенькѣ, а разъ десять замѣтивъ выказывающійся изъ-за дверей батенькинъ носъ—у батеньки былъ очень большой носъ—онѣ бывало тогда только спросятъ: „а чего вы, Миронъ Осиповичъ? не желаете ли чего?“

Тутъ батенька войдутъ смѣло и объясняютъ, о чемъ имъ надо.

Такъ случилось и теперь; но батенька не изъявили желанія ни на что, а начали говорить такъ:

„Я пришелъ съ вами, Ѳекла Зиновьевна, посовѣтоваться. Какъ бы ни было, вы мнѣ жена, другъ, сожительница и совѣтница, закономъ мнѣ данная, а при томъ мать своихъ и моихъ дѣтей. Что мнѣ съ ними дѣлать? присовѣтуйте, пожалуйте. Законъ насъ соединилъ; такъ когда меня рѣжутъ, то у васъ должно болѣть. Дайте мнѣ совѣтъ, а у меня голова кругомъ ходитъ, какъ будто послѣ пріятельской гульни.“

— Когда бъ я знала, Миронъ Осиповичъ, сказали маменька хитростно, что вы на меня не разсердитесь, на мой глупый, женскій умъ, то я дала бы вамъ преблагоразумный совѣтъ.

„А ну-те, ну-те, что вы тамъ скажете?“

— Знаете что? сыны наши уже взрослы, достигли совершенныхъ лѣтъ, бороды брѣютъ: жените ихъ, Миронъ Осиповичъ!

„Чортъ знаетъ таки, что вы, маточка, говорите! Кого женить?“

— Петруся и Павлуся; да и Трушка бы я оженила, чтобы отвратить отъ разврата.

„Съ чего такое дурачество въ голову вошло вамъ, душечка?“

— Это не дурачество и совсѣмъ не глупая мысль. Женится человѣкъ и всѣ свои шалости, даже глупости оставляетъ. Не далеко ходить: вамъ живой примѣръ вы. Вспомните, какія проказы въ здѣшнихъ мѣстахъ строили? Уши горятъ и вспомнивши про нихъ. Васъ вездѣ считали за распутнаго, и ни одна панночка не шла за васъ. Прошлое дѣло, и я бы не пошла, какъ бы меня, почитай, связанную не обвѣнчали. Вотъ же, сякая-такая, лыками сшитая жена, а женясь, вы исподоволь перемѣнили свое скаредное поведеніе и подъ старость стали порядочные. Вотъ тоже будетъ и съ нашими сынками. Какъ мы ихъ оженимъ, да возьмемъ имъ женъ гораздо постарше ихъ, да зубатыхъ, чтобъ имъ волю прекратили, такъ во первыхъ скорѣе дождемся сыновъ отъ сыновъ своихъ и увидимъ чада чадъ своихъ; а во вторыхъ не бойтесь, не пойдутъ больше по вечерницамъ и насъ порадуютъ счастьемъ своимъ.

„Удивляюсь вамъ, Ѳекла Зиновьевна, какъ вы даже и въ эти лѣта подвержены мехлiодiи, и у васъ все любовное на умѣ (при семъ маменька плюнули и такъ поморщились, какъ будто крѣпкаго уксусу отвѣдали). Какъ вы располагаете женить дѣтей? что изъ нихъ будетъ?"

— Теперь покуда дѣти, а послѣ будутъ люди.

Батенька остановились противъ маменьки и смотрѣли на нихъ долго, долго; потомъ покачали головою, присвистывая: „фю фи фи!... фю фи фи!..." и начали говорить съ возрастающимъ жаромъ: „какъ я вижу: такъ вашъ совѣтъ женскiй, бабiй, не разсудительный, дурацкiй!" И при послѣднемъ словѣ, выходя изъ комнаты, стукнули дверью крѣпко и уходя, продолжали кричать: „не послушаю васъ, никогда не послушаю!... Женить! имъ того и хочется."

А маменька оставшись-себѣ однѣ, начали разсуждать критически, но все въ пол-голоса, все еще потрушивая батеньки, чтобъ не воротился: „какъ же себѣ хочете, такъ и дѣлайте, а я вамъ другаго совѣта не дамъ. Хотя они и моя утроба и вскормлены моимъ сердцемъ, а не вашимъ, но вы моя глава и я—о—охъ! должна повиноваться. Хотя, по вашему, я и глупо разсуждаю, но чувствую, что лучше имѣть одну невѣстку, которая бы и намъ помогала держать ихъ въ рукахъ, нежели сотню, чортъ знаетъ какихъ— тьфу!" При семъ восклицанiи маменька плюнули, оборотясь въ ту сторону, гдѣ было село.

Весь описанный мною разговоръ батеньки съ маменькою я слышалъ одинъ—и, признаюсь, мысль маменькина, мысль остроумная и благоразумная, восхитила меня. Женить насъ! что могло быть лучше этого?... Маменька же такъ справедливо, живо, искусно доказали необходимость того... Съ горестью услышалъ я несогласіе батеньки и рѣшительный отказъ. А я уже чувствовалъ такое стремительное, непреодолимое желаніе жениться, потому что со мною послѣдовала перемѣна, которую изъясню словами нашего реверендиссиме наставника, домине Галушкинскаго:

„Божокъ, малъ тѣломъ, но великъ дѣ*лами*, нашелъ средство опутать меня своими сѣ*тями*. Для чего досталъ онъ изъ колчана своего острѣйшую изъ стрѣлъ, намазалъ ее ядомъ, имъ же составленнымъ ядомъ сладкимъ, горькимъ, восхищающимъ, умерщвляющимъ, возвышающимъ и унижающимъ; таковую стрѣлу сей плутишка положилъ на свой лукъ и, помѣстясь въ несравненные, сѣренькіе, плутовскіе глазки, пустилъ изъ нихъ свою стрѣлу, которая, полетѣвъ, попала мнѣ прямо въ сердце и пронзила его насквозь. Тоненькіе же, длинненькіе, бѣленькіе пальчики, принадлежащіе той, кому и тѣ глазки, теплотою своею распалили всю мою внутренность“.... Увы! я познавъ любовную страсть къ моему восхищенію и вмѣстѣ къ лютому мученію!... Начало или рожденіе ея, возрастаніе и дѣйствія, я разскажу въ слѣдующей части. Теперь же кончу періодъ юной жизни моей тѣмъ, что случилось.

Батенька рѣшился отправить насъ пока въ училище. Домине Галушкинскій, за произведенное развращеніе (такъ думали батенька) нравовъ нашихъ, долженъ былъ заниматься съ нами цѣлый годъ безъ жалованья, на однихъ харчахъ нашихъ, и какъ ему обѣщали, что не объявятъ начальству его о происшедшемъ, то онъ былъ радъ и обѣщевалъ уже наблюдать за нами, какъ за зеницею ока своего.

Насъ снаряжали къ отправленію. Бѣдный Павлусь, не только ѣхать съ нами, но если бы сказали жениться, то онъ не могъ бы, ибо изнемогалъ все болѣе и болѣе. Наконецъ и знахарка объявила, что онъ не такъ боленъ, чтобъ ему выздоровѣть, а отъ того и перестала лечить его. Я долженъ былъ отправляться въ городъ для продолженія такъ удачно начатаго ученія. Но снѣдающая меня любовная страсть и воззрѣніе на слезы страждущаго предмета души моей заставили меня прибѣгнуть къ хитрости, въ моемъ состояніи извинительной. Заблаговременно я притворился больнымъ; маменька поддерживали обманъ мой. Я лежалъ въ теплой комнатѣ подъ шубами, ничего не ѣлъ явно, а всѣми возможными яствами, при секретномъ содѣйствіи бабуси, маменька меня упитывали. Батенька сильно сердились на мою болѣзнь, но не подозрѣвали обмана, и мы его препорядочно *надули* до того, что когда пришло время, то братъ Петрусь съ домине наставникомъ уѣхалъ. Я же, оставшись, пронемогши для приличія нѣсколько дней,

выздоровѣлъ и всталъ для любовныхъ, пріятно невинныхъ наслажденій....

Братъ Павлусь, послѣ отъѣзда Петруся, не долго страдалъ. Онъ умеръ къ огорченію батеньки и маменьки. Какъ бы ни было, а все же ихъ рожденіе. Батенька рѣшительно полагали, что смерти его причиною домине Галушкинскій, рано и преждевременно поведши ихъ на вечерницы; а маменька, какъ и всегда, справедливѣе батеньки заключали, что домине Галушка тѣмъ виноватъ, что часто водилъ ихъ въ это веселое сборище, я же полагаю, что никто смерти его не виною: она случилась сама по себѣ. Такая видно Павлусина была натура!

По приказанію родителей, я, разлинеявъ бумагу, написалъ къ Петрусѣ самъ: „знаешь ли, братъ, что? Братъ Павлусь приказалъ тебѣ долго жить.“ Маменька прослушали и сказавъ, что очень жалко написано, прослезились порядочно. Въ отвѣтъ мнѣ Петрусь пространно описывалъ—и все съ высокимъ штилемъ—всѣ отличныя качества покойнаго и въ заключеніе, утѣшая себя и меня, прибавилъ: „теперь намъ, когда батенька и маменька помрутъ, не между шестью, а только между пятью братьями—если еще который не умретъ—должно будетъ раздѣляться имѣніемъ.“

Я говорю, что это былъ необыкновеннаго ума человѣкъ! Онъ вездѣ и во всемъ хваталъ впередъ.

Похоронивши Павлуся, батенька и маменька принялись совѣтоваться какъ устроить насъ. И видно

батенька въ ту пору были склонны къ жалости, потому что скоро согласились съ маменькою, чтобы уже прекратить мое ученіе. Они приняли въ резонъ, зачѣмъ убыточиться, домине Галушкинскому платить лишніе пять рублей каждый годъ, а пользы де не будетъ никакой: видимое уже дѣло было, что хотя бы я всевозможныя училища прошелъ, и какія есть въ свѣтѣ науки прослушалъ, толку бы не было ничего. Откровенно скажу, не пришлись науки по моей комплекціи. Батенька въ заключеніе совѣщанія сказали: „пусть и не учится, а будетъ дуракомъ; пусть на себя жалуется; увидитъ, какое зло принесетъ его незнаніе“.

Хорошо. Какое зло принесло мнѣ нежеланіе мое учиться? Совершенно ничего. Я также выросъ, какъ бы и ученый; аппетитъ у меня, какъ у всякаго ученаго. Влюблялся въ дѣвушекъ и былъ ими любимъ такъ, что ученому и не удастся; при чемъ онѣ не спрашивали меня о наукахъ—и у насъ творительное, родительное и всякое производилось безъ знанія грамматики. Въ службѣ военной незнаніе наукъ послужило мнѣ къ пользѣ: меня, не удерживая, отпустили въ отставку; иначе лежалъ бы до сихъ поръ *на полѣ чести*. За то теперь живъ, здоровъ и всегда веселъ. Не требовались науки и при вступленіи моемъ въ законный бракъ съ нѣжно-любящею меня супругою, Анисьею Ивановною, съ которою—также безъ наукъ—прижито у насъ пять сыновей и четыре дочери

живьемъ, да трое помершихъ. И имѣніе у брата отстояно и новое пріобрѣтено—все безъ наукъ, просто.

Посмотрите же вы, что дѣлается съ учеными, хотя бы и съ сыновьями моими? Знаютъ, канальи, все; не токмо сотни, да и тысячи—куда! я думаю и сотни тысячъ рублей раскинутъ на гривны, копѣйки и скажутъ сколько денежекъ въ милліонѣ рублей. Удивительныя познанія! Волосъ сталъ бы дыбомъ, если бы я прежде того не оплѣшивѣлъ! Мало того: какъ знаютъ все прошедшее! какія есть въ свѣтѣ государства, какой король гдѣ царствовалъ, какъ звали жену и дѣтей! а сами и ногой въ томъ государствѣ не бывали, да знаютъ. Все, все знаютъ отъ сотворенія міра по сей день. Неимовѣрно! А не больше, какъ мои дѣти, и въ томъ же городѣ учились; только и разницы, что не въ томъ училищѣ, гдѣ я. Вотъ и поглотили, кажется, всю премудрость; но за то какъ испитые, голубчики мои! Ни маленькаго брюшка, ни у одного аппетитца порядочнаго и, въ добавокъ, никогда не ужинаютъ. Словно не мои дѣти! Дослужились въ полкахъ до чиновъ, и орденовъ, набрали, правда; но нахватали же ранъ и увѣчья. Побрачились все на бѣдныхъ; только и смотрѣли, чтобъ были обученныя.... Тьфу ты пропасть! требуютъ, чтобъ и женщины имѣли умъ! Вотъ вѣкъ! Маменька, маменька! что если бы вы до сихъ поръ не умерли, чтобы вы сказали о письменныхъ женщинахъ?...

Это же сыновья мои единоутробные; а что со вну-

ками дѣлается, такъ и ума не достанетъ понять ихъ! Вѣдь всѣ бѣги небесные знаютъ, звѣзды у нихъ наперечетъ и куда какая идетъ; не заглядывая въ календарь, скажетъ прямо, когда какая квадра луны настанетъ. Не только мужской полъ поглощаетъ премудрость, самыя женщины. Ну что онѣ такое? ничего больше, какъ женщины, а поди ты съ ними! что уже противъ своихъ матушекъ! прямо въ превыспренности вдаются. Ужъ не только на гусляхъ, но и на клавирахъ рѣжутъ, да какъ! что даже на варіаціи поднимаются, поютъ кантики, совсѣмъ отлично отъ прежнихъ сложенные—и я вамъ скажу, соблазнительно сложенныя. Моя Анисья Ивановна заставила однажды нашу Пазиньку спѣть *что нибудь хорошенькое* и слушала ее, раскладывая гарпасію; слушала—слушала—чтожъ? не выдержала, и подошедъ ко мнѣ, страстно поцѣловала; а ужъ бабѣ 52 года! Что же молодыя должны чувствовать отъ ихъ кантиковъ? А рѣчи и разговоры ихъ? Вѣдь и говорятъ и пишутъ все университетскимъ штилемъ; понимай ихъ! А та же Пазинька да Настинька, обученныя по прихотямъ жены моей иностраннымъ діалектамъ, при насъ, битыхъ два часа разговаривали съ офицерами на проклятомъ французскомъ. Какъ усердно ни прислушивался, а не поймалъ ни одного слова; нѣтъ и похожаго, какъ насъ училъ домине Галушкинскій! покой душѣ его! Какой же изъ того ихъ разговора послѣдовалъ „результатъ“, какъ говоритъ сказанный гувернеръ, ус-

луживающій невѣсткѣ моей? Пазинька въ ту же ночь, съ тѣмъ же офицеромъ, безъ вѣдома нашего, ушла и, за непрощеніемъ нашимъ родительскимъ, ѣздить гдѣ-то съ нимъ по полкамъ. Настинька въ частыхъ переискахъ съ различными молодыми людьми ловится, бранима бываетъ, да не унимается. А какъ бы по старинному?... Да чего? малолѣтки, внучки мои то и дѣло у окна: тотъ-де хорошъ; вотъ прошелъ пригожъ; вонъ у того усики прелестные и т. п., а еще цыплята 11 и 12 лѣтъ. Тьфу ты пропасть! скажу я, какъ маменька говорили, и плюнулъ бы при этомъ словѣ, да не знаю куда плюнуть особенно: вездѣ одно и тоже!

Вотъ эти-то обученія, эти наученія, перемѣнили весь свѣтъ и всѣ обычаи. Просвѣщеніе, вкусъ, образованность, политика, обхожденіе, все не такъ, какъ бывало въ нашъ вѣкъ. Все не то, все не то!... вздохнешь—и замолчишь. Замолкну и я объ нихъ и стану продолжать свои сравненія нашего вѣка съ теперешнимъ.

Конецъ первой части.

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хорошо. И такъ, пока еще до чего, приступлю къ сравненію, какъ влюблялись въ нашъ вѣкъ и какъ теперь.

Домине Галушкинскій, рѣдкій наставникъ нашъ, говаривалъ, что любовь есть неизъяснимое чувство; пріятнѣе, полезнѣе и восхитительнѣе паче прочихъ горячихъ напитковъ; такъ же одуряющее самую умнѣйшую голову; вводящее правда часто въ дураки: но состояніе глупости сей такъ пріятно, такъ восхитительно, такъ.... Тутъ у нашего реверендиссиме кровь вступала въ лицо, глаза блистали какъ метеоры, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, задыхался.... и падалъ въ постель, точно какъ опьянѣлый.

Сыновья мои—ужъ это другое поколѣніе—конечно также наслышавшіеся отъ своихъ наставниковъ, говорили, что любовь есть душа жизни, жизнь природы, изящность восторговъ, полный свѣтъ счастья, эссенція изъ всѣхъ радостей; если и причинитъ неимовѣрныя горести, то однимъ дуновеніемъ благосклонности истребитъ все и восхититъ на цѣлую вѣчность.... Это роза изъ цвѣтовъ, амбра изъ благоуханій, утро природы.... и проч. все такое.

Нынѣшнее—или теперешнее, не знаю какъ правильнѣе сказать—поколѣніе, уже внуки мои, имѣя своихъ Галушкинскихъ въ другомъ форматѣ, т. е. костюмѣ, съ другими выраженіями о тѣхъ же понятіяхъ, съ другими поступками по прежнимъ правиламъ, отъ нихъ то, новыхъ реверендиссимовъ наслушавшись, говорятъ уже, что любовь есть пріятное занятіе, что для него можно пожертвовать свободнымъ полу-часомъ; часто необходимость при заботахъ тяжелыхъ для головы; стаканъ лимонаду жаждущему, а не въ покойномъ состояніи находящемуся; недостойная малѣйшаго размышленія, не только позволенія владѣть душею; недостойная и немогущая причинить человѣку малѣйшей досады и тѣмъ менѣе горести. „Отцы и предки наши, какъ во всемъ, такъ и въ любви, были дураки, и занимались ею какъ чѣмъ-то серьезнымъ, вздыхали, даже плакали и—верхъ дурачества!—умирали волею и противъ воли, когда слѣдовало бы на любовь смотрѣть, какъ на ничто“. Такъ говорятъ внуки мои.

Не знаю, кто изъ всѣхъ, такъ различно умствующихъ, былъ правъ, и что еще о любви скажутъ впередъ; но я, жившій въ вѣкъ доминe Галушкинскаго и имъ руководимый, я любилъ сходно правиламъ и чувствамъ сего великаго педагога.

Пріятельница моей маменьки, вдова, имѣла одну дочь, наслѣдницу ста душъ отцовскихъ съ прочими принадлежностями. Эта вдова, умирая, не имѣвъ кому поручить дочь свою Тетясю, просила маменьку принять сироту подъ свое покровительство. Маменька, какъ были очень сердобольны ко всѣмъ несчастнымъ, согласились на просьбу пріятельки своей, и похоронивъ ее, привезли Тетясю въ домъ къ себѣ. Это случилось передъ пріѣздомъ нашимъ изъ училища.

Пріѣхавъ къ Святкамъ домой, я увидѣлъ Тетясю и меньше обратилъ на нее вниманія, нежели на маменькинъ самоваръ. Не знаю, наружность ли Тетяси была такъ обыкновенна, или судьба моя не пришла, только я видѣлъ ее и не видѣлъ, смотрѣлъ на нее и не смотрѣлъ. Она была съ моими сестрами, съ которыми я, по причинѣ различныхъ занятій, рѣдко видался, исключая Софійки, которую я обучалъ играть на гусляхъ и пѣть кантики.

Въ самомъ дѣлѣ, чему было обратить мое вниманіе? Тетяся была лѣтъ пятнадцати дѣвочка, ростъ ей выгнало, худа, но послѣ я замѣтилъ, что она складывается.... лицомъ ни черна, ни бѣла, середка на половинѣ, щечки полныя, румяныя, но изредка

рябоватыя; глаза сѣрые, въ началѣ будто и ничего, но послѣ.... канальскіе глазки! ручка полная, съ длинными пальчиками.... и право ничего больше, что бы значительно бросилось въ глаза! — Внуки мои, описывая красоту женщины (о дѣвицахъ, по неприличію, они и не думаютъ и не обращаютъ на нихъ вниманія; замужнихъ только удостоиваютъ замѣтить и искать ихъ благосклонностей), всегда начинаютъ съ ножекъ, ими плѣняются, ими любуются, ими восхищаются, а прочее все — прибавленіе. У насъ бывало такъ, что прежде разсматриваемъ головку, а тогда уже смотримъ на всю.

Вотъ эта Тетяся и была для меня ничто, какъ равно и я для нея. Мы бывали и вмѣстѣ съ нею, да какъ ничего, такъ ничего и не было.

Отошли Святки, надобно было приниматься за работу. У маменьки не дремли никто. Бабы и дѣвки дворовыя само по себѣ, а дѣти само по себѣ. Панночкамъ, уже начинавшимъ именоваться „барышнями", задана была работа „выбирать пшеницу". Эта пшеница нужна была для сдѣланія изъ нея муки „на Пасху", къ будущему „великодню" (Воскресенію Христову). Для такой муки надобно было, чтобы пшеница была зерно въ зерно, и для того барышни садились за столъ, и разсыпавъ по нему пшеницу, все нечистое изъ нея до послѣдняго выбирали и выкидывали, а потомъ чистую, уже выбранную пшеницу откладывали особо. Занятіе полезное, пріятное и склоняющее къ меланхоліи.

Я, какъ маменькинъ пѣстунчикъ, мѣсяца три ими невидѣнный, не отпускался отъ нихъ къ братьямъ въ паничевскую, а все большею частью сидѣвшій въ ихъ опочивальнѣ на лежанкѣ и непремѣнно чѣмъ-нибудь лакомившійся, не отпущенъ и послѣ Святокъ къ братьямъ, а посаженъ вмѣстѣ съ сестрами выбирать пшеницу. Маменька меня тѣмъ урезонили, что надо-де уже мнѣ пріучиться къ хозяйству, а эта часть самая хозяйственная и преполезная. Я не скучалъ подобными занятіями, зная, что маменька не перестанутъ услаждать меня разными заѣдками. Съ нами вмѣстѣ занималась этою хозяйственною и преполезною частью Тетяся; а сестра Вѣрка забавляла насъ разными веселыми сказками и присказками.

Вотъ мы выбираемъ пшеницу день, два и—ничего. На третій день насъ разсадили по разнымъ столамъ: по двѣ сестры сѣли на особыхъ столахъ, а Тетяся сѣла особо; и когда я пришелъ къ нимъ, то очень натурально, что я долженъ былъ сѣсть за однимъ столомъ съ Тетясею. Маменька, какъ уже извѣстно, были довольно — гдѣ нужно — хитренькія. Прошлое дѣло; а въ этомъ случаѣ чуть ли онѣ не схитрили, какъ покажутъ послѣдствія. А тутъ еще къ ихъ хитростямъ вмѣшался всесвѣтный шалунъ, проказникъ, утѣшающійся мученіями смертныхъ, крылатый божокъ, слѣпецъ все зрящій, однимъ словомъ—Амуръ, балованный сынокъ Венеры.

Вотъ, когда я сѣлъ за одинъ столъ съ Тетясею съ

намѣреніемъ выбирать пшеницу, садясь коснулся своимъ колѣномъ ея колѣна.... Кажется и ничего: мало ли случается столкнуться колѣномъ или иначе какъ съ кѣмъ бы то ни было, и вѣдь ничего же; поди же, что случилось со мною!... При этомъ столкновеніи меня вдругъ словно снѣгомъ обдало, я задрожалъ; но эта дрожь была не отъ холода и озноба, а отъ сильнаго жару, который вдругъ воспламенился во мнѣ.... я ничего не взвидѣлъ, ни пшеницы, разсыпанной передо мною, ни Тетяси, сидящей противъ меня.... въ головѣ сдѣлался шумъ, а сердце такъ и колотилось. Домине Галушкинскій потомъ уже изъяснилъ мнѣ, что это послѣдовало со мной отъ перваго пораженія Амуровой стрѣлы, которую онъ—бестія!—омокаетъ для сего въ водахъ рѣки Стикса.

Хорошо. Вотъ какъ я это все уже перенесъ, то и чувствую, что туманъ проходитъ, пшеница передо мною такъ и прыгаетъ и направо, и налѣво; а хочу схватить какое нибудь зерно, такъ рука моя дрожитъ сильно и не можетъ настигнуть зерна ни пшеничнаго, ни ячменнаго и другаго какого въ ней находящагося. Скамейка подо мною дрожитъ; печь, хотя и большая, а дрожитъ; столъ, окна, сестры, стѣны, Тетяся, все куда ни гляну, все дрожитъ. Не подумайте однако же, чтобы это въ самомъ дѣлѣ дрожало, о нѣтъ! все стоитъ спокойно и находится благополучно; но это я одинъ дрожу всѣмъ корпусомъ и духомъ, или какъ домине Галушкинскій говаривалъ:

трепещетъ во мнѣ вся физика или естественность, равно и мораль или нравственность. Вотъ какъ передрожала моя нравственность, и я мало по малу началъ приходить въ себя, т. е. въ разсудокъ, то и принялся за выборъ пшеницы.

Но, продолжая заниматься, я сгрустнулъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о бывшемъ со мною сладкотягостномъ положеніи. Какъ бы его возродить въ себѣ еще? Извѣстно, какъ и отъ чего произошло первое волненіе; и такъ я, притаивъ дыханіе, будто выбираю пшеницу, а самъ только лишь пересыпаю ее и изъ подлобья гляжу на Тетясю.... и, была не была!... толкъ ее тихонько колѣномъ.... она покраснѣла.... о верхъ счастія!... покраснѣла, губками зашевелила, какъ будто приготовляясь съ кѣмъ цѣловаться, задрожала.... а на меня не смотритъ....

Конечно и ее божокъ поранилъ своею стрѣлою, какъ и меня, потому что она послѣ моего толчка поминутно то краснѣла, то блѣднѣла, то тяжело дышала.... Я же былъ въ большомъ недоумѣніи, какъ мнѣ далѣе продолжать открытіе пламенной любви своей? Я былъ неопытенъ и невнимателенъ ко всѣмъ разсказамъ объ этомъ предметѣ, передаваемымъ намъ ревверендиссиме Галушкинскимъ. Наконецъ сама природа помогла моему недоразумѣнію и вступила въ права свои: она указала мнѣ на прелестные, бѣленькіе, тоненькіе, длинные пальчики предмета моей страсти, коими она передъ глазами моими—не выбирала—а

перебирала, какъ и я, пшеницу.... Прелесть ихъ меня поразила, я любовался долго.... потомъ самъ себя не помня, подвинулъ къ ней свою руку.... подвинулъ... и своимъ пальцемъ задѣлъ за ея пальчикъ... задѣлъ и держу.... Уфъ! какъ она стала красна! я думалъ; что кровь брызнетъ изъ щекъ ея... но я ничего, все держу, и крѣпче... наконецъ завладѣваю другимъ пальчикомъ... далѣе третьимъ... четвертымъ... и вся ручка ея — дрожащая — въ моей торжествующей.... я сжимаю ее.... она еще болѣе краснѣетъ.... я сжимаю крѣпче.... она взглядываетъ на меня... какъ? и что за глазки!... жметъ мою руку и едва внятно лепечетъ: „серденько мое!...“ я, едва помня себя, удержался, чтобъ не вскрикнуть, но шепотомъ сказалъ ей, страстно смотря въ ея сѣренькіе глазки: „душечка!“

Вотъ ровно пятьдесятъ девять лѣтъ, какъ это восхитительное событіе случилось со мною, но я все живо помню; помню каждое біеніе сердца моего и силу удара, каждое движеніе души, т. е. нравственности моей, каждый помыслъ ума моего... И вспоминаніе сладко, что же было въ существенности! Семнадцать разъ я объяснялся въ любви дѣвушкамъ, разумѣется разнымъ, но ни при одномъ объявленіи не чувствовалъ такой сладости! Пари держу, что нынѣшніе молодые люди и сотой доли того не чувствуютъ при объявленіи любви—если они еще и объявляютъ ее—что я и другіе въ нашъ вѣкъ чувствовали. То была истинная любовь, а теперь—тьфу!

Сестры мои не могли слышать нашихъ любовныхъ изъясненій или замѣтить восторговъ нашихъ; онѣ, переслушавъ Вѣрочкины сказки, за что-то поссорились, наконецъ помирились и съ шумомъ спѣшили оканчивать выборъ своего урока: каждому изъ насъ дано было по большой мискѣ пшеницы, чтобы перебрать ее.

Мы забыли не только о пшеницѣ, но не помнили, существовала ли вселенная: такъ намъ было хорошо, сцѣпивъ наши пальцы, сжимать ихъ одинъ другому и страстно взирать другъ на друга... мы были внѣ міра, насъ окружающаго!...

„Пойдемъ въ снѣжки играть!“ — закричала сестра Любка.—„А вы кончили ли свой урокъ?“—спросили насъ сестры.

Куда! мы начали-было прилежно, но прелестный Амуръ помѣшалъ намъ своими сладостными занятіями. Тетяся сказала, что уже немного остается, что мы скоро доберемъ и выйдемъ къ нимъ играть, а онѣ, чтобы насъ не ожидая, шли бы себѣ играть. Сестры шарахнули изъ комнаты.

Тутъ намъ, оставшимся вдвоемъ съ глазку на глазокъ, была своя воля. Лишь только затворилась за сестрами дверь, я, полный любовнаго пламени, забывъ всякій порядокъ и не наблюдая постепенности, вмѣсто того, чтобы прежде разцѣловать ручки моей богини, я притащилъ ее чрезъ столъ къ себѣ... началъ дѣйствовать прямо на бѣло.... протянулъ къ ней свою

пламенную головку... и уста наши слились на добрую четверть часа!... Невыразимое блаженство!... Отдохнемъ, переведемъ духъ; я скажу: „серденько!“, она промолвитъ: „душечко!“—и сольются наши счастливыя уста!... Потомъ она скажетъ: „серденько!“, а я уже отвѣчаю:—„душечко!“—и опять цѣлуемся... Тутъ-то я нашелъ, что моя Тетяся несравненная красавица и что ей подобной въ мірѣ быть не можетъ. Все въ ней казалось мнѣ восхитительно, и я предпочелъ бы ее въ тотъ часъ всѣмъ красавицамъ на свѣтѣ.

Пожалуйте же, что изъ этого выйдетъ. Вотъ, какъ мы себѣ такъ утопаемъ въ блаженствѣ отъ взаимныхъ поцѣлуевъ и забываемъ всю вселенную, я, въ какомъ ни былъ восторгѣ, а замѣтилъ, что дверь, противъ меня находящаяся, все понемногу отворяется, и видно, что кто-то подсматриваетъ за нами; я сдѣлался осторожнѣе и уже не притягиваю къ себѣ Тетяси, но невольно наклоняюсь къ ней, когда она меня къ себѣ тащитъ. Она замѣтила мою уклончивость, начала осматриваться и также увидѣла подсматривающаго насъ. Смутилась немного, отняла у меня свою ручку: мы утерлись и принялись прилежно заниматься пшеницею.

Видя наше спокойствіе, подсматривавшая особа, не надѣясь болѣе что замѣтить, отворила дверь и вошла... Судите о нашемъ замѣшательствѣ! Это вошли маменька! это онѣ и подсматривали за нашими дѣяніями. Мало сказать, что мы покраснѣли какъ ва-

реные раки! нѣтъ, мы стали гораздо краснѣе; и свѣта не взвидѣли, не только пшеницы!

Ну-те. Онѣ вошли—и ничего. Походили по комнатѣ, и вдругъ подошли къ намъ и спросили, отъ чего мы до сихъ поръ не выбрали пшеницы? — Мы молчали; что намъ было отвѣчать?—Какъ добрѣйшая изъ маменекъ, помолчавъ, сказали со всею ласкою: „Видно вамъ некогда было, занимались другимъ? А?“ Мы, отъ смущенія, продолжали молчать. Маменька подошли къ намъ, поцѣловали Тетясю и меня въ голову и сказали съ прежнею все ласкою: „полно же вамъ заниматься; у васъ не пшеница на умѣ. Оставьте все и идите къ мнѣ“.

Мы съ радостью оставили пшеницу и пошли за маменькой въ ихъ опочивальню. Онѣ насъ усадили на лежанкѣ, поставили разныхъ лакомствъ и сказали „ѣшьте же, дѣточки, пока-то до чего еще дойдетъ“. Мы ѣли, а маменька мотали нитки; потомъ спросили меня: „что, Трушко, какъ я вижу, такъ тебѣ хочется жениться?“

— Хочется, маменька, нестерпимо! — отвѣчалъ я, обсасывая пальцы, запачкавшіеся въ медовомъ вареньѣ.

„И мое желаніе такое есть, и мнѣ лучшей невѣсточки не надо, какъ моя Тетяся“,—сказали маменька и поцѣловали ее въ голову. „Такъ что же будешь дѣлать съ Мирономъ Осиповичемъ? Вбилъ себѣ въ голову, чтобы сдѣлать изъ тебя умнаго; объ одномъ

только и думаетъ; а о здоровьѣ твоемъ и объ моемъ счастьѣ ему и нуждушки мало. Нечего дѣлать, Трушко, поѣзжай съ Галушкою еще въ городъ, да не учись тамъ, а такъ только побудь; я Галушкѣ подарю еще холста, такъ онъ будетъ тебя нѣжить; а я тутъ притворюсь больною, пошлютъ за вами, и я уже до тѣхъ поръ не встану, пока не вымучу у Мирона Осиповича, чтобы тебя женилъ. Чего намъ дожидать? Развѣ, чтобъ разшалился, какъ Петрусь, и чтобы и тебя также окалѣчили, какъ Павлуся? Скорѣе сама въ гробъ пойду. Нечего же плакать, Трушко (при маменькиныхъ словахъ я плакалъ навзрыдъ, не отъ восторга, что скоро женюсь на Тетяси, предметѣ моего сердца, но что долженъ еще ѣхать въ городъ и продолжать это проклятое ученье); потерпи немножко, за то послѣ навсегда свободенъ будешь. Женатаго уже не нужно учить".

— Нельзя ли, маменька, меня теперь же поскорѣе женить, чтобы не ѣхать?—сказалъ я, продолжая хныкать.

„По мнѣ—сказали маменька—я бы тебя сего же дня оженила, ужасть какъ хочется видѣть сыны сына моего—такъ что же будешь дѣлать съ упрямымъ батенькою твоимъ?"

— Такъ лучше я притворюсь больнымъ—сказалъ я, утирая слезы,—я умѣю такъ притвориться, что и сами батенька повѣрятъ.

Маменькѣ очень понравилась моя выдумка, и онѣ

обрадовавшись, расцѣловали меня, обѣщали поддерживать хитрость мою и дали слово, когда я останусь и какъ похоронятъ Павлуся—уже не надѣялись, чтобъ онъ выздоровѣлъ, — то и приступить тотчасъ къ батенькѣ и поставить на своемъ. Въ заключеніе приказали мнѣ съ Тетясею при нихъ же поцѣловаться, какъ жениху съ невѣстою.

Восторгу нашему не было границъ.

Теперь я только понялъ маменькины хитрости, что имъ очень хотѣлось, чтобы я женился именно на Тетясѣ, какъ на невѣстѣ довольно богатой; и для этого, чтобъ дать намъ поводъ влюбиться другъ въ друга, засадили насъ за одинъ столъ выбирать пшеницу, а сами подсматривали, какъ мы станемъ влюбляться. Какъ же имъ было не любить меня паче всѣхъ дѣтей, когда я не только исполнялъ все по волѣ ихъ, но предугадывалъ самыя желанія ихъ!

Кончивши съ Тетясею любовные наши восторги, я приступилъ притворяться больнымъ. Батенька слѣпо дались въ обманъ. При нихъ я, лежа подъ шубами, стоналъ и охалъ; а чуть они уйдутъ, такъ я и вскочилъ, и ѣмъ, и пью, что мнѣ вздумается. Съ Тетясею амурюсь, маменька отъ радости хохочутъ, сестры—онѣ уже знали о планѣ нашемъ—припѣваютъ намъ свадебныя пѣсни. Одни только батенька не видѣли ничего и, приходя провѣдывать меня, только что сопѣли отъ гнѣва, видя, что имъ не удается притѣснить меня.

Блаженное было время, какъ вспомню! А вспоминаю часто, особливо достигши старости. Первая любовь—разсказывалъ мнѣ Миронушка, одинъ изъ сыновей моихъ—есть истинная любовь и остается у человѣка на всю жизнь его. Правда истинная! Насъ судьба не соединила съ Тетясею, но я всегда и въ супружествѣ вспоминалъ объ ней. Быть можетъ и потому, что она одна изъ любимыхъ мною, даже и Анисья Ивановна, моя законная супруга, такъ не любила меня, какъ незабвенная Тетяся, и изъ всѣхъ любимыхъ мною, коихъ могу насчитать до тридцати, я ни съ одною такъ пріятно не амурился, какъ съ Тетясею, отъ того и незабвенною.

Хорошо. Вотъ, какъ я такъ восхитительно болѣю, а батенька и отправили Петруся, а тутъ и Павлуся похоронили; я приступилъ къ маменькѣ, чтобъ женили меня.

Въ одинъ день маменька, собравшись съ духомъ, пошли къ батенькѣ, чтобъ переговорить о моемъ благополучіи.... Куда! я думаю, и десяти словъ не успѣли сказать, какъ бѣгутъ со всѣхъ ногъ назадъ и еще простоволосыя!... Батенька, по своей горячности, турнули ихъ и сбили платокъ съ головы.... Маменька, прибѣжавъ безъ памяти, чѣмъ попадя покрыли поскорѣе голову и принялись жестоко плакать. Потомъ приказали мнѣ играть на гусляхъ и пѣть кантикъ: *ужъ я мученіе злое терплю*, а сами все плакали. Тутъ я догадался, что батенька заупрямились и не соглашаются меня женить, а отъ того и самъ плакалъ.

Маменька—изъ всѣхъ маменекъ добрѣйшая—забывъ, что онѣ сами претерпѣли, принялись утѣшать меня и уговаривали слѣдующими словами: „не тужи, Трушко. Будь я канальская дочь, когда не переупрямлю его. А не то, поѣду въ Корнауховку (другая наша деревня), да тамъ васъ и свѣнчаю. Пусть послѣ того разведетъ васъ.“

Батенька, какъ разозлились на маменьку, то сильно вскипѣла у нихъ кровь и произошла жажда. Вдругъ на встрѣчу имъ несутъ кувшинъ терноваго квасу, рѣзкаго, холоднаго. Они, не разсуждая долго, схватили кувшинъ и тутъ же, не сходя съ мѣста, выдули его почти половину. Выпивши и заохали.... охъ, да охъ! не долго ходивши слегли въ постель.

Лечили батеньку и знахари и даже лекарь изъ города, все ничего. Послали за Петрусею и взяли его съ домине Галушкинскимъ изъ училища. Батенька, умирая, приказывали мнѣ и не думать о женитьбѣ до тридцати лѣтъ, а прежде служить. Петрусѣ опредѣлиться, по окончаніи ученія, въ русскіе полки, что около насъ квартировали—и туда же взять и меня. Меньшіе же братья очень недавно отвезены были въ кадетскій корпусъ, даже въ самый Петербургъ, то про нихъ батенька ничего и не говорили. Маменькѣ поручили наблюдать за хозяйствомъ и потомъ раздѣлить насъ и дочерей выдать замужъ, награди вещами и платьями коихъ NB у маменьки было до пропасти, еще отъ ихъ бабушекъ оставшихся. Потомъ

крѣпко-на-крѣпко приказывали маменькѣ, устроивъ все это, постричься въ монахини, чтобъ сохранить вѣрность къ нимъ и въ гробѣ лежащимъ.

Распорядивъ все это, батенька прекрасно, тихо и спокойно умерли. Маменька, приказавъ все, что нужно устроить къ погребенію, и пославъ оповѣстить сосѣдей о такомъ случаѣ въ нашемъ домѣ, пошли въ анбаръ что то выдавать, а тутъ пріѣхали сосѣдки нѣкоторыя навѣстить маменьку въ горѣ. Маменька пошли къ нимъ, и какъ пришли къ тѣлу батенькиному, тутъ были и гости, охнули громко, сомлѣли и покатились на полъ. Такъ нѣжно любили онѣ батеньку! Мы не знали, что дѣлать съ ними; хотѣли пощекотать въ носу, какъ дѣлывали батенька въ такомъ случаѣ, но одна изъ сосѣдокъ, видя бѣду, бросилась и закричала: „воды, воды!“ Женщина наша, тутъ же стоявшая, какъ брызнетъ на маменьку.... Маменька какъ вскочитъ, какъ дастъ ей туза, такого, что та и сама уже хотѣла сомлѣть. „Экая дура!“ такъ закричали на нее маменька: „брызнула какъ будто изъ ведра, да еще холодною водою! Такъ ты меня на смерть простудишь.“ Послѣ того исправили этотъ безпорядокъ: приготовили тепленькой водицы, и какъ только маменька сомлѣютъ — а онѣ сомлѣвали при всякихъ вновь пріѣзжающихъ гостяхъ—то на нихъ этою водою брызнутъ чуть-чуть, а онѣ лупнутъ глазами и очувствуются. Ужасъ какъ онѣ убивались по батенькѣ!

А какъ только жалко маменька приговаривали, пла-

чучи надъ батенькою, такъ это прелесть! хоть сейчасъ на бумагу пиши. Я думаю ни одинъ сочинитель не напишетъ такъ жалко, какъ маменька приговаривали; а онѣ же были не грамотныя. Если бы онѣ жили въ нашъ вѣкъ, когда нѣтъ стыда женщинамъ знать грамоту, то, я думаю, изъ нихъ былъ бы такой сочинитель, что ну! Кромѣ жалкихъ словъ всякаго разбора, онѣ еще при всѣхъ торжественно говорили, что „какая бы ни была моя жизнь за нимъ и сколько я отъ него, моего соколика, претерпѣла, а не нарушала моей супружеской вѣрности ни однажды. Въ помыслахъ-де человѣкъ не властенъ, но дѣломъ я не провинилась.“ Всѣ предстоящіе плакали, слушая ея жалобные стоны и приговорки. Откуда у нихъ слова брались!

Когда все было готово къ выносу, домине Галушкинскій, усердствуя чести нашего дома, просилъ позволенія произнести надгробное слово, имъ самимъ сочиненное. Всѣ присутствующіе обрадовались случаю услышать что ни есть умненькое, просили его проговорить, и ревerendиссиме, взлѣзши на стулъ, началъ по тетрадкѣ:

„Въ мірѣ существуетъ много дѣйствій; а каждому дѣйствію есть своя причина. Собравшееся многое множество сюда вельможныхъ, благородныхъ и подлыхъ особъ, есть дѣйствіе, а причина сему дѣйствію не что другое, какъ распростертый предъ нами — ихъ вельможность, Лубенскаго казачьяго полку подпрапор-

ный Миронъ Осиповичъ, знаменитый панъ Халявскій! Что ихъ вельможность лежатъ распростерты, очи ихъ смежены, уста слипнуты, руки окостенѣли—сіе есть дѣйствіе; но дѣйствію сему какая причина? Ихъ вельможность умерли. Ихъ вельможность, пани подпрапорная съ чады и домочадцы плачетъ и рыдаетъ; и сіе есть дѣйствіе, а дѣйствію сему причина та, что знаменитый панъ подпрапорный, ихъ вельможность, умерли. Когда же пани подпрапорная такъ плачутъ и убиваются, то неужели такъ дѣйствуютъ по пустому? Нѣтъ, слушатели! тутъ есть причина: ихъ вельможность, панъ подпрапорный, были человѣкъ доброй души и благодѣтельныхъ чувствъ. Когда же пани подпрапорная плачутъ, то намъ ли молчать какъ каменіямъ безгласнымъ? Ни чуть! И такъ—плачьте велико-вельможные, плачьте вельможные, плачьте благородные, плачьте подлые, плачьте старшина, плачьте казаки, плачь гетманщина, плачь Россія, плачь вселенная! Ихъ вельможность, знаменитый панъ подпрапорный, Миронъ Осиповичъ Халявскій, гробу предается! Плачу и я и—умолкаю!“

И подлинно всѣ слушавшіе это краснорѣчивое надгробное слово, всѣ плакали на взрыдъ. И камень бы заплакалъ, если бы могъ слушать! Маменька же то и дѣло, что брякали на полъ, но бывъ вспрыснуты водою, паки вставали на новыя слезы.

Чтобы не разжалобливать читателей, скажу коротко, что батеньку похоронили прекрасно, какъ долгъ

требовалъ. А какіе были поминальные обѣды, такъ чудо! Всего много и изобильно. Притомъ же гости, чтобъ не давать маменькѣ горевать, жили безвыѣздно съ семействами. Сосѣдки, имѣющія дочерей, совѣтовали маменькѣ поскорѣе женить Петруся, чтобы хозяинъ былъ въ домѣ; но маменька были себѣ на умѣ; онѣ соглашались женить, да не Петруся, а меня, и ожидали только, чтобъ поминальные дни отошли, чего и я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Петрусь настаивалъ, чтобъ его прежде женить какъ старшаго, но маменька ссылались на послѣднюю волю батенькину, что ему должно служить. Тутъ и Петрусь напоминалъ, что батенька приказывали мнѣ не жениться до тридцати лѣтъ; такъ добрая маменька увѣряли и божились, что батенька это говорили въ жару и безъ разсудка. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все окончилось, какъ новое несчастіе постигло наше семейство.

У батеньки былъ большой пріятель, армейскій—не панъ, а господинъ полковникъ, по сосѣдству квартировавшій у насъ полкомъ. У! да и бойкая голова была! Онъ такъ возобладалъ батенькою, что даже заставилъ ввести за столомъ стеклянные стаканы и рюмки, а также ножи и вилки. Уговорилъ меньшихъ братьевъ отправить въ кадетскій корпусъ и самъ письма писалъ о пріемѣ ихъ. Что бы онъ еще надѣлалъ съ нами, если бы батенька не померли такъ скоро. Однако же этотъ злой человѣкъ не унялся, а принялся горемъ убить маменьку. Вотъ послушайте, что произошло.

Въ одинъ день пишетъ къ маменькѣ, что будетъ къ намъ завтра и привезетъ къ Софійкѣ жениха, какого-то поручика. Маменька и ничего; еще обрадовались, что-де невѣстку беремъ, т. е. Тетясю за меня, такъ надо съ хлѣбовъ одну дочку долой. Ожидаютъ господина полковника съ женихомъ.... да кстати сказать, что этотъ господинъ полковникъ не то что панъ полковникъ: нѣтъ той важности, нѣтъ амбиціи, гонору; ѣздитъ одинъ душею на парѣ лошадей безъ конвою, безъ сурмъ и бубенъ; не только сиди, хоть ложись при немъ, онъ слова не скажетъ и даже терпѣливо сноситъ, когда противорѣчатъ ему. Маменька справедливо про него говорили: „онъ такой полковникъ противъ нашего ясновельможнаго пана полковника, какъ дворовый индюкъ противъ выкормленнаго".

Хорошо. Вотъ и ожидаютъ ихъ пріѣзда. Софійка, какъ завидѣла, что уже ѣдутъ, спряталась прямо на чердакъ. Въ самомъ дѣлѣ, ея положеніе ужасное! Какъ ей показаться, когда пріѣхали смотрѣть ее? Но прячась, поручила сестрамъ и дѣвкамъ высмотрѣть каковъ ея женихъ.

Пріѣхалъ наконецъ полковникъ и женихъ; маменька усадили ихъ противъ дверей, идущихъ въ ихъ спальню. Дверь эта отворялась изъ спальни сюда и состояла изъ двухъ половинокъ и запиралась крючкомъ. Въ верху этихъ дверей была щелочка. Это описаніе нужно.

Вотъ какъ усѣлись, и разговариваютъ объ урожаѣ,

о смерти батенькиной, о скотскомъ падежѣ, и тутъ полковникъ началъ закидывать на счетъ Софійки и жениха и принялся разсказывать о достоинствахъ жениха.... какъ вдругъ дверь, описанная мною, съ шумомъ разорвавшая державшій ее крючокъ, съ трескомъ отворяется къ гостямъ, и изъ нея, какъ изъ мѣшка огурцы, кучами выпадываютъ сестры мои, дѣвки, бабы, дѣвчонки, и всѣ замарашки, какія могли быть въ дворѣ. Это онѣ любопытствовали разсмотрѣть жениха въ дверную щель. Какъ же щель была вверху дверей, такъ онѣ наставили столовъ, скамеекъ и на нихъ взмостились, налегая одна на другую. Тягости отъ нихъ дверь не могла выдержать, обломилась, растворилась.... и всѣ зрительницы полетѣли, кувыркаясь одна чрезъ другую.... Весьма естественно, что падавшія послѣ, упираясь на лежащихъ уже, должны были перекувыркиваться вверхъ ногами и ими задѣвать гостей.... Любопытная сцена была! не только такой, я и подобной въ Петербургѣ не видалъ въ театрѣ; хоть и тамъ много смѣшнаго, но все не то, куда!

Насмотрѣлся и нахохотался полковникъ съ женихомъ! И маменька съ трудомъ удерживались, чтобъ не хохотать, но имъ неприлично было смѣяться, а слѣдовало сердиться за такой безпорядокъ; онѣ такъ и сдѣлали: давай колотить, по чему попало, лежащихъ и уходящихъ отъ нихъ. А полковникъ хохочетъ, и замѣтивъ, что между павшими жертвами было нѣ-

сколько лицъ опрятнѣе одѣтыхъ (то были мои сестры и моя богиня, Тетяся), подумалъ, что между ними должна быть и Софійка, хотѣлъ удержать Надю, но та отбила ему всѣ руки и таки вырвалась и ушла. Маменька объяснили ему, что это еще не старшая, и примолвили: „та совсѣмъ запряталась; и куда же вы бы думали? На чердакъ. Вѣдь то-то дѣтскій умъ: теперь прячется отъ жениха, а послѣ за-мужемъ сама будетъ за нимъ бѣгать.“ Послали однако же за Софійкою.

Куда! она всѣхъ посыльныхъ переколотила, и если бы не обманомъ, не свели бы ее оттуда въ цѣлый день. А то какъ сманили съ чердака и ввели въ особую комнату, да туда и жениха впустили. Софійка (такъ была научена маменькою) отъ него и руками и ногами, знай кричитъ: „не хочу, не пойду!“, но женихъ, разсмотрѣвши ее внимательно, сказалъ маменькѣ: „моя; беру. Благословите только.“ Какъ бы и не понравиться кому такой дѣвкѣ? Крупная, полная, румяная, черноволосая, и какъ будто усики высыпали около большихъ толстыхъ красныхъ губъ ея.

Маменька очень обрадовалась, что дочь ихъ понравилась такому достойному человѣку, и потомъ съ полковникомъ располагали, когда сдѣлать свадьбу и проч., и тутъ уже, кстати, начали распрашивать: кто женихъ, какъ зовутъ, откуда, что имѣетъ, не имѣетъ ли дурныхъ качествъ, т. е. не пьяница ли онъ, не игрокъ ли, не буянъ ли? и проч. такое. Въ

нашъ вѣкъ прямо обо всемъ такомъ старались узнавать всегда до свадьбы, чтобъ послѣ не тужить.

Это еще не былъ сговоръ, и не то, чтобы по теперешнему, слово дано; совсѣмъ нѣтъ. Часто случалось, что такъ обнадеженный женихъ, возвращаясь съ восхищеніемъ, находилъ у себя въ экипажѣ тыкву; послѣ чего, какъ яснаго отказа, не смѣлъ болѣе въ домъ показаться. А потому и маменька, хотя и ласково обходилась съ женихомъ и будто бы к *таво*, да были себѣ на умѣ: онѣ хотѣли прежде все обстоятельно узнать касающееся до жениха и достатка его, и тогда уже рѣшить по обстоятельствамъ. Это въ нашъ вѣкъ была уловка: имѣть жениха наготовѣ. Часто три, пять жениховъ вмѣстѣ, всѣмъ дано слово, обо всѣхъ собираютъ свѣдѣнія и потомъ одному отдаютъ дочь, а прочимъ подносятъ тыквы. Само по себѣ разумѣется, что невѣста ничего не знаетъ и не имѣетъ права выбирать, а получаетъ и любитъ того, кого ей подведутъ. И прекрасно было, никто не бралъ на себя разбирать сходства характеровъ, доискиваться сочувствій, наблюдать симпатію душъ—ничего не бывало! Живутъ да живутъ. Только развѣ при похоронахъ одного изъ нихъ услышишь, что другое лицо хвалится ли счастливою жизнью, съ нимъ проведенною, или высчитываетъ бѣдствія, отъ него перенесенныя. При жизни же ихъ никто ничего за ними не замѣчалъ: шли за добрыми людьми. Теперь же, батюшки мои!... на другой день свадьбы знаешь, сча-

стливы ли супруги другъ другомъ, или какъ кошка съ собакою!

Обратимся же къ своей матеріи. Только какого же промаха дали маменька при этомъ разговорѣ съ полковникомъ, такъ я не наудивляюсь, а особливо знавши ихъ тонкій умъ и природную хитрость, посредствомъ которой онѣ иногда даже и батенькою управляли. Говорившп о сватовствѣ сестры, онѣ сказали, что желали бы поспѣшить выдать Софійку скорѣе затѣмъ, что имъ нужно сына женить.

„Какого сына?“ спросилъ съ удивленіемъ полковникъ. „Неужели Петра?“

— И, нѣтъ—отвѣчали маменька: — этотъ болванъ, пожалуй, только о томъ и думаетъ, но вотъ ему! (при семъ маменька въ ту сторону, гдѣ былъ Петрусь, показали большой шишъ). Я своего сына любимчика, Трушка, хочу женить.

„Помилуйте, сударыня! (полковникъ съ матушкою былъ политиченъ и всегда величалъ ее сударынею, какъ будто какую особу). Помилуйте, какъ его женить? Онъ еще мальчикъ, дитя.“

— Ого! возразили маменька: да у него уже не дѣтское на умѣ. Раньше женить, такъ онъ и понятія не будетъ имѣть о разгульной жизни, и поневолѣ будетъ постояннымъ мужемъ. При томъ же онъ уже влюбленъ въ ту барышню, на которой я располагала женить его.

„Вы погубите его и ту несчастную дѣвушку, на

которой жените его", сказалъ полковникъ съ жаромъ: „лучше опредѣлите его въ училище, пусть онъ продолжаетъ ученье."

— И, мой батюшка! (такъ маменька выражались противъ уважаемаго ими лица. Было за что уважать врага нашего семейства! Вотъ послушайте далѣе). Какъ ему продолжать, когда онъ не начиналъ еще учиться?—Тутъ онѣ разсказали полковнику всѣ штучки: какъ подкупали домине Галушкинскаго, чтобы меня не отягощалъ ученіемъ, и какъ я ловко притворялся больнымъ, чтобы не ходить въ училище.— И къ чему, мой батюшка, ученье? — примолвили маменька: — голова не желудокъ. Ты желудокъ чѣмъ хочешь отягощай, все пройдетъ, можно счистить; какъ же голову отяготишь грамматиками и архиметиками (маменька, по безрамотству, не могли правильно называть наукъ), и онѣ тамъ заколобродятъ себѣ, такъ уже александрійскій листъ не поможетъ.—NB. Нужно было очень маменькѣ входить въ такія разсужденія. Онѣ себя этимъ убили. Вотъ послушайте.

Полковникъ призадумался, и какъ человѣкъ бывавшій въ Петербургѣ, слѣдовательно занявшій тамъ всѣ хитрости, замолчалъ, будто и согласился. Потомъ, при отъѣздѣ, началъ просить, чтобъ маменька отпустили завтра любезныхъ сынковъ своихъ къ нему обѣдать. Бѣдныя маменька, ничего не подозрѣвая и не предчувствуя несчастія, согласились и дали слово.

На завтрашній день Петруся и меня прибрали и

убрали отлично! Батенькины лучшіе пояса, ножи съ золотыми цѣпями, за поясами сабли турецкія въ богатыхъ оправахъ... фу! такіе молодцы мы были, что изъ подъ ручки посмотрѣть! маменька и Тетяся очень мною любовались. Повезли же насъ въ берлинѣ, данномъ за маменькою въ приданое, запряженномъ въ шесть коней, въ шорахъ; одинъ машталеръ управлялъ ими и поминутно хлопалъ бичемъ. Мы выѣхали изъ дому очень покойно, и я съ маменькою, даже съ Тетясею, попрощался кое-какъ.

Дорогою мы разсуждали съ братомъ, какой у господина полковника долженъ быть знатный банкетъ и какъ, при многихъ у него гостяхъ, будутъ намъ отдавать отличную честь, какъ прилично и слѣдуетъ знаменитымъ Халявскимъ. Петрусь разсуждалъ, какъ онъ послѣ обѣда будетъ съ панночками играть въ короли, въ жмурки, какія загадки будетъ загадывать; а я расчитывалъ, какъ я знатно наѣмся на этомъ банкетѣ и буду примѣчать такъ ли хорошо выкармливается птица у него, какъ у маменьки? Въ этихъ пріятныхъ мечтахъ подъѣхали мы къ квартирѣ полковника. Однимъ одинъ часовой ходилъ у какой - то зеленой таратайки—и больше ничего.

Мы вошли въ домъ. Солдатъ сказалъ, чтобы мы въ первой комнатѣ, пустой, ожидали его высокоблагородіе. Что прикажете дѣлать? Мы, Халявскіе, должны были ожидать; ужъ не безъ обѣда же уѣхать, когда онъ насъ звалъ; еще обидѣлся бы. Вотъ мы себѣ хо-

димъ, либо стоимъ, а все одни. Какъ въ другой комнатѣ слышимъ полковника разговаривающаго съ гостями, и по временамъ слышимъ вспоминаемую нашу фамилію и большой хохотъ.

Ждемъ мы часъ, два, никто и не думаетъ намъ подать что закусить. Поглядывая другъ на друга, воображаемъ, что маменька въ это время давно уже откушали и выпочивались, а мы еще и не завтракали, и никто объ насъ и не заботится.

Гораздо послѣ полудня, вышелъ полковникъ къ намъ и вообразите! въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ. Увѣряю васъ! мало того—не снялъ передъ нами колпака и даже головою не кивнулъ, когда братъ и я, именно я, отвѣшивалъ ему съ отклоненіемъ рукъ точно такой поклонъ, какъ по наставленію незабвеннаго домине Галушкинскаго, слѣдовало воздать главному начальнику. При томъ, какъ бы къ большему неуваженію, курилъ еще и трубку и, не вынимая ее изо рта, спросилъ: „умѣете вы писать?“ Это вѣжливость? это приличіе? Ужъ бы по крайней мѣрѣ спросилъ о здоровьѣ маменьки, когда не позаботился спросить о нашемъ! Но это еще цвѣточки, погодите, что дальше будетъ!

На такой странный вопросъ конечно мы отвѣчали утвердительно: потому что Петрусь писалъ бѣгло, четко и чисто, онъ былъ геній во всемъ; я тоже, какъ ни писалъ, но все же писалъ и могъ мною написанное читать.

„Ну, когда умѣете, такъ подпишите же эти бумаги“, сказалъ господинъ полковникъ и кликнулъ: „Тумаковъ! скажи имъ, гдѣ и какъ подписать“.

Подошелъ къ намъ—я думалъ, что онъ домине Тумаковъ и долженъ насъ учить какимъ наукамъ, однако же это былъ просто Тумаковъ,—и показалъ прежде Петрусѣ, что писать, потомъ приступилъ ко мнѣ. Пишите, сказалъ онъ: „*къ сему прошенію*...“ я написалъ это убійственное, треклятое, погубившее меня тогда и во всю жизнь мою причинявшее мнѣ бѣды, я написалъ и кончилъ все по методу Тумакова. Онъ собралъ наши бумаги, и когда господинъ полковникъ сказалъ ему: „заготовь же приказъ, да скорѣе“, онъ пошелъ отъ насъ.

Все это хорошо, что мы не много написали, подумалъ я: но что же изъ того? Гдѣ же обѣдъ, на который мы были приглашены и пріѣхали такъ торжественно? Какъ вотъ господинъ полковникъ, походивши по комнатѣ и покуривши трубки, крикнулъ: „давайте же обѣдать, уже второй часъ“.

— О злосчастная фортуна! что ты дѣлаешь съ нами смертными! воскликнулъ я самъ себѣ (любимый возгласъ нашего реверендиссиме, когда онъ встрѣчалъ какія неудачи). Второй часъ, у насъ дома уже полдничаютъ, а мы еще и не обѣдали!

Но благодаря проворству слугъ господина полковника, я не успѣлъ еще хорошенько потужить, какъ уже столъ былъ готовъ..... но какой это столъ?....

все не по прежнему! каждому особый приборъ со всѣми теперешними принадлежностями; рюмки, стаканы, карафины.... съ чѣмъ же бы вы полагали!.... Съ водою, ей Богу, съ водою! Какъ хотите, а правда.

Смотрю, столъ накрыли на двѣнадцать приборовъ, а гостей насъ всего человѣкъ пять съ хозяиномъ. Наконецъ поставили давно ожидаемый обѣдъ. Я чуть не расхохотался, увидѣвъ, что всего - на - все на столъ поставили чашу, соусникъ и жареную курицу на блюдѣ. Правду сказать, смѣшно мнѣ было, вспомнивъ о нашемъ обыкновенномъ обѣдѣ, и взглянуть на этотъ мизерный обѣдикъ. Но, подумалъ я, это, можетъ, первая перемѣна? Увидимъ.

Полковникъ вышелъ уже въ сюртукѣ и гости за нимъ, тоже — повѣрите ли? въ сюртукахъ.... но какое намъ дѣло, мы будто и не примѣчаемъ. Какъ вотъ послушайте. Господинъ полковникъ сказалъ: „зовите же гг. офицеровъ“.... и тутъ вошло изъ другой комнаты человѣкъ семь офицеровъ и не поклонясь никому, даже и намъ пріѣзжимъ, сѣли прямо за столъ. Можно сказать учтиво съ нами обращались! можетъ быть, они съ г. полковникомъ видѣлись прежде; но мы же званые.... но хорошо; усѣлись.

Начали подавать: во первыхъ супъ такой жиденькій, что если бы маменькѣ такой подать, такъ онѣ бы сказали, что въ немъ небо ясно отсвѣчивается, а другую рѣчь поговоря, вылили бы его на голову поваркѣ. Каковъ бы ни былъ супъ, но я его скоро очи-

стилъ, и чувствуя, что онъ у меня не дошелъ до желудка, попросилъ другую тарелку. Полковникъ и лучшіе гости захохотали, а худшіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ, а мнѣ таки супу не повторили. Послѣ супу подносили говядину съ хрѣномъ, я взялъ довольно и тѣмъ утѣшился. Потомъ подали по два яичка въ смятку, какой-то соусъ, котораго только досталось полизать, не больше; да въ заключеніе жареная курица. Честью моею васъ увѣряю, что больше ничего не было на званомъ, для насъ, обѣдѣ.

Въ продолженіе стола, передъ кѣмъ стояло въ бутылкѣ вино, тѣ свободно наливали и пили; передъ кѣмъ же его не было, тотъ пилъ одну воду. Петрусь, какъ необыкновеннаго ума былъ человѣкъ и шагавшій быстро впередъ, видя, что передъ нами нѣтъ вина, протянулъ руку чрезъ столъ, чтобъ взять къ себѣ бутылку, какъ же вскрикнетъ на него полковникъ, чтобы онъ не смѣлъ такъ вольничать, и что ему о винѣ стыдно и думать. Посмотрѣли бы вы, господинъ полковникъ, подумалъ я самъ себѣ, какъ мы и водочку дуемъ, и столько лѣтъ уже!

Я, не могши пить воды и не видя на столѣ ничего изъ питья, спросилъ у человѣка, чтобы подалъ мнѣ хоть пива..... Полковникъ снова расхохотался и гости за нимъ. Съ тѣмъ и встали отъ стола....

Такъ вотъ вамъ и банкетъ! вотъ вамъ и званый обѣдъ! Мы располагали сей-часъ ѣхать домой, чтобы утолить голодъ, мучащій насъ. Могли ли мы, можно

сказать, кушавшіеся до сего въ маслѣ, молокѣ и сметанѣ, быть сыты такими флеровыми кушаньями. Вотъ съ того-то времени началъ портиться свѣтъ. Всѣ начали подражать господину полковнику въ угощеніи, и пошло вездѣ все хуже и хуже....

Пожалуйте же, еще не все. Какъ мы собираемся уѣхать, а тутъ полковникъ подписалъ какую-то бумажку и, отдавъ ее Тумакову, сказалъ намъ: „ну, молодцы! поздравляю васъ Царскими солдатами! Я зналъ, что ваша мать ни за что не согласится отпустить васъ въ службу, такъ я обманомъ васъ залучилъ къ себѣ. Вашъ отецъ (отецъ! что бы сказать батенька? да онъ и маменьку нашу величалъ просто, матерью) вашъ отецъ былъ мнѣ другъ, и я, умирающему ему, далъ слово спасти васъ отъ праздной и развратной жизни, въ которую вы уже вдались и отъ которой погибли бы. Ступайте теперь служить. Ты, Петруша, если постараешься, будешь человѣкомъ; такъ мнѣ кажется. Учись скорѣе службѣ и будь въ ней исправенъ. А ты, брюханъ, (сказалъ онъ мнѣ: правда, что у меня, по маменькиному попеченію, пузко было порядочное, всегда ихъ утѣшавшее) матушкинъ сынокъ! съ тобою много хлопотъ будетъ; но я тебя написалъ къ такому капитану въ роту, что тебя вышколитъ. Вотъ приказъ. Тумаковъ! отправь ихъ сего же дня по ротамъ, обмундировавши какъ должно.“

Не знаю, если бы это вмѣсто меня да были маменька, и если бы это ихъ опредѣлили въ службу, онѣ

бы непремѣнно сомлѣли. Я самъ, бывши мужскаго пола, услышавши такое страшное назначеніе, чуть-чуть не свалился съ ногъ. Въ первое мгновеніе я не придумалъ, что мнѣ должно дѣлать: отпрашиваться ли у полковника, чтобы онъ пересталъ гнѣваться на меня и не отдавалъ бы меня въ службу, или заупрямиться и отбиваться руками и ногами и кричать изо всѣхъ силъ, что не хочу. Прежде нежели я приступилъ къ этимъ средствамъ, прежде нежели рѣшился на что-нибудь, прежде нежели опомнился, какъ Тумаковъ схватилъ меня за плечо, да такъ больно! вдругъ поворотилъ къ дверямъ и почти потащилъ меня за собою, потому что ноги мои, отъ разстройства головы, совсѣмъ не могли двигаться.

Когда я вышелъ изъ квартиры, воздухъ меня нѣсколько освѣжилъ, и я собрался съ мыслями, что мнѣ должно было дѣлать въ такой крайности. Я началъ плакать, ревѣть, призывать на помощь маменьку..... бабусю.... и всѣхъ, кого только могъ изъ домашнихъ вспомнить..... какъ жестокій мой точно „руководитель“ (онъ чувствительно велъ меня за руку, смѣясь надъ моимъ страданіемъ) до того забылся и такъ сдѣлался дерзокъ, противъ кого же? противъ урожденнаго, благородной крови Халявскаго, что началъ меня толкать подъ бока, чтобы я шелъ скорѣе. Каково мнѣ было все это терпѣть, уже вѣрно не отъ благороднаго, а отъ простаго, подлаго роду Тумакова и одѣтаго по солдатски! Увы! скажу и я, какъ говари-

валъ Англійскій милордъ Георгъ въ прекрасно-написанной имъ исторіи своей...

Что я перечувствовалъ и какъ жестоко перестрадалъ, пока саженей черезъ двадцать перетащили меня и ввели въ какую-то избу, гдѣ все были солдаты. Я полагалъ навѣрное, что тутъ меня зарѣжутъ, застрѣлятъ, потому что видѣлъ тутъ много стоящихъ въ углу ружей, шпагъ или сабель —не знаю чего, а только все страшное, но вмѣсто того, когда Тумаковъ проговорилъ что-то по-своему по-солдатски, вдругъ меня схватили, посадили и, когда я еще не собрался съ духомъ, какъ отпрашиваться, они меня остригли, взъерошили лавержетъ—да и больно мнѣ было, если правду сказать!... потомъ тотъ за руки, другой за ноги, и такимъ образомъ вдвинули меня въ полный солдатскій мундиръ. Тумаковъ далъ двумъ солдатамъ какую-то бумагу и сказалъ: „съ Богомъ, сей же часъ!“ Эти страшные усачи схватили меня подъ руки и такимъ побытомъ повели меня съ собою.

Куда же повели меня? Прямо въ походъ, за пятнадцать верстъ отъ того селенія, гдѣ квартировалъ господинъ полковникъ! меня, пана подпрапорщика, Халявскаго, записаннаго въ солдаты, одѣтаго какъ настоящій солдатъ, обѣдавшаго весьма за скуднымъ обѣдомъ, не полдничавшаго... и повели пѣшкомъ пятнадцать верстъ!!!...

Привели въ роту, подъ команду какому-то капитану и начали меня учить службѣ..... буду же помнить

я эту службу.... Скажу въ кратцѣ: чтобъ быть исправнымъ солдатомъ, надобно стоять, ходить, поворачиваться, смотрѣть, не какъ хочешь, а какъ велятъ! охъ, Боже мой! и о прошедшемъ вспомнить страшно; каково же было терпѣть?...

Какъ служилъ и что перенесъ братъ Петрусь, я вовсе не знаю; меня съ нимъ разлучили съ самаго дома его высокоблагородія, т. е. господина полковника; иначе назвать и теперь боюсь, какъ будто господинъ капралъ подслушиваетъ. А эти мнѣ господа капралы, сержанты, фельдфебели, ефрейторы... вотъ бѣды мнѣ было съ ними! Я хотѣлъ противъ нихъ соблюсти всю вѣжливость, и помня золотыя наставленія нашего реверендиссиме, гласившаго, при удареніи указательнымъ пальцемъ правой руки по ладони лѣвой: когда пожелаете оказать кому благопристойный решпектъ, никогда не именуйте никого просто, по прозвищу или рангу, но всегда употребляйте почтительное прилагательное: „домине". Вотъ я и высунулся къ своему ближайшему начальству быть вѣжливымъ, и вслѣдствіе того, при первомъ случаѣ, отодралъ: „домине капралъ!" Буду же я помнить этого домине!... Засмѣяли меня, злодѣи, на весь полкъ! Да что! въ десяти толстыхъ томахъ не опишешь, что я переносилъ отъ этой службы; а эти господа капралы съ товарищи, когда сойдутся, такъ то и дѣло жалуются, что я ихъ замучилъ. Не знаю, кто кого?...

Пожалуйте же. Вотъ тутъ и случись со мною са-

мое жалкое происшествіе. Когда возвратился нашъ берлинъ домой, пустой, безъ панычей, то маменька пришли въ безотрадное положеніе! Каково было ихъ материнскому сердцу увидѣть — какъ домине Галушкинскій называлъ—сосудъ пустой, а тамъ сидѣвшихъ сыновей не находить. Имъ подали письмо отъ господина полковника, но какъ не-кому было прочесть, послали за дьячкомъ, старичкомъ, поступившимъ на мѣсто умершаго пана Кнышевскаго; тотъ пришелъ, но безъ очковъ; побѣжалъ за ними, а маменькино сердце все страждетъ отъ неизвѣстности. Наконецъ пришелъ панъ-дьякъ, и прочтя письмо, объявилъ маменькѣ, что мы, ея любезные сынки, взяты въ солдаты... Не знаю, какъ при этомъ маменька не сомлѣли навѣкъ?!.. Но первое ихъ дѣло было послать прикащика къ господину полковнику умаливать, упрашивать его, чтобъ не губилъ прежде времени изнѣженныхъ, совсѣмъ не для службы рожденныхъ ею дѣтей; далъ бы имъ на свѣтѣ пожить и не обрекалъ бы ихъ чрезъ службу на видимую смерть.

Господинъ полковникъ — а еще назывался другомъ батенькинымъ! — слышать ничего не захотѣлъ; еще разсмѣялся и съ тѣмъ отпустилъ посланнаго.

Тутъ маменька увидѣли, что уже это не шутка, поскорѣе снарядили бабусю съ большимъ запасомъ всякой провизіи и отправили ко мнѣ, чтобы кормила меня, берегла какъ глаза и вездѣ по походамъ не отставала отъ меня. Такъ куда! командирство и слы-

шать не захотѣли. Его благородіе господинъ капитанъ приказалъ бабусю со всѣмъ добромъ изъ селенія выгнать; а о томъ и не подумалъ, что я даже изчахъ безъ привычной домашней пищи. Но это еще не столь большое несчастіе, о которомъ хочу разсказать.

Хорошо. Бабуся возвратилась и разсказала все, не утаивъ, что видѣла меня и что я все плачу отъ службы и изсохъ какъ щепка... Маменька вскрикнули, велѣли какъ можно скорѣе запречь таратаечку легкую— NB въ берлинъ онѣ не могли влѣзть, по причинѣ узкихъ дверецъ. Сѣли въ нее и помчались какъ стрѣла, все приговаривая: „посмотрю я, какъ этотъ дворовый индыкъ меня не пуститъ къ моей утробѣ?“ NB. Это индыкомъ онѣ въ критику называли его высокоблагородіе господина полковника. Имъ это можно было: онѣ не были въ службѣ. Вотъ, какъ маменька ѣдутъ и поспѣшаютъ, не успѣли проѣхать и пяти верстъ, ихъ и подхвати колика, да какая! Кричатъ не своимъ голосомъ! Это все отъ непривычки ѣздить. На-силу довезли домой, и тутъ охъ да охъ!.. ужъ не набранились же онѣ его высокоблагородія господина полковника! да посреди такихъ занятій, въ десятый день преблагополучно и скончались... Охъ, Боже мой!..

Я совсѣмъ не зналъ объ этомъ случаѣ. Все тужу объ одной службѣ, а того и не знаю, что мнѣ еще надобно горше тужить, что я остался круглымъ сиротою, безъ батеньки и маменьки, да еще и въ слу-

жбѣ! Не-кому было меня ни обласкать, ни оплакать.... Послѣ уже узналъ я, что когда маменька скончались, то сестеръ забрала къ себѣ наша одна тетушка, и Тетясю также, да тамъ отдала сестру Софійку за мужъ, и Тетясю также..... а та, измѣнщица, охотно пошла изъ-за меня за другаго. Правда, что и я не имѣлъ времени хорошенько подумать о ней: то ружье учился чистить, то ремни бѣлить, то маршировать, и все—вотъ мученіе было! начинать съ лѣвой ноги...

Только теперь признаюсь, что я во многомъ лукавилъ, будто не могу выучиться. Его высокоблагородіе сколько разъ обѣщевалъ пожаловать меня полнымъ капраломъ, если я буду исправенъ и перейму все. Кто же бы мнѣ велѣлъ сдѣлать такую глупость, чтобы добиваться высшаго чина? Когда солдату такъ трудно, а капралу и не приведи Господи! Самъ знай все и учи другихъ. Нѣтъ, не на таковскаго напали. Однажды—смѣялся я очень своей штукѣ! — для поощренія меня произвели въ господины капралы. Хорошо. Я что дѣлать? Взялъ да и началъ, будто ничего не понимаю, все дѣлать на изворотъ; какъ гляжу, отдаютъ въ приказѣ, что „капралъ Халявскій, за лѣность, непонятливость, нерадѣніе къ службѣ и вообще за неразсудливость, разжалованъ въ рядовые“. Вотъ такъ ихъ учи, какъ я!

Наконецъ пришелъ указъ о вольности дворянства, по коему можно было оставить мнѣ, какъ природному дворянину, службу. Я не зналъ, съ какого конца

приступить, чтобы вырваться поскорѣе на свободу; мнѣ и посовѣтывали добрые люди отнестись къ ротному писарю. Вотъ голова была! я не знаю, въ какихъ училищахъ онъ учился, только въ десять разъ былъ умнѣе домине Галушкинскаго, который, бывало, пяти словъ не напишетъ, не изчернивши пол-листа бумаги; писарь же, напротивъ, разомъ и сочинялъ и переписывалъ набѣло, такъ-что, повѣрите ли? двухъ разъ не понюхалъ табаку, а уже готова бумага, и подаетъ мнѣ подписать.

„Что писать? спрашиваю я: — растолкуйте мнѣ, г. писарь!“

— Пишите вотъ на этомъ мѣстѣ: къ сему прошенію....

„Батюшки-голубчики!“ вскричалъ я, уронивъ перо изъ рукъ: „ни за-что въ свѣтѣ не напишу этого ужаснаго слова! По этому слову меня приняли въ службу....“

— А теперь по этому слову васъ отпустятъ—такъ уговаривалъ меня г. писарь и сказалъ:—оно хоть и одинаково слово, да умѣй только нашъ братъ писака кстати его включить, такъ и покажетъ за другое. Не въ словѣ сила, а въ умѣньѣ къ мѣсту вклеить его; а это наше дѣло, мы на томъ стоимъ.—Не бойся же, братъ, ничего, и подписывай смѣло. Такими умными и учеными доказательствами убѣдилъ онъ меня наконецъ, и я, не долго думая, подмахнулъ и руку приложилъ.

Къ моему особенному счастію, его высокоблагородія господина полковника въ то время, за отъѣздомъ въ

Кіевъ, при полку не находилось, а попала моя бумага по какому-то случаю господину преміеръ маіору. Онъ призвалъ меня къ себѣ и долго уговаривалъ, чтобы я служилъ, прилежалъ бы къ службѣ, и коль скоро успѣлъ бы въ томъ, то и былъ бы произведенъ въ „фендрики“ (теперь прапорщики), а тамъ бы дескать и далѣе пошелъ.

„Благодаренъ за благой совѣтъ! подумалъ я; хорошо въ службѣ вашей, а дома мнѣ будетъ лучше“. И такъ, не внимая никакимъ его совѣтамъ, какъ не нравившимся мнѣ, я настоятельно просилъ о чистой отставкѣ, которую и получилъ съ награжденіемъ чиномъ, за службу болѣе двухъ лѣтъ, отставнаго капрала.

Никакими словами не могу выразить радости моей, когда узналъ, что я свободенъ во всякое время правою ногою выступать, ходить сгорбясь, разваломъ и какъ мнѣ вздумается, и что могу выѣхать изъ своей роты! Тотъ же часъ поспѣшилъ нанять лошадку и не оглядываясь покатилъ домой. Къ утѣшенію моему это недалеко было.

Что же я засталъ дома, такъ это ужасъ! Вся дворня наша, нѣкогда при батенькѣ и маменькѣ многолюдная, вся распущена; хлѣвы и сараи, гдѣ кормились птицы и другія животныя, все разорено, запущено! Я собралъ всѣхъ людей, помѣстилъ и опредѣлилъ къ должностямъ, птицъ и прочихъ тварей приказалъ запереть для корма, какъ было при маменькѣ.

Любя обычаи предковъ, я установилъ завтраки, обѣды, полдники и весь порядокъ, какъ было при незабвенныхъ родителяхъ моихъ. Я не очень смотрѣлъ на нововведенія, заимствованныя сосѣдями у бывшаго моего, его высокоблагородія, господина полковника, и не подражая ему, жилъ по своей волѣ. Да и отдыхалъ же и отъѣдался я послѣ службы преусердно, и мѣсяца черезъ два имѣлъ удовольствіе замѣтить, что я отъѣлся, и въ сложеніи и вообще по комплекціи моей сталъ на-порядкахъ.

Приводя себѣ на память все случившееся со мною въ жизни, невольно рождается во мнѣ — не знаю какое, философическое или піитическое — разсужденіе; пусть господа ученые разберутъ: сравнить теперешнихъ молодыхъ людей съ нами, прошедшаго вѣка панычами; какая разница! Мы думали о жизни, искали случаевъ насладиться ею, не упускали къ тому ничего и блаженствовали на своей волѣ. Хотя сильные и утѣснятъ насъ, какъ меня господинъ полковникъ определятъ въ службу, заставятъ испытывать всѣ тягости ея, замучатъ ученьемъ, изнурятъ походами, какъ меня каждые два мѣсяца въ походъ изъ роты въ штабъ и обратно, а это вѣдь, какъ я сказалъ, пятнадцать верстъ въ одинъ конецъ; но все же найдутся сострадательныя сердца, у кого маменька, у кого тетенька, а гдѣ и г. писарь, какъ мнѣ помогутъ, да и вырвутъ изъ службы, гуляй себѣ на всѣ четыре стороны. Теперь же... охъ, Боже мой!.. чуть только на ноги схва-

тился, уже думаетъ, какъ бы опредѣлиться въ службу! Ну, попалъ наконецъ; что же? съ конюшни не выходитъ, все занимается какъ бы лучше вычистить лошадей; съ солдатами не разстается, ружья изъ рукъ не выпускаетъ, все чтобы усовершенствоваться ему въ военномъ ремеслѣ. Отказывается отъ отдыха, ни съѣстъ, ни сопьетъ чего со вкусомъ. При томъ же одно у него желаніе, чтобы скорѣе была война, идти въ походъ, рубить, колоть непріятеля... смотри, самого убили! А мы, подобно мнѣ мыслящіе, живемъ да поживаемъ, толстѣемъ и богатѣемъ, да дѣтками окружаемся. Кто больше выигрываетъ?.. Вотъ вамъ и новый порядокъ на свѣтѣ. Также идетъ и во всемъ.

Приведя себя и домашнее хозяйство въ устройство, я началъ жить покойно. Вставши, ходилъ по комнатѣ, а потомъ отдыхалъ; иногда выходилъ въ садъ, чтобы поѣсть плодовъ, и потомъ отдыхалъ; разумѣется, что время для ѣды у меня не пропадало даромъ. Окончивъ же всѣ такія занятія, ложился въ постель и, придумывая, какія блюда приказать готовить завтра, сладко засыпалъ.

Въ такомъ пріятномъ провожденіи времени, я, какъ-то прохаживаясь по комнатѣ, началъ противъ зеркала себя разсматривать и нашелъ, что я противъ прежняго крѣпко похорошѣлъ; сдѣлался лицомъ бѣлъ, румянецъ во всю щеку, въ комплекціи плотенъ, однимъ словомъ.... я себѣ очень поправился. „За чѣмъ же пропадать такъ моей молодости? Мнѣ девятнад-

цать лѣтъ, хорошъ собою, въ службѣ отслужилъ два года слишкомъ, болѣе не обязанъ мучиться! Служилъ не даромъ, при отставкѣ награжденъ чиномъ отъ регулярной арміи отставнымъ капраломъ. Другіе, по сосѣдству мнѣ извѣстные, долѣе моего служили, а когда маменьки ихъ выпрашивали въ отставку, такъ вышли просто солдатами, безъ награжденія чина. Какъ же такъ сидѣть сложа руки? Дай пущусь по сосѣдямъ, буду влюбляться въ панночекъ, высматривать невѣстъ, а тамъ и женюсь.

Сказано и сдѣлано. Снарядившись, я пустился въ путь. Прежде всего, на моей двуколесной таратайкѣ, на которой маменька ѣзжали и на которой ихъ растрясло на смерть, когда онѣ ѣхали ко мнѣ въ полкъ, отправился я къ теткѣ, гдѣ жили мои сестры. Тетушка кромѣ Софійки успѣли выдать замужъ и сестру Вѣру, обѣихъ за ближнихъ сосѣдей, людей достойнѣйшихъ; у каждаго были свои хутора и много скота. Онѣ, а потомъ и прочія двѣ сестры, вышедшія за людей съ такими же достоинствами, жили и поживали себѣ преблагополучно, окруженныя дѣточками въ количествѣ порядочномъ, судя по краткому времени ихъ замужества. Тутъ же узналъ я, что Тетяся, моя Тетяся, мною нѣкогда страстно любимая Тетяся, самопроизвольно, безъ всякаго принужденія и съ полною охотою вышла замужъ за какого-то пѣхотной арміи офицера и также имѣетъ болѣе двухъ дѣтей.... о невѣрная!... вся кровь взволновалась у

меня при этомъ извѣстіи. Нынѣшніе молодые люди! Если случится вамъ гдѣ въ обществѣ или наединѣ съ молодою дѣвушкою выбирать пшеницу, и ваши пальцы по какому нибудь случаю сцѣпятся вмѣстѣ, то какъ бы та дѣвушка ни была прелестна, не допускайте плутишку Амура поразить ваше сердце и не поддавайтесь его власти; пренебрегите столкновеніемъ вашихъ суставовъ и не допустите разгорѣться любовному пламени, иначе постигнетъ и васъ участь подобная моей: она выйдетъ за другаго, а вамъ останется одно воспоминаніе пріятное, восхитительное о блаженныхъ часахъ, но.... какъ домине Галушкинскій говаривалъ: „самое драгоцѣннѣйшее воспоминаніе ничтожнѣе самаго слабаго исполненія въ настоящемъ“. Болѣе ни слова о невѣрной; всѣ чувства въ ней затаены въ моемъ сердцѣ.

Слегка только спросилъ я у тетушки совѣту, на комъ бы мнѣ жениться? и она насказала мнѣ десятковъ нѣсколько невѣстъ съ различными достоинствами. Были одиночки, т. е. однѣ наслѣдницы значительнымъ имѣніямъ, были сами-третьи, сами-семы, одна была сама-одиннадцата; свобода выбирать любую, а приданое все въ одинакой степени. Когда я говорю: невѣста съ достоинствами, то не воображайте, что я говорю, примѣняясь къ теперешнимъ понятіямъ, т. е. что дѣвица воспитана отлично, образована превосходно, обучена всѣмъ языкамъ, пляскамъ, музыкамъ разнымъ и проч., нѣтъ, мы понимали дѣла въ настоя-

щемъ смыслѣ и вещи называли какъ должно: воспитана—означало у насъ: вскормлена, вспоена не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, ядреная, кровь какъ не брызнетъ изъ щекъ; образована—объясняло, что она имѣла во что нарядиться и дать себѣ *образъ* или видъ замѣчательный; въ прочихъ же достоинствахъ разумѣлось недвижимое и движимое имущество, пуды серебра (тогда серебро не считалось на деньги, а на вѣсъ), сундуки съ платьями, да платьями все глазетовыми, парчевыми, все это нетеряющее никогда цѣны — такъ вотъ достоинства, украшающія дѣвушку! А умна ли, или добра сама, и какую душу и сердце имѣетъ, объ этомъ никто не заботился. Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома. Если и случилось бы женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать? Добра ли, или бѣшена, все равно; мужъ на то мужъ, что бы во всемъ велъ ее по своей волѣ. А изъ-за всего этого, скажите пожалуста, нужно ли образовать женщинъ? Къ чему имъ тогда мужья? Въ наше время справедливѣе на эту вещь смотрѣли, и прекрасно все шло. Только и заботились о полнотѣ комплекціи невѣсты, и если *все* было полно, то женихи и вились около такихъ.

Чего для поступилъ и я по симъ благоразумнымъ правиламъ, и потому составилъ списокъ извѣстнымъ невѣстамъ и количеству ихъ достоинствъ. Съ начала

поставилъ я, правду сказать, одиночекъ; потому что, признаюсь въ моей слабости, не люблю дѣлиться, хоть и не много достанется по смерти ея родителей, но все это мое, неотъемлемое. Честью увѣряю васъ, что этого правила мнѣ ни маменька, ни батенька, ни домине Галушкинскій, ни въ училищахъ, ни тѣ господа капралы, что учили меня выступать съ лѣвой ноги, ни одно ихъ благородіе и даже высокоблагородіе, никто мнѣ не внушалъ; а видно благодѣтельная натура вперила мнѣ эти правила, которыя право недурны и не убыточны.

Вотъ я и явился въ первый по списку домъ. Отецъ былъ бунчуковый товарищъ, Гаврило Омельяновичъ Перекрута; имѣлъ „знатныя маетности и домашняго добра до пропасти“, такъ значилось въ запискѣ и добавлено: „и единочадная дочь Гликерія Гавриловна, лѣтъ взрослыхъ, собою на взглядъ опрятненькая, хотя смотритъ сурово, но это отъ притворства, чтобъ всѣ боялись ее и повиновались.“ Приступая къ сватовству, я самъ сочинилъ себѣ рекомендацію и вытвердилъ ее наизустъ. Пріѣхавъ къ пану бунчуковому товарищу, я началъ говорить предъ нимъ свой „діалогъ.“ Панъ Перекрута терпѣливо слушалъ, и гдѣ я переводилъ духъ, онъ возглашалъ попеременно: „чи бачите!—чи видите!“ Когда же я кончилъ все и заключилъ словами: „таковыя мои достоинства ожидаютъ вознагражденія согласіемъ вашимъ на законное вступленіе въ бракъ мой съ единоутробною доченькою

вашею", такъ онъ, сказавъ: „та-й только?", вышелъ и оставилъ меня въ восхитительномъ ожиданіи увидѣть предъ собою невѣсту; какъ вдругъ... хлопецъ отворяетъ дверь и подаетъ мнѣ большую тыкву, говоря: „се вамъ, панычу, прислала панночка!"

Осмѣянный я выбѣжалъ изъ дому, разумѣется не принявъ тыквы, и поспѣшилъ выѣхать изъ такого негостепріимнаго дому. Обстоятельства требовали поспѣшить въ другой домъ, гдѣ еще не могли услышать о сдѣланномъ мнѣ отказѣ, и я приказалъ, не оглядываясь, гнать къ другому отцу, у котораго по спискамъ значилась единородная дочь Евфимія.

Пріѣзжаю; меня принимаютъ ласково; я поспѣшаю объяснить причину моего пріѣзда, говорю свой діалогъ; хозяинъ выставилъ на меня глаза свои и сказалъ: „Богъ съ вами, панычу! Не одурѣли ли вы немного? У меня только и есть что единоутробный сынъ Ефимъ, а дочерью не благословенъ и по сей день ни за-что не имѣю. Какъ же за мужской полъ выдать такой же мужской полъ? Образумьтесь!"

Я уже и не дослушалъ послѣднихъ словъ, а стыда ради выбѣжалъ, цѣпляясь за двери и пороги, стремя голову, на крыльцо, да въ таратайку и покатилъ въ третій домъ по списку.

Да что долго разсказывать! Такимъ побытомъ я объѣздилъ всѣ домы въ окружности верстъ на пятьдесятъ; гдѣ только прослышивалъ, что есть панночки или барышни, вездѣ *являлся*, вездѣ проговаривалъ

свой діалогъ... и еслибы изъ всѣхъ полученныхъ мною тыквъ вымостить дорогу, то стало бы отъ нашего города Хорола до самаго Кіева. Конечно, это риторическая фигура, но все я пропасть получилъ тыквъ до того, что меня въ околодкѣ прозвали „арбузный паничъ". Извѣстно, что у насъ тыква зовется арбузомъ.

За такимъ глупымъ сватаньемъ я проѣздилъ мѣсяца три. Иной день, божусь вамъ, былъ безъ обѣда. Выѣдешь пораньше, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, а получивъ отказъ, поспѣшишь въ другой; да такъ отъ отказа до отказа и проѣздишь день, никто и обѣдать не оставитъ. Конечно иногда, какъ возьметъ горе, бросишь все, пріѣдешь домой и лежишь съ досады недѣли двѣ; слѣдовательно не всѣ три мѣсяца я просватался, но были и отдыхи, а все измучился крѣпко; потомъ, какъ распечетъ желаніе, опять пускался и все съ тою же удачею.

Что мнѣ было дѣлать? Бросить мысль о женитьбѣ, не могу: ни засплю, ни заѣмъ, а никто нейдетъ за меня. Въ самомъ дѣлѣ критическое было мое положеніе! Въ недоумѣніи бросился къ той же тетушкѣ за совѣтомъ. „Не знаю, душка, что и дѣлать тебѣ. Сватаешься ты, какъ долгъ велитъ; такъ и всѣ наши панычи сватаются; такъ имъ есть удача, а тебѣ, можетъ быть, заколдовано, но этому можно пособить. Сдѣлай еще такъ: поѣзжай на всѣ именины, свадьбы, похороны, гдѣ всегда много бываетъ панночекъ, да и влюби въ себя которую изъ нихъ; вотъ она какъ

сойдетъ по тебѣ съ ума, такъ и скажетъ родителямъ: „утоплюся или удавлюся, когда не отдадите за Халявскаго!..“ то хоть и неохотно, а отдадутъ. У насъ такъ не одна выскочила за такого кого любила, хоть и вовсе негодный, да любовь не разбираетъ. Такъ и ты можешь напасть на судьбу свою. Ступай же, душка, не трать времени по-пустому“. Тутъ призвала свою женщину, которая искусна была всѣ бѣды отъ человѣка отводить: та пошептала надо мною, умыла меня, „слизала съ лица остуду“, напоила наговорною водою, обошла трижды мою таратайку—и я поѣхалъ.

Первый мой выѣздъ былъ на похороны одного богатаго сосѣда. Тамъ съѣздъ былъ ужасный. Кому должно было, тѣ плакали и тужили, а мы панычи и панночки, какъ не наше горе было, такъ мы занимались своимъ. Насъ, обоего пола молодыхъ, было до пятидесяти, и должны были прожить въ печальномъ домѣ дней пять, пока родственники нѣсколько утѣшатъ плачущихъ; потомъ пріѣдутъ другія семейства и такъ смѣняются до шестинедѣльныхъ поминокъ. Я, какъ былъ-себѣ одинокъ, то и могъ прожить все это время, не уѣзжая. И какой благопріятный случай мнѣ былъ, чтобы влюбиться и въ себя влюбить кого. Обыкновенно всѣ степенные люди были неотлучны отъ сѣтующихъ, а молодымъ, которые привезены родителями затѣмъ, что не на кого было ихъ дома оставить, отведутъ подалѣе особую комнату и просятъ заниматься чѣмъ угодно, чтобъ только не скучали.

Вотъ тутъ мы и занимаемся. Тутъ у насъ жмурки, свжу-посижу, короли — и все, что только придумать можно. Ахъ, какъ весело было на похоронахъ или на поминкахъ!

Не думавши долго, я пустился отличаться... Но что это за народъ панночки или барышни! неизъяснимыя! Вотъ подмѣтишь одну и въ игрѣ ударишь ли ее больнѣе передъ другими, или ущипнешь незамѣтно ото всѣхъ, она и ничего: отобьетъ или отщипнетъ еще больнѣе. Думаешь: дѣло идетъ на ладъ. Гдѣ нибудь въ уголку станешь ее цѣловать, она и ничего, сама цѣлуетъ и заманиваетъ въ другой уголъ, гдѣ еще меньше есть примѣчающихъ, и тамъ цѣлуемся. Ну, думаешь себѣ, это ужъ моя. Пріищешь удобное мѣстечко, подсядешь и шепнешь на ушко: „я васъ хочу взять за себя. Пойдете ли?"—Цуръ вамъ! почти вскрикнетъ: не видала я такого нехорошаго? Я пойду, сама знаю за кого.—Сказала—и ничего, и опять цѣлуй сколько душѣ угодно, а идти, такъ нейдетъ. Поди ты съ ними!

Вѣрьте или не вѣрьте, какъ хотите, но я и на этихъ и на другихъ похоронахъ, на свадьбахъ, крестинахъ и другихъ съѣздахъ (а признаться, на похоронахъ всегда было веселѣе и удобнѣе влюбляться). сколько влюблялся, сколько сватался—ни одна не согласилась идти за меня. Бѣда да и полно!

Уже года полтора я такъ влюблялъ въ себя барышень и все вотще, какъ вотъ одна, не очень уже и

завидная, къ которой я присталъ отъ крайности, чтобы шла за меня, такъ она мнѣ глаза открыла, на предложеніе мое спросивъ: „а что же у васъ панычу, есть?“ (разумѣя о достаткѣ).

Э, голубочка! подумалъ я обрадовавшись нечаянному открытію, какъ поразскажу все, такъ прикусишь язычекъ. И началъ исчислять всѣ наши имѣнія въ селахъ, хуторахъ, числѣ душъ, земли, скота, овецъ, серебра и всего. Она слушала безъ всякаго вниманія и потомъ равнодушно сказала:

„А сколько же васъ братовъ! Сему-тому отдѣлить, что вамъ остается?“

— И на мою долю останется много, сказалъ я тогдашней своей любезной.

„Пожалуй много, да неизвѣстно сколько. Отдѣлитесь отъ братьевъ, такъ и будетъ видно, что ваше. Безъ того ни одна, хоть и дура будетъ, не пойдетъ за васъ“.

— Вотъ гдѣ истинное благоразуміе! — подумалъ я, ударивъ себя въ лобъ. А мнѣ этого и въ голову не приходило. Я все считалъ: *мы* богаты, но что *я* имѣю, вотъ что нужно для счастья.

Обращаюсь къ теперешнимъ молодымъ людямъ и спрашиваю у нихъ: не удачнѣе ли ихъ сватовства идутъ, когда они могутъ сказать, что именно они имѣютъ? Когда мы ищемъ въ невѣстѣ нужныхъ намъ качествъ и беремъ въ соображеніе количество, то почему же и онѣ не могутъ имѣть права на томъ же

основывать свое счастье? Съ этой стороны, кажется, свѣтъ не измѣнился вовсе, и хорошо сдѣлаетъ, если и не оставитъ такого похвальнаго обычая. Конечно могутъ быть исключенія, но ихъ нельзя принять въ основаніе. Хорошъ жареный гусь подъ капустою, но подъ часъ и при обстоятельствахъ, ѣшь того же гуся и безъ того.

Получивъ такой урокъ, и хотя данъ былъ незавидною дѣвушкою, я рѣшился имъ воспользоваться; авось устрою судьбу. Но... почемъ знаешь, чего не знаешь! мудрое нареченіе нашего времени.

Братъ Петрусь пристрастился къ военной службѣ и все служилъ. Уже онъ былъ подпоручикомъ и ходилъ по походамъ изъ угла въ уголъ по всей Россіи. А изъ меньшихъ братьевъ одни были въ полкахъ, другіе доучивались въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Я писалъ къ нимъ ко всѣмъ, чтобы, для моего благополучія, поспѣшили пріѣхать въ домъ и раздѣлиться имѣніемъ. Долго отыскивался Петрусь, а я все бѣдствовалъ въ холостой жизни! Барышни то и дѣло что выскакивали за мужъ. Какую намѣчу, даже переговорю, упрошу, чтобы ожидала меня—хвать! и полетѣла за другаго. Сколько я перелюбилъ этихъ невѣрныхъ!

Наконецъ пріѣхалъ Петрусь въ отпускъ. И то-то какъ человѣкъ, имѣющій умъ необыкновенный! — Я, живши дома, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, посылалъ къ прикащику и бралъ сколько мнѣ нужно

было, наприм., пятьдесятъ рублей; удовлетворя изъ нихъ свои надобности, остальное возвращаю прикащику. Петрусь же поступилъ совсѣмъ иначе: онъ потребовалъ отъ прикащика всѣхъ денегъ, какія у него только за всѣ эти годы собраны, сосчиталъ его (ариѳметику онъ зналъ отлично), насчиталъ много, обобралъ, прогналъ его и началъ управлять всѣмъ имѣніемъ самъ. Какъ же по дальновидности своей расчиталъ, что отъ имѣнія больше можетъ получить пользы, нежели отъ военной службы, то и подалъ въ отставку.

Въ ожиданіи ея въ одинъ день предложилъ мнѣ раздѣлиться серебромъ и прочими родительскими вещами. Долженъ вамъ сказать, что маменька, когда еще живы были, а я уже задумывалъ жениться, то онѣ, бывало, заведутъ меня въ большую кладовую, отопрутъ сундуки съ серебряными вещами и прикажутъ мнѣ выбирать все лучшее, что мнѣ понравится и сколько пожелаю взять. Я выбиралъ, хотя и не фигурное, но что было потяжелѣ, такъ влекла меня моя натура. Маменька, было, все это отобравши, скажутъ: „такъ какъ ты, Трушко, разумомъ плоховатъ, то тебя братья обидятъ. Такъ вотъ тебѣ особо отъ нихъ“. И тутъ же отобранное, все своими руками уложатъ, увяжутъ — и какъ были не грамотныя, — то прикажутъ мнѣ надписать: „пиши, Трушко, какъ я говорю: это тебѣ, безъ раздѣлу.“ Я изъ словъ маменькиныхъ надписывалъ четко и ясно, со всею точностью, какъ приказывали маменька: „это тебѣ, безъ раздѣлу.“ Эти

кучи лежали тамъ же въ кладовой, и когда маменька померли, то все тамъ же оставались. Возвратясь изъ походовъ, я, не имѣя въ нихъ надобности, оставлялъ ихъ лежащими на мѣстѣ.

Вошли мы съ братомъ въ кладовую. Уже раздѣлились кое-какими вещами, оставляя по нѣскольку и на часть братьямъ, разумѣется всего, какъ отсутствующимъ, и меньше счетомъ и полегче вѣсомъ. Вдругъ братъ Петрусь увидѣлъ мои связки, повертѣлъ ихъ и спросилъ: что это за серебро? Я сказалъ о волѣ маменькиной.

„Что же это на нихъ написано? Прочти-ка мнѣ“, спросилъ Петрусь.

Я читаю громко и ясно: — „Это тебѣ, безъ раздѣлу“.

— А! благодарю покорно, когда это мнѣ—вскрикнулъ Петрусь и отложилъ къ себѣ всѣ свертки.—Давай же остальнымъ дѣлиться.

„Вотъ что значитъ необыкновенный умъ! — подумалъ я. Кто бы могъ такъ обработать? Вещи мои, а онъ ихъ такъ искусно подтибрилъ, и будто и правильно. Но сколько я ни отдавалъ справедливости уму его, а все жаль мнѣ было серебра, очень! По крайней мѣрѣ пуда два досталось ему отъ меня по моей оплошности. Зачѣмъ было мнѣ читать! Онъ бы и самъ могъ прочесть.

Остальнымъ — мѣдною и оловяною посудою, равно и прочими мелочами, подѣлились мы безспорно. Что-

бы скорѣе достигнуть пламеннаго желанія въ брачномъ соединеніи уже съ какою нибудь барышнею, я просилъ брата Петруся скорѣе раздѣлиться и маетностями, но онъ всегда мнѣ отвѣчалъ, что еще будетъ время.

Батюшки, какъ онъ жилъ! Дослужась даже до отъ арміи поручика, какой чинъ получилъ при отставкѣ, онъ никого не почиталъ себѣ равнымъ. Даже коляску вѣнскую заказалъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ. И пошло —лошади не лошади, упряжь не упряжь, завелъ собакъ, музыкантовъ, лакеевъ, выписныхъ поваровъ; да какіе обѣды задавалъ! Ужъ не прежнимъ банкетамъ нашимъ чета! Конечно, кушаньевъ не много бывало, все пошли супы да соусы; даже и я, полухозяинъ, имѣвшій свободу и досугъ ѣсть больше противъ прочихъ, такъ и я голоденъ вставалъ отъ стола. За то вино лилось рѣкою, и кромѣ судацкихъ, волошскихъ, появились заморскія. Послѣ обѣда разливался пуншъ.... и никто не вспоминалъ, что это брата Павлуся изобрѣтенія напитокъ. Sic transit gloria mundi! Подавался и не любимый маменькою напитокъ — кофе. Правду сказать, было около чего пачкаться! Тьфу! кстати здѣсь употребить маменькино изреченіе. И не опишешь всего, какая у насъ во всемъ послѣдовала перемѣна! Но уже не видно было прежней важности и меланхоліи въ обществѣ. Никто никому не отдавалъ преимущества. Петрусь, хотя бы самый мизерный гость былъ у него, онъ и его усаживалъ и за-

ботился, чтобы тоже столько ѣлъ и пилъ, какъ и самый почетный гость. У него со всѣми обхожденіе было ординарное. Такъ-то въ короткое время свѣтъ и обычаи его измѣнились!

Что же далѣе? Насмотрѣлся онъ всего по походамъ въ Россіи: ему не понравился домъ, гдѣ батенька жили и померли. Давай строить новый; да какой? въ два этажа, съ ужасно-великими окнами, съ огромными дверями. И гдѣ же? совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нашъ дворъ, а вышелъ изъ деревни и говоритъ: тутъ видъ лучше. Тьфу ты пропасть! да развѣ мы для видовъ должны жить? Было бы тепло да уютно, а на виды я могу любоваться въ картинахъ. На всѣ его затѣи я молчалъ; не мое дѣло; но видѣлъ, что и великіе умы могутъ впадать въ слабость!

Хорошо же ему: онъ такъ себѣ живетъ, веселится; меньшіе братья пріѣдутъ, навѣдаются—онъ имъ дастъ денегъ и отправитъ, а мнѣ части изъ имѣнія ни за что не выдѣляетъ. Ужъ мнѣ наскучило; ужъ я не напоминаю, а онъ все не выдѣляетъ. Годы проходятъ, а я и не женатъ.

Наконецъ, подъ веселый часъ, я заговорилъ ему о выдѣлѣ имѣнія. Какъ же онъ фыркнетъ на меня и прикрикнулъ: „живи, когда живешь, а я тебѣ не дамъ ничего!"

Вотъ тебѣ и разъ! Какъ-таки не дать мнѣ ничего изъ родительскаго? Это меня смутило, и я началъ совѣтоваться съ добрыми людьми. Кто скажетъ, что мнѣ

слѣдуетъ имѣніе, что нужно хлопотать; другой скажетъ, пока я выхлопочу, такъ и имѣнія мнѣ не нужно будетъ. Не зналъ я, на что рѣшиться? Какъ вотъ и явился ко мнѣ чиновникъ, какой-то губернiи секретарь, онъ не объяснилъ какой, а просто писался губернскій секретарь; а звали его—Иванъ Афанасьевичъ Горбъ-Маявецкій. Онъ былъ изъ нашихъ, но ужасно бойкая голова! Вѣрите ли: какъ начнетъ говорить и доказывать мое право, такъ годы у него сыплются, точно какъ орѣхи изъ мѣшка. Ничего не поймешь, а только и слышишь: тысяча такой-то, тысяча такой-то, и чисто докажетъ, что право мое неоспоримо.

Убѣдилъ онъ меня, и я рѣшился начать тяжбу. Для этого нужны были деньги, у меня ихъ не было; но—вотъ что значитъ умный человѣкъ!—онъ взялъ у меня всѣ мои серебряныя и другія вещи, и договорился на свой коштъ вести тяжбу. Я долженъ былъ выѣхать отъ брата и жить у Горба-Маявецкаго. Домикъ у него хотя и не большой, но намъ не было тѣсно: онъ съ женою, да маленькая дочка у нихъ, лѣтъ семи, Анисинька. Пожалуйте же, что послѣ изъ этого будетъ?

Я переселился къ нимъ—и потомокъ знаменитыхъ Халявскихъ, наслѣдникъ по крайности двухъ-сотъ пятидесяти дворовъ—что все равно, тысячи душъ—долженъ быть и жить на иждивеніи секретаря Горба-Маявецкаго. Къ чему нужда не приведетъ!

Расположивши все, мы приступили начинать тяж-

бу. Господи Боже мой! должно было начать ненавистнымъ для меня словомъ: „къ сему прошенію“. Я отъ него и руками и ногами, никакъ не можно безъ него обойтись. Прошу замѣнить другимъ — говоритъ: не можно. Я вспоминаю ученѣйшаго нашего наставника, домине Галушкинскаго: у него безпереводно были пряники въ карманѣ; пряника и подобнозначущаго слова, когда не спроси у него, всегда были. Онъ бы конечно помогъ мнѣ въ бѣдѣ, но Горбъ-Маявецкій побожился, что съ другимъ словомъ бумага не будетъ сильна.

Нечего дѣлать. Опять я подписалъ это ужасное, проклятое распроклятое слово! Да съ того часа, какъ началъ его писать, такъ вѣрите ли? восемь лѣтъ писалъ его безъ умолку, не покладая рукъ все писалъ. Иногда въ день разовъ пять подмахнешь: то въ нижній, то въ верхній, то въ уѣздный, то въ губернскій судъ. Всѣ суды закидали бумагами и вездѣ слышали самыя пріятныя обѣщанія. Только я и замѣтилъ, что когда Горбъ-Маявецкій найдетъ гдѣ занять мнѣ денегъ за ужасные проценты, на счетъ будущихъ благъ, то наше дѣло очень быстро начнетъ восходить все выше и выше, и уже дойдетъ до самаго высокаго въ губерніи. Тутъ же только-что надо рѣшить на чью изъ насъ пользу, а хватятся, у насъ денегъ нѣтъ, тутъ, по какимъ-то причинамъ, дѣло —бултыхъ! паки въ нижніе суды Принимаюсь опять писать: къ сему прошенію (зачѣмъ умѣлъ я его писать! О маменька!

вы правду говорили, что науки доведутъ меня до бѣды!), Горбъ-Маявецкій примется промышлять денегъ, и все пойдетъ по прежнему узору. И такъ было и шло восемь лѣтъ съ половиною.

Въ это время я, не имѣя ничего, терпѣлъ крайность, а Горбъ-Маявецкій разживался порядочно. Купилъ новый домъ, и лучшій прежняго; жена стала нарядиѣе, и даже коляска завелась; умножилось и дѣтей; Анисиньку отдали въ дѣвичье училище. (О маменька! что если бы вы встали изъ гроба и узнали, что барышень учатъ въ училищахъ—какъ бы вы громко произнесли: тьфу! и посмотрѣвши, что этакое зло дѣлается во всѣхъ четырехъ концахъ вселенной, слѣдовательно не знавши, куда бы преимущественно плюнуть, вы бы снова померли!).

Наконецъ, въ концѣ девятаго года продолженія моей тяжбы, Горбъ-Маявецкій объявилъ мнѣ, что мое дѣло поступило въ Санктпетербургъ (пожалуйте же, помните, что онъ именно сказалъ: въ Санктпетербургъ), и что мнѣ съ нимъ необходимо ѣхать туда же. Онъ—будетъ хлопотать по дѣлу, а я—для того, чтобы подписывать: къ сему прошенію. Признаюсь, каторжная работа—писать это ужасное слово.

Хорошо. Ѣхать въ Санктпетербургъ. Что же это за Санктпетербургъ? я не зналъ, что онъ такъ длинно выговаривается. Слышалъ, что есть Петербургъ, не больше; но далѣе не разыскивалъ. Теперь впервые услышалъ, что есть еще и Санктпетербургъ. Отъ лю-

бопытства посмотрѣлъ въ календарь; тамъ стоитъ: Санктпетербургъ, столица. Нѣтъ никакого „или", слѣдовательно Санктпетербургъ само по себѣ, а Петербургъ само по себѣ.

Что же? — подумалъ я—ѣхать, такъ ѣхать. Увижу свѣта, побываю въ столицѣ. У насъ, взять на сто верстъ кругомъ, едва ли кто былъ въ столицѣ. А я буду, поживу, и какъ вѣрно тамъ не безъ барышень, а власть Амура такъ же владычествуетъ, какъ и въ нашихъ городахъ, то еще которая влюбится въ меня и, не бывъ такъ образована, какъ наши деревенскія, не расчитывая вдаль, выйдетъ за меня, хотя и неполучившаго еще имѣнія. Утѣшенный такими отрадными мыслями, я, безъ дальняго страху, собирался ѣхать въ чужіе люди. Надѣлалъ себѣ разнаго платья побольше; оправилъ маменькинъ приданый берлинъ, укрѣпилъ его во всѣхъ частяхъ, и объэкипировалъ своего вѣрнаго Кузьму, парня, взятаго маменькою изъ деревни ко мнѣ для прислуги. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, уменъ, опытенъ, разсудливъ; часто, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, подавалъ мнѣ полезные совѣты. Я безъ него—что называется—не могъ съѣсть куска хлѣба.

„Кузьма, мой любезный!" сказалъ я ему: „мнѣ надобно ѣхать въ Санктпетербургъ. Какъ хочешь, а я безъ тебя не поѣду".

— А что же, панычу, и поѣдемъ—сказалъ онъ, не думая долго. Привыкши же меня съ дѣтства звать

панычемъ, онъ и въ теперешнемъ моемъ возрастѣ такъ же называлъ меня. — Ѣздятъ люди, поѣдемъ и мы.

„Далеко, Кузьма?“

— Теперь далеко, а какъ мы станемъ тамъ, такъ будетъ близко. А вотъ что вы мнѣ, панычу, скажите: какъ мы тамъ между нѣмцами будемъ пребывать? Вы таки знаете что-то по латинскому, а я только и перенялъ отъ одного солдата: „мушти молдаванешти“, но не знаю, что оно значитъ. А въ чужой сторонѣ добудемъ ли безъ языка хлѣба?

„Да тамъ сторона Русская“.

— Ну, когда такъ, такъ и ничего. И лишь бы не моремъ ѣхать.

Этимъ замѣчаніемъ онъ смутилъ и меня. Я боялся крѣпко моря, и мы тутъ на совѣтѣ положили: если потрафится море на дорогѣ, объѣхать его. Хоть и далѣе, за то безопаснѣе.

И такъ Кузьма, изъ усердія ко мнѣ, оставлялъ жену и пятерыхъ дѣтей, пускался, по нашему расчету, на край свѣта. Въ отраду себѣ, просилъ заказать ему платья, какія онъ самъ знаетъ, чтобъ не стыдно было показаться среди чужихъ людей. Я ему далъ полную волю.

Мой Горбъ-Маявецкій, кромѣ моего дѣла, имѣлъ еще нѣсколько и другихъ, по которымъ взялся хлопотать въ Санктпетербургѣ, и потому онъ, имѣя надобность заѣзжать въ другіе города, поѣхалъ особо,

а для меня пріискалъ извощика и подрядилъ его довезти меня до Санктпетербурга за условленную плату. Я запасся въ дорогу большимъ количествомъ хлѣбовъ, мясной и всякой провизіи, даже воды набралъ побольше. Сторона далекая, мнѣ неизвѣстная, такъ чтобы не бѣдствовать въ дорогѣ. Горбъ-Маявецкій далъ мнѣ на все то время, пока пріѣдетъ ко мнѣ, достаточное число денегъ; но совѣтовалъ жить осмотрительно, и обѣщался, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда, отыскать меня, и далъ записку, у кого я долженъ стать на квартирѣ; то былъ пріятель его.

Выѣхалъ я наконецъ въ путь съ Кузьмою, и началъ вояжъ благополучно. Скоро увидѣлъ, что не нужно было обременять себя такимъ множествомъ съѣстнаго. Вездѣ по дорогѣ были села и города, слѣдовательно всего можно было купить; но Кузьма успокоилъ меня поговоркою: „запасъ бѣды не чинитъ; не на дорогѣ, такъ на мѣстѣ пригодится“. Однако же, отъ лѣтняго времени, хлѣбъ пересохъ, а прочее все испортилось, и мы должны были все кинуть. Находили, однако же, все нужное по дорогѣ, и Кузьма всегда приговаривалъ: „а бы гроши—все будетъ“.

Много важныхъ и большихъ городовъ я проѣхалъ, не видавъ ихъ. Благодѣтельный берлинъ много мнѣ сокращалъ пути. Онъ висѣлъ на пассахъ — рессоръ тогда не было —и качался точно люлька. Только лишь я въ него, тронулись съ мѣсла, я и засыпаю

до ночлега. Мы откатывали въ день верстъ до пятидесяти.

Не знаю навѣрное, въ которой губерніи,— я много ихъ проѣзжалъ—а помню, что въ городѣ Тулѣ, когда извощикъ поспѣшалъ довезти насъ до своего знакомаго постоялаго двора, при проѣздѣ чрезъ одну улицу, изъ двора выбѣгаетъ человѣкъ и начинаетъ просить насъ заѣхать къ нимъ во дворъ. Я призадумался было и разсуждалъ, почему онъ меня знаетъ и на что я ему? Но человѣкъ проситъ убѣдительно сдѣлать милость, не отказать, будете-де послѣ благодарить.

„Кузьма! заѣдемъ?“ Во всемъ я всегда совѣтовался съ этимъ вѣрнымъ слугою.

— А чтожъ? Заѣдемъ, такъ заѣдемъ — отвѣчалъ Кузьма.

Въѣхали. Насъ ввели въ большой каменный домъ и провели въ особые три покоя. Да какіе? съ зеркалами, со стульями и кроватями.

„Кузьма! смотри, каково?“ сказалъ я, мигая ему на убранство комнатъ.

— Не-што! отвѣчалъ Кузьма, съ удивленіемъ разсматривая себя въ зеркалѣ.

Явился самъ хозяинъ, должно думать, купецъ. Засыпалъ меня ласками и предложеніями всего, чего душѣ угодно.

Сперва представилъ мнѣ чаю. Я съ жажды выпилъ чашекъ шесть, но ласковый хозяинъ убѣждалъ *кушать* еще, на девятой я долженъ былъ забастовать.

Что же? Послѣ меня, онъ къ Кузьмѣ, и давай упрашивать его, чтобы также выкушалъ чайку.

Мнѣ стало совѣстно; я просилъ ласковаго хозяина не безпокоиться, не тратиться для слуги, что онъ и холодной воды сопьетъ; такъ куда? упрашивалъ, убѣждалъ и поднесъ ему чашку чаю. Кузьма, послѣ первой, хотѣлъ было поцеремониться, отказывался; такъ хозяинъ же убѣждать, нанесъ калачей — и ну заливать Кузьму щедрою рукою. Не выпилъ, а точно съѣлъ Кузьма двѣнадцать чашекъ чаю съ калачами, и наконецъ началъ отпрашиваться.

Гостепріимный хозяинъ, оставя его, принялся снова за меня. Предложилъ мнѣ роскошный обѣдъ; чего только тамъ не было! И все это приправлено такими ласками, такими убѣжденіями! Поминутно спрашиваетъ не прикажу ли того, другаго? Я то и дѣло, что соглашаюсь, совѣщусь, чтобъ отказомъ не огорчить его усердія. Не только меня, Кузьму угощалъ на распашку, но и объ извощикѣ позаботился. Лошадей поставилъ на конюшню, задалъ имъ сѣна и овса, а самъ поминутно ко мнѣ: извощикъ-де спрашиваетъ того и того, прикажете ли отпустить? Я все благодарю и соглашаюсь.

Извиняясь передъ хозяиномъ, я просилъ его сказать: чѣмъ могу быть полезенъ? „Ничѣмъ, батюшка!“ отвѣчалъ онъ: „только и одолжите въ обратный путь заѣхать ко мнѣ и позволить васъ также угостить“.

Я благодарилъ его и просилъ, чтобъ онъ шелъ къ другимъ гостямъ своимъ, коихъ шумъ слышенъ былъ черезъ стѣну.—„И, помилуйте!“ отвѣчалъ онъ: „что мнѣ тѣ гости? Они идутъ своимъ чередомъ; вотъ съ вами-то мнѣ надо хлопотать“... и вдругъ спросилъ, не хочу ли я въ баню сходить?

Я бы и не пошелъ, но Кузьма мой и губы развѣсилъ, началъ соглашать меня, и хозяинъ самъ бросился хлопотать о банѣ.

Когда онъ ушелъ, Кузьма отъ удивленія поднялъ плеча и сказалъ: „полно, Москаль ли онъ? А ужъ наврядъ! Нашъ только будетъ такой добрый“.

Вѣрно онъ слышалъ, что я ѣду—сказалъ я—такъ и перенялъ насъ на дорогѣ, чтобъ угостить. Добрый, добрый человѣкъ!

„Онъ точно думаетъ, что мы какія-нибудь персоны“, сказалъ чванно Кузьма. „Какая нужда? А можетъ, Москали и въ самомъ дѣлѣ добрый народъ? Вотъ такъ намъ и вездѣ будетъ. Не пропадемъ на чужой сторонѣ!“ заключилъ Кузьма, смѣясь отъ чистаго сердца.

Были мы въ банѣ, парились со всѣми прихотями, а особливо Кузьма; чего уже онъ не затѣвалъ! Послѣ бани сколько чаю выпито нами! Потомъ огромный ужинъ. Мы не знали, какъ управимся со всѣмъ этимъ.

Я хотѣлъ выѣзжать пораньше, такъ куда! Хозяинъ предложилъ, не лучше ли уже намъ и отобѣдать у

него? Совѣстно было огорчить отказомъ и я остался. Завтракъ и обѣдъ кончился; я приказалъ запрягать. Хозяинъ пришелъ проститься; я благодарилъ его въ отборныхъ выраженіяхъ, наконецъ обнялъ его, разцѣловалъ и снова благодарилъ. Только лишь хотѣлъ выйти изъ комнаты, какъ хозяинъ, остановя меня, сказалъ: „что же, батюшка! а по счетцу?“ съ этимъ словомъ подалъ мнѣ предлинную бумагу, кругомъ исписанную.

Не понимая, въ чемъ дѣло, я взялъ и думалъ, что онъ мнѣ поднесъ какіе похвальные стихи въ честь мнѣ, потому что бумага исписана была стихотворною манерою, т. е. не полными строками, какъ присматриваясь читаю: „за квартиру... за самоваръ.... за калачи.... и пошло все за... за... за... я думаю сотни полторы было этихъ „за“...

„Что это такое, мой любезный хозяинъ?“ спросилъ я, свертывая бумагу, все еще почитая ее вздорною.

— Ничего, батюшка! — отвѣчалъ онъ, потряхивая головою, чтобы уравнять свои кудри, спадающіе ему на лобъ,—ничего-съ. Это махонькій счетецъ, въ силу коего получить съ милости вашей...

„Что получить?“ спросилъ я, все еще меланхолично.

— Семьдесятъ шесть рублевъ и шестьдесятъ двѣ копѣйки—сказалъ также меланхолично гостепріимный хозяинъ, поглаживая уже свою бороду.

„Какъ? за-что?“ уже вскрикнулъ я.

— А вотъ, что забрато милостью вашею и что въ счетѣ аккуратно вписано.

Дрожащими руками я развернулъ этотъ счетъ и — о канальство!—увидѣлъ, что все то, чѣмъ потчивалъ меня и Кузьму гостепріимный хозяинъ, все это поставлено въ счетъ, и не только что на насъ употреблено, но что и для извощика и лошадей: не забыта ни одна коврига хлѣба, ни малѣйшій клочекъ сѣна, ни одна чашка чаю, ни одинъ прутикъ изъ вѣника, коимъ меня съ Кузьмою парили въ банѣ. Это ужасъ!

Признаюсь, отъ такого пассажа вся моя меланхолія—или какъ батюшка-покойникъ называли эту душевную страсть, мехліодія — прошла и въ ея мѣсто вступилъ въ меня азартъ, и такой горячій, что я принялся кричать на него, выговаривая, что я и не думалъ заѣхать къ нему, не хотѣлъ бы и знать его, а онъ меня убѣдительно упросилъ; я, если бы зналъ, не съѣлъ бы у него ни сухаря, когда у него все такъ дорого продается; что не я, а онъ самъ мнѣ предлагалъ все, и баню, которой мнѣ бы и на мысль не пришло, а въ счетѣ она поставлена въ двадцать пять рублей съ копѣйками. Много, много говорилъ я ему, и говорилъ сильно, сверхъ ожиданія, умно и доказательно....

Онъ мнѣ въ отвѣтъ, знай, поглаживая свою рыжую бороду, при переводѣ мною духа, все твердитъ: „станется-съ.... сбудется-съ. Оно конечно такъ-съ.... а денежки пожалуйте.... слѣдуетъ заплатить“.

— Не дамъ, не дамъ и не дамъ!—кричалъ я, топая ногами.—Такъ ли, Кузьма?

Кузьма стоялъ, одеревенѣвъ отъ изумленія и въ разинутомъ ртѣ держа кусокъ пряника, не успѣвъ его проглотить. Надобно знать, что пряникъ хозяинъ ему поднесъ, а въ счетъ таки поставилъ. Насилу Кузьма разслушалъ, въ чемъ дѣло, и что требуется его мнѣнія. Проглотивъ скорѣе кусокъ пряника, онъ также началъ утверждать, что платить не надо, и что мы были у него гости.

„Къ чему мнѣ было васъ угощать?“ говорилъ тѣмъ же голосомъ лукавый хозяинъ; „на-что вы мнѣ надомны? А коли денегъ не заплатите, такъ я воротъ не отопру и пошлю къ господину городничему“...

Услышавъ такое его рѣшеніе, я опустилъ руки и замолчалъ, а Кузьма поблѣднѣлъ и, переводя духъ, сказалъ:—Заплатите уже ему, панычъ; цуръ ему! Ну, угостилъ насъ Москаль! Будемъ помнить!

Нечего дѣлать; отсчиталъ я всѣ деньги сполна и сунулъ хозяину. Онъ какъ будто переродился: бросился помогать выносить чемоданъ, предлагалъ чего покушать, испить на дорогу... но я уже все сердился, молчалъ и спѣшилъ выѣхать изъ такого мошенническаго гнѣзда. Кузьма же отлилъ ему славную штуку. Сѣвъ на свое мѣсто, онъ сказалъ ему: „слушай ты, Москаль, рыжая борода! У насъ такъ не дѣлаютъ. Вы хоть и говорите, что мы Хохлы, и еще безмозглые, да только мы проѣзжаго не обижаемъ и не грабимъ,

какъ ты, заманивъ насъ обманомъ. Мы еще рады заѣзжаго угостить, чѣмъ Богъ послалъ, а хлѣба святаго не продаемъ. Оставайся-себѣ. Слава Богу, что я не твоей, Москальской вѣры!“

Хозяинъ же и ничего; все кланяется, да проситъ:— и на предки просимъ такихъ дорогихъ гостей!...—

Тьфу!—подлинно, что дорогіе гости для него.

Качаніе берлина скоро успокоило кровь мою, и я скоро отсердился, хотя и жаль мнѣ было такой пропасти денегъ, на которыя не только до Санктпетербурга доѣхать, но и половину свѣта объѣздить могъ бы; но дѣлать нечего было, и я не только что отсердился, но, глядя на Кузьму, смѣялся, видя, что онъ все сердится и ворчитъ что-то про себя: конечно, бранилъ нашего усерднаго хозяина. Когда же замѣчалъ я, что онъ успокоивался, то я поддразнивалъ его, крича ему въ окошко берлина:

„А что, Кузьма! угостили насъ!“ или „а каковъ Тулякъ? А? Кузьма!“

И Кузьма начнетъ его перебранивать снова, а я хохочу.

Когда проѣзжаемъ-было черезъ какой городъ, то я и начну трунить надъ Кузьмою и кричу ему: смотри, Кузьма, не зовутъ ли насъ куда въ гости, такъ заворачивай.

— А чтобъ они не дождали! —отвѣчалъ всегда съ сердцемъ Кузьма. — Здѣсь, какъ видно, все Москаль на-голо. Съ ними знайся, а камень за пазухой держи. Берегитесь вы ихъ, а меня уже не проведутъ.

Такимъ побытомъ мы докатили до Москвы. Вотъ городъ, такъ такъ! Три нашихъ города Хорола слѣпить вмѣстѣ, такъ еще не поравняется. А сколько тамъ любопытнаго, замѣчательнаго! Вообразите, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежатъ на скамьяхъ, столахъ и проч. хлѣбы, калачи, пироги и всякой всячины съѣстной, и все это въ одинъ день раскупится, съѣстся,—это на удивленіе! Занимаясь такими мыслями, я проѣхалъ Москву, не замѣтивъ болѣе ничего. Впрочемъ городъ безпорядочный! Улицъ пропасть, и куда которая ведетъ, ничего не понимаешь! Богъ съ нею! Я бы соскучилъ въ такомъ городѣ.

Чѣмъ далѣе мы съ Кузьмою отъѣзжали отъ Москвы и слѣдовательно ближе подъѣзжали къ Санктпетербургу, тѣмъ чаще спрашивали проѣзжіе про меня у Кузьмы: кто я, откуда ѣду, не везу ли свою карету на продажу и все т. п. Но Кузьма отдѣлывалъ ихъ ловко, по своему: „а кишъ, Москали! знаемъ мы уже васъ. Ступайте себѣ далѣе“.

Если же случалось, что путешественники распрашивали обо мнѣ у самого меня, тогда я говорилъ имъ все о себѣ, и многіе любопытствовали знать о малѣйшихъ подробностяхъ, до меня относящихся; карета моя также обращала ихъ вниманіе, и они совѣтовали мнѣ — въ Санктпетербургѣ, вывезя ее на площадь, предложить желающимъ купить. И я отъ того былъ не прочь, лишь бы цѣна выгодная за этотъ прочный, покойный и уютный берлинъ.

При одномъ случаѣ отдыха вмѣстѣ съ другими путешественниками, среди разговора, я узналъ, что мы въ Петербургской губерніи. Стало быть мы недалеко уже и отъ Санктпетербурга, подумалъ я, обрадовавшись, что скоро не буду обязанъ сидѣть цѣлый день на одномъ мѣстѣ, что уже мнѣ крѣпко было чувствительно. И сѣлъ себѣ въ берлинъ, заснулъ, какъ скоро съ мѣста тронулись. Долго ли мы ѣхали, не знаю, какъ Кузьма будитъ меня и кричитъ: „пріѣхали, — городъ!“—Что городъ, это я вижу,—сказалъ я, зѣвая и вытягиваясь, — а пріѣхали ли мы, объ этомъ узнаю, распросивши прежде, что это за городъ.

Должно полагать, что Горбъ-Маявецкій, повѣренный мой, предварилъ, сюда писавши, что я ѣду, потому что всѣхъ въѣзжающихъ распрашивали: кто и откуда ѣдетъ, и когда дошла очередь до меня, то замѣтно, что чиновникъ, остановившій всѣхъ при въѣздѣ въ городъ, обрадовался, узнавъ мое имя. Усмѣхнувшись, когда я объяснилъ, что я подпрапоренко, регулярной арміи отставной господинъ капралъ, Трофимъ Мироновъ сынъ Халявскій, онъ записывалъ, а я, между тѣмъ, дабы показать ему, что я бывалъ между людьми и знаю политику, началъ ему рекомендоваться, и просилъ его принять меня въ свою аттенцію и по дружбѣ сказать чисто и откровенно: въ какой городъ меня привезли? „Кажется и спрашивать нечего“—сказалъ чиновникъ, смотря на меня во всѣ глаза:—„васъ привезли въ Петербургъ.“

— Видите!—вскричалъ я въ изумленіи и горестно смотря на Кузьму, — а мнѣ надобно быть въ Санктпетербургѣ.

„И, полноте, все равно“,—сказалъ чиновникъ торопливо, спѣша къ другимъ.

— А побожитесь, что все равно: Петербургъ и Санктпетербургъ?

„Гдѣ вы остановитесь?“ спросилъ чиновникъ съ досадою и вовсе не думая разсѣять мое сомнѣніе.

— У Ивана Ивановича—отвѣчалъ я спокойно, дабы онъ замѣтилъ, что и я на грубость могу отвѣчать грубостью.

„Въ какой части, въ чьемъ домѣ?“ уже прикрикнулъ чиновникъ.

— У него же въ домѣ и остановимся. Онъ знакомый моему Ивану Аѳанасьевичу...

„Гдѣ домъ его? мнѣ это нужно знать“.

— Такъ бы вы и сказали — отвѣтилъ я. Вотъ записка.... вотъ.... гдѣ она?.... Кузьма! а гдѣ записка объ домѣ.... Не у тебя ли она?...

„А вы, видно, потеряли?“—отвѣчалъ взыскательно Кузьма.

— Не потерялъ, а изорвалъ вмѣстѣ съ счетомъ Туляка... помнишь?...

„Эге! ищите же вчерашняго дня!“

— Надоѣли вы мнѣ здѣсь съ своимъ... что это слуга вашъ, что ли?—спросилъ чиновникъ...

„Нѣтъ это мой лакей, Кузьма“,—сказалъ я.

— Ну, ступайте же себѣ въ городъ скорѣе. Такихъ молодцовъ скоро всѣ узнаютъ.

„То таки узнаютъ“, сказалъ я; сѣлъ въ берлинъ и въѣхалъ въ городъ....

И такъ это городъ Санктпетербургъ, что въ календарѣ означенъ подъ именемъ „столица“. Я въѣзжаю въ него, какъ мои сверстники, товарищи, пріятели и сосѣды не знаютъ даже, гдѣ и находится этотъ городъ, а я не только знаю, вижу его и въѣзжаю въ него. „Каковъ городъ?“ будутъ у меня распрашивать, когда я возвращусь изъ вояжа. И я принялся осматривать городъ, чтобъ сдѣлать свое замѣчаніе.

Не видавъ никого важнѣе и ученѣе, какъ домине Галушкинскій, я почиталъ, что онъ всѣхъ людей важнѣе и ученѣе; но увидѣвъ реверендиссима начальника училища, я увидѣлъ, что онъ цаца, а домине Галушкинскій противъ него — тьфу!... Такъ и Петербургъ противъ прочихъ городовъ. Искренно скажу, я подобнаго отъ самаго Хорола и не видалъ. Вотъ мое мнѣніе о Петербургѣ, такъ и мною уже называемомъ, когда я узналъ, что это все одно.

„Гдѣ же вы остановитесь, баринъ?“ спросилъ извозчикъ, остановясь среди улицы.

— У Ивана Ивановича — сказалъ я спокойно, разглядывая въ окно берлина чудесные дома по улицѣ.

„Да у кого именно? Здѣсь ихъ не одна тысяча“.

— Ну, когда не знаешь, распроси: гдѣ домъ Ивана Ивановича, пріятеля моего Ивана Аѳанасьевича?

„Нѣтъ, баринъ!“—сказалъ извощикъ: „ужъ я распрашивать не пойду отъ лошадей, а пусть вашъ хохолъ ходитъ по дворамъ, да узнаетъ. Мнѣ не хочется, чтобы меня дуракомъ сочли, да еще гдѣ? въ Питерѣ“.

Пошелъ Кузьма, спрашивалъ всѣхъ встрѣчающихся, навѣдывался по дворамъ—нѣтъ Ивана Ивановича. Вся бѣда отъ того произошла, что я забылъ мѣсто, гдѣ его домъ, и какъ его фамилія, а записку въ сердцахъ изорвалъ. Обходилъ Кузьма нѣсколько улицъ; есть домы, и ни одного Ивана Ивановича, такъ все такіе Иваны Ивановичи, что не знаютъ ни одного Ивана Аѳанасьевича. Что тутъ дѣлать? А уже ночь на дворѣ.

Извощикъ, увидѣвъ, что не отыщемъ скоро, кого намъ надобно, сказалъ, что онъ насъ свезетъ, куда самъ знаетъ.

„Куда же это?“ — спросилъ Кузьма. „Можетъ, къ какому Туляку?“ Въ понятіи Кузьмы Тулякъ и плутъ было все одно. Такъ поразилъ его случай въ Тулѣ.

— Нѣтъ, сказалъ извощикъ — свезу васъ въ Лондонъ.

„Куда намъ въ этакую даль?“ вскричалъ я, видя, что уже стемнѣло, и знавъ, по перочиннымъ ножичкамъ, что подписанный на нихъ Лондонъ — городъ чужой и не въ нашемъ государствѣ; такъ можно ли пускаться въ него къ ночи?

— Да нѣтъ, баринъ. Тамъ трактиръ преотмѣнный,

тамъ всѣ господа взъѣзжаютъ - сказалъ извощикъ и, не слушая моихъ распросовъ, поѣхалъ, куда хотѣлъ.

Во весь переѣздъ я все разсуждалъ: „этихъ людей не поймешь: у нихъ Санктпетербургъ и Петербургъ— все равно; трактиръ и городъ Лондонъ—все едино. Не тамъ ли, можетъ, ножички дѣлаютъ?"...

А Кузьма, идучи пѣшкомъ возлѣ берлина, заглядывая въ окно, все твердилъ мнѣ: „берегитесь, панычу, пуще всего, чтобъ въ этомъ городѣ не попасть въ руки Туляка".

— Не бойся, Кузьма! не на таковскихъ напали.

Наконецъ дотащились мы и до Лондона. Что же? домъ, какъ и всякій другой-прочій. Дали намъ комнату; объявили, сколько за нее въ сутки, почемъ обѣдъ, ужинъ, вино и все, даже вода была поставлена въ цѣнѣ. „Хитрый городъ! любитъ деньги!" сказалъ я Кузьмѣ; а онъ мнѣ отвѣчалъ:—не-што!

„Напередъ объявляютъ, что ничего даромъ не даютъ, а все за деньги", сказалъ я. „Хитрый—хитрый городъ; любитъ деньги!"

За то же и обѣдъ намъ подали—объяденье! Довольно вамъ сказать, что я и Кузьма не могли всего съѣсть. Поневолѣ лишнее платишь, что много всего.

Отдохнувши хорошенько, я, нарядившись поприличнѣе, приказалъ нанять лошадей въ мой берлинъ и поѣхалъ осматривать городъ. Я разсудилъ, чтобы прежде насмотрѣться всего, а потомъ уже, отыскавъ моего Горба-Маявецкаго, приняться за дѣла. Я при-

казалъ найти такого извощика, который бы зналъ всѣ улицы и вывозилъ бы меня по нимъ. Кузьма сталъ сзади берлина, въ новой курткѣ синяго фабричнаго сукна съ большими бѣлыми пуговицами; шаравары бѣлые, изъ фландскаго полотна, широкіе, и краснымъ кушакомъ подпоясанъ. На головѣ шапка высокая, сѣрая, баранья съ краснымъ верхомъ: усы длинные, толстые; на головѣ волосы подстрижены въ кружекъ. Кузьма видѣлъ такъ одѣтыхъ лакеевъ у одного помѣщика близъ Переяслава, и ему очень понравилось, почему и себѣ заказалъ все такое же. Теперь онъ въ этомъ нарядѣ трясся за берлиномъ, гдѣ сидѣлъ я также разряженный. Я забылъ вамъ сказать, что въ то время, въ нашихъ мѣстахъ, всѣ уже изъ казацкаго перерядились въ нѣмецкое, а потому и на мнѣ былъ нѣмецкій, кирпичнаго цвѣта кафтанъ, съ 24-мя пуговицами; въ каждой изъ нихъ была нарисована красавица, каждая особо прелестна и каждая—чудо красоты. О, я таки сообразилъ, что ѣду въ столицу. Разрядясь такъ щегольски, я поѣхалъ, развалясь въ моемъ берлинѣ. Берлинъ же мой былъ отличный и дѣланъ, по случаю маменькинаго замужства, въ Батуринѣ, по фасону стариннаго берлина его ясновельможности пана гетмана; и отдѣлка была чудесная, съ золочеными вездѣ шишечками, коронками и проч., правда, уже постертыми, но видно было, что была вещь. Да вотъ какъ; я вамъ безъ обиняковъ скажу: во все время бытности моей

въ Петербургѣ я и подобнаго моему берлину ничего не видалъ. Не знаю, послѣ моего отъѣзда, можетъ, и показались, спорить не хочу. Не мудрено подражать.

Не могу умолчать, какъ мгновенно весь городъ узналъ о моемъ пріѣздѣ. Или чиновникъ, записавшій пріѣздъ мой, оповѣстилъ жителей, или видѣвшіе меня въѣзжающаго узнали о моемъ пребываніи — только весь городъ подвинулся ко мнѣ. Явились парикмахеры стричь, чесать меня; предлагали модные парики съ буклями, вержетами, прививными косами; цырюльники предлагали свое искусство брить; портные шить платья; сапожники принесли сапоги, нанесли продажныхъ продуктовъ: ваксы, мылъ разныхъ, духовъ всякихъ, шубъ, плащей, часовъ, книгъ, карандашей, нотъ и... вотъ смѣхъ!... вставныхъ зубовъ, увѣряя меня, что эти зубы очень легко вставить и никто не отличитъ отъ настоящихъ, что здѣсь, въ Санктпетербургѣ, рѣдко у кого собственные зубы, а все ложные, подобно какъ и волосы на головахъ... Чудный городъ!—подумалъ я — какъ его внимательнѣе разсмотрю, такъ, можетъ, и много ложнаго найду... Нечего скрывать: всѣ мастерства, какія были въ городѣ, всѣ явились услужить мнѣ, слыша—такъ говорили всѣ пришедшіе — о моемъ вкусѣ, что я знатокъ въ прекрасномъ и люблю щегольски наряжаться. Откуда они это узнали?

Даже тайныя, домашнія дѣла мои были въ Санктпетербургѣ болѣе извѣстны, нежели въ нашемъ Хо-

ролѣ. Дома еще мнѣ случалось иногда подать бѣдному какую-нибудь бездѣлицу. Что же? и это не скрылось въ Санктпетербургѣ. Не успѣлъ я, пріѣхавши, расположиться, какъ явилась вдова пребѣднѣйшая, съ пятью дѣточками, малъ-мала меньше. Въ поданномъ ею письмѣ она пишетъ: „Высокородный господинъ! (вотъ какъ должно насъ величать!) Узнавъ о вездѣ-прославляемыхъ добродѣтеляхъ вашихъ (удивительно, какъ вездѣ меня знаютъ!), я поспѣшила прибѣгнуть къ вашему сострадательному сердцу и объяснить свои бѣды“.... Тутъ и объяснила „всякія несчастья“, постигшія ее бѣдную, съ сироточками... но я, не дочитавъ, облегчилъ ея бѣдствія; плакавъ самъ, утеръ слезы ея.... и малютки пошли мною довольны....

За нею явилась дѣвушка. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ (конечно она давно ожидала меня, потому-что письмо было все истерто и довольно засалено) она описывала, что въ ней течетъ кровь высокоблагородная; что одинъ злодѣй лишилъ ее всего; что она имѣетъ теперь человѣка, который, не смотря ни на что, хочетъ взять ее, но она не имѣетъ ничего; проситъ меня, какъ особу, извѣстную моими благотвореніями во всѣхъ концахъ вселенной (каково? вселенная знаетъ обо мнѣ!), пособить ей, снабдивъ приданымъ... и она не раскаялась, что прибѣгнула ко мнѣ...

Сдѣлавъ подобныхъ нѣсколько благодѣяній прибѣгавшимъ ко мнѣ, я не хотѣлъ огорчить усердствующихъ мнѣ мастеровыхъ и другихъ, принесшихъ свои

продукты; я, хотя и вовсе не нужныхъ мнѣ вещей, накупилъ нѣсколько, кромѣ парика и зубовъ, въ чемъ, за имѣніемъ собственныхъ, не нуждался. Они всѣ предлагали мнѣ еще изъ своихъ мебелей, но я не могъ ихъ удовлетворить, потому что мнѣ оставалось денегъ очень не много! Надобно было отыскивать Ивана Ивановича и домъ его: городъ я уже осмотрѣлъ; теперь пойду пѣшкомъ и, спрашивая отъ дома до дома, конечно найду. И такъ я взялъ да и пошелъ, въ препровожденіи Кузьмы своего.

Я замѣтилъ, что жители Петербурга очень любопытный народъ. Въ первый день, когда я объѣзжалъ въ своемъ берлинѣ городъ, замѣтилъ ясно, что ихъ занималъ мой экипажъ. Всѣ останавливались, смотрѣли, указывали пальцами на берлинъ и Кузьму и что-то съ жаромъ говорили. Я утѣшался ихъ недоумѣніемъ и съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ я поразилъ ихъ моимъ сосудомъ, говоря словами домине Галушкинскаго. Теперь же, хотя и пѣшкомъ пошелъ, но удивленіе встрѣчающихся было не менѣе вчерашняго. Всѣ останавливались противъ меня, осматривали меня съ ногъ до головы, старались познакомиться со мною, спрашивали: какой портной шьетъ на меня?.. другіе желали знать: не въ кунсткамеру ли я иду и слугу веду для показу? Я всѣмъ имъ скромно отвѣчалъ, что зналъ, и всѣхъ оставлялъ довольными... Такъ идучи, вдругъ увидѣлъ рѣку, да какую? чудесную! Отъ изумленія остановился и съ восторгомъ глядѣлъ на нее.

Черезъ полчаса мѣста, прійдя нѣсколько въ себя, былъ у меня съ Кузьмою, также пораженнымъ удивленіемъ и стоящимъ, разинувъ ротъ, слѣдующій разговоръ:

„Кузьма“, сказалъ я: „видишь?“

— А тожъ,—отвѣчалъ онъ, не смотря на меня и не сводя глазъ съ рѣки.

„Вотъ рѣка, такъ—такъ!“

Не-что.—

„Можетъ быть, будетъ противъ нашей Ворсклы?“,— сказалъ я аллегорическимъ тономъ.

— Куда ей!—

„Вотъ бы на ней плотину сдѣлать, да мельницу поставить. Дала бы хлѣба“.

— Пожалуй! А какая это рѣчка? Какъ ее зовутъ?

„А кто ее знаетъ! не знаю, голубчикъ! Пойди расспроси“.

И Кузьма пошелъ; а я даже сѣлъ, продолжая разсматривать чудесную рѣку.

Кузьма возвратился скоро и сказалъ, что рѣку зовутъ „Нева“.—Ну, такъ и есть—подумалъ я: — какъ мнѣ было не догадаться, что ее такъ зовутъ. Вотъ Невскій монастырь, а тутъ Невскій проспектъ (такъ называется одна улица); стало быть, рѣка, что подлѣ нихъ течетъ, отъ нихъ должна зваться Нева.

„Пойди, Кузьма“, сказалъ я ему, послѣ часу времени: „пойди, разыскуй домъ Ивана Ивановича; а я

сегодня никуда не пойду, буду разсматривать Неву; у насъ такой рѣчки нѣтъ.

Кузьма пошелъ, и часа черезъ четыре—чего только я въ это время не передумалъ! — возвратился и разсказываетъ, что не отыскалъ дома. Какъ я глядь на него... и расхохотался по-неволѣ!... Вообразите же вмѣсто прекрасной, казацкой шапки, бывшей у него на головѣ, вижу предрянную, безверхую, оборванную шляпенку!.... Нахохотавшись, началъ его осматривать, гляжу... у него на спинѣ написано мѣломъ: „это Кузьма, хохолъ!"

— Кто тебя такъ отдѣлалъ?—спросилъ я у него нахохотавшись.

„Ни кто, какъ пріятели", такъ разсказывалъ онъ: „только что вошелъ я вонъ въ ту улицу, какъ нѣсколько человѣкъ и пристали ко мнѣ: — здравствуй, землякъ, здравствуй, Иванъ!—говоритъ одинъ. „Можетъ, Кузьма, а не Иванъ", сказалъ я отъ досады, что онъ меня не такъ зоветъ.—Такъ и есть, такъ и есть!—закричалъ онъ же;—я, давно не видавшись съ тобою, ужъ и позабылъ. —А чортъ его знаетъ, когда я съ нимъ и видѣлся. А другой сказалъ: —да! какой спѣсивый сталъ, и не кланяется.—Да тутъ же и приподнялъ мою шапку.... Эге! фить-фить! посвисталъ Кузьма и продолжалъ: вотъ въ то же время, видно, какъ онъ мою шапку приподнялъ, а другой, схвативши ее, надѣлъ на меня эту гадость.... а я и не спохватился. Ну; тутъ они начали меня обнимать одинъ передъ

однимъ; послѣ пустили и просили къ себѣ въ гости. Чортъ ихъ знаетъ только, гдѣ они живутъ; я пошелъ бы къ нимъ за моею шапкою.... При сихъ словахъ Кузьма поблѣднѣлъ какъ полотно!... Онъ хватился: пріятели вытащили у него рожекъ съ табакомъ, платокъ и въ немъ двадцать копѣекъ, что я далъ ему на харчи....

Бѣдный Кузьма не находилъ словъ, какъ бы сильнѣе разбранить своихъ пріятелей, такъ его обобравшихъ! Попросилъ бы онъ брата Петруся. Вотъ уже, хотя я съ нимъ и въ ссорѣ, а скажу правду, мастеръ былъ на это! Кузьма ругалъ ихъ нещадно, вертѣлъ въ ту сторону, куда они пошли, пребольшіе шиши, и все не могъ утѣшиться.... и отъ горя пошелъ домой, проклиная своихъ пріятелей.

„Хитрый городъ!“ подумалъ я, и продолжалъ любоваться рѣкою. Гляжу, подлѣ меня какой-то мужчина, пристойно одѣтый. Слово за слово, мы познакомились, подружились, говорили о томъ, о семъ; я разсказалъ ему: кто я, зачѣмъ здѣсь, какъ отыскиваю домъ Ивана Ивановича, не знаю какого, и про все ему разсказалъ. Онъ, распрашивая меня, все что-то записывалъ, а я и не подозрѣвалъ ничего. Поговоривши очень долго, онъ совѣтывалъ мнѣ посмотрѣть въ городѣ то и се, чего я и не разслушивалъ порядочно, и что все тамъ найду любопытнѣе, чѣмъ самая рѣка. „Врядъ ли!“ думалъ я, но соглашался съ нимъ изъ дружбы. Послѣ совѣтывалъ мнѣ сходить въ театръ, что я тамъ много

найду любопытнаго для себя, я просилъ меня приходить сюда въ такіе-то дни и часы, куда и онъ будетъ приходить и будетъ меня распрашивать, что я замѣчу. Съ тѣмъ и ушелъ, весьма довольный мною. Я же и не подозрѣвалъ его ни въ чемъ.

„Въ театры“, подумалъ я. „Въ театрахъ показываютъ различныя комедіи и даютъ дули (шиши)“. А вотъ съ какого побыту я такъ разсуждалъ.

Въ юношествѣ моемъ, или чуть ли еще не въ отрочествѣ, слышалъ я отъ батеньки справедливую повѣсть, которая была самая истинная. Думаю, что и теперь есть люди, помнящіе разсказы стариковъ; такъ они не дадутъ мнѣ солгать, что это было настоящее такъ. Вотъ какъ батенька разсказывали. *) Не стало Глуховскаго пана полковника. Надобно было избрать новаго. Кромѣ другихъ прочихъ, желали получить полковничество Глуховское два магната, изъ первыхъ фамилій по знатности и по богатству. Забылъ ихъ фамиліи: для различія назову одного Азенко, другаго Букенко. Оба хлопотали, оба подбирали себѣ голоса; а какъ пришло къ выбору, такъ и выбрали Азенка, а Букенко остался ни въ сѣхъ, ни въ тѣхъ. Нечего дѣлать; подавился полковничествомъ и замолчалъ.... будто-бы. Былъ веселъ; на праздникахъ, по случаю элекціи пана полковника, участвовалъ, и никто бы на него ничего не подумалъ. Такъ и ничего, все прошло. Пожалуйте же, что тутъ выйдетъ!

---

*) Истинное происшествіе, въ то время бывшее.

Черезъ полгода мѣста въ Глуховѣ ярмаркѣ. Купечества съѣхалось много и старшины прибыло довольно, даже изъ другихъ полковъ. Открылось послѣ, что панъ Букенко крѣпко хлопоталъ о большомъ съѣздѣ, всѣхъ приглашалъ, а нѣкоторымъ далъ способы пріѣхать. Въ началѣ ярмарки объявились пріѣзжіе комедіанты, по нынѣшнему, а тогда ихъ называли „комедчики“, и явясь у его ясновельможности пана полковника Глуховскаго Азенка, испросили дозволеніе „пустить комедію, не однажды и дважды, но многажды“. Панъ полковникъ, народнаго ради смѣха, дозволилъ и отвелъ имъ для игрища большой сарай. Вотъ комедчики и начали тамъ чинно все устраивать; сдѣлали все, что должно; намостили, гдѣ имъ комедіи пускать и гдѣ сидѣть желающимъ на эти диковины смотрѣть. Потомъ заперлись, никого изъ любопытствующихъ болѣе не впускали въ комедный домъ или сарай, а слышно было, что тамъ стучали, работали подъ политикою, т. е. секретно.

Народъ и нужды нѣтъ. Полагая, что они приготовляютъ тамъ что ни-на-есть „комедное“, оставляли ихъ въ покоѣ, дабы не мѣшать и скорѣе насладиться зрѣлищнымъ удовольствіемъ. Въ городѣ Глуховѣ все умирало, т. е. такъ только говорится, а надобно разумѣть—мучилось отъ нетерпѣнія увидѣть скорѣе представительную потѣху.

Какъ вотъ и насталъ игрательный день. На сарай взлѣзъ человѣкъ съ необыкновеннымъ горломъ и про-

кричалъ во всеуслышаніе, что въ тотъ день будетъ знатная комедія; просилъ приходить къ вечеру и деньги за входъ приносить, кажется, по пятаку.... по тогдашнему времени это была сумма порядочная. Въ городѣ закипѣла новость, а къ вечеру у комеднаго дома подвинуться не можно было: такое множество собралось народу. Большая часть, или, почитай, и всѣ не видали вовсе комедій и, какъ ихъ пускаютъ, понятія не имѣли; такъ и простительно было ихъ любопытство.

Батенька—они въ тѣ поры находились въ Глуховѣ—не были охотники вечеромъ сидѣть, а рано ложились опочивать; но тутъ, любопытства ради, поохотились пойти; пошли и на-силу влѣзли, за тѣснотою, въ дверь; заплатили своего пятака и усѣлись на скамейкѣ.

Передъ сидящими развѣшено было большое полотнище, изъ чистыхъ простынь сшитое (такъ разсказывали батенька), и впереди того горѣло свѣчей съ десятокъ. Въ вырытой нарочно передъ полотнищемъ ямѣ сидѣли жиды-музыканты: кто на скрипкѣ, кто на басу, кто на цымбалахъ и кто съ бубномъ. Когда собралось много, музыка грянула маршъ на взятіе Дербента, тогда еще довольно свѣжій. Потомъ играли казачка, свадебныя пѣсни, а болѣе строились. Собравшіеся, наслушавшись музыки, желали скорѣе потѣшиться комеднымъ зрѣлищемъ.

Какъ вотъ полотнище.... да прехитро! такъ разсказывали батенька—не упало, не спустилось, а подня-

лось къ верху, а какъ и отъ чего? никто не могъ догадаться.... Но хорошо, поднялось себѣ.

Взору представились деревья съ листьями, воткнутыя въ землю, по обѣимъ сторонамъ, а по срединѣ чисто, гладко и ничего нѣтъ. Вотъ всѣ и смотрятъ себѣ.

Какъ вотъ и вышелъ человѣкъ, совсѣмъ не по комедному одѣтый, а такъ, просто, якобы казакъ. Не поклонясь никому, началъ во всѣ стороны разсматривать, присматриваться, глаза щуритъ, рукою отъ свѣта закрывается и все разглядываетъ....

„Чего ты такъ смотришь?“ спросилъ одинъ изъ кучи сидящихъ.

— Смотрю, всѣ ли собрались?—отвѣчалъ этотъ—пусть будетъ—казакъ, подчмихивая.

„Да всѣ, всѣ, давно всѣ собрались. Пускай свои комедіи!“ закричало нѣсколько головъ; „ноги помлѣли отъ сидѣнья“.

— А панъ Азенко тутъ? — спросилъ казакъ, все приглядываясь.

„Да тутъ, тутъ, давно тутъ!“ кричали голоса.

— А гдѣ же вы, ваша ясновельможность? я что-то васъ не разсмотрю—говорилъ казакъ, заслоняя свѣтъ рукою.

„Да вотъ я! вотъ!“—изволили отозваться сами панъ полковникъ, указывая на себя пальцемъ.

— Такъ и есть. Это вы, панъ полковникъ!—сказалъ казакъ и, поднявъ руку, сказалъ прегромко:—на-те же

вамъ, пане Азенко, дулю! и съ этимъ словомъ протянулъ къ нему руку съ сложеннымъ шишомъ.... Переднее полотнище, какъ нечистою силою, разсказывали батенька, опустилось и скрыло казака съ шишомъ и все прочее зрѣлище.

Трудно и описать, что въ сей моментъ произошло въ комедномъ домѣ. Это былъ неслыханный пассажъ! Смѣхъ, хохотъ, крики заглушали гнѣвныя слова пана Азенка! Всѣ бывшіе тутъ (какъ ихъ въ Петербургѣ называютъ, зрители) встали съ своихъ мѣстъ и съ шумомъ толпились у выхода. Его ясновельможность панъ Азенко чуть не лопнетъ отъ гнѣва и, въ бѣшенствѣ, приказываетъ своимъ „сердюкамъ", заведеннымъ и у него, на подобіе какъ и у паняснѣйшаго пана гетмана, схватить, поймать полковникохульца, дерзнувшаго, при всей старшинѣ и посполитствѣ, тыкнуть, почитай къ самому его ясновельможности носу, преогромнѣйшую дулю. Сердюки бросились, но ни того казака, и ни одного комедчика, даже слѣда никакого не осталось. Искали, искали, весь городъ обыскали, всю ярмарку перешарили—нѣтъ-какъ-нѣтъ, и по сей день нѣтъ. Какъ въ воду все кануло.

Батенька покойникъ, разсказывая, бывало валяются отъ смѣху, что панъ Азенко привсенародно скушалъ такую большую дулю, а панъ Букенко, все это придумавшій и распорядившій, потѣшался крѣпко своимъ методомъ къ отмщенію за помѣшательство въ выборѣ его въ Глуховскіе полковники.

Повѣрьте, что все это была истинная правда.

Пожалуйте, къ чему же это я началъ разсказывать? Да, это по случаю заключенной мною пріязни съ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, предлагавшимъ мнѣ сходить въ театры.

„Хорошо, подумалъ я: увижу, что здѣсь въ комедномъ дѣйствіи дѣлается? Пойду". И пошелъ прямо, по распросу, къ театру; а комеднаго дома, сколько ни спрашивалъ, никто не указалъ; здѣсь такъ не называется. Это я и въ записной книжкѣ отмѣтилъ у себя.

Хорошо. Вотъ я и пришелъ къ театру, чтобы узнать, будутъ ли въ тотъ день пускать комедію? Я думалъ, что и здѣсь крикунъ взлѣзетъ на крышу, да и станетъ кричать. Куда! Петербургъ городъ хитрый! Расчитали, гдѣ взять такого горлана, который бы кричалъ на весь Петербургъ, который, должно знать, несравненно пространнѣе Глухова. Вотъ и умудрились: напечатаютъ листочковъ, что будетъ-дескать комедія, и разсылаютъ по городу. Вотъ народъ и знаетъ, и валитъ на комедь. Такимъ побытомъ пришелъ и я. Вижу, люди покупаютъ билетики.... я въ распросъ. Изволите видѣть, въ театрѣ есть ложи, кресла, мѣста за креслами и еще кое-что.

Вотъ, будь я бестія, если лгу! Я подумалъ: ложа! это ложе; какъ мнѣ пріѣзжему, никому неизвѣстному, придти въ театръ съ тѣмъ, чтобы лежать на ложѣ? Не хочу. Я знаю политику. Кресла? я и не помню,

сидѣлъ ли я въ жизни на креслѣ? И какъ мнѣ сидѣть въ креслѣ, когда люди важнѣе меня берутъ билетики за креслами. Я и заключилъ, что это мнѣ приличнѣе. Была-не-была, взялъ билетикъ и заплатилъ полтора рубля. Справился съ другими покупателями, точно: не обманули въ цѣнѣ, взяли, какъ и съ другихъ, и сдачу вѣрно дали. Любопытствующихъ около меня пропасть! Всѣ разсматриваютъ, распрашиваютъ. Любопытный народъ! Я тутъ же свелъ много знакомствъ съ неизвѣстными мнѣ людьми, и былъ ими очень ласкаемъ. Разсказы мои ихъ много веселили, и прiятели мои не отпускали меня отъ себя.

Сякъ-такъ, только я и въ театрѣ. Тьфу ты пропасть, вѣжливость какая! Лакей встрѣчаетъ и провожаетъ, мѣсто указываетъ; надобно же вамъ знать, что я не одинъ гость тамъ былъ. Слуга всѣмъ успѣвалъ услужить. Усѣлся я. Тьфу ты пропасть! Знати, знати! И все общество было отличное! Ужъ насмотрѣлся я. А тутъ музыка деретъ, да какая? и флейты, и скрипки! Да такъ жарятъ, что съ сосѣдомъ и не думай говорить! Услажденiе чувствъ, да и полно. Зрѣнiе пресыщается: одно то, что свѣтло, пресвѣтло; всѣхъ въ лица ясно видишь; а другое—сколько тутъ особъ! О людяхъ и говорить нечего, я ихъ пропускалъ и не обращалъ вниманiе, но все смотрѣлъ на почтенныхъ особъ. Столько вдругъ не увидишь ихъ въ нашемъ Хоролѣ. И то провда, городъ городу рознь: Хоролъ и Петербургъ. Болѣе же всего меня прельщалъ и

плѣнялъ прекрасный полъ, котораго тутъ были кучи, какъ стадо какое. И всѣ прекрасны, безъ исключенія, и все прелесть, до того, что меня, при взглядѣ на нихъ, морозъ подиралъ по кожѣ. Конечно, были на разные вкусы, смотря по комплекціямъ любующихся ими. „Были корпораціи дебелой, были и утонченной“, какъ выражался нѣкогда домине Галушкинскій; слѣдственно для всѣхъ было пріятно любоваться ими. Ужъ такъ что насладился! Не жаль мнѣ было и полутора рублей. Да чего? Скажи онъ мнѣ про этакое наслажденіе и запроси два рубли, далъ,—канальи, если бы недалъ.

Наслушавшись къ тому еще и музыки, когда—скажу словами батеньки-покойника—какъ нѣкою нечистою силою поднялась къ верху бывшая передъ нами отличная картина, и взору нашему представилась отдѣльная комната; когда степенные люди, въ ней бывшіе, начали между собою разговаривать: я, одно то, что ноги отсидѣлъ, а другое, хотѣлъ попользоваться благопріятнымъ случаемъ осмотрѣть и тѣхъ, кто сзади меня, и полюбоваться заднимъ женскимъ поломъ, я всталъ и началъ любопытно все разсматривать.

Вдругъ отъ заднихъ и боковыхъ моихъ сосѣдей услышалъ вѣжливыя приглашенія, „не угодно ли вамъ сѣсть?... Садитесь пожалуйста!“ Я имъ, откланиваясь, все говорю:—покорнѣйше благодарю! Я и здѣсь насидѣлся и сюда не пѣшкомъ пришелъ.... Покорно благодарю, усталъ спя, разломило всего.—Куда? Они

не отстаютъ; все упрашиваютъ садиться, а я знай откланиваюсь и благодарю за честь, а чтобъ они яснѣе слышали о моей учтивости, я во весь голосъ отказываюсь. Всѣ бывшіе тутъ обратили вниманіе на мою вѣжливость. Какъ вотъ пробирается чиновникъ, подумалъ я, важный, въ мундирѣ, и прямо ко мнѣ, и онъ съ предложеніемъ, чтобы я садился.

Что за вѣжливый городъ? подумалъ я: какъ ласкаютъ заѣзжаго! всѣ принимаютъ участіе. Но не на таковскаго напали! Я имъ покажу, что и въ Хоролѣ политика извѣстна не меньше Петербурга. И по такому побыту еще больше началъ благодарить и сказалъ на отрѣзъ: „Ей-Богу, не сяду, а еще больше—при васъ“....

— Такъ садись же! или я тебя вонъ выведу!—почти закричалъ вѣжливый чиновникъ, и съ этимъ словомъ почти бросилъ меня на стулъ.—Когда пришелъ сюда, долженъ, какъ зритель, наблюдать порядокъ и дѣлать все то, что прочіе „зрители“ дѣлаютъ.—И тутъ же ушелъ отъ меня.

„Ага! такъ это я теперь зритель? подумалъ я: понимаю теперь. Я долженъ „зрѣть“ на нихъ и за ними все дѣлать. Хорошо-же, это не мудрено“. И усѣлся себѣ преспокойно. Гляжу на всѣхъ, что они дѣлаютъ? Анъ они „зрятъ“ на особо разговаривающихъ. Давай и я „зрѣть“; вѣдь я зритель.

Вперивъ свое зрѣніе на разговаривающихъ, я невольно сталъ вслушиваться въ ихъ разговоры, и только

лишь понялъ сюжетъ ихъ матеріи и ждалъ, далѣе что будутъ объяснять, какъ вдругъ.... канальская картина нѣкоею нечистою силою опустилась и скрыла все....

Фить-фить!—невольно просвисталъ я отъ изумленія.... но видя, что всѣ около меня сидѣвшіе зрители встали, всталъ и я; они вышли, вышелъ и я. Они вошли въ комнаты съ разными напитками, вошелъ и я. Они начали пить напитокъ, пилъ и я.... и тотчасъ узналъ, что это вещество изобрѣтенія брата Павлуся—пуншъ, котораго я терпѣть не могъ, и въ ротъ, что называется, не бралъ; а тутъ, какъ зритель, долженъ, наблюдая общій порядокъ, пить съ прочими.... зрителями, какъ назвалъ ихъ вѣжливый чиновникъ; но я разсудилъ, что по логическимъ правиламъ знаменитаго домине Галушкинскаго, должно уже почитать ихъ не зрителями, понеже они не зрятъ, а пителями или какъ нибудь складнѣе, понеже они пьютъ....

Но дѣлать нечего; они выпили—и я выпилъ; они заплатили, заплатилъ я; ни въ чемъ не отставалъ отъ порядка. Посмотрите же, что это за хитрый городъ, Петербургъ! Выпивши, они собираются идти, собираюсь и я, и спросилъ ихъ: куда же намъ теперь должно идти?

„Разумѣется въ театръ, скоро начнутъ“, сказалъ одинъ и поспѣшилъ.

— Начнутъ!—подумалъ я.—Что начнутъ?—спросилъ я самъ себя. Конечно начнутъ пускать комедію? То было совѣщаніе у нихъ между собою, а теперь при-

мутся за дѣло. Идти же въ театръ. Подумалъ такъ, да и пошелъ; взялъ снова билетъ, заплатилъ снова полтора рубля; вошелъ и сѣлъ уже на другое мѣсто, указанное мнѣ услужливымъ лакеемъ. Поднялась опять картина.

Скука смертельная! Сидятъ старики и разсказываютъ молодому человѣку—чортъ знаетъ о чемъ!—о добродѣтели, самоотверженіи и подобномъ тому вздорѣ. Молодой человѣкъ, такъ и видно, что горячится; того и гляди, что дастъ имъ шишъ и—баста! картина невидимою силою упадетъ и насъ распустятъ по домамъ. Ничего не бывало! Говорятъ себѣ, да сердятся, но все съ вѣжливостью; а мы скучаемъ.

Не занимаясь пустыми разговорами, я задумался о своемъ: о Хоролѣ, о маменькѣ покойницѣ, о кормленой ими птицѣ и тому подобныхъ миновавшихъ радостяхъ, какъ вдругъ ногу мою что-то оттолкнуло.... Глядь я!... подлѣ меня сидитъ прекрасный полъ.... то-есть: одна, должна быть, особа, а не простая, потому что была корпораціи дебелой и съ обнаженными привлекательностями, не такъ, чтобы совсѣмъ, а прикрыто нѣсколько флеровою косыночкою. Вотъ какъ она оттолкнула меня, да и говоритъ, впрочемъ довольно меланхолично: „Вы истолкали мнѣ всѣ колѣнки! Чего вы это толкаете?“

Тутъ я только замѣтилъ, что, предавшись сладкимъ мечтамъ, не замѣтилъ женской натуры, подлѣ меня сидѣвшей; свободно соединилъ мое колѣно съ ея и пре-

аккуратно поталкивалъ, самъ не зная, какой ради причины. Увидя слѣдствіе моей задумчивости, я настоятельно началъ извиняться и утвердительно доказывалъ, что я толкалъ ее безъ всякаго худаго намѣренія.

„Еще бы я позволила вамъ имѣть какія либо намѣренія!...“

Дальнѣйшее наше знакомство тутъ и прекратилось, потому что картина упала передъ нами. Всѣ встали, всталъ и я; всѣ пошли, пошелъ и я въ прежнее мѣсто. Но мои сосѣди по зрительству были люди другой комплекціи, нежели прежніе: они не пили пуншу; ѣли яблоки, кои и я ѣлъ; обтирались, вышедши изъ душной залы, обтирался и я. „Въ театръ, въ театръ!“ закричали они, и побѣжали. Пошелъ и я медленно, разсуждая: „ну ужъ этотъ театръ! буду его помнить!“ Купилъ снова билетъ и снова заплатилъ полтора рубля.

Вошедши въ залу, сѣлъ; смотрю.... у меня по сосѣдству нѣтъ прекраснаго пола, все мужской: не опасно, хоть и толкну кого.

Опять разговоры; только уже не комедчики, а жены и сестры ихъ. „Бабьяго болтанья нечего слушать“, подумалъ я: „тутъ жди сплетней и ссоры. Буду свое думать“.... и началъ.

Удивительное я тутъ замѣтилъ! Въ бумажкахъ, коими приглашались гости въ театръ, запрещалось стучать ногами и палками. Такъ они что вздумали? давай

хлопать руками въ ладоши; да какъ пріударятъ дружно, такъ ваша музыка! Я такъ и хохочу отъ удовольствія, а они какъ нарочно дразнятъ комедчиковъ, да хлопаютъ, и конечно, отъ досады, что нельзя стучать ногами и палками; даже плачутъ, да знай плещутъ. Это меня въ комедіи только и потѣшило.

Уже въ четвертый разъ бралъ я билетъ — что дѣлалъ всегда, какъ выходилъ изъ театра—четвертый разъ платилъ полтора рубля, что мнѣ очень досадно было, и я не вытерпѣлъ, спросилъ у купчика, продающаго билеты: „скоро ли вы насъ распустите? долго ли вамъ мучить насъ?“

— Это въ вашей волѣ—сказалъ онъ;—отъ чего же, сударь, вамъ театръ такъ скученъ?

NB. Онъ счелъ меня конечно за особу, что все величалъ „сударь“.

Я ему объяснилъ, что мнѣ всѣ три театра, данные въ этотъ вечеръ, понравились очень, а наибольше музыка и зрѣлище прекраснаго пола; но ежели еще это все продолжится хоть однимъ театромъ, то я не буду имѣть возможности чѣмъ платить. Съ этого слова разговорясь покороче, мы стали пріятелями, и онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно бралъ новые билеты на каждое „дѣйствіе“. NB. Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, какъ что должно называть и какъ поступать въ театрѣ.

Хитрый, хитрый городъ! подумалъ я тихонько.

Слово за слово, мы разговорились и очень. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ изъ нашей Малороссійской подсол-

нечной и родомъ изъ Переяслава, учился въ тѣхъ же школахъ, гдѣ и я, и знаетъ очень домине Галушкинскаго. Слыхалъ о нашей фамиліи, и сказалъ, что я попался ему въ руки, какъ земляку, а то бы другіе погрѣли бы около меня руки.

Когда мы такъ дружески разговаривали, то тамъ, въ театрѣ, музыка гремѣла ужасно, и прочіе, т. е. зрители, слушая актерщиковъ, коихъ я прежде по незнанію называлъ „комедчиками", хлопали въ ладоши безъ памяти....

Хитрый городъ! нечего сказать, думалъ я. Нѣтъ того, чтобъ пріѣзжему все разсказать и объяснить, а тѣмъ и удержать его отъ роскоши—платить за билетики на каждый театръ. Будь этакой театръ у насъ, въ Хоролѣ, и пріѣхали бы къ намъ изъ Петербургскихъ мѣстъ гости, я все бы имъ объяснилъ и не далъ бы имъ излишне тратиться. Хитрый городъ! но впередъ не одурачите.

Въ заключеніе бесѣды нашей, пріятель мой, Марко... вотъ по отчеству забылъ, а чуть ли не Петровичъ? ну, Богъ съ нимъ! какъ былъ, такъ и былъ; можетъ, и теперь есть—такъ онъ-то совѣтовалъ мнѣ ежедневно приходить въ театры: тутъ-де, кромѣ что всего насмотришься, да можно многое перенять. При чемъ далъ мнѣ билетикъ на завтра, сказавъ, что будетъ преотличная штука: царица Дидона и опера. Я обѣщался; съ тѣмъ и пошелъ.

Когда, пришедши домой, разсказалъ все случив-

шееся со мною Кузьмѣ, такъ онъ выходилъ изъ себя отъ сердцовъ — и всѣхъ актерщиковъ, и всѣхъ зрителей, кромѣ меня, бранилъ на-поваль: Тулявами, братьями, дядьми и даже отцами того хозяина, что насъ угощалъ въ Тулѣ.

Я, однако же, долго не могъ уснуть. Все мнѣ мерещился прекрасный полъ, бывшій со мною въ театрахъ. Фу! да и красавицы же! откуда ихъ столько навезено сюда?....

Утро провелъ я, любуясь рѣкою, и до обѣда не сходилъ съ мѣста. Любуюсь и не налюбуюсь! Меня занимала мысль все одна: что, если бы эта рѣка да у насъ въ Хоролѣ? Сколько бы добра изъ нея можно сдѣлать? Мельницы чудесныя, винокурни преотмѣнныя! а здѣсь она въ-пустѣ течетъ.

Признаюсь, театры меня занимали, и я пошелъ туда пораньше. Я уже все зналъ: вошелъ бодро и смѣло; поклонился превѣжливо на всѣ стороны, къ верхнимъ и нижнимъ дамамъ, знавши, что все это были особы. Что же? повѣрите ли? а я буду гунствать, если лгу! хоть-бы кто-нибудь кивнулъ мало головою, шаркнулъ ногою! А чтобы сказать: „здраствуйте де, милости-дескать просимъ!“ объ этомъ никто и не подумалъ. Такъ вотъ городъ! вотъ такъ столица! вотъ гдѣ вся политика должна заключаться! О!.... посмотрѣли бы они, ужъ я не говорю о Хоролѣ, ступайте даже въ Кобеляки... такъ подумаете ничего? на сухихъ васъ примутъ? Нѣтъ батюшка!

тамъ замучатъ васъ ласками и надоѣдятъ вамъ привѣтствіями, знаютъ ли васъ или не знаютъ. Но вѣдь разница: Петербургъ и Кобеляки.

Оставя все, я сѣлъ негляже ни на что и, по совѣту вчерашняго пріятеля, совѣтовавшаго мнѣ ничѣмъ не заниматься и ничего не слушать, кромѣ актерщиковъ, я такъ и сдѣлалъ. Какъ ни ревѣла музыка, какъ ни наяривалъ на преужасномъ басѣ какой-то проказникъ, я и не смотрѣлъ на нихъ, и хоть смѣшно было, мочи нѣтъ, глядѣть на этого урода-баса, и какъ проказникъ въ рукавицѣ подзадоривалъ его ревѣть, но я отворотился отъ него въ другую сторону и сохранилъ свою пассію.

Начался однако же театръ. Вотъ театръ, такъ театръ! я вамъ скажу. Въ этотъ разъ я не былъ олухомъ, какъ вчера; я по совѣту моего пріятеля, смотрѣлъ и занимался только тѣмъ, за что деньги заплатилъ, т. е. театромъ; и правду сказать, было чѣмъ заняться и нахохотаться.

Это былъ не просто театръ, а исторія; не умѣю вамъ сказать, выдуманная ли, или настоящая. Только и выйди къ намъ на глаза сама Дидона.... фу! баба отличная, ражая! Да убранство на ней, прелесть! Эта баба и разскажи всѣмъ, при всѣхъ, что она любитъ — какъ говорится до положенія ризъ какого-то Энея: онъ конечно былъ и молодецъ, но не больше какъ прудіусъ, такъ, живчикъ; и я подмѣтилъ, что онъ... такъ, а не то, чтобы жениться.

А напрасно. И я, и всякій посовѣтовалъ бы ему: одно то, что на ней убранства и богателей столько, что было бы чѣмъ вѣкъ прожить. Такъ нѣтъ же! Надобно-де ему куда-то уѣхать. Можетъ была другая сударка, ну, такъ и извинительно. Надобно же на бѣду, что въ эту бабу, Дидону, не знаю далѣе, какъ звали ее, да влюбись... ну, уродъ! мурза! арапъ! Да какъ влюбился! такъ на ножъ и лѣзетъ! Какъ онъ станетъ расписывать свои лютыя страсти, тутъ при всѣхъ при насъ... я такъ и ложусь отъ смѣха!.. Не вытерпитъ никто, такъ смѣшно вдавали, т. е. комедію пускали, какъ должно говорить, „представляли."

Видите ли? я сперва думалъ, что это идетъ по натурѣ, т. е. настоящее, да такъ и принималъ, и потужилъ немного, какъ Дидона въ огонь бросилась. Ну, думаю: пропала душа, чорту баранъ! Анъ не тутъ-то было! Какъ кончился пятый театръ, тутъ и закричали: Дидону, Дидону! чтобъ-дескать вышла на показъ, цѣла ли, не обгорѣла ли? Она и выйди, какъ ни въ чемъ не бывало, и уборка не измята.

Тутъ я и отлилъ штучку, которая много всѣхъ позабавила. Видите ли? вчерашній пріятель сказалъ, что будетъ театръ: Дидона и опера. Вотъ я и вижу и слышу, что эту бабу зовутъ Дидоною; а тутъ другая при ней, кое что прощебечетъ, какъ канареечка, да и спрячется домой. Я и заключи, что это „опера". А дѣвчоночка, цѣлое канальство! бѣла,

румяна.... ну, однимъ словомъ, приглянулась мнѣ. Какъ она выйдетъ къ намъ, я самъ не свой. Грѣшное дѣло и прошлое дѣло, признаюсь: мнѣ показалось, что она взглянула на меня, да такъ — бестія! — нравственно, что я никакъ не выдержалъ, подмигнулъ ей, не очень, а такъ деликатно, съ маленькимъ приклонцемъ. Не знаю, примѣтила ли, поняла ли, догадалась ли, но только уже не выходила. Почувствовавъ позывъ и стремительное желаніе хоть взглянуть на нее, я, когда отпотчивали Дидону сдѣланіемъ ей чести, отшлепавъ тріумфально въ ладоши, я тутъ, узнавъ способъ выкликать и свой предметъ, закричалъ какъ обваренный:

„Опера! опера! Выйди жъ опера хоть на часочикъ!"

Я вѣдь думалъ, что имя ей опера, по словамъ пріятеля моего.

Смѣхъ, крикъ, хохотъ, не дали мнѣ усилить еще крику. Всѣ обратились ко мнѣ, обступили, расспрашиваютъ, кто я, какъ я, чего кричалъ, и обо всемъ хотѣли знать. Натурально, мнѣ таиться не въ чемъ было, а особливо, что они такъ интересно хотятъ все знать. Я и распустился передъ ними и открылъ имъ все, что было на душѣ и за душею. Безъ лести скажу: всѣ были въ восторгѣ и не наслушались меня; усадили меня нѣкоторые между собою и искренно подружились со мною Растолковали мнѣ, что опера не женщина и не дѣвушка, а такъ, показа-

ніе одно, видъ, не знаю, какъ яснѣе сказать, и что вотъ будутъ сей-часъ передъ нами пускать и оперу.

Ну, да и въ самомъ дѣлѣ! Какъ выпустили оперу съ мужчинами, съ дѣвушками, да какими красотками, да съ пѣснями отличными, при всей гармоніи, такъ я и не зналъ, гдѣ я и что я. А особливо одна!.... Посмотришь, снасть вся мужская, а она дѣвка, да еще какая? И вдавала всесвѣтнаго тирана, раздавателя мукъ и радостей, каналью Амура, да какъ живо! да какъ хитро! Кто смотритъ на нее, подумаетъ—она натуральна, анъ нѣтъ: одѣта вся, а это такъ, обманно поддѣлано подъ натуру.... ну, не умѣю разсказать и изъяснить, скажу только, что я заливался отъ хохоту, и что чувствовалъ, выразить не умѣю.

Новые мои пріятели восхищались моимъ восторгомъ и не натѣшились надо мною; распросили, гдѣ я живу, и проч.; я все имъ дружески открывалъ. Съ тѣмъ и разстались, что они обѣщали за мною заѣхать.

„Туляки!“ знай твердилъ мой Кузьма, когда я разсказывалъ ему, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ и что со мною происходило. „Доходитесь по этимъ комедіямъ до того, что и ѣсть нечего будетъ. Скоро ли пріѣдетъ Иванъ Афанасьевичъ и гдѣ-то мы его отыщемъ? Я какъ разсмотрѣлся, такъ этотъ городъ не Хоролъ, а лѣсъ, нѣтъ ни входу, ни выходу. И людей много,

а не можемъ отыскать дому Ивана Ивановича. Такъ пока найдемъ, а вы знай будете ходить по комедіямъ, да по полтора рубля имъ носить, на долго ли станетъ? Уже всего у насъ денегъ дня на три; а какъ сходите завтра, такъ послѣ завтра и сядемъ голодомъ". Такъ высчитывалъ мнѣ Кузьма, а я ему наоборотъ расчитывалъ, сколько я уже имѣю знакомыхъ; не доведутъ до нужды и помогутъ отыскать домъ Ивана Ивановича, гдѣ квартируетъ Иванъ Афанасьевичъ.

Кузьма же па все только и говорилъ: „глядите, такъ ли кончится?"

Однако же онъ нагналъ мнѣ было раздумья, и я чуть-чуть не рѣшился отложить проходокъ въ театры, но какъ вспомнилъ оперу, т. е. уже настоящую вообразилъ дѣвку, что была Амуромъ, привелъ на память, какъ она поетъ разныя штучки и на высшіе тоны какъ влѣзетъ, какъ задребенчитъ, такъ что твои колокола, въ которые звонилъ было братъ Павлусь-покойникъ!

Все это живо вообразивши, я махнулъ рукою и сказалъ громко: хоть голодомъ сидѣть буду, а театрами буду потѣшаться. Съ сими мыслями и уснулъ сладко.

Что же? такъ и вышло. Не успѣлъ проснуться, какъ вчерашніе мои театральные знакомые и прибѣжали за мною, и едва я успѣлъ прифрантиться посвоему, какъ и схватили меня, да къ себѣ. Пошли ласки, угощенія; всѣ были мною очень довольны, не

отходили отъ меня, распрашивали объ моихъ сокровенностяхъ, т. е. житейскихъ, и я имъ все, отъ самаго дѣтства, разсказывалъ дружески, т. е. прямо.

Я и обѣдалъ съ ними, если можно назвать Петербургскіе обѣды обѣдами. Это не обѣдъ, а просто такъ, ничто, тьфу! какъ маменька покойница говаривали и при этомъ дѣйствовали. Вообразите: борщу не спрашивай, потому что никто и понятія не имѣетъ какъ составить его. Подадутъ тебѣ на тарелкѣ одну разливную ложку супу, ѣшь и не проси болѣе, не такъ, какъ бывало въ наше время; передъ тобою миска, ѣшь себѣ молча, сколько душѣ угодно. Между прочимъ зломъ, вошедшимъ въ составъ жизни нашей и называемымъ французскимъ, выпустили они, плуты, еще свой соусъ. Что же это за соусъ? кушанье, что ли? Совсѣмъ напротивъ: по нынѣшнему называется „блюдо". И въ самомъ дѣлѣ, блюдо-то есть, одно блюдо, да на блюдѣ почитай ничего нѣтъ. Пахнетъ, правда, задорно; но начни получать порцію, такъ прямо по блюду скребешь и ничего незахватишь. Такими-то обѣдами Петербургцы потчиваютъ заѣзжихъ гостей! Такими обѣдами лакомили и меня. Что же? едва существовалъ, а жить и не говори. По моему заключенію, тотъ человѣкъ живетъ и наслаждается жизнію, кто услаждаетъ свой вкусъ и желудокъ. Еще въ юношествѣ, а чуть ли и не въ отрочествѣ ли еще, я сочинилъ такое разсужденіе, и тогда домине Галушкинскій, выслушавъ, сказалъ: „bene, домине Трушко!" Слѣдственно, мысль моя неоспорима.

Вотъ на такихъ-то обѣдахъ посидѣвши я голоднымъ, совсѣмъ было исчахъ, и рѣшился поддержать силы и здоровье своимъ произведеніемъ. Заказалъ въ этомъ чудномъ Лондонѣ, гдѣ я, по необходимости, квартировалъ, свои собственныя блюда: борщъ съ молодою индѣйкою, поросенокъ въ хрѣпу, сладкое, утку съ рыжиками, гуся жаренаго съ капустою и вареники. Только вообразите же! глупый кухарь отказался готовить, что у него такихъ продуктовъ нѣтъ, а о вареникахъ онъ и понятія не имѣлъ.

„Кузьма! а что?“ послѣ долгаго осматриванія кухаря, стоявшаго передо мною, спросилъ я своего Кузьму.

— Тула, Туляки!—сказалъ меланхолично Кузьма, стряхивая посредствомъ щелканья съ пальцевъ табакъ, понюханный имъ.

„Да такъ!“ отвѣчалъ я ему послѣ долгаго думанья.

Кухарь ушелъ, а Кузьма, конечно сжалясь надъ моимъ патріотизмомъ, вызвался накормить меня варениками, сказавъ: „не велика штука! я и самъ ихъ налѣплю, былъ бы достатокъ.“

— За достаткомъ дѣло не станетъ—сказалъ я, и пошелъ покупать чего нужно; а Кузьма принялся доставать муки.

Ну хитрый же городъ этотъ Петербургъ! Пошелъ я по лавкамъ вдоль. Такъ что же? выбѣгаютъ, бестіи, и почти за полы хватаютъ, тащатъ къ себѣ въ лавку и кричатъ: „пожалуйте, господинъ пріѣз-

жій". NB. Надобно знать, что я извѣстенъ былъ всему городу Петербургу и, гдѣ бы ни явился, тотчасъ меня спрашивали, давно ли я изъ Малороссіи. Такъ вотъ даже и купчики знали; съ полною охотою предлагали свои услуги и, почитая меня богатымъ, рекомендовали свои товары: тотъ бархатъ, атласъ, парчи, штофы, матеріи; другой ситцы, полотна; оттуда кричатъ: вотъ сапоги, шляпы! и то, и се, и все прочее, такъ, что если бы я былъ богатъ, какъ царь Фараонъ, такъ тогда бы только могъ искупить все предлагаемое мнѣ этимъ пространнымъ купечествомъ. Но что же? и тутъ не безъ хртростей. Уговорятъ, убѣдятъ, упросятъ зайти непремѣнно въ лавку, увѣряя, что все у нихъ найду; зайдешь, спросишь, чего мнѣ надо... а мнѣ нужно было сыру на вареники... спросишь, такъ и надуются и „никакъ нѣту-съ, мы этимъ не торгуемъ!" скажетъ, отворотится и пошолъ другихъ зазывать.

Ну, ужъ народецъ! послушайте далѣе.

Выморившись порядочно отъ ходьбы по лавкамъ, насилу имѣлъ удовольствіе услышать „у насъ-де продается сыръ; сколько вамъ его угодно?"

— Я и самъ не знаю сколько мнѣ угодно, а отвѣсь, голубчикъ, сколько нужно на двѣ персоны для варениковъ!—сказалъ я, желая полакомить нашею пищею вѣрнаго моего Кузьму.

Купецъ былъ такъ вѣжливъ, что предоставлялъ мнѣ на волю взять, сколько хочу, и я приказалъ подать....

Что же.... и теперь смѣхъ беретъ, какъ вспомню! Вообразите, что въ этомъ хитромъ городѣ сыръ совсѣмъ не то, что у насъ. Это кусокъ—просто — мыла! будь я бестія если лгу! мыло, голое мыло – и по зрѣнію, и по вкусу, и по обонянію, и по всѣмъ чувствамъ. Пересмѣявшись во внутренности своей, рѣшился взять кусокъ, чтобъ дать и Кузьмѣ понятіе о Петербургскомъ сырѣ. Принесъ къ нему, показываю и говорю:

„Кузьма! а что это?“...

Онъ, не думавши, тотчасъ и рѣшилъ:—мыло. А на что оно намъ?

„На вареники,“ говорю я аллегорично.

Онъ стоялъ долго, выпуча на меня глаза, потомъ сказалъ: — А давно мы стали собаками, чтобъ намъ ѣсть мыло?

„Отвѣдай!“ говорю я.

Онъ отвѣдалъ.

„А что?“ говорю я.

— Чортъ знаетъ что: ни мыло, ни сало!—сказалъ онъ рѣшительно. Долго мы, совѣтовавшись, не придумали, какъ съ этимъ сыромъ дѣлать вареники. Послѣ того уже узнали мы, что въ Петербургѣ, гдѣ все идетъ деликатно и манерно, нашъ настоящій сыръ называется „творогъ.“ Но уже насъ съ Кузьмою не поддѣли, и мы рѣшились оставаться безъ вареников. То-то чужая сторона!

Пожалуйте же, я, кажется, совсѣмъ отбился отъ матеріи; обращаюсь къ своей цѣли. Съ этими пріяте-

лями и другими, подружившимися со мною, я проводилъ время препріятно. Каждый разъ они водили меня съ собою въ театры, и тамъ я такъ привыкъ, какъ будто дома. Не боялся вовсе чертей, въ адскомъ пламени горѣвшихъ; не любовался и не прельщался актерщицами; я зналъ, что это не натура, а такъ, вдаютъ только. Черти такіе же люди, какъ и я; пламя ихъ не жгущее; красота актерщицъ не истинная, а такъ, красками подведено для нравственности мужчинамъ. Все это узнавши, я до того въ театрахъ бывалъ бодръ и смѣлъ, что, заложивъ руки въ боковые карманы моего необходимаго платья, прохаживался себѣ бодро и негляже ни на кого.

Объявили, что будетъ театръ „Коза“ и какая-то „Рара.“ *) Дай посмотрѣть и этого дива! Пріятели меня привели. Правда, козы не было, но за то и штука была преотмѣнная! Вѣрите ли? какъ запоютъ актерщицы, такъ даже въ ушахъ звенитъ. Прелесть! А тутъ выскочитъ къ нимъ актерщикъ, да и станетъ подлаживать подъ ихъ; да какъ стакаются, онъ и пойдетъ басовымъ голосомъ, а тутъ музыка рѣжетъ свое; такъ я вамъ скажу: такая гармонія на душѣ и по всѣмъ чувствамъ разольется, что невольно станетъ клонить ко сну. Невольно чмокаешь и губы утираешь. Да мало ли чудесъ видѣлъ я въ этомъ, подлинно комедномъ домѣ, что должно называть „театры!“

*) Cosa rara, гремѣвшая въ то время опера.

Вдругъ садъ; не успѣешь налюбоваться, глазомъ мигнуть, уже и домъ, а тамъ городъ, пустыня, море...: какъ это дѣлается — и теперь, хоть сейчасъ убейте меня, не объясню вамъ, потому что не понимаю ничего!... А балеты? вотъ высокая прелесть! Это, изволите видѣть, танцуя дѣйствуютъ, а дѣйствуя танцуютъ.... Но и танцы ничего; а вотъ плясуньи танцорки, такъ это, будь я бестія! сойти съ ума. Молодо, ужасно красиво, да какъ высоко одѣто, да какъ живо, вертляво!... а какъ скакнетъ, закружится, подниметъ ножку.... высокая, самая высокая прелесть!... канальи, да и полно! Черезъ силу оставишь театръ, придешь домой — плясуньи въ глазахъ; ляжешь — плясуньи тутъ, и продумаешь всю ночь о высокихъ прелестяхъ безподобныхъ плясуній, которыхъ у насъ, въ Хоролѣ, и не говори когда либо увидѣть! куда!

Въ одинъ театръ, только что мои милыя со всѣмъ усердіемъ расплясались въ лѣсу, я слушаю, восхищаюсь, и былъ готовъ вздремнуть: вездѣ все тихо, будто и все уснуло; вдругъ, сзади насъ, раздается громкій рѣзкій голосъ: „Панычу, говъ!“ Все засуетилось всполошилось; многіе вскочили, актерщицы замолкли, музыка смѣшалась.... слышенъ шумъ; кого-то таскаютъ, удерживаютъ, а онъ барахтается и кричитъ: „Та гетьте, пустите, я за панычемъ!“ Всѣ смотрятъ туда, и я за ними.... глядь! анъ это бѣдный мой Кузьма попался въ истязаніе!...

Жалость меня взяла; я бросился на выручку моего

вѣрнаго Кузьмы, а его уже подхватили подъ руки и ведутъ, не слушая моихъ увѣреній, что это мой Кузьма.... Куда! такъ и исчезъ въ глазахъ моихъ!

Ужъ мнѣ было не до театровъ и не до актерщицъ; пропадай все, жаль одного Кузьмы. Мы съ нимъ двое заѣзжіе были, теперь я одинъ остался, а его, можетъ, запроторятъ на край свѣта. Въ такихъ чувствительныхъ мысляхъ отправился я домой.... глядь! въ квартирѣ сидитъ у меня Иванъ Афанасьевичъ, мой повѣренный Горбъ-Маявецкій....

Вотъ какъ это случилось, что онъ меня неумышленно нашелъ.

Пріѣхавши въ этотъ Петербургъ, онъ прямо къ Ивану Ивановичу.... меня нѣтъ и не было. Принялись они разыскивать; стояло въ запискѣ, что я въѣхалъ, но гдѣ остановился, никто изъ начальствующихъ не заботился. Меня и безъ того всѣ знали. Горбъ-Маявецкій подумалъ было, что я и совсѣмъ пропалъ, и недоумѣвалъ, какъ безъ меня начать дѣло, потому что не-кому было отхватывать: „къ сему прошенію“.... Какъ вдругъ попадается ему книжечка, да не такая, чтобъ книжечка настоящая, а, таки, чепуха. Изволите видѣть: Петербургъ хитрый городъ, и люди въ немъ живутъ на всѣ руки. Нѣкоторые и примутся за особый промыселъ. Дѣло не дѣло, правда не правда, слышалъ или выдумалъ, да все это въ строку; напишетъ, отпечатаетъ въ книжечку, да и разсылаетъ по городу и по всему свѣту. Состряпавши

одну, принимается за другую, и такъ чрезъ весь годъ; а за все это денежки и лупятъ. Какъ же надобно, чтобъ застоя не было, такъ онъ въ своихъ книжечкахъ дуетъ, что зря. Тамъ и любовь всѣхъ сортовъ, и всякая механика, и про пирожное, и про актерщицъ, и про сапоги.... однимъ словомъ про все, что этому проказнику на мысль придетъ. Какъ же не всегда у человѣка мысли бываютъ, такъ онъ и пустится по улицамъ; что подмѣтитъ, а что, ходя, выдумаетъ, да тотчасъ и въ списокъ, что при себѣ такъ иноситъ.

Хитрый городъ!

Въ одинъ день этотъ публичный балагуръ и прійди къ рѣкѣ; увидя меня и познакомься со мною; вотъ какъ я разсказывалъ, да всѣ мои рѣчи, что я тогда, сидя надъ рѣкою Невою, ему по дружбѣ говорилъ, умныя и, такъ, расхожія, всѣ въ списокъ, за пазуху, да и домой; а тамъ въ свою книжечку, да въ печать, хвативши, правду сказать, многое и на душу ради смѣха, да и ославь меня по всей подсолнечной. Пошли читать всѣ.

Эта книжечка, какова ни есть, попадись въ руки моему Горбу-Маявецкому. Прочиталъ, и узналъ меня живьемъ. Принялся отыскивать; отыскалъ Петербургскій Лондонъ, а меня нѣтъ, я любуюсь актерщицами. Онъ Кузьму за мною: призови-дескать его ко мнѣ. Кузьма отыскалъ театръ, да и вошелъ въ него. Какъ же уже послѣдній театръ былъ, и на исходѣ, то ни-

кто его и не остановилъ. Войдя, увидѣлъ кучу народу, а въ лѣсу барышни гуляютъ; онъ и подумалъ, что и я тамъ гдѣ съ ними загулялся. Вотъ и сталъ по своему вызывать.

Не дешево достался ему этотъ вызовъ! Его потащили и заперли въ преисподнюю, пока до завтра, а тогда распросъ. Пошелъ Кузьма городить околесную! Онъ говорилъ дѣло, да его не понимали. Онъ правильно отвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ Хорола съ панычемъ съ Трофимомъ съ Мироновичемъ съ Халявскимъ; что я ему нуженъ былъ, и потому онъ и звалъ меня. Ему дали *памятное* наставленіе, чтобы онъ впередъ иначе отыскивалъ своего господина, а Кузьма, этимъ не удовольствовавшись, началъ спорить и доказывать, что когда панычъ ему нуженъ, такъ онъ вездѣ пойдетъ и будетъ кричать, отыскивая его. Чтобы убѣдить его, что онъ ошибается, ему поручили чистить улицы, и вечеромъ, не накормивши, прислали его ко мнѣ. Ну досталось же и притѣснителямъ его! Куда! Кузьма цѣлый вечеръ ругательски ихъ ругалъ и, лежа въ своей конуркѣ, все вертѣлъ шиши и посылалъ въ ту сторону, гдѣ его такъ поучили. И по дѣломъ имъ! Такъ напасть на безвиннаго человѣка и обругать его!

Радость наша при свиданіи съ Иваномъ Афанасьевичемъ была неописанна. Онъ радовался тому, что отыскалъ меня; а я радовался, что нашелъ его. Онъ боялся за меня, что меня неопытнаго, незнающаго свѣта, одного въ чужихъ людяхъ оберутъ, обманутъ

(NB. Не на таковскаго напали! Только и обобрали въ Тулѣ, да въ театрѣ за лишніе билетики, да за сапоги, что я купилъ себѣ щегольскіе, смазные, а подошвы были не пришиты, а приклеены; обобрали еще меня разные парикмахеры, цырюльники и проч.; издержалъ многонько денегъ для вспоможенія бѣднымъ; но это въ счетъ нейдетъ. Вотъ только и лишняго расхода. Куда меня обмануть кому либо!); я же обрадовался, нашедши Ивана Афанасьевича потому, что у меня не оставалось вовсе денегъ; и на завтра, не только обѣдать, но и въ театры идти не съ чѣмъ было.

Спасибо ему: онъ расчитался за меня съ хозяиномъ Лондона, и хотя много шумѣлъ, что лишняго много было на меня приписано, чего я и не употреблялъ вовсе, но долженъ былъ заплатить, и вывезъ меня въ домъ къ Ивану Ивановичу, пріятелю своему.

Прошу же покорно отыскать домъ Ивана Ивановича, когда онъ былъ очень далеко и въ такомъ глухомъ мѣстѣ, что и доступиться къ нему не можно было! Но домикъ очень порядочный, комнатъ шесть, и въ нашемъ Хоролѣ онъ былъ бы изъ первыхъ.

Ивану Афанасьевичу ничто не нравилось въ моемъ одѣяніи и во всей наружности: вслѣдствіе чего обшитъ я былъ съ головы до ногъ снова. Фу, ты канальство! что за франтъ вышелъ изъ меня! Сапоги со скрипомъ, фалды у кафтана такъ и болтаются; въ карманѣ платокъ бѣлый, чистенькій на каждый день,

съ красными краешками. Все было мило и щегольски. Я не могъ налюбоваться собою. Давалъ мнѣ деньги и на радости жизни, наприм. въ театры, на апельсины и др. лакомства. Самъ же онъ занялся по моему дѣлу, а я обязанъ былъ разъ пять въ день подписывать ненавистное мнѣ „къ сему прошенію.“ Одинъ разъ повезъ меня къ судьямъ, у коихъ было мое дѣло, безъ надобности, а такъ, для блезиру, на показъ. Каждый изъ судей заговаривалъ со мною меланхолично, и при мнѣ говорили, что я жалкій молодой человѣкъ, безъ образованія. Не знаю, что они разумѣли; но я былъ очень хорошо образованъ: платье все по послѣдней модѣ, волосы на головѣ завиты, взъерошены, распудрены.... Какого же образованія? Больше я къ нимъ не пожелалъ ѣздить, и Иванъ Афанасьевичъ не находилъ въ томъ надобности.

Получивши отличное, щегольское образованіе, и не имѣвши, чѣмъ заняться, я не хотѣлъ по-пусту сидѣть дома. Притомъ же возгорѣлась во мнѣ прежняя мыслишка, чтобы женить себя. Гдѣ удобнѣе это сдѣлать, какъ не въ Петербургѣ? Женскаго пола тьма тьмущая, и каждая красавица, и каждая имѣетъ все необходимое показаться въ свѣтѣ, потому что вѣчно увидишь ихъ кучи на улицахъ, или гуляющихъ, или по дѣламъ своимъ идущихъ. Выбирай только любую. Но я располагалъ иначе. Выбрать на улицѣ изъ встрѣчающихся—это никуда не годится, и мнѣ ли, пану Халявскому, такъ жениться? Хотя, безпристрастно ска-

зать, страстишка велика была, какъ бы ни жениться, да жениться; но я помнилъ все, чѣмъ обязанъ былъ роду своему. Я хотѣлъ, чтобы моя жена имѣла тонъ въ обществѣ, т. е. голосъ звонкій, заглушающій всѣхъ такъ, чтобы изъ-за нея никто не говорилъ; имѣла бы столько разсудка, чтобы могла говорить безпрестанно, хоть цѣлый день (по сему масштабу—говаривалъ домине Галушкинскій—можно измѣрять количество разума въ человѣкѣ: глупый человѣкъ не можетъ-де много говорить); имѣла бы вкусъ во всемъ, какъ въ вареньѣ, такъ и въ соленіи, и знала бы тонкость въ обращеніи съ кормленною птицею; была бы тщательно воспитана, и потому была бы величественна какъ въ объемѣ, такъ и въ округлостяхъ корпораціи. Худыхъ, не только женъ, но и вообще людей худыхъ не люблю, по неоспоримому—все же домине Галушкинскимъ изобрѣтенному—силлогизму: что худо, то и не хорошо.

Положивши на мѣрѣ, какой комплекціи мнѣ нужна жена, я полагалъ: пусть лучше въ меня нѣсколько изъ нихъ влюбится, и тогда изъ десятка можно будетъ избрать для меня симметрическую. На таковъ конецъ, разодѣвшись самымъ щегольскимъ штилемъ, я ходилъ изъ улицы въ улицу.... Скажу безъ лести, многія на меня посматривали, и тутъ я долженъ былъ проходить нѣсколько разъ мимо тѣхъ же оконъ, но предметъ страсти моей скрывался, а на ея мѣсто выходилъ слуга и безъ всякой политики говорилъ, чтобы

я пересталъ глазѣть на окна, а шелъ бы своею дорогою, иначе.... ну, чего скрывать Петербургскую грубость?... иначе — говоритъ — васъ прогонятъ палкою. Подумаешь—и это Петербургъ? У насъ въ Хоролѣ не такъ!

Бывалъ и въ такихъ улицахъ, гдѣ не только на меня смотрѣли, кланялись, приглашали къ себѣ. Но.... какихъ-то людей въ Петербургѣ нѣтъ! Во всѣхъ частяхъ хитрый городъ!

Я все ходилъ, но къ женитьбѣ не подвинулся ни мало; а Иванъ Аѳанасьевичъ покончилъ всѣ свои дѣла и выигралъ мою тяжбу. Присуждено было принадлежащую мнѣ часть возвратить, всю сполна, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, и уплатить за всѣ годы слѣдующую мнѣ часть дохода. А что Петрусь? что взялъ? Я теперь, какъ выражаются у насъ, цѣлою губою панъ. Роду знатнаго: предокъ мой, при какомъ-то Польскомъ королѣ бывши истопникомъ, мышь, безпокоившую наияснѣйшаго пана круля, ударилъ халявою, т. е. голенищемъ, и убилъ ее до смерти, за что тутъ же пожалованъ шляхетствомъ, наименованъ вас-паномъ Халявскимъ, и въ гербовникъ внесенъ его гербъ, представляющій разбитую мышь и сверхъ нея халяву—голенище — орудіе, погубившее ее по неустрашимости моего предка. И такъ прямая, чистая, благородная кровь обращалась въ жилахъ моихъ; самъ собою былъ я очень недуренъ, даже хорошъ; обороты мои и всѣ ухватки щегольскіе; кла-

нялся значительно, ходилъ важно и все-таки хорошо. Что небольшаго чина, это ничего: хоть малъ чинъ, но заслуженный. А достатокъ? тьфу ты, канальство! достатокъ такой, что на, да поди! Сколько душъ, земли, домашней богатели!... Будь я гунстватъ, что если бы не выѣхалъ такъ скоро изъ Петербурга, то вѣрно такую бы сударку подхватилъ, что изъ-подъ ручки посмотрѣть.

Но надобно было оставить Петербургъ. А что я въ немъ видѣлъ и какимъ его замѣтилъ, опишу свое мнѣніе.

Санктпетербургъ городъ большой, обширный, пространный, многолюдный. Пышный, огромный, великолѣпный, красивый—все правда; но хитрости въ немъ на каждомъ шагу; такъ тамъ люди заучены. Будто и знакомится, будто и дружится съ вами, а это съ тѣмъ, чтобъ отъ васъ воспользоваться. Я самъ дѣлалъ такъ. Пока отыскалъ своего Горба-Маявецкаго и былъ безъ денегъ, то нарочно старался отыскивать побольше пріятелей, чтобы они звали съ собою обѣдать и въ театры водили. Обѣдъ, совсѣмъ не обѣдъ, а лишь бы деньги содрать. На театрахъ нѣтъ натуры, а все выманка денегъ: черти не черти, а наряженные люди: будто королева, а смотри—она жена актерщика. Всѣ актерщицы вовсе не красавицы, а такъ подправлены. Въ театръ приглашаютъ, прося сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, а денежки берутъ. На нихъ глядя, и многіе хозяева домовъ просятъ знакомыхъ

пожаловать откушать; вотъ и накормилъ, да потомъ какъ завинтитъ ихъ въ карточки, и обѣдъ съ лихвою возвратится. Прекрасный полъ точно прекрасенъ, даже бываетъ и очень красенъ отъ неумѣренности въ придачѣ себѣ красоты или краски. Вовсе не любовнаго сложенія, на мужской полъ никогда не глядятъ съ любезностью; это я на себѣ испыталъ. Такихъ балагуровъ, какъ меня въ книжечкѣ описалъ, не мало: будто для потѣхи другихъ сбываютъ свои книжечки— пустое! они за нихъ деньги пріобрѣтаютъ; иначе, чтобы ему за охота ночь и день мучить себя выдумываньемъ, да писаньемъ. И все такъ, все такъ, до послѣдняго. Такъ вотъ этотъ Санктпетербургъ! Правда, таковъ былъ при мнѣ, а я въ немъ былъ давно; можетъ, теперь и перемѣнился, какъ и все на свѣтѣ измѣняется.

Но каковъ бы онъ ни былъ, а я въ немъ находился—что формально и доказалъ Лаврентію Степановичу, нашему-таки сосѣду. Онъ-было вздумалъ отвергать, что я де не былъ въ столицѣ, а это дескать я, наслышавшись отъ другихъ про Неву, про театры, про слона и другія драгоцѣнности, выдаю за видѣнное самимъ. Какъ же я припустилъ на него! И началъ ему доказывать—и все Петербургскимъ штилемъ, какимъ у насъ не могутъ говорить—что я именно видѣлъ, что за деньги, а что и безъ денегъ: мосты, крѣпости, корабли и все, и все. Такъ онъ и языкъ прикусилъ. Тото-же!

Надобно сказать правду, какъ мнѣ трудно было, пріѣхавши изъ Хорола, переучивать свой языкъ на Петербургскій штиль и говорить все высокопарными словами, коими я описывалъ выше жизнь мою въ столицѣ: такъ тяжело мнѣ было переучиваться на низкій штиль, возвратясь въ Хоролъ. Вотъ съ этой точки Петербургъ неизъяснимо хорошъ. Сколько въ немъ людей, говорящихъ по часу безъ умолку, да такъ отборно, да такъ высоко, что не поймешь предмета, о чемъ онъ говоритъ и что хочетъ сказать. Завидно! А какъ этакая голова, да испишетъ свои мысли на бумагу, да собьетъ съ того книжечку? Ахъ, ты Боже мой! не разстался бы съ нею, не выпустилъ бы изъ рукъ. Мастерство необыкновенное! именно чудно! Буквы и слова русскія, да прошу толку доискаться! И не говори! глубина премудрости, да и только. Полюбивши этотъ методъ, я позанялся имъ и довольно-таки успѣлъ. Гдѣ надобно, при оказіи, блеснуть, я и распущу свою философію.... слушаютъ голубчики-провинціалы, развѣся уши, и удивляются моему уму; а мнѣ это и не стоитъ ничего: напоролъ дичи Петербургскимъ штилемъ и—знай нашихъ!

Пустились мы съ Иваномъ Аѳанасьевичемъ въ обратный путь; Кузьма сидѣлъ со мною и тутъ то онъ мнѣ поразсказалъ каковъ ему показался Петербургъ! Это чудеса! Я умиралъ со смѣху. Онъ обо всемъ судилъ превратно и иначе, нежели я. Когда проѣзжали чрезъ Тулу, я не забылъ его подразнить услужливымъ

хозяиномъ; а Кузьма сердился и ругалъ его всячески.

Безъ всякихъ приключеній совершили мы путь, потому что Иванъ Аѳанасьевичъ всѣмъ распоряжалъ, и благополучно прибыли въ свой Хоролъ. Мой знаменитый родительскій берлинъ безжалостный Горбъ-Маявецкій промѣнялъ на веревочныя постромки, необходимыя въ дорогѣ. Лишась покойнаго экипажа, я всю дорогу трясся въ проклятой кибиткѣ и долженъ былъ пролежать цѣлую недѣлю, пока исправилось все растрясшееся существо мое и поджило избитое во многихъ мѣстахъ.

Горбъ-Маявецкій не отпустилъ меня изъ своего дома, пока-де не окончу дѣла и не приму слѣдующаго вамъ имѣнія. Пожалуй. Мнѣ очень недурно было жить у него. Его дочь, прежде бывшая Анисинька, а нынѣ ставшая Анисья Ивановна, потому что была дѣвушка уже со всѣми формами и въ полной комплекціи, требуемой для невѣсты. Она мнѣ послѣ дороги очень приглянулась, и я старался увиваться около нея на Петербургскій фасонъ. Анисья Ивановна, замѣтно было, отъ того не прочь: но какъ дѣвица воспитанная въ пансіонѣ, такъ все дѣйствовала съ маленькою меланхоличностью и ужимками. Наприм., когда мы оставались вдвоемъ, и со всею страстью я смотрѣлъ ей въ глаза, то и она дѣлала мнѣ симметрію и улыбалась такъ же мнѣ, какъ и я ей; но я вздохну, а она молчитъ; я хочу взять

ея руку, а она спрячетъ ее подъ фартукъ. Занимаясь съ нею долго сидѣньемъ вдвоемъ и молча, я, ради скуки, предложу ей идти въ проходку, она наморщится и скажетъ: „это неприлично“. Странныя сужденія были у нея: предпочитала битыхъ два часа сидѣть со мною и молчать, а на прогулку не рѣшалась. Можетъ быть, она находила первое великимъ для себя удовольствіемъ? Я же напротивъ: я не влюблялся въ нее и не былъ къ тому расположенъ, а такъ, дѣйствовалъ по натурѣ и искалъ нравственности. Но что значитъ судьба, и кто можетъ идти противъ предѣла ея? Вотъ увидите, что тутъ выйдетъ.

Горбъ-Маявецкій, возвращаясь отъ своихъ по судамъ занятій домой, всегда, бывало, подшутитъ надо мною и скажетъ: „а нашъ молодецъ все около барышни?“ то жена его и промолвитъ:—это что-то не даромъ. Ужъ нѣтъ-ли чего?—Я же, чтобъ показать вѣжливость и что бывалъ въ свѣтѣ, шаркну по-Петербургски и отпущу словцо прямо, просто, по-дружески: „помилуйте, это просто безъ причины, пуръ пасе летанъ“. Они на такое Петербургское привѣтствіе, не понявъ его, и замолкнутъ.

Хорошо. Въ одинъ день Иванъ Афанасьевичъ, возвратясь изъ судовъ, началъ мнѣ объяснять довольно аллегорически, что и здѣсь всѣ дѣла мои кончены и велѣно мнѣ принять отъ брата имѣніе. „Такъ видите-ли“, заключилъ онъ, „какою вы мнѣ благодарностью обязаны? Я, одинъ я все вамъ это обработалъ.“

Тутъ я началъ со всею искренностью и довольно меланхолически благодарить его и показывать ему свою готовность отблагодарить ему, чего онъ пожелаетъ.

„Мнѣ, персонально, ничего не нужно“, перервалъ онъ: „но я отецъ; мнѣ дорого счастье моей дочери. Она, я вижу, страдаетъ; я боюсь... и долженъ вамъ открыть....“ Тутъ онъ нюхалъ табакъ и не находилъ, что сказать.

Я очень ясно понялъ, въ чемъ дѣло и, полагая, что не его, а дочь долженъ отдарить за труды, имъ понесенные, разсудилъ подарить Анисьѣ Ивановнѣ золотой перстень, который маменька, очень любя, носили во всю жизнь до самой кончины, и на немъ былъ искусно изображенъ поющій пѣтухъ. Полагая, что такой подарокъ будетъ приличенъ, сказалъ, право, безъ всякаго дурнаго намѣренія: „мое главное желаніе устроить ея счастіе (разумѣя перстнемъ), и если мое счастье такое....“

— Право? — воскликнулъ Горбъ-Маявецкій: — такъ обними же меня, любезнѣйшій зять! — и съ симъ словомъ обнялъ меня крѣпко, производя даже икоту — и, не допуская меня ничего сказать, закричалъ относительно: „Анисинька! иди обними своего жениха!“

Судьба видно такъ устроила, что ихъ Анисинька стояла въ это время за дверью, потому что, при первомъ словѣ нѣжнаго родителя, она уже и тутъ и — скокъ! — прямо мнѣ на шею и обвила своими руками, и вскрикнула: „твоя на вѣки!“....

Никому бы не повѣрилъ, если бы не испыталъ самъ, что значитъ сила любви и сила судьбы! Я говорилъ, что не былъ влюбленъ въ эту Анисиньку и скажу безъ меланхоліи, прямо: есть ли она, нѣтъ-ли—для меня было все равно, и если и подпускалъ ей буры, такъ чтобы не быть для нея скучнымъ. При чемъ какъ въ дѣлѣ прошломъ, фундаментально сознаюсь, что, когда обнялъ меня Иванъ Афанасьевичъ и назвалъ зятемъ, я хотѣлъ объяснить ему все дѣло, и что я, вмѣсто своего сердца, подношу перстень съ пѣтухомъ и сказалъ бы, точно сказалъ бы; но тутъ кстати привести слова стихотворца:

„Знать судьбины такъ желали!“

и я не сказалъ ни пол-слова. А тутъ Анисинька какъ прищемила меня своимъ сердцемъ къ своему сердцу, сдѣлалось столкновеніе нашихъ сердецъ, а тутъ, конечно, явился и незваный раздаватель любовнаго пламени, самъ Купидонъ или Амуръ, и поразилъ своею пламенною стрѣлою мое сердце, которое такъ и запылало!... Ни думано, ни гадано, я очутился страстно влюбленнымъ въ Анисиньку и, будь я бестія! если не отъ одного только ея прикосновенія!... Вся кровь моя взволновалась, въ глазахъ зарябѣло, ничего ясно не вижу, а кого-то цѣлую, и не пойму, кто и меня цѣлуетъ.... Для меня это была восхитительная минута....

И слова ея, въ существѣ своемъ, такъ, флегмати-

ческія, но какъ произнесены были ею со всею силою любви, то и отозвались во всѣхъ пружинахъ души моей до того, что я невольно провозгласилъ: „твой на вѣки! какъ я счастливъ!“....

— Нѣтъ, я счастлива, какъ вы избрали меня въ подруги своей жизни—такъ сказала она, приклонясь къ моему плечу.... О! она была многому обучена, какъ окажется послѣ; знала всю иностранную миѳологію, оттого и отвѣчала съ такою остротою.

Чтобъ показать себя, что я не даромъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, я началъ шаркать и хотѣлъ-было отпустить какое-нибудь Петербургское бонмо, которыхъ у меня запасено было порядочное количество.... но тутъ открылась новая, трогательная картина....

Когда мы упражнялись въ открытіи родившейся въ насъ любви и сообщали другъ-другу сладостныя, первоначальныя объятія, тутъ явились родители моей Анисиньки, отнынѣ ставшіе уже моими; начали насъ благословлять и называть сладкими именами: „сынъ.... дочь.... дѣти.... любите другъ друга, будьте счастливы!...“ Я не могъ утерпѣть и пролилъ нѣсколько радостныхъ скорбныхъ слезъ! Отъ сильнаго чувства я отошелъ въ сторону и предался размышленіямъ. „Кто бы повѣрилъ, чтобы я такъ былъ счастливъ? Насилу нашлась же дѣвушка, которая полюбила меня до того, что безъ принужденія выходитъ за меня. Да еще какая дѣвушка!“ Тутъ я началъ смотрѣть на нее глазами страстнаго любовника и нашелъ въ ней все

совсѣмъ противное отъ первыхъ моихъ на нее воззрѣній. Все то, что было въ ней нехорошо, и даже не нравилось мнѣ, совершенно исчезло и, на то мѣсто, все явилось прелестно. На что ни погляди, какъ ни осматривай, все восхитительно! Вотъ какова сила судьбы и сила любви! Кто Трофимъ Мироновичъ Халявскій и кто Анисья Ивановна Горбъ-Маявецкая? Востокъ и Западъ. Гдѣ былъ я и гдѣ она? На Сѣверѣ и Югѣ. А теперь судьба, все это судьба свела и соединила во едино. Судьба, судьба! Кто противъ тебя?!

Послѣ первыхъ восторговъ и поздравленій новые родители мои начали устраивать благополучіе наше назначеніемъ дня соединенія судьбинъ нашихъ въ одну; имъ хотѣлось очень поспѣшить, но Иванъ Афанасьевичъ сказалъ, что ближе не можно, какъ пока утвердится раздѣлъ мой съ братьями. Нечего было дѣлать, отложили.

Во все это время я былъ неотступенъ отъ Анисиньки. И сколько я открылъ въ ней достоинствъ! Тьфу ты, мои батюшки! Во-первыхъ она бѣгло читала всякую россійскую книгу; скоропись — середка на половинѣ, но подтвердивши, уже не запиналась. Играла на клавирѣ нѣсколько штучекъ и подъ часъ на варіаціи подымалась. Чуть-было только выйду къ ней, она за музыку и примется; не отвѣчаетъ мнѣ ничего, а все услаждаетъ меня пѣсенками. Въ такой степени была любовь ея ко мнѣ! Но когда, съ громомъ музы-

ки, начнетъ пѣть, то... о природа! я ничего разительнѣе не слыхалъ! До того чувства мои оледенятся, что я нечувствительно усну и сплю крѣпко близъ нея, вселенную забуду! Разбужаютъ уже къ обѣду; а по обѣдѣ опять тѣже занятія наши. Подумаешь, какъ сильна любовь въ человѣческихъ сердцахъ!

Странное однакожъ дѣло. Когда я сижу близъ своей Анисиньки, точно какъ Амуръ близъ Венеры, тутъ я чувствую всю силу любви, страстный пламень жжетъ меня, и я сѣтую на медленность въ совершеніи нашего брака. Готовъ было бы въ тотъ же день все покончить. Эти чувства владѣли мною при ней. Но лишь спускалъ ее съ глазъ, чувствовалъ въ себѣ довольно равнодушія, даже и не влекло меня къ ней никакое внутреннее стремленіе. Чтоже! Я забывалъ даже, что я сговоренъ и обладаю такою прелестною невѣстою; но лишь выйду къ утру изъ вѣжливости, глядь на нее, и какъ порохъ вспыхну.... къ ней—и не отхожу отъ нея вплоть до вечера. Это конечно было во мнѣ бореніе природы съ любовью. Когда я оставлялъ любовь при Анисинькѣ и ходилъ отъ нея, тогда природа торжествовала; когда же я встрѣчался съ Анисинькою, тогда любовь, неотлучная спутница ея прелестей, нападала на меня и прогоняла или усыпляла природу. Другой дефиниціи, по методу Галушкинскаго, я не могъ вывести.

Скажу признательно, т. е. по совѣсти: бракъ этотъ казался мнѣ унизительнымъ для текущей во мнѣ зна-

мѣшитой крови древняго благородствомъ дома Халявскихъ. Изволите видѣть: Иванъ Афанасьевичъ былъ прежде Иванька, и по проворству въ своихъ оборотахъ отданъ былъ помѣщикомъ своимъ Горбуновскимъ (древняго рода) въ наученіе одному ходоку по дѣламъ, сирѣчь, повѣренному, для пріученія къ хожденію по тяжебнымъ дѣламъ, коихъ у пана Горбуновскаго по разнымъ судамъ была бездна; для хожденія по коимъ хотѣлось ему имѣть своего собственнаго повѣреннаго, на коемъ онъ могъ бы взыскать, въ случаѣ проигрыша какой тяжбы; поелику наемные повѣренные часто предавались противникамъ пана Горбуновскаго и раззоряли его нещадно разнородными требованіями. Иванько Маяченко скоро набилъ руку въ дѣлахъ до того, что товарищи его по ремеслу боялись состязаться съ нимъ. Тяжбы своего пана Горбуновскаго размножилъ онъ до невѣроятности. Изъ каждаго процесса, кои десятками считались, онъ развилъ по шести, по семи. Столѣтія нужны для окончанія всѣхъ ихъ.

При подписаніи сотенъ прошеній, Иванька Маяченко подсунь пану Горбуновскому отпускную себѣ въ роды родовъ и на вѣчныя времена; а тотъ, не читавъ, да и подмахни. Хорошо. Вотъ Иванька и опредѣлись въ какую-то канцелярію и выслужилъ чинъ, и сталъ уже Иванъ Маявецкій. Панъ Горбуновскій, за своими процессами, этого и не знаетъ, знай подписываетъ, да вмѣстѣ и подпиши, что Иванъ Маявецкій происходитъ отъ одного съ нимъ рода благо-

родной крови, въ древности именовавшагося Горбъ, по коему онъ и пишется Горбуновскій; а другая отрасль, отъ одного Горба происходящая, пишется Горбъ-Маявецкій, отъ коихъ истинно и безспорно произошелъ сей „Иванъ Афанасьевичъ Горбъ-Маявецкій“ и есть ближайшій ему родственникъ. Съ такою бумагою Иванъ Афанасьевичъ пролѣзъ и въ дипломные дворяне и бросилъ всѣ тяжбы своего господина.

Панъ Горбуновскій, узнавъ все дѣло досконально, схитрилъ, зазвалъ къ себѣ бывшаго повѣреннаго, принялъ его чинно, полюбопытствовалъ видѣть дипломы, положилъ ихъ на скамью и на нихъ расположилъ своего повѣреннаго.... да какъ отчистилъ!.... что тотъ на-силу всталъ. Панъ Горбуновскій прочиталъ тогда всѣ бумаги, призналъ и подтвердилъ правильность ихъ, назвалъ его своимъ родственникомъ и чинно отпустилъ во-свояси Вотъ ходъ дѣла, по коему Иванька Маяченко сдѣлался изъ крестьянъ пана Горбуновскаго самъ Иваномъ Афанасьевичемъ Горбъ-Маявецкимъ и новымъ моимъ родителемъ.

Таковое его происхожденіе меня крѣпко щекотало, и чтобы сказали батенька, если бы отъ нихъ зависѣло согласіе на мой бракъ? Ни за-что бы не согласились смѣшать кровь свою съ холопскою. А если бы и маменька вздумали дожить до сего времени? Тѣ бы уже и руками и ногами забрыкали, не соглашаясь, чтобы ихъ невѣстка „была письменная“. О маменька, маменька, встаньте хоть на часокъ изъ гроба и

разсмотрите дѣло! Вы увидите, что уже необходимо женскому полу имѣть умъ. Безъ того нельзя. Необходимо знать и науки. Нынче онѣ уже не занимаются вашими благодатными предметами, предоставили это своимъ служанкамъ-экономкамъ, а сами.... Но что говорить! ихъ не переучишь на старый ладъ.

А такимъ-то побытомъ, на Анисинькѣ ли бы я женился, или на другой какой, все бы жена была бы умная и ученая. Въ наше время неизбѣжно зло—имѣть такую жену.

Все это я соображавши въ умѣ своемъ, когда былъ безъ Анисиньки, слѣдовательно внѣ любви моей, крѣпко морщился отъ неравенства брака, и иногда, подъ часъ, приходили разныя мыслишки: то написать письмо и изложить всѣ препятствія и причины къ моему нехотѣнію; или уѣхать, не сказавши куда и зачѣмъ; заѣхать подальше и жить тамъ, пока судьбина съ Анисинькою не устроитъ иначе. Первое средство было для меня тяжело и неудобоисполнимо: я не могъ терпѣть никакого писанья. Послѣдняго же не могъ исполнить, потому что не имѣлъ ни копѣйки денегъ на дорогу, а безъ того нельзя. Такія мысли колебали меня въ моемъ одиночествѣ; но когда я выходилъ въ нашу компанію, Анисинька взглядывала на меня своими черными, блестящими глазами, я цѣловалъ ей на добрый день ручку, вспоминалъ, что скоро всѣми этими драгоцѣнностями буду обладать безспорно, вся моя мехлюдія и пройдетъ, и я запылаю прежнимъ пламе-

немъ. Подумаешь, какъ любовь сильна и всемогуща! Она не смотритъ на неравенство рода, на низость крови; все равняетъ, заставляетъ презрѣть все и искать однихъ наслажденій своихъ.

Не всегда мы занимались музыкою въ нашемъ полюбовномъ обращеніи. Когда наскучитъ Анисинькѣ бренчать на клавирѣ, она и пристанетъ ко мнѣ: „полно-те дремать; поговоримъ-те, какъ мы будемъ жить?“

Тутъ я ободрюсь и пущусь въ разсужденія. По всѣмъ предметамъ у насъ будетъ идти ладно, но въ одномъ мы не соглашались тогда, и даже въ супружеской жизни; это дѣти. Анисинька увѣряла, что очень хорошо и должно имѣть дѣтей побольше разныхъ половъ, потому-де что сыновья переженятся, дочери выйдутъ за-мужъ, семейство будетъ большое, съѣдутся, будетъ весело — игры, пляски и разныя потѣхи. NB. Анисинька была веселой комплекціи, любила танцовать и хорошо плясывала. Ужъ какъ отожжетъ „казачокъ“ и всѣ двѣнадцать фигуръ, какъ орѣшекъ раскуситъ... О! она въ пансіонѣ воспитывалась. Такъ вотъ пожалуйте-же, обратимся къ нашей матеріи. Я же, напротивъ, желалъ небольшаго количества дѣтей: двѣ три штуки — и баста! Знаю по себѣ, сколько насъ было у батеньки: шумъ, пискъ, визгъ! Куда за всѣми присмотрѣть, приодѣть ихъ? А выростутъ? Шалости, проказы, своевольства... Не хочу большаго числа дѣтей.

Анисинька было и разсердится, а я тутъ и поддамся; начну аллегорически соглашаться, а тутъ свое

думаю. Поддался ей и помирился. Въ одинъ день, среди такихъ нѣжностей, она спросила у меня, если такъ страстно люблю ее, то чѣмъ это докажу? Я доказательство любви моей обѣщалъ выразить на бумагѣ и завтра представить ей. Она обрадовалась несказанно, даже поцѣловала меня, и съ гримасою, на Петербургскій штиль, сказала мнѣ: „такъ папенька и маменька говорятъ, что нужно меня обезпечить на счетъ моего вдовства...“

Я, занятый моимъ проспектомъ, спѣшилъ удалиться отъ нея и не очень взялъ въ толкъ слова ея, почитая ихъ за вліяніе нѣжностей; пошелъ себѣ и расположился думать.... въ чемъ по времени и успѣлъ. А вотъ что: всѣ увѣренія, всѣ клятвы, всѣ нѣжности къ живой женѣ, все можно принять за лесть, за аллегорію, за критику. Нѣтъ голубушка! умри! вотъ тутъ-то я истощусь въ горести, распотѣшу тебя моимъ отчаяніемъ! Но какъ ты будешь уже мертва, слѣдовательно не увидишь и не узнаешь мѣры моей горести, такъ лучше я опишу теперь же, какъ буду по тебѣ сходить съ ума, сколько волосъ оборву и какъ лютому отчаянію предамся. Читай и плачь о будущей моей горести. Такъ положивши, я приступилъ къ дѣлу: по методу домине Галушкинскаго составилъ мѣрку на стихи, схватилъ бумагу, перо и пошелъ писать!... У, какъ я писалъ! И что ни стихъ, то все мужской, а тамъ женскій; я такъ все въ перемежку; и ни одинъ стихъ не перешелъ чрезъ мѣрку; все въ

обрѣзъ. Риѳмы же были самыя богатѣйшія: дешевле полтины и не спрашивай. А вотъ и сюжетъ.

Начинаю просьбою, чтобы она умерла, и скорѣе, дабы я могъ доказать любовь свою горестью такою, такою скорбію, отчаяніемъ такимъ и такимъ, и пошолъ, пошелъ, все чѣмъ далѣе, тѣмъ все выше тономъ, все выше топомъ, и наконецъ дописался до того, что пишу—„умеръ и самъ".

На другое утро торжественно отнесъ ей свою—какъ бы назвать по ученому?—не пѣснь.... ну, эпиграмму. Она прочла, и при первыхъ строчкахъ измѣнилась въ лицѣ, бумагу изодрала — а у меня и копіи не осталось—побѣжала къ новой моей родительницѣ; но та, спасибо ей! была женщина умная и съ разсудкомъ: она, не захотѣвши знать, за что мы поссорились, приказала намъ помириться и такъ уладила все дѣло.

Ставши опять на любовной точкѣ, мы сдружились снова, и тутъ моя Анисинька сказала, что она ожидала другаго доказательства любви моей, а именно: какъ я-де богатъ, а она бѣдная дѣвушка, а въ случаѣ моей смерти, братья мои отберутъ все, а ее, прогнавши, заставятъ по-міру таскаться: такъ, въ предупрежденіе того, не худо бы мнѣ укрѣпить ей часть имѣнія....

Я съ радостью тотчасъ согласился, но все же аллегорически, какъ и о количествѣ дѣтей, а думалъ свое, чѣмъ и успѣлъ совершенно обратить ее ко мнѣ и поставить на прочномъ основаніи.

Новый родитель мой, желая поспѣшить устроенiемъ счастья моего, предварительно оканчивалъ раздѣлъ нашъ. На таковъ конецъ просилъ предводителя миротворствомъ кончить между нами. Предводитель созвалъ насъ всѣхъ братьевъ, бывшихъ на ту пору дома, и началъ намъ говорить все умное и дѣльное. Какая добрая душа была у него, такъ и сохрани Богъ! Самыхъ честнѣйшихъ правилъ человѣкъ! Началъ съ того, что намъ, роднымъ, не должно ссориться, а раздѣлиться по согласiю; а затѣмъ и приступилъ къ росписанiю жеребьевъ и предложилъ намъ взять ихъ. Мы вынули жеребьи, и всякiй изъ насъ остался доволенъ своею частью.

Слѣдовало брату Петрусю удовлетворить насъ каждаго доходами на часть всякаго брата, потому что онъ одинъ пользовался всѣмъ, а намъ давалъ иному мало, а иному, какъ и мнѣ, вовсе ничего. Батюшки! какая пошла тутъ рѣзня! меньшiе братья, если бы не при предводителѣ, на кулаки готовы были выдти! Посмотрите же, что можетъ одинъ благоразумный человѣкъ сдѣлать съ разгорячившимися. Часа черезъ два, насилу онъ уломалъ и Петруся и насъ всѣхъ подписать бумагу, сколько кому слѣдуетъ получить. На мою долю приходило значительное количество тысячъ рублей.

Надобно еще обратиться за нѣсколько времени впередъ. Одинъ изъ ближайшихъ сродственниковъ батенькиныхъ былъ человѣкъ отличнаго отъ нашего

времени ума, много путешествовалъ по всѣмъ предѣламъ Россійскаго государства, и что подмѣтитъ любопытненькое, то и купитъ. Такимъ побытомъ онъ пріобрѣлъ довольное количество трубокъ и табакерокъ различныхъ сортовъ, сѣделъ, ошейниковъ собачьихъ, перочинныхъ ножичковъ, шляпъ курьезныхъ, пуговицъ всякихъ комплекцій и другихъ подобныхъ тому курьезныхъ вещей. На что и для чего? кромѣ него никто не скажетъ; но надобно отдать справедливость: всѣ эти вещи были отличной доброты и фасона. Кромѣ того онъ, по комплекціи своей, очень любилъ книги. И какихъ книгъ не насобиралъ онъ?! Это прелесть! Теперь такихъ книгъ и у разнощиковъ не отыщешь. Какъ теперь нѣсколько помню, тамъ были: Похожденія Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля; Приключенія Маркиза Г.; Любовный Вертоградъ Камбера и Арисены; Бокъ и Зюльба; Экономическій магазинъ; Полиціона, Храбраго Царевича и Херсона, сына его, и разн. мног. другія отличныхъ титуловъ. Да все книги томныя, не по одной, а нѣсколько подъ однимъ званіемъ; одной какого - то государства исторіи, да какого-то аббата, книгъ по 10-ти. Да въ какомъ все переплетѣ! заглядѣнье! все въ кожаномъ, и листы отъ краски такъ слѣпившіеся, что съ трудомъ и раздерешь.

Вотъ этотъ родственникъ всѣ эти вещи и книги тщательно хранилъ, и уложенныхъ въ короба никогда не разворачивалъ, боясь подвергнуть все это изъяну.

я въ такомъ положеніи умеръ. Какъ же былъ бездѣтенъ, то, по мѣрѣ любви своей, отказалъ сродственникамъ, по назначенію, вещи. По особенной аттенціи своей къ моему батенькѣ, отказалъ имъ свое книгохранилище. Когда все это привезено было къ батенькѣ, то они, сначала разозлились-было очень за такой, по ихъ размышленію, вздоръ; а походивъ долго по двору и разсудивъ со всѣхъ сторонъ, рѣшили принять, сказавъ: „можетъ, мои хлопцы—т. е. мы, сыновья его—будутъ глупѣе меня, не придумаютъ, чѣмъ полезнѣйшимъ заняться, какъ только книгами. Спрятать ихъ бережненько“. Вотъ это книгохранилище и запрятали въ погребъ, гдѣ стояли бочки съ наливками. Такъ оно и пробыло до теперешняго момента раздѣла.

Раздѣлившись всякою рухлядью, у насъ дошло и до книгъ. Какъ ими дѣлиться, вопросъ былъ нерѣшимый; Петрусь, какъ геній ума, тотчасъ меланхолично предложилъ: выбрать ему слѣдующее количество книгъ, по числу всей массы; за нимъ выбираю я столько же, и такъ далѣе, до послѣдняго брата, коему достанется остатокъ. Меньшіе братья мои, бывъ натуральны, за книгами не гонялись и, чтобъ показать нравственность старшему брату, тотчасъ и согласились; но я, я, Санктпетербургскій жилецъ, слѣдовательно почерпнувшій и тамошнія хитрости, я предложилъ новый методъ дѣлиться книгами, едвали гдѣ до насъ бывшій, и весьма полезный по своей естественности, и который должны принять за образецъ всѣ братья, раздѣляющіе отцов-

ское книгохранилище. Вотъ мой методъ: „Братъ Петрусь! вы у насъ старшій, вы берите 1-й томъ; я, по старшинству за вами, возьму второй, за мною беретъ Сидорушка третій, Офремушка четвертый, и Егорушка пятый. Это книги томныя. А одиночки и оставшіяся изъ томныхъ за недостающимъ числомъ братьевъ, поставить по порядку и брать каждому по книгѣ, начиная съ старшаго брата“. Методъ мой очень понравился предводителю; онъ, отъ удовольствія, такъ и прыснулъ и залился смѣхомъ, и очень похвалилъ мою выдумку. Такъ Петрусь же па стѣну полѣзъ! Кричитъ, споритъ и требуетъ, чтобъ интересная книга не была раздѣляема. Покорный слуга! Такъ это отдай всего Клевеланда, а самому „тюти?“ Нѣтъ, любезнѣйшій братецъ! книга рѣдкая, интересная, и я хоть частичку ея желаю имѣть. Что за нужда: вторая-ли, четвертая; безъ начала ли повѣсть, безъ развязки, да Клевеландъ— мое, мнѣ по праву наслѣдства принадлежащее.... Не уступлю ни за какія предложенія. Такъ я рѣзалъ брату Петрусю. И хотя онъ геній, а я Петербур.... не знаю, какъ дописать?—гецъ или жецъ?—онъ съ умомъ, а я съ хитростью, я и переспорилъ его; а меньшіе братья шли по вѣтру; кто громче кричалъ, они съ тѣмъ и соглашались. Настоящая маменькина комплекція была у нихъ, а особливо въ предметѣ, не интересующемъ ихъ; начни же общитывать ихъ въ рублѣ, тутъ вспыхнетъ батенькина природа, и рѣзаться готовы.

Такимъ побытомъ удержавъ свое право, я изъ всѣхъ

отличных книгъ получилъ вторые и седьмые томы. Братъ Петрусь, пересмотрѣвъ свои, какъ взабѣгается, что у него неполныя сочиненія. Меньшихъ братьевъ тотчасъ и одурилъ: предложилъ имъ первые томы отличнаго Пѣсенника, сочиненнаго Михайломъ Чулковымъ, и Россійскаго Өеатра, сочиненія Веревкина; тѣ, по глупости, и обмѣнялись на какія-то хозяйственныя. Захотѣлъ-было и меня „надуть“, какъ говаривалъ домине Галушкинскій. Крѣпко ему хотѣлось оттянуть доставшіяся мнѣ вторыя части Экономическаго Магазина, не помню чьего сочиненія, и Мирамонда, сочиненія знаменитаго и навсегда безсмертнаго Ө. Эмина. Предлагалъ мнѣ какую-то архитектуру съ рисунками. А на чорта мнѣ она? Я не плотникъ; а хорошенькое, ради скуки, люблю и самъ прочитать. Сколько братъ ни бился, сколько ни просилъ, но я твердо помнилъ правило, постановленное у насъ на случай раздѣлокъ чего: брату хочется, не уступай ни за какія предложенія, ни за какія просьбы; благо имѣешь случай причинить досаду тому, кто беретъ у тебя слѣдующее тебѣ. Не будь его на свѣтѣ, тебѣ не нужно бы и дѣлиться. И я удержалъ книгу за собою, къ немалому увеселенію нашего почтеннаго предводителя, который во все время похвалялъ какъ выдумку, такъ и твердость мою, и довольно хохоталъ.

Остался еще одинъ спорный пунктъ. Былъ одинъ особнячекъ, десятинъ двадцать, и на немъ лѣсу строеваго двѣнадцать десятинъ, и въ немъ садъ изъ отлич-

ныхъ прищепъ различныхъ сортовъ. Батенька покойникъ съ большимъ тщаніемъ доставали изъ Опошни прививокъ плодовыхъ и сами своими руками щепали и окулировали. Однимъ словомъ, садъ былъ чудесный! въ саду пасѣка, ульевъ до двухъ сотъ; при немъ прудъ съ рыбою и мельница, дававшая доходъ. Мѣстечко это нравилось всѣмъ намъ, и ни одинъ изъ братьевъ не соглашался уступить другому ни полступня. Крику и упрековъ не было конца.

Бѣдный предводитель, уговаривая насъ, выбился изъ силъ. За меня стоялъ новый родитель мой, Иванъ Аѳанасьевичъ, и какими-то словами такъ спуталъ братьевъ всѣхъ, что тѣ.... пикъ-пикъ!... замялись, и это мѣсто вотъ-вотъ досталось бы мнѣ, какъ братъ Петрусь, бывъ, какъ я всегда говорилъ о немъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и, въ случаѣ неудачи, бросающій одну цѣль и нападающій на другую, чтобъ смѣшать все, вдругъ опрокидывается на моего новаго родителя, упрекаетъ его, что онъ овладѣлъ моимъ разсудкомъ, обобралъ меня и принуждаетъ меня, слабаго, неразсудливаго, жениться на своей дочери, забывъ то, что онъ, Иванъ Аѳанасьевичъ, изъ подлаго происхожденія и бывшій подданный папа Горбуновскаго.... Господи! Какъ же взбѣсился мой новый родитель! Тотчасъ запротестовался въ началѣ Петруси произнести личную ему обиду, а тутъ и началъ упреками, укорами, доказами въ такихъ дѣлахъ, что это прелесть! Съ грязью его смѣшалъ! И пошло, пошло! Кстати

тутъ сказать, что и я вступился за свою обиду. Какъ такъ публично назвать меня неразсудливымъ, а будущую жену мою—подлаго рода? Мы съ нимъ имѣли процессъ и выиграли его. Стоило намъ каждому до пяти сотъ, а присудили Петруся заплатить новому родителю моему безчестья два рубля пятьдесятъ копѣекъ, а противъ меня быть впередъ скромнѣе. А что Петрусь? что взялъ? Побѣда была на нашей сторонѣ. Но это дѣло особь-сторона: разсказана пятилѣтняя тяжба для блезиру. Обратимся къ нашему предмету.

Какъ ни мучился предводитель съ нами, но ничего не успѣлъ; а мы, досадуя одинъ на другаго и не желая, чтобъ кто изъ насъ получилъ выгоду отъ того хуторка, рѣшили: лѣсъ и садъ изрубить, пчелъ перебить и медомъ раздѣлиться, плотину уничтожить. Каждый изъ насъ торжествовалъ и въ глаза шикалъ другъ другу: „А что взялъ? Воспользовался садочкомъ, медкомъ отъ пчелъ? Вотъ возьмешь!“ Предводитель насилу насъ розиялъ и, кончивъ дѣло, почти прогналъ отъ себя. На этомъ мирѣ мы больше перессорились, нежели до того были, и уже никогда не были въ ладу, исключая встрѣчающейся надобности одного въ другомъ. Тогда нуждающійся и пріѣдетъ, примирится аллегорически; да какъ успѣетъ въ своемъ желаніи, снова зассорится, насмѣхается, что тотъ повѣрилъ ему—и пошло по прежнему.

Я очень удивился, когда Петрусь, при предложеніи удовлетворить меня въ имѣніи дома, предложилъ

мнѣ жить въ своемъ домѣ. А каковъ этотъ домъ, такъ это картина! Каменный, въ два этажа, подъ желѣзомъ, не бойся ничего. Въ каждомъ этажѣ по двѣнадцати комнатъ. Чудо! Это такой домъ сварганилъ братъ Петрусь. Необыкновенный умъ! Вотъ онъ, съ перваго слова, даетъ мнѣ цѣлый этажъ, да еще верхній, парадный, отлично изукрашенный, и даетъ съ тѣмъ, что каждый изъ насъ есть полный хозаинъ своего этажа (Петрусь оставилъ за собою нижній, а мнѣ, какъ будущему женатому, парадный) и имѣетъ полное право, по своему вкусу, передѣлывать, ломать и перемѣнять, не спрашивая одинъ у другаго ни совѣта, ни согласія. Хорошо. На томъ кончили, подписали бумаги и потомъ всѣ статьи, вмѣсто примиренія, кончили, какъ я описалъ. Предводитель даже перекрестился, проводивъ насъ, и потомъ вездѣ описывалъ насъ весьма невыгодно. Ему извинительно. Онъ пришелъ къ намъ изъ другой губерніи, и это первое встрѣтилось ему казусное дѣло наше. Потомъ онъ прикусилъ языкъ. Гдѣ дѣлежъ, тамъ и ссора. Богатые ссорятся, что есть чѣмъ дѣлиться; а бѣдные ссорятся, что нечѣмъ дѣлиться. Это не нами выдумано.

Еще вотъ въ чемъ чуденъ мнѣ предводитель. Слышалъ я, что онъ, по сторонамъ разсказывая о нашемъ дѣлежѣ, винилъ моихъ батеньку и маменьку, что не заботились о нашемъ воспитаніи и не поселили въ насъ благородныхъ правилъ. Наше воспитаніе было всѣмъ видимо; своими же дѣтьми не могъ похвалиться;

сухія и тощія, точно щепки. А правила намъ преподавали и панъ Кнышевскій, и домине Галушкинскій по всѣмъ предметамъ. Какія же другія правила были бы у насъ, кромѣ благородныхъ, когда мы самые благороднѣйшіе и въ насъ течетъ древняя дворянская кровь? Не правилось предводителю то, что мы за свое рѣзались и, при лишнемъ рублѣ, забывали, что дѣло имѣемъ съ родными братьями. Такъ это, по его правиламъ, что брату только понравилось, такъ и уступай ему, а самъ довольствуйся его нѣжными обниманьями? Нѣтъ, прошу погодить! Это они вводятъ такой методъ, а будетъ ли онъ полезенъ часто, еще увидимъ. По моему разсужденію: братъ ли онъ мнѣ, сватъ, а своего, на ножъ готовъ, а не уступлю. Много можно бы объ этомъ наговорить, но нынѣшніе люди не поймутъ насъ. Замолчимъ и обратимся къ пріятнѣйшему сюжету.

Съ окончаніемъ раздѣла пресѣклись всѣ препятствія къ судьбѣ моей. Новый родитель мой вывелъ счетъ, что стоила поѣздка въ С.-Петербургъ, жизнь тамъ и здѣсь у него въ домѣ, всѣ расходы по дѣлу, и на все это требовалъ отъ меня заемнаго письма—это primo. Потомъ, находя необходимымъ, чтобъ моя жена принесла мнѣ отличное приданое, заказалъ все доставить изъ Полтавы и изъ Роменской ярмарки; все же на мой счетъ. А въ заключеніе тестюшка мой расчислилъ, сколько придется на часть женѣ моей, если я умру, изъ движимаго и недвижимаго, и на все это поднесъ

мнѣ для подписанія бумагу, укрѣпляющую ей все это за-живо при мнѣ. Но нѣтъ, новый мой батенька! Я вамъ не Горбъ, прежній вашъ помѣщикъ, съ которымъ вы что хотѣли, то и дѣлали; я вамъ не поддамся.

Посмотрѣвъ бумаги и разочтя, я увидѣлъ, что Анисинька будетъ для меня очень недешева. За всю сумму, платимую за нее, можно бы купить порядочную деревню, а тутъ я беру одну только штуку. Сообразивши все это, я началъ не соглашаться и деликатно объяснять, что не хочу такъ дорого платить за жену, которая, если пришлось уже правду сказать, не очень мнѣ то и нравится (Анисиньки въ тѣ поры не было здѣсь, и потому я былъ внѣ любви), и если я соглашался жениться на ней, такъ это изъ вѣжливости, за его участіе въ дѣлахъ моихъ; чувствуя же послѣ поѣздки въ Санктпетербургъ (тутъ, для важности, я выговаривалъ всякое слово особо и выразно) въ себѣ необыкновенныя способности, я могу найти жену лучше его дочери—и все такое объяснилъ ему.

Новый, или, лучше сказать, сомнительный батенька мой сконфузился крѣпко отъ моихъ объясненій чистосердечныхъ, утирался и, собравшись съ духомъ, началъ,—да какъ?—и грозилъ судомъ, исканіемъ безчестья, вѣчнымъ процессомъ; но я, какъ гора, былъ твердъ и уже начиналъ было разгорячаться, а избави Богъ мнѣ разгорячиться! Тутъ я никого и ничѣмъ не уважаю; не слушая ничего, наговорю такого, что и въ душу не полѣзетъ; но въ отвращеніе всего этого,

вдругъ, гдѣ ни возьмись—Анисинька! Кажется, отецъ мигнулъ, чтобъ за нею сходили. Она, въ легкомъ убранствѣ, какъ-то располагающемъ къ любви, вдругъ выскочила и, сломя голову, прямо мнѣ на шею.... плутовка! знала силу своихъ прелестей!... и ну меня обнимать, прижимать, ласкать, цѣловать и разными невинными именами называть. „Онъ подпишетъ“, то и дѣло кричитъ: „онъ подпишетъ; онъ умница, онъ душенька, онъ красавчикъ“.... и се и то, все отъ чистаго сердца мнѣ твердитъ: „онъ подпишетъ!...“

Бухъ!... осыпаемый ея ласками, нѣжностями, не возражая ничего, я освободилъ изъ ея рукъ свою и подписалъ все, что мнѣ ни подложили. И кто бы не подписалъ даже смертнаго на себя приговора, если бы побуждала его къ тому молоденькая дѣвушка, въ утреннемъ платьицѣ, полузакрывающемъ все завѣтное, охватившая своими ручками, цѣлующая васъ.... не она, такъ канальскія прелести ея убѣдятъ, какъ и меня. Я ни о чемъ не думалъ, ничего не расчислялъ, а только глядѣлъ.... нѣтъ! скажу прямо; велика сила любви надъ нами смертными!...

Какъ скоро я подписалъ все, такъ все приняло другой видъ. Анисинька ушла къ себѣ, а родители принялись распоряжать всѣмъ къ свадьбѣ. Со мною были ласковы и обращали все, и даже мои слова, въ шутку; что и я, спокойствія ради, подтверждалъ. Не на стѣну же мнѣ лѣзть, когда дѣло такъ далеко зашло; я видѣлъ, что уже невозможно было разрушить. Помихивалъ

иногда самъ съ собою, но меня прельщали будущія наслажденія!

Не замедлило все устроиться. Приданое все привезли—и что за отличное было!—сшили, уладили все, уложили, назначили день свадьбы и пригласили ровно сорокъ человѣкъ гостей.

Надобно вамъ сказать, что новая моя родительница была изъ настоящей дворянской фамиліи, но бѣдной и очень многочисленной. Новый родитель мой женился на ней для поддержанія своей амбиціи, что у меня де жена дворянка и много родныхъ, все благородные. Тетушекъ и дядюшекъ было несмѣтное множество, а о братьяхъ и сестрахъ съ племянничествомъ въ разныхъ степеняхъ и говорить нечего. Отъ того-то столько набралось званыхъ по необходимости.

Какъ ни заботился новый мой батенька, чтобъ ни передъ кѣмъ изъ званыхъ не упустить ничего изъ вѣжливости, дабы не навлечь себѣ непріятностей, но не остерегся. Пославши ко всѣмъ письма, отъ одного числа, къ одной двоюродной племянницѣ писалъ уже на завтрашній день. Та, узнавъ о такой ошибкѣ, прислала къ намъ съ большимъ упрекомъ, что Иванъ Аѳанасьевичъ и все его глупое семейство уважаетъ троюродныхъ больше нежели двоюродныхъ, что прислалъ къ ней приглашеніе послѣ всѣхъ; что послѣ этого, будь она проклятая дочь, если не только на свадьбу, но и никогда къ намъ не будетъ, знать насъ не хочетъ и презирать будетъ вѣчно.

Одной тетушкой у меня стало меньше—что дѣлать!

Настал день свадьбы. Съ вечера еще съѣхались всѣ гости и гуляли на дѣвичникѣ безъ всякихъ счетовъ. Анисинька моя была весела, чѣмъ и возбуждала любовь мою, отъ чего я и былъ въ куражѣ и старался знакомиться съ новыми родными; но, отъ множества ихъ, путался въ именахъ и называлъ одного вмѣсто другаго. Угощеніе было всѣмъ равное и отличное.

Въ день же, назначенный для перемѣны судьбы моей, я разрядился, какъ только можно лучше, по самой послѣдней модѣ, въ Санктпетербургѣ мнѣ сшитой, и притомъ добавилъ, чѣмъ только могъ, чтобъ казаться совершенно Санктпетербургскимъ франтомъ. Отъ восхищенія собою и отъ того, что я, наконецъ, женюсь, я земли не слышалъ подъ собою; не оставлялъ ни одного зеркала, чтобы не полюбоваться собой; безпрестанно оборачивалъ голову, любуясь мотающимся у меня назади пучкомъ, связаннымъ изъ толстой моей косы. Прическа волосъ была на мнѣ отлично устроена парикмахеромъ городничаго, въ малолѣтствѣ учившимся также въ Санктпетербургѣ. Я также любовался стальными пуговицами на кафтанѣ и безпрестанно наводилъ ихъ на солнце, чтобы отсвѣчивали на стѣну. Камзолъ у меня былъ вышитъ разными шелками, да какъ искусно! Пряжки на ногахъ и далѣе блестящія.... однимъ словомъ, совершенный петиметръ!

Когда собрались всѣ гости и усѣлись чинно, тогда

вывели — не Аниську уже — а Анисью Ивановну. Тьфу ты, батюшки! Что за деликатесъ! Какъ пава выплыла!

Убранство на ней было все преизрядное и драгоцѣнное!

„Брильянтъ!“ воскликнулъ я самъ себѣ, глядя на нее. Въ самомъ дѣлѣ, было на что посмотрѣть! Неумѣю описать, какъ она была убрана, а знаю, что блеску много было. Я утопалъ въ восхищеніи, зная, что это все мое и для нея купленное.

Насъ благословили и обвѣнчали, какъ водится. Одинъ изъ родныхъ былъ одѣтъ маршаломъ, украшенъ цвѣтными перевязями и съ пребольшимъ жезломъ, также изукрашеннымъ развѣвающимися разноцвѣтными лентами. Шесть шаферовъ, съ алыми бантами на рукѣ, исполняли всѣ его препорученія. Эти чиновники предшествовали намъ къ вѣнцу и отъ вѣнца.

Должно полагать, что я былъ очень хорошъ, когда стоялъ подъ вѣнцемъ. Всѣ тутъ присутствовавшія дѣвушки смотрѣли на меня съ удовольствіемъ и тихо перешептывались между собою. Нельзя же иначе. Во мнѣ была тьма пріятностей.

По совершеніи моего счастія, когда мы возвратились въ домъ родителей нашихъ, они встрѣтили насъ съ хлѣбомъ и солью. Хоръ музыкантовъ, изъ шести человѣкъ, гремѣлъ на всю улицу. Насъ посадили за столъ, и всѣ гости сѣли на указанныя имъ мѣста по расчету маршала.

Не успѣли порядочно усѣсться, какъ одна изъ гостей—она была не кровная родственница, а крестная мать моей Анисьи Ивановны; какъ теперь помню ея имя, Аѳимья Борисовна—во весь голосъ спрашиваетъ мою новую маменьку: „Алена Ѳоминишна! когда я крестила у васъ Анисью Ивановну, въ какой парѣ я стояла?"

— Въ первой, какъ же! въ первой—отвѣчала моя теща.

„А вотъ эта сударыня?" сказала Аѳимья Борисовна, указывая на даму, сидящую выше ея.

— Во второй.

„Отъ чего же это, когда дѣло дошло до почета, такъ и ступай на запятки, Богъ знаетъ, къ кому? Зачѣмъ она у васъ выше почтена?...

— Кромѣ того, что она и кума, хотя и во второй парѣ—отвѣчала теща:—но она жена моего троюроднаго брата, такъ потому....

„Такъ потому? ни за что въ свѣтѣ не вытерплю такой обиды!" закричала Аѳимья Борисовна. Глаза ея распылались, она вскочила со стула, бросила салфетку на полъ и продолжала кричать: „Кто-то женился, Богъ знаетъ, на комъ и для чего, можетъ, нужно было поспѣшить, а я терпи поруганіе? Ни за что въ свѣтѣ не останусь... Нога моя у васъ не будетъ!" и хотѣла выходить.

Какъ та сударыня, которая сидѣла выше Аѳимьи Борисовны, вдругъ вскочила, да за руку ее, и ну

кричать: — Постойте! почему я сударыня? почему я Богъ знаетъ кто? почему я спѣшила замужествомъ? Докажите! Гости любезные! прошу прислушать. Я на нее подамъ прошеніе. Батюшка, Иванъ Афанасьевичъ, защитите обиженную у васъ въ домѣ. Вы на то хозяинъ“... та-та-та-та и пошла схватка! Обѣ барыни сцѣпились между собою и кричали обѣ вмѣстѣ. Сколько ихъ хозяинъ и маршалъ ни унимали, сколько ни уговаривали, но не могли ничего сдѣлать. Онѣ обѣ уѣхали отъ обѣда, поклявшись не быть никогда у насъ.

Еще двумя тетушками съ костей долой.

По уходѣ ихъ все успокоилось и пошло чинно. Вмѣстѣ съ раздачею горячаго начались питья здоровья. Начали съ насъ новобрачныхъ. Весело, канальство! когда маршалъ стукнетъ со всей мочи жезломъ о-полъ и прокричитъ: „здоровье новобрачныхъ, Трофима Мироновича и Анисьи Ивановны Халявскихъ!“ Я вамъ говорю, восхитительная минута! Если бы молодые люди постигали сладость ея, для этого одного спѣшили бы жениться.

Послѣ нашихъ здоровьевъ пили здоровья родителей родныхъ, посаженыхъ; потомъ дядюшекъ и тетушекъ родныхъ, двоюродныхъ и далѣе, за ними шла честь братцамъ и сестрицамъ по тому же размѣру... какъ въ этомъ отдѣленіи, когда маршалъ провозгласилъ: „здоровье троюроднаго братца новобрачной, Тимоѳея Сергѣевича и супруги его Дарьи Михайловны

Гнѣдинскихъ!“ и стукнулъ жезломъ, а вдругъ, въ срединѣ стола, встаетъ одна особа, именно: Марко Марковичъ Тютюнъ-Ягеловскій и, обращаясь къ хозяевамъ, говоритъ:

„Любезнѣйшій дядюшка, Иванъ Афанасьевичъ, и любезнѣйшая тетенька, Алена Ѳомнинишна! Благодарю васъ всепокорнѣйше за хлѣбъ-соль и угощеніе, а особенно за почетъ вашего двоюроднаго племянника. А отъ дальнѣйшаго угощенія прошу великодушно уволнить!“

— Какъ? почему? — спросили новый мой батенька:—развѣ?..

„Честь моя требуетъ выдти отъ стола, гдѣ данъ преферансъ предо мною троюродному вашему племяннику; онъ, кажется, двоюродный...

— Такъ чтожъ, что двоюродный?—съ прикрикомъ сказали батенька.—Но ты холостой человѣкъ, а Тимоѳей Сергѣевичъ женатый; ты еще безъ чина, а онъ маіоръ. Посиди, будемъ пить и твое здоровье.

„Въ свиной голосъ?“ сказалъ азартно Тютюнъ-Ягеловскій: „благодарю за честь! Неужели я долженъ быть, когда во мнѣ вашей супруги кровь, и униженъ за то, что у Тимоѳея Сергѣевича пузо въ позолотѣ?“

Тимоѳей Сергѣевичъ, какъ маіоръ, имѣлъ на себѣ камзолъ съ позументами и былъ пузастъ.

Маіоръ такъ и вскипѣлъ-было за честь свою, но вдругъ одумался и сказалъ: но я не баба, чтобы изъ

пустяковъ портить аппетитъ. Дообѣдаю и поговорю съ тобою.

— Не безпокойтесь дожидать — сказалъ Тютюнъ-Ягелонскій: — я отказываюсь не только отъ обѣда, но и отъ родства. Нога моя не будетъ у васъ, и не признаю васъ дядею, за оскорбленіе моей чести. — Съ этимъ словомъ ушелъ и онъ.

Вотъ и братецъ одинъ со счета вонъ.

Полагаю, если бы обѣдъ еще продолжался и пили бы вновь здоровья, то всѣ бы родные нашли причины почитать себя униженными, разсердились и оставили бы насъ однихъ оканчивать свадебный пиръ.

Но остальная часть обѣда кончена благополучно, и всѣ здоровья, по росписанію, допиты спокойно. Послѣ обѣда пошли пляски. Надобно было видѣть меня въ польскомъ, какъ я манерно выступалъ съ своею новобрачною! Послѣ нея, я сдѣлалъ честь всѣмъ дамамъ и барышнямъ, проплясалъ я съ ними польскій, и потомъ открылись веселые танцы. Тутъ уже отличалась моя Анисья Ивановна, и какими фигурами она выводила каждую пляску, такъ это на удивленіе! Я могъ бы и самъ пуститься выплясывать: хотя и не учился вовсе, ступить не умѣлъ; но мнѣ, бывшему въ Санктпетербургѣ, все сошло бы съ рукъ; если бы и фальшь какая замѣчена была, не почли бы за фальшь; подумали бы, что такъ должно выкидывать ногами по Санктпетербургски. И такъ я все сидѣлъ съ скромными старичками и занимался разго-

ворами. Я имъ разсказывалъ о Санктпетербургѣ, о тамошнихъ обычаяхъ, что слышно было тамъ во время моего пребыванія. Слушающіе смотрѣли на меня съ отличнымъ уваженіемъ. Да у насъ не просто смотрятъ на того, кто побывалъ въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ. За то же и говори—не бойся, наври, чего хочешь, всему повѣрятъ. Они почитаютъ, что тамъ-то все необыкновенное. Издали, такъ; а побывай, вотъ какъ и я побывалъ, осмотри все съ такимъ примѣчаніемъ, какъ и я, право... ну, лучше замолчу.

Какую же отлилъ со всѣми нами штуку братъ Петрусь, такъ на удивленіе! Бывъ ума необыкновеннаго и духа предпріимчиваго, вздумалъ такъ всѣхъ насъ обидѣть, что никому бы подобное и на мысль не пришло.

Среди развалу нашего веселья, когда молодые танцуютъ, а степенные люди сидятъ и угощаются жид-[illegible], вдругъ подаютъ письмо моему новому батюшкѣ. Они, полагая, что есть нѣчто важное, при всѣхъ распечатываютъ; прочтя нѣсколько, блѣднѣютъ, кидаютъ письмо, бросаются схватить посланнаго, но его и духу нѣтъ, словно исчезъ. Оправившись не скоро отъ своего смущенія, потомъ показали мнѣ это ужасное письмо... и что-же? Какой-то Терешка Маячепко, яко-бы дядя Ивана Аѳанасьевича, моего новаго родителя, пишетъ къ нему и пѣняетъ, что не позвалъ его, какъ ближайшаго своего родственника, на свадьбу своей дочечки, Ониськи, и проч. такое.

Ни того, ни этого въ свѣтѣ; ни того ни письма не писалъ мой братъ. Петрусь отлилъ такую штуку, чтобы уязвить моего батеньку и меня. Ему конечно досадно было, что я, и моложе его, но уже наслаждаюсь брачною жизнію, а онъ сидитъ въ холостыхъ. Вотъ онъ и за насмѣшки. Почеркъ его я тотчасъ узналъ и сказалъ новому батенькѣ. Они было взбѣсились сначала куда! какъ: письмо приобщить къ дѣлу, подать новое на Петруся прошеніе, просить о безчестіи!... но потомъ и присѣли, затихли и замолчали, а письмо уничтожили; видно, боялись, что по слѣдствію открылось бы, что Терешка въ самомъ дѣлѣ ближайшій намъ родственникъ.

Затѣйливый духъ Петруся этимъ не удовольствовался: онъ еще придумалъ новое намъ огорченіе. Утромъ очень рано, на другой день свадьбы, я еще въ „храмѣ любви“, т. е. въ парадной спальнѣ, покоился на роскошной постелѣ и погруженъ былъ въ сладкій сонъ, вдругъ услышалъ я страшный стукъ въ дверь, запертую отъ насъ. Испуганный, бросился къ дверямъ и, не отпирая, спрашивалъ: кто стучится и зачѣмъ?

„Трофимъ Мироновичъ!“ сказалъ громко грубый голосъ: „скажите подданной пана Горбуновскаго, Аннськѣ, что теперь у васъ, чтобы скорѣе поспѣшила къ своему барину на кухню мыть посуду...“

Поспѣшно схватилъ я верхнее платье, отперъ дверь, и бросился за дерзкимъ, кликнулъ людей; но нигдѣ не

хотѣли его найти, а сказывали, что у воротъ останавливалась тройка и въ повозкѣ сидѣлъ братъ Петрусь. Его великаго ума была эта новая мнѣ обида, о которой я не сказалъ ни батенькѣ, ни даже моей Анисьѣ Ивановнѣ. Она была въ глубокомъ снѣ и ничего не слыхала.

Утромъ, послѣ обыкновенныхъ поклоненій родителямъ, поднесенія имъ отъ меня подарковъ, ими же для себя купленныхъ, и принявъ отъ нихъ кучи желаній здоровья, благополучія, многочадія и всего, всего, со всею щедростью желаемаго, мы приступили обдаривать новыхъ моихъ родственниковъ. Но какъ ни заботились, чтобы каждому было приличное и соразмѣрно степени родства, но не предусмотрѣли всего и надѣлали непріятности.

Маіору подарили серебрянаго глазету на камзолъ. Онъ, разсмотрѣвъ, швырнулъ его въ глаза Анисьѣ Ивановнѣ, сказавъ: „нейдетъ, голубушка, серебра дарить мнѣ на камзолъ, когда я выслужилъ золотой...“ Онъ былъ пѣхотный маіоръ и носилъ красный камзолъ съ золотыми галунами.

Особливо отъ женскаго пола было много упрековъ: одна сердилась, что подаренная ей матерія вовсе будетъ не къ лицу, и она будетъ казаться старѣе, нежели есть; другая швыряла свой подарокъ съ презрѣніемъ за тѣмъ, что дальней родственницѣ поднесли лучше, нежели ей, ближайшей. Были расчеты и въ томъ, кому прежде и кому послѣ поднесли пода-

рокъ. Пожил[illegible] дѣвушка, обидясь, что ей дари[illegible] наго цвѣта матерію, а не свѣтлаго, швырнула мнѣ, новому родственнику, и сказала: „возьмите [illegible] себѣ: какъ умретъ ваша жена, такъ покройте [illegible] дрянью“.

Вотъ такова-то отъ всѣхъ была благодарность, если не за усердіе, такъ за долгъ нашъ, исполненный нами весьма неохотно, а въ особенности мною, потому что все это накуплено было на мой счетъ. Споръ, упреки, обидныя слова слышимы было отъ нихъ во все утро, и всѣ эти обиженные родные послѣ обѣда (а обѣдать остались-таки) тотчасъ и разъѣхались.

Мы не были этимъ огорчены, постигая, что они такъ поступили отъ аллегорики: притворно обижались, чтобы не соблюсти политики и не одаривать насъ, в[illegible]но! Мы ожидали такого пассажа отъ нихъ.

Отдохнувъ немного послѣ свадебнаго шуму, [illegible] мои родители начали предлагать мнѣ, чтобы я [illegible] ѣхалъ съ женою въ свою деревню, потому что и[illegible] накладно цѣлую насъ семью содержать на св[illegible] иждивеніи. Я поспѣшилъ отправиться, чтобъ устро-ить все къ нашей жизни — и, признаться, сильное имѣлъ желаніе дать свадебный балъ для всѣхъ со-сѣдей и для тѣхъ гордыхъ нѣкогда дѣвушекъ, кои за меня не хотѣли первоначально выдти. Каково имъ будетъ глядѣть на меня, что я и безъ нихъ женился! Пусть мучатся!

Фу, какой знатный домъ братъ-Петрусь взбудара-

жилъ, такъ это па удивленіе! И верхній — нечего дѣ-
Да какія компаты, какое убран-ать мой поклонъ, что я
тамъ зеркало и кресла, сюда моею женою, а въ слѣду-
фы и столы.... да чего? всѣ у меня здѣсь свадебный
и я, какъ бывшій въ сто- званы, такъ чтобы сдѣлалъ
что все по Санктпетерб-іе, не трубилъ бы по утрамъ и
но меня восхитилъ дв- что останусь ему вѣчно благо-
эти вещи и убранств

но какъ ихъ не-к- моему, онъ поручилъ мнѣ отвѣчать
емъ распоряжені все время, пока проживетъ здѣсь
чтобы все было его невѣсту, онъ ни е, ни гостей
но согласился безпокоитъ ничѣмъ.
кое списхож-ъ покойнѣе, и хотя сомнѣвался, чтобы
отличныхъ было перемѣнить:
Осмотр- у меня въ
и расчис- было другаго мѣста для бала. Положась
мый Петрусе, и удалялъ безпокойныя
и мысли.

Въ домѣ новыхъ моихъ родителей мы скоро уложи-
ли свое приданое и отправили въ деревню — повѣрите
ли? — на сорока подводахъ! Конечно размѣщено на
каждую было всего по немногу, но все же сорокъ!
Всѣ видѣвшіе этотъ обозъ, съ любопытствомъ рас-
прашивали, что везутъ? и узнавъ восклицали: „вотъ
Горбъ-Масюковскій какой богатый, что столько за од-
ною дочерью даетъ! Да видно и панъ Халявскій (до
женитьбы моей, меня, какъ обыкновенно, называли
только панычемъ, а съ того времени цѣлымъ „паномъ“

ровъ. Пожал... самое то время, когда я находился въ ... цвѣта матерью, а...нiи и, говоря по-политически, боновому родственнику ...меня маковыми цвѣтами; т. е. себѣ: какъ умретъ ваша ...тью, спалъ сладкимъ сномъ дрянью".

...шнымъ ревомъ и гуломъ...

Вотъ такова-то отъ всѣхъ ...это новая моя родительне за усердiе, такъ за долгъ ...то я, живши у нихъ, весьма неохотно, а въ особенно... прислушавшись, навсе это накуплено было на мой ...ѣе. Посылаю необидныя слова слышимы было отъ ... говорятъ, что и всѣ эти обиженные родные послѣ ... казавъ своимъ остались-таки тотчасъ и разъѣхались... мочи. Мало

Мы не были этимъ огорчены, постигая ...они подняли поступили отъ аллегорики: притворя... не соблюсти политики и не одаривать нас... сказать, Мы ожидали такого пассажа отъ нихъ. ... и не

Отдохнувъ немного послѣ свадебнаго шуму, ... мои родители начали предлагать мнѣ, чтобы я ...ѣхалъ съ женою въ свою деревню, потому что ... накладно цѣлую нашу семью содержать на своемъ иждивенiи. Я поспѣшилъ отправиться, чтобъ ...ить все къ нашей жизни — и, признаться, с... имѣлъ желанiе дать свадебный балъ для всѣхъ со... сѣдей и для тѣхъ гордыхъ нѣкогда дѣвушекъ, ... за меня не хотѣли первоначально выдти. Каково ... будетъ глядѣть на меня, что я и безъ нихъ женился! Пусть мучатся!

Фу, какой знатный домъ братъ-Петрусь взбудара...

все, собирался ѣхать къ своимъ, то — нечего дѣлать! — послалъ къ нему сказать мой поклонъ, что я дня черезъ три буду съ моею женою, а въ слѣдующее воскресенье будетъ у меня здѣсь свадебный балъ, и что гости уже званы, такъ чтобы сдѣлалъ мнѣ братское одолженіе, не трубилъ бы по утрамъ и во время бала, за что останусь ему вѣчно благодарнымъ.

Къ удивленію моему, онъ поручилъ мнѣ отвѣчать деликатно, что во все время, пока проживетъ здѣсь любезнѣйшая его невѣстушка, онъ ни ее, ни гостей моихъ не обезпокоитъ ничѣмъ.

Я поѣхалъ покойнѣе, и хотя сомнѣвался, чтобы онъ сдержалъ слово, но нечѣмъ было перемѣнить: гости всѣ званы были въ эту деревню, и у меня въ виду не было другаго мѣста для бала. Положась на честь брата Петруся, я удалялъ безпокойныя мысли.

Въ домѣ новыхъ моихъ родителей мы скоро уложили свое приданое и отправили въ деревню — повѣрите ли? — на сорока подводахъ! Конечно размѣщено на каждую было всего по немногу, но все же сорокъ! Всѣ, видѣвшіе этотъ обозъ, съ любопытствомъ расспрашивали, что везутъ? и узнавъ восклицали: „вотъ Горбъ-Маявецкій какой богатый, что столько за одною дочерью даетъ! Да видно и панъ Халявскій (до женитьбы моей, меня, какъ обыкновенно, называли только панычемъ, а съ того времени цѣлымъ „паномъ“

величать начали) себѣ на умѣ, что такую подхватилъ!“ А того и не знали, что приданое было на мой счетъ сдѣлано, но сужденія ихъ тѣшили мой гоноръ и амбицію.

Прибывъ въ деревню, я располагалъ всѣмъ устройствомъ до послѣдняго: назначилъ квартиры для ожидаемыхъ гостей, снабжалъ всѣмъ необходимымъ, въ домѣ также до послѣдняго хлопоталъ; а моя милепькая Анисья Ивановна, что называется, и пальцемъ ни до чего не дотронулась. Лежала себѣ со всею пѣжностью на роскошной постелѣ, а передъ нею дѣвки шили ей новое платье для балу. Досадно мнѣ было на такое ея равнодушіе; но, по нѣжности чувствъ моихъ, еще нѣсколько къ ней питаемыхъ, извинялъ ее.

Скажу вамъ о нашей перемѣнѣ. Съ самаго дня свадьбы Анисья Ивановна перестала быть ко мнѣ ласкова и не оказывала вовсе нѣжностей, коихъ я ожидалъ, и какъ бы слѣдовало отъ новобрачной жены. А отъ того, какъ я разсказывалъ вамъ про свою комплекцію, что безъ ея ласкъ не чувствовалъ къ ней любовнаго влеченія, то теперь, по совершеніи брака, я замѣтилъ что, при ея холодности ко мнѣ, и я дѣлался холоднѣе. Видно реверендиссиме Галушкинскій, какъ во всемъ, такъ и въ этомъ, говорилъ правду. Онъ риторически доказывалъ, что божокъ Амуръ есть великій шалунъ и большой мучитель человѣческаго рода, тѣшащійся страданіями насъ, влюбленныхъ. Возжетъ обоюдное пламя и, содѣлавъ нѣжно любя-

щихся счастливыми чрезъ любовь, вмигъ улетаетъ, исторгнувъ и самыя стрѣлы изъ пронзенныхъ сердецъ, и тогда на этихъ любовниковъ съ ихъ любовью—хоть наплевать. Видно и мы стали такими. Посмотримъ на послѣдствія.

Ночи мы проводили покойно, т. е. со стороны брата Петруся не было ни трубленія въ рога и никакого шума, какъ онъ и обѣщалъ: но все же не пришелъ познакомиться съ своею любезнѣйшею невѣсткою, какъ долгъ отъ него требовалъ, по респекту къ прекрасному полу. Правда, вѣдь онъ не былъ въ Санктпетербургѣ, какъ напримѣръ, хоть бы и я.

Все къ балу уже было устроено. Не было уже у насъ городоваго „кухаря“, какъ въ оное время, при жизни покойниковъ, моихъ истинныхъ родителей; повара ученаго я у себя не имѣлъ и за собою жена въ приданое не привела.... Охъ, мнѣ это приданое! Придало оно мнѣ много долгу и потомъ безпокойствъ—выплачивать его!... но не о томъ рѣчь. И такъ какъ простыя куховарки, готовившія намъ кушанья, не могли скомплектовать намъ „званаго обѣда“ или, какъ называлось это во дни батенькины, „банкета“, то я и долженъ былъ отыскать извѣстнаго своимъ талантомъ повара. Таковой былъ у нашего предводителя. Онъ учился у отличныхъ, по этой части, Нѣмцевъ—и, во время открытій намѣстничествъ въ нашемъ краѣ, былъ при кухнѣ намѣстника. Славился знающимъ свое дѣло и разумѣющимъ кондитерское. Онъ былъ при-

глашенъ мною; спросилъ, на сколько персонъ готовить; договорился въ цѣнѣ, и потребовалъ дать ему во всемъ волю. При договорѣ я спросилъ у него, на сколько перемѣнъ онъ располагаетъ столъ? Но онъ посмѣялся надъ бывшимъ временемъ, покритиковалъ прошедшее, похвалилъ теперешнее и началъ требовать продуктовъ цѣлыя горы.

Вотъ уже и пятница. Къ вечеру пріѣхали наши дражайшіе родители. Мы ихъ встрѣтили со всею политикою и чванно. Они были нами довольны. Хвалили все. Новый мой батенька поощряли меня прилежнѣе наблюдать за хозяйствомъ и извлекать побольше доходовъ; а новая моя маменька настаивали, чтобы я не копилъ денегъ и, не жалѣя ихъ, доставлялъ бы удовольствія, какихъ пожелаетъ жена моя, „яко въ цѣломъ мірѣ единственный другъ мой.“ Въ такихъ полезныхъ намъ и пріятныхъ, въ особенности для жены моей, а ихъ дочери, совѣтахъ и разговорахъ проведши весь вечеръ, легли покойно спать.

Въ субботу мнѣ понадобилось встать поранѣе и сойти внизъ. Я поспѣшаю на парадную лѣстницу.... и вообразите мое удивленіе! не нахожу лѣстницы, она исчезла.... сломана отъ самаго низу до верху, и признака не осталось, чтобы она существовала!... Не имѣя времени размышлять, отъ чего и какъ это случилось, я побѣжалъ на домашнюю лѣстницу.... и, о ужасъ! и тамъ тоже. Ни малѣйшаго признака лѣстничнаго!... Я пришелъ въ неизъяснимый восторгъ!

Какъ? Я, жена и новые мои родители остались одни въ пустомъ домѣ, какъ въ необитаемомъ островѣ. Мы одни, т. е. одни наши персоны были здѣсь, а все, безъ изъятія все, въ чемъ и до чего мы могли имѣть нужду, все осталось въ кладовыхъ и вообще внизу. Какъ пройти туда? Какъ сойти внизъ? Какъ добраться куда надобно? Къ вечеру же начнутъ пріѣзжать гости; какъ мы ихъ введемъ безъ лѣстницъ къ себѣ? Не на веревкахъ же ихъ поднимать вверхъ и опускать внизъ.

Послѣ такихъ запутанныхъ идей и жестокаго безпокойства мнѣ пришло на мысль: отъ чего же это лѣстницъ нѣтъ? Не сломалъ ли кто ихъ? и кто бы это такъ наштукатурилъ? Стѣсняемый и мыслями, и всѣмъ, я началъ сперва ворчать, потомъ говорить, а далѣе уже кричать, стуча отъ гнѣва сильно ногою.

Не увидѣлъ, откуда явился внизу братъ Петрусь и отозвался ко мнѣ, будто и чистосердечно, съ привѣтствіемъ: „а, здравствуй любезный Трушко! (прилично ли женатаго человѣка называть полуименемъ? Подите же съ нимъ!) здравствуй! Здорова ли моя вселюбезнѣйшая невѣстушка? Не угодно ли вамъ, по родственному, пожаловать ко мнѣ, чаю напиться?“

Я, по собственной моей комплекціи, не подозрѣвая, что онъ говоритъ аллегорикою, съ признаніемъ отвѣчалъ ему, что охотно бы пожаловалъ я и жена моя, но у насъ лѣстницы ни одной не стало....

„Ничего, братецъ!“ сказалъ онъ, „можно спрыгнуть. Оно не такъ высоко, какъ кажется.“

— Хорошо туда; а оттуда какъ? Ты мнѣ, братецъ, скажи, гдѣ дѣвались наши лѣстницы?

„Лѣстницы“, сказалъ меланхолично, какъ будто-бы спрашивалъ себѣ стаканъ воды испить—„я приказалъ ихъ сломать обѣ.“

— На что?—вскрикнулъ я, уже начиная приходить въ азартъ.

„Онѣ были мнѣ вовсе не нужны, такъ я и приказалъ ихъ сломать.“ Сіи слова онъ произносилъ съ великимъ смѣхомъ, что меня еще болѣе оконфузывало.

— Какъ же вы смѣли ихъ сломать? Какъ же мнѣ быть безъ лѣстницы? Какъ мнѣ сойти внизъ?

„А мнѣ что до того за дѣло? Нижній этажъ и въ немъ что ни есть, все мое собственное; я властенъ распоряжать.“

Какъ сказалъ онъ эти слова, у меня духъ замеръ. Точно такъ. По раздѣлу, при предводителѣ сдѣланному, такъ точно было постановлено. Теперь я всесемейно пропалъ въ этомъ ужасномъ домѣ, откуда ни намъ сойти, ни къ намъ никому придти не можно. А темпераментъ Петрусинъ мнѣ совершенно былъ извѣстенъ: онъ ни за что не сжалится надъ нами, что бы тутъ съ нами ни случилось.

Но, оставляя въ сторонѣ всю мою ссору съ братомъ Петрусею и все, что вытерпливалъ я отъ теперешней его штучки, скажу аккуратно, что этакой пассажъ

могла произвести только его голова. Разберите въ тонкость, сколько тутъ необыкновеннаго ума! Увѣряю васъ, что онъ и ногою не былъ въ Санктпетербургѣ, а какова его хитрость, а? Приватно увѣряю васъ, что жилецъ Санктпетербургскій, родившійся и взросшій въ этомъ хитромъ городѣ, едвали бы выдумалъ такую интермедію! Это прелесть сколько ума! Конечно, дѣйствіе злое, но очень хитрое, и при всемъ томъ онъ имѣлъ законное право такъ поступить. Низъ, т. е. нижній этажъ есть его собственность.

Мою досаду смѣнила справедливость, а потомъ, какъ будто въ чужомъ дѣлѣ, взялъ меня смѣхъ, видя, въ какомъ жалкомъ положеніи мы остаемся.

Братъ Петрусь продолжалъ издѣваться надъ моимъ положеніемъ и преспокойно предлагалъ мнѣ спрыгнуть сверху. Но, оставивъ его шуточки, я начиналъ опасаться, если не придумаю ничего къ нашему исходу, что послѣдуетъ съ нами? Какъ вотъ явились мой новый батенька безъ всякаго убранства, и надъ мѣстомъ, гдѣ была лѣстница, стали, опустя руки и свѣся голову внизъ, всею готовностію посвистать отъ такого необыкновеннаго казуса.

Вскорѣ явился и нашъ женскій полъ, осужденный вмѣстѣ съ нами на бѣдствія. Это были жена моя и маменька ея. Онѣ не могли выговорить ни слова, но плакали тихо, а охали громко!...

Новый мой батенька, кажется, стояли просто, но изобрѣли рѣшимость. Они съ большею запальчивостью

начали кричать на брата Петруся, все внизу стоявшаго и утѣшавшагося нашимъ неописаннымъ мученіемъ.

„Ты извергъ.... ты убійца.... ты умышляешь на жизнь нашу.... ты разстроиваешь здоровье наше!...“ во множествѣ собравшаяся отъ бѣшенства во рту ихъ пѣна не позволяла имъ объяснить дѣло въ подробности.

А Петрусь префлегматично стоялъ-себѣ внизу, хохоталъ, и только зналъ, что на всѣ наши требованія и оханья прекраснаго пола отвѣчалъ:—а мнѣ что за дѣло?... мнѣ все равно.... мнѣ нужды нѣтъ!...

Наконецъ новому моему батенькѣ, по сродному имъ благоразумію, котораго у нихъ, правду сказать, была куча—пришла, изъ сожалѣнія къ намъ и собственно къ себѣ, счастливая мысль: поддобриться къ брату и поддѣть его разными хитростями, чтобы далъ способъ свободно сходить сверху.

Сколько ни подпущалъ Иванъ Афанасьевичъ разныхъ ему лестей, сколько ни упрашивалъ, какъ ни сильно доказывалъ, что онъ это дѣлаетъ не хорошо, глупо, подло и безчестно, но Петруся ничѣмъ не урезонилъ; наконецъ сказалъ ему: „ну, возьми съ насъ хотя деньги, только устрой сообщеніе.“

Братъ Петрусь обрадовался этому—и начался торгъ. Какъ впрочемъ ни шумѣли, какъ ни настаивали новый мой батенька, чтобы Петрусь что-либо уступилъ, но не успѣлъ ничего, и Петрусь не отступилъ отъ

своего требованія! уничтожить бумагу, по которой онъ долженъ мнѣ уплатить нѣсколько тысячъ за доходы, имъ полученные. Дорого, правда, обходилась намъ свобода; но я, еслибы Петрусь потребовалъ, я бы и одинъ изъ хуторовъ придалъ ему за свободу.

Что дѣлать? Мы находились въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Долго споря и ссорясь, рѣшились мы съ батенькою разорвать вексель Петрусинъ; но для этого надобно было сдѣлать условія, обезпечивающія насъ во всѣхъ предметахъ. Полдень приближался, гости скоро начнутъ пріѣзжать, а у насъ ничего не распоряжено, и мы не только не завтракали, но и горячаго не пили. Для уничтоженія этихъ непріятностей, мы, бывшіе въ осадѣ, объявили осадившему насъ Петрусю, что сдаемся на условія имъ предложенныя, но для приведенія всего въ ясность нужно Ивану Афанасьевичу слѣзть внизъ и кончить все дѣло.

Приставили лѣстницу, и по ней, какъ условлено было, спустили одного Ивана Афанасьевича. Братъ Петрусь далъ обязательство немедленно уставить лѣстницу, какъ и была она, и во все время бала и даже никогда не снимать ее и, однимъ словомъ, не причинять намъ и гостямъ нашимъ никакого безпокойства. Тогда уничтоженъ былъ и его вексель.

Лѣстницы, которыя не были раззорены, а только разобраны, мигомъ поставили и уладили, и мы скоро имѣли удовольствіе воспользоваться свободою; но чего намъ это стоило? Безпокойство замучило меня,

если все не устроится къ пріѣзду гостей! Принявшись однакоже со всѣмъ усердіемъ за распоряженія, я уладилъ все прежде, нежели начали съѣзжаться гости.

Никто не отказался отъ приглашеній, и экипажи поминутно въѣзжали и разводимы были по квартирамъ, прежде для каждаго семейства назначеннымъ. Тамъ они вырядившись, вечеромъ собрались къ намъ, и время проводили въ пріятныхъ разговорахъ.

Какъ хозяинъ, я обязанъ былъ заводить разговоры, чтобы не скучали гости. Любимѣйшею и твердою матеріею было у меня—вояжъ мой въ Санктпетербургъ, и я немедленно начиналъ описывать его отъ самаго дому, чрезъ каждую станцію, до самой столицы. О Тульскомъ и нѣкоторыхъ другихъ пассажахъ, постигшихъ меня даже въ Санктпетербургѣ, я умалчивалъ; за то уже Санктпетербуржскую жизнь, и въ особенности театры, объяснилъ гостямъ со всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ, и все Петербуржскимъ штилемъ, примѣшивая часто модныя слова. Признаюсь, весело было моему честолюбію разсыпаться въ разсказахъ того, чего никто изъ моихъ гостей не слыхалъ и о чемъ понятія не имѣлъ. Всѣ они слушали меня, разинувъ рты, а нѣкоторые и дремали.

Такъ удовольственно проведя вечеръ и поужинавъ не парадно, разстались до утра. Надобно сказать, что всѣ гости сдѣлали мнѣ честь, пожаловавъ со всѣми дѣточками малѣйшими и даже грудными. Кромѣ го-

стей, должно было угостить и всѣхъ кормилицъ, мамушекъ и нянюшекъ привезенныхъ дѣтей, прислужницъ разныхъ и всякаго народа. А сколько было гостиныхъ лошадей? иные забрали всѣ свои конюшни, привезли даже и заводскихъ жеребцовъ, подъ предлогомъ похвастать ими на такомъ съѣздѣ.

Будетъ памятно мнѣ мое тщеславіе! Эти три дня угощенія, конечно, равнялись съ трехъ-годовою жизнію обыкновеннаго помѣщика. Но нечего было дѣлать: обычаевъ намъ перемѣнять не должно. А сколько собственно мнѣ было хлопотъ! Моя возлюбленная супруга не вмѣшивалась ни во что; все занималась своими нарядами и мало сидѣла съ гостями: посидитъ, посидитъ, да и уйдетъ понѣжиться, какъ говорила она, полежать. Она уже начинала чувствовать себя нездоровою. Вездѣ я одинъ хлопоталъ.

Послѣ разсылки по квартирамъ каждому семейству транспортовъ чаевъ и кофеевъ, гости разряженные въ пухъ вовсе не по-Санктпетербургски, а каждая по своему вкусу, собрались на балъ.

Не успѣлъ окончиться огромнѣйшій завтракъ, какъ поспѣлъ и обѣдъ. Убилъ меня, собачій сынъ, этотъ выписной поваръ, своимъ обѣдомъ! Кромѣ чрезвычайныхъ издержекъ, послушайте, сколько было мнѣ конфузу.

Когда отворили дверь въ столовую, то подлинно пышность и нарядство стола изумило всѣхъ. Что правда, то правда. Что хорошо, не потаю и не похулю.

Я на правду—чортъ! Представьте себѣ длинный столъ, покрытый чистыми скатертями, уставленный восемьюдесятью приборами, украшенный карафинами съ разноцвѣтными винами, и все въ пестроту. Картина чудесная! Но посреди стола... вотъ штука! была сдѣлана зеленая гора, изукрашенная разными цвѣточками, а на верху этой горы чашечка, а изъ этой чашечки бьетъ красное вино струею вверхъ на пол-аршина. Это удивленіе, да и полно! Пожалуйте же, это еще не все.

У подножія этой горы посажены были двѣ куколки, мужчина и женщина; онъ на нее возлагаетъ вѣнокъ, а она на него возлагаетъ такой же, и обѣ эти куколки смотрятъ другъ на друга въ глаза и улыбаются. У ногъ мужчины былъ вензель Т. Х., а у ногъ женщины А. Х. Мужчина изображалъ меня, Трофима Халявскаго, а женщина представляла жену мою, Анисью Халявскую. Сверхъ же насъ, т. е. куколокъ, представляющихъ насъ, чортъ его знаетъ, какъ онъ умудрилъ, невидимо за что́, укрѣпить и повѣсить божка Амура, держащаго надъ нами два пылающія сердца. А сказать правду, этотъ плутъ, растравивши наши сердца, давно улетѣлъ отъ насъ. Но все-таки мысль была богатая и чудесно устроена.

Этого мало. По концамъ стола стояли двѣ стеклянныя банки, завязанныя золотою бумагою. Но что въ банкахъ было? Прелесть. Вода, правда и простая, но въ этой водѣ плавало нѣсколько живыхъ, разныхъ рыбокъ. Премило было смотрѣть на это украшеніе.

Затѣмъ столъ былъ уставленъ двумя чашами горячаго, шестью блюдами съ разными холодными, двѣнадцатью соусниками, шестью разными жаркими и къ нимъ солеными овощами, а въ заключеніе красовалось четыре пирожныхъ. Все это, уставленное симпатически, дѣлало видъ превосходный, возбуждающій къ ѣдѣ.

Когда вошли въ залу, я спросилъ дорогихъ гостей, какъ всѣхъ равно для меня милыхъ и почтенныхъ, усаживаться за столъ по старшинству лѣтъ. Пусть—думалъ я—считаются между собою сколько угодно, а мое дѣло сторона. Не окажу преферансу ни свату, ни брату: и претензій не будетъ на меня. Пошли старички и старушки между собою пересаживаться, а холостые, приношенные мужчины, имѣющіе еще грѣховныя помышленія, склоняющія ихъ къ браку, тѣ садились такъ, середка на половинѣ, къ старикамъ не доходили и отъ молодыхъ не отставали. Дѣвушки же, такъ тѣ бѣзъ зазрѣнія совѣсти бѣжали на самый конецъ и старались захватить послѣднія мѣста.

„И выкинулъ же штучку хозяинъ!“ говорилъ одинъ гость другому, не видя меня, идущаго за ними. „Ужъ какъ ловко распорядилъ“.

— Видно, что былъ въ Петербургѣ—отвѣчалъ ему товарищъ его.

„То-то и есть. И самъ бы что выдумалъ, такъ ничто и въ голову нейдетъ“. Сказавъ это, они пошли къ своимъ мѣстамъ; а я, потирая руки отъ восхищенія,

чувствовалъ неизъяснимое наслажденіе, видя съ такимъ блескомъ все устроенное у меня.

Когда же всѣ усѣлись и музыка, коей было шесть человѣкъ, грянула что-то въ родѣ марша, тутъ я невольно вздохнулъ и почти громко сказалъ: „о любезнѣйшіе мои, настоящіе батенька и маменька! Встаньте изъ гробовъ своихъ! Придите, посмотрите, какъ вашъ сынъ, Трушко, вашъ, маменька, пѣстунчикъ, какіе пиры задаетъ! Могутъ ли ваши банкеты сравниться съ его баломъ? У васъ была простота, а здѣсь какое великолѣпіе, пышность.... канальство! У васъ пищали сурмы и стучали бубны, а у меня гремитъ хоръ музыки неумолкаемо; двѣ скрипки, басъ, флейта, цимбалы и бубенъ. Катай! У васъ только и знали подавать меды, пива, да наливки: а у меня разливною рѣкою льются вина такихъ наименованій, что я и выговорить не умѣю! Знай нашихъ!....“ Но тутъ же и пресѣклись мои восклицанія, и я впалъ въ жесточайшее уныніе отъ постигшаго меня позора.

Тысячу разъ благодарю натуру, что она не исполняетъ человѣческихъ желаній. Что бы со мною было, если бы мои настоящіе родители, сирѣчь, покойники батенька и маменька, серьезно встали изъ гробовъ и пришли на нашъ пиръ? Что бы сталось съ ними, если бы они увидѣли, что за такимъ пышно убраннымъ столомъ, усѣяннымъ, по виду, отличными яствами, гостямъ нечего было кушать? О! если бы они только встали и, отъ непривычки ходить по нашимъ лѣст-

пицамъ, кое какъ взобрались бы въ залу, я бы, божусь вамъ! тутъ же ихъ за ручки и повелъ бы обратно, да и самъ съ ними легъ бы въ могилу на вѣчное время!... Будь я бестія, если бы не сдѣлалъ такой штуки! Такъ-то поддоброхотало мнѣ все, и этотъ зазывной кухмистра, и эти заморскіе напитки, и все-таки, все.

Вообразите, что происходило! Открыли горячія — о, фортуна! тонко, жидко и, по словамъ маменьки-покойницы, „небо видно.“ Разнесли; нѣкоторымъ не достало; кто же и получилъ, не кушаютъ, холодное, какъ вчера съ очага. Холодныя—ни се, ни то: все на горчицѣ, на уксусѣ, а существеннаго, мяса, не спрашивай! Соусы — нѣчто въ родѣ мазей; ложкою нечего захватить, и въ нихъ обжаренныя косточки, кое откуда собранныя. Жаркія—надъ-сырь, и то все застылое. Пирожныя бы и порядочныя, но какъ верхніе гости брали побольше, то низшимъ и недостало. Я горѣлъ отъ стыда!

Къ довершенію огорченія, штучка, забавлявшая гостей, испортилась. Винная струя изсякла и дѣлаемою ею увеселеніе прекратилось. Какъ же текущее вино струилось по горѣ и подтекло подъ куколку, представляющую Анисью Ивановну, отъ чего приклейка подмокла, и куколка, шатаясь, вдругъ.... чубурахъ! повалилась со всѣхъ ногъ и упала неблаговидно!... За нею вскорѣ послѣдовалъ и прелестный божокъ, по той-же причинѣ, и изъ всѣхъ прелестей остался одинъ

я, или куколка моего имени, съ улыбкой на лицѣ и съ вѣнкомъ въ рукѣ. Гости, видя сіе, производили веселый смѣхъ...

Въ дополненіе конфуза, по винной части оказались большія злоупотребленія. Хорольскій винопродавецъ не могъ доставить требованнаго мною числа бутылокъ винъ; чего для, рѣшился наполнить ихъ всякою бурдою, засмолилъ и привѣсилъ ярлыки съ разными надписями: Французское, Рейнское, Лондонское, Петеште—и проч. нелѣпыхъ наименованій нагородилъ. Я, не зная въ винахъ толку, знай подношу гостямъ и упрашиваю выкушать по полной. Никто въ ротъ не беретъ. Наконецъ уже одинъ изъ гостей, подружески, шепнулъ мнѣ, что всѣ вина мои — просто галиматья, и ихъ употреблять не можетъ никакая натура.

Я думаю, отъ самаго сотворенія міра ни одинъ хозяинъ, при потчиваніи гостей, не испыталъ подобнаго пораженія! Я оцѣпенѣлъ, какъ окаменѣлый марморъ!... Вдругъ подбѣгаетъ лакей и спрашиваетъ меня, пора ли разрѣзывать жаркія? Я позволяю; но знавъ, что это разрѣзываніе долго будетъ продолжаться, приказываю додавать соусы. Мнѣ говорятъ, что уже всѣ подносили. Я принялся ревизовать соусники, которые, послѣ подноса, должны были опять поставиться, какъ и прочія блюда, на столъ, чтобъ не портить симпатіи; осматривая, дохожу до одного, открываю.... и чтоже?... въ немъ сыръ или, говоря

по-Петербургски, творогъ и недоѣденные ломти хлѣба!... видѣвшіе это гости захохотали, но я, чисто по фамильной комплекціи, слѣдуя маменькиной натурѣ, готовъ былъ сомлѣть, но удержался, имѣя въ первой горячности мысль точно бѣжать на могилу, вмѣщающую въ себѣ прахъ нѣжнѣйшихъ моихъ родителей, и тѣнямъ ихъ жаловаться на нововведенія, осрамившія меня съ ногъ до головы. Я и побѣжалъ-было... но въ передней попался мнѣ злодѣй, выписной кухмистра, надѣлавшій мнѣ столько конфузныхъ ударовъ. Я чуть, въ пылу гнѣва, чуть не прибилъ его, но уже бранилъ громко.

Что же мошенникъ? Вѣдь оправдался. Мода требуетъ выставлять всѣ блюда до одного на столъ; пока установятъ, первыя простынутъ. У нихъ, у отличныхъ кухмистровъ, есть замѣчаніе, что изъ десяти персонъ одинъ отказывается отъ блюда, и такъ, готовя на восемьдесятъ, онъ не додавалъ на восемь персонъ. Еще есть у нихъ правило! готовить большое количество блюдъ, но какъ не выдумаешь полнаго комплекта соусовъ, то должно въ соусники наложить чего попало, лишь бы стоялъ и не разстроивалъ порядка. „Теперь", прибавилъ онъ: „ваша глупая старина, чтобы только обкормить гостей, прошла; теперь требуется только для глазъ."

Вотъ тебѣ и нововведенія! думалъ я, возвращаясь къ столу и почесывая свою фигурную прическу до того, что пудра сыпалась съ меня, какъ съ мельника мука.

Сякъ-такъ, съ грѣхомъ по поламъ, гости пообѣдали и, вставъ, благодарили меня за отличное угощеніе; но я, знавъ, что это они дѣлаютъ аллегорически, для одной оригинальности, я, такими же учтивствами, благодарилъ ихъ за сдѣланную мнѣ честь. Не оставилъ, впрочемъ, чтобъ не открыть нѣкоторымъ, что всѣ эти погрѣшности были не отъ конфуза, но что того требуетъ мода. Многіе, разобравъ хорошенько и подробно, нашли, что эта мода и правила новыхъ кухмистровъ чрезвычайно выгодны. Не нужно-де заботиться объ изящности стола, а наготовить чего нибудь попроще и подешевле: все равно—гости не будутъ ничего кушать. Многіе изъ хозяевъ рѣшились ввести у себя такое положеніе; и точно: скоро всѣ переняли эту моду, и человѣку съ порядочнымъ аппетитомъ, вотъ хоть бы и я, негдѣ было пообѣдать порядочно. Теперь уже, въ это время, этотъ методъ брошенъ, и, съ удовольствіемъ вижу, люди вспомнили, что они созданы и живутъ для того, чтобъ ѣсть и пить, и помня краткость бытія человѣческаго, спѣшатъ насладиться симъ благомъ. Хвала имъ за исправленіе безпорядка, введеннаго нашимъ среднимъ вѣкомъ!

Пожалуйте, обратимся къ своему предмету. Моя Анисья Ивановна не участвовала со мною ни въ угощеніи, ни раздѣляла моихъ огорченій отъ конфуза: она очень часто, чувствуя различныя дурности, выходила изъ-за стола, прося двухъ молодыхъ людей под-

держивать ее. Впрочемъ, я замѣчалъ, что этотъ методъ ея былъ хитростный; она возвращалась безъ всякаго поврежденія въ лицѣ, но все больше и больше „разгардеробливалась“ и, подъ конецъ стола, была совершенно полуодѣта. Только и занималась этими молодыми людьми, а съ прочими вела себя не глядя ни на кого.

Послѣ обѣда музыка заревѣла, и начались пляски и танцы. Молодыхъ людей, за выбылью ихъ по полкамъ, было мало, а кто и былъ, такъ тѣ не умѣли танцовать, а особенно кондратанцовъ, кои затѣяли барышни, обучавшіяся въ пансіонахъ и потому могшія производить ихъ безошибочно. Какъ же сказалъ я, что въ танцорахъ былъ недостатокъ, то барышни танцовали между собою. Тутъ опять вышелъ неловкій пассажъ: умѣющихъ прыгать кондратанцы было немного, то прочія и сидѣли безо всего, и только, по обычаю, повертывали пальчиками. Когда же танцующія переплясали все, умѣемое ими, то, нечего дѣлать, принялись за „горлицы, метелицы, санжаровки“ и другіе веселые, живые танцы, на которые смотрѣвши только душа прыгала и духъ вертѣлся вмѣстѣ съ танцующими. До того плясъ всѣхъ восхитилъ, что многіе, сперва засидѣвшіеся холостяки, потомъ женатые степенные, а далѣе и самыя барыни туда же, въ кружокъ, вертѣться, прыгать, скакать, что называется до упаду.

Нарушилось было наше веселье умными изобрѣте-

ніями брата Петруся. Вдругъ, среди скоковъ, раздался громкой звукъ отъ роговъ, въ которые братъ приказалъ трубить внизу. Но нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ гостей, пріятелей его, пошли къ нему и убѣдили его умолкнуть—что онъ и сдѣлалъ, къ немалому удовольствію общему. Хорошо, что унятіе роговъ на сей разъ не стоило мнѣ ничего. Если бы не пріятели его, тогда я бы долженъ былъ идти къ нему и купить у него тишину.

Веселье наше продолжалось до времени ужина, и когда стали накрывать столъ, то всѣ усѣлись играть „въ фанты“. Это тоже—родъ королей, какъ бывало и на прежнихъ банкетахъ, но уже съ варіаціями. Охъ, болитъ!—сердце и проч. такія двусмысленности занимали насъ очень. Молодежь не унывала, цѣловалась между собою преисправно, все шло по прежнему обычаю, какъ вдругъ гаркнула вѣстовая пушка—и всѣ бросились къ окнамъ. То было приготовленіе къ „фейварку“. Какъ быть балу безъ такой потѣхи? Загорѣлись ракетки и полетѣли вверхъ. Шипѣніе ихъ, тресканье, хлопанье, а въ комнатахъ крикъ, визгъ пугливыхъ изъ прекраснаго пола, хохотъ, разсказы мужчинъ, дѣлали превосходную гармонію. Однѣхъ ракетъ было пущено съ пятьдесятъ; потомъ колеса, шутихи, бураки и прочаго такого потѣшнаго штукъ до двадцати. Потомъ вдругъ запылалъ огонь и явился „шлейфъ“ мой и Анисьи Ивановны, искусно сплетенный и ярко пылающій!... Всѣ, отъ восторга,

захлопали въ ладоши, что мнѣ напоминало Санктпетербургскій театръ и миленькихъ тамошнихъ актерщицъ..., музыка грянула „многа лѣта“, а пушки бухали салютъ, и насъ всѣ поздравляли. Вслѣдъ за симъ прошены всѣ были къ ужину.

Лучше бы этотъ ужинъ исчезъ прежде своего изготовленія! Вообразите, вмѣсто горячаго, подносятъ гостямъ чайныя чашки.... Я думалъ чай, кофе, пуншъ или что подобное, а потому взялъ меня большой конфузъ!... Но открылось, что это, по новой модѣ, тотъ же супъ подавали въ чайныхъ чашкахъ!... Я далъ кухмистру полную волю дурачиться по модѣ и, не вмѣшиваясь, смотрѣлъ, какъ вмѣсто должныхъ блюдъ подносили какіе-то винегреты, сдѣланные изъ того и сего, а больше изъ пустяковъ; пирожки, жаркое— и чортъ знаетъ, на что все это было похоже! Я только сжималъ руки, сидя въ сторонѣ, и потихоньку проговаривалъ: „маменька!... о, маменька!...“

На другой день—терпѣнія моего не стало! выписнаго кухмистра въ за-шей, приказалъ кухаркамъ своимъ изготовить обѣдъ по старинѣ, и гости покушали у меня все преисправно и разъѣхались, благодаря со всѣмъ чистосердечіемъ, безъ малѣйшей аллегоріи.

Когда мы остались съ моею Анисьею Ивановною, вотъ возобладала нами скука! Представьте, двое насъ только; какъ говорить не о чемъ, то мы сидимъ по угламъ и молчимъ, а еще и мѣсяцъ не прошелъ по-

слѣ нашего соединенія! Она уже въ разговорахъ съ знакомыми перестала меня называть по приличію, а придавала мнѣ одно мѣстоимевіе: онъ. Каково? Но я, чтобы заставить ее образумиться и удержаться отъ употребленія, даже въ глазахъ, „ты", я изъ политики всегда называлъ ее деликатно „вы". Но ничто не помогло. Она не отвѣчала даже на мои вопросы.

Не знаю, что бы изъ такой сладостной жизни нашей произошло, если бы не послѣдовала перемѣна. Уже мы доживали медовый мѣсяцъ нашего счастливаго супружества, и я, бывъ то въ полѣ, то на гумнѣ, возвращался домой съ такимъ расположеніемъ духа, какъ, во дни оные, подходилъ съ невыученнымъ стихомъ къ пану Тимоѳтею Кнышевскому. Какъ вдругъ посѣтили насъ, одинъ за другимъ, тѣ молодые люди, на коихъ облокачивалась Анисья Ивановна во время дѣлавшейся ей дурности на нашемъ свадебномъ балѣ. Что же? Какъ рукой сняло. Анисья Ивановна стала веселенькая, губки складываетъ на улыбочку, часто уходитъ къ себѣ для перемѣны шейныхъ или грудныхъ платочковъ, и все у зеркала фигурится. Даже со мною сдѣлалась ласкова; не употребляла грубаго мѣстоименія: ты или онъ, но всегда, съ прикраскою нѣжности и въ добавокъ междометія, наприм. „ахъ, другъ мой!... охъ, онъ мнѣ милѣе всего на свѣтѣ!..." Признаюсь въ слабости моего темперамента! Я, выслушивая все это, таялъ отъ восторга и почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Ска-

жите пожалуйста, много ли человѣку надобно? Упоенный ожившимъ счастьемъ, я не выходилъ изъ гостиной, увивался около жены и почитая, что бывшая мрачность происходила въ ней отъ ея положенія.... радовался, что по вкусу пришлись ей гости, и она вошла въ обыкновенныя чувства; а потому, питая къ нимъ благодарность за пріѣздъ ихъ, я безпрестанно занималъ ихъ то любопытнымъ разсказомъ о жизни моей въ столицѣ Санктпетербургѣ, объ актерщикахъ и танцовщицахъ, то водилъ ихъ на гумно или чѣмъ-нибудь подобнымъ веселилъ ихъ. Какъ вдругъ жена моя, не оставляя мѣстоименій и междометій, прибѣгла къ предлогамъ. „Ахъ, другъ мой, ты сегодня не былъ въ полѣ! Охъ, смотри, купидончикъ, не разстрой здоровья своего! Поѣзжай. Проѣздись часочка три.... Охъ, вы не знаете—это она говорила во множественномъ числѣ къ гостямъ—вы не знаете, какъ онъ мнѣ дорогъ! Его здоровье только меня и живитъ. Поѣзжай же, мой тютинька!“—это уже ко мнѣ относилось. А почему я былъ тютинька, по сей часъ не знаю! Не сокращенно ли Трофимъ? Быть можетъ.

Слыша такія нѣжности, я не только ѣхать, но согласенъ бы летѣть, какъ сизокрылый голубокъ, въ угодность своей бѣлогрудой голубкѣ; но для политики обратился къ пристойности и сказалъ: „какъ же, душечка (нѣжнѣе этого нарицательнаго я не придумалъ)? а гости же какъ?...“

— О! мой другъ! гости ничего.

„Мы у васъ безъ церемоніи"—сказали оба, опережая одинъ другаго словами.

— Когда такъ, такъ такъ—сказалъ я, благодаря мысленно, что фортуна послала гостей, отложившихъ всѣ церемоніи. Послѣ чего сѣлъ себѣ въ свою таратайку и поѣхалъ осматривоть поля и наблюдать какъ спѣетъ хлѣбъ.

Я, сохраняя съ своей стороны здоровье, проѣздилъ болѣе назначеннаго времени и, при возвращеніи, встрѣченъ былъ женою, со всѣми искренними ласками и обоими гостьми. Они, спасибо имъ, прожили у насъ нѣсколько дней, въ кои я поддерживалъ свое здоровье прогулкою по полямъ и, возвращаясь, имѣлъ удовольствіе находить жену всегда веселою, пріятною и ласковою ко мнѣ, а не менѣе также и гостей моихъ.

Пожили гости, пожили, да и уѣхали, и хотя обѣщали часто бывать, но все безъ нихъ скучно намъ было. Жена моя испускала только междометія, а уже мѣстоименій съ нѣжными прилагательными не употребляла. Какъ вотъ моя новая родительница, присылая къ намъ каждый день то за тѣмъ, то за другимъ, въ одинъ день пишетъ къ намъ за новость, что, къ нимъ, въ Хоролъ, пришелъ-десказь квартировать Елецкій полкъ, и у нихъ стало превесело....

Тьфу ты пропасть! Что за житье мнѣ пошло! Ужъ не только самыя сладкія нарицательныя и восхити-

тельныя междометія полились рѣкою, но моя милая Анисья Ивановна не выпустила моей шеи изъ своихъ объятій, пока я не согласился переѣхать въ городъ на мѣсяцъ... „Только на одинъ мѣсяцъ!“ такъ упрашивала она меня. Прошу же прислушать и помнить.

Самъ не знаю, какъ мы скоро уложились и собрались! Не успѣлъ я опомниться, какъ уже обозъ отправленъ былъ, какъ уже наша вѣнская коляска у крыльца, моя милая Анисья Ивановна сидитъ въ ней и торопитъ меня скорѣе садиться, да все съ ласками, съ приголубливаніемъ.

Въ городѣ мы наняли квартиру, пристойную фамиліи и состоянію нашему. Жена моя не отходила отъ окошекъ и все любовалась военными. Какъ ими и не любоваться! Кромѣ того, что много въ полку было отлично-красивыхъ молодцовъ, разумѣется изъ ихъ благородій,—наши братья-сержанты, капралы и проч. господа въ порядочный счетъ не идутъ—но главное, что всѣ они защитники наши и отечества; какъ же прекрасному полу не имѣть къ нимъ аттенціи? Какъ не отдавать имъ преферансу? Какъ не завлекать ихъ въ знакомство, дабы они, въ обществѣ съ прекраснымъ поломъ, забыли всѣ трудности и непріятности походной жизни?

Такъ разсуждала жена моя, и я съ нею отъ души былъ согласенъ. По ея руководству, бывая въ другихъ домахъ, знакомился съ военными и приглашалъ ихъ къ себѣ.

Сначала пришелъ одинъ; жена моя пріобула ножки въ новенькіе башмачки. Этотъ одинъ, впослѣдствіи, привелъ другаго: жена моя стянула платьице. Пришли еще три, жена вздѣла платочки изъ приданыхъ, еще не надѣванные. За этими и пошло.... пошло.... каждый день мы съ женою доставляли удовольствія защитникамъ нашимъ бесѣдою, въ коей я, правда, рѣдко участвовалъ, бывъ посылаемъ женою къ сосѣдкамъ за разными потребностями; но все же гостямъ нашимъ, конечно, было *пріятно у насъ*, потому что они не оставляли нашего дома.

Скоро очень моя милая Анисья Ивановна съ ласками замѣтила мнѣ, что, и среди удовольствій, не нужно оставлять хозяйства безъ присмотра, почему и просила меня поѣхать въ имѣніе, осмотрѣть всѣ части хозяйства, дождаться доходовъ и привезти побольше денегъ, потому что въ городѣ они очень-де нужны.... да какъ при этомъ поцѣловала!... канальство!...

Со всѣмъ усердіемъ я поѣхалъ въ деревню, погрязъ весь въ хозяйство, и то и дѣло, что высылалъ моей Анисьѣ Ивановнѣ деньги. Только лишь извѣщу, что скоро обрадую ее скорымъ возвращеніемъ, анъ глядь! она шлетъ новыя мнѣ порученности: то къ сосѣдкѣ верстъ за двадцать съѣздить, то дождаться, когда выбѣлится ея заказной холстъ, или что-нибудь такое, то я и не ѣду, а все хозяйничаю. Наконецъ, когда уже срокъ нашей мѣсячной квартирѣ началъ сближаться, я отправилъ подводы, чтобы забрать изъ го-

рода мой и ея фуражъ и прочее все домашнее, и самъ отправился, чтобы привезти въ деревню мою милую жену и быть съ нею неразлучну. Но лишь объявилъ ей о томъ, какъ она и слышать не захотѣла, и объявила мнѣ, что я, какъ хочу, а она не переѣдетъ, договорила-де квартиру на годъ, и иначе жить не можетъ, какъ въ городѣ.

Удивился я крѣпко, но долженъ былъ замолчать и согласиться съ нею. Однако же, изъ любопытства, началъ примѣчать, что бы ее такъ веселило въ городѣ? Примѣчать, примѣчать, какъ вотъ и не скрылось: у насъ отъ ранняго утра до поздняго вечера набито офицеровъ, и она, моя сударыня, между ними и кружится, и вертится, и юлитъ, и франтитъ, и смѣется, и хохочетъ....

Ага-а-а-а!...

Офицеры же какъ подобраны! молодецъ въ молодца, и молоды, и красивы, проворны, веселы.... и все на голо поручики!...

Я не знаю, зачѣмъ эти поручики въ арміи существуютъ? Всѣхъ бы ихъ либо произвесть, либо чины снять, лишь бы истребить этотъ ненавистный для меня сортъ людей. Я не скажу ничего больше, но я ихъ терпѣть не могу!...

Еще того мало. Возвратясь одинъ разъ изъ деревни, куда я уже и безъ посылокъ жены часто ѣздилъ и проживалъ, жена моя, какъ-то неумышленно оставшись со мною одна, вдругъ сказала мнѣ:

„А я безъ тебя обновку получила".

— Какую? — спросилъ я, романически вздохнувъ.

„Истерику".

— Поздравляю — сказалъ я, обрадовавшись чистосердечно, и отъ удовольствія хотѣлъ поцѣловать ея руку.

„Ахъ, какъ ты глупъ!" вскрикнула она, покосясь на меня. „Поздравлять съ болѣзнью! Неужели и до сихъ поръ не зналъ, что такъ называется одна изъ болѣзней?"

— Не зналъ, душечка; будь я бестія, если зналъ. Да и отъ кого же мнѣ знать французскія названія болѣзнямъ?—Тутъ принялся я распрашивать, какого свойства и комплекціи эта болѣзнь.

„Вотъ увидишь!" сказала она меланхолично.

И подлинно увидѣлъ!

Скоро начали собираться поручики и окружили ее. Она была весела, игрива и что-то кстати одному изъ нихъ сказала пресмѣшное „бонмо". Всѣ захохотали, и я, полный удовольствія отъ ея остроумія, захохоталъ, а подошедши къ ней близехонько, по праву мужа, хотѣлъ поцѣловать ея ручку... Батеньки мои! вдругъ она: ги-ги-ги-ги!... ну, словно кликуша, и пошла на разныхъ голосахъ... да чубурахъ! на руки одному поручику. Тотъ не сдержалъ, да и спустилъ ее на диванъ, а она и глазки закрыла, да кликала, кликала, а тамъ и замолкла! Поручики же всѣ сбѣжались, кричатъ, воды, воды, уксусу... перья... и раз-

бѣжались всѣ. Я преспокойно вынулъ изъ кармана бумажку, свернулъ ее трубочкою и остренькимъ кончикомъ къ носу ей — и вознамѣрился пощекотать въ носу... Она вскочила какъ встрепанная и, обозрѣвъ, видитъ, что поручиковъ голубчиковъ нѣтъ около нея ни одного; напустилась на меня и даже вскрикнула: „убирайся съ своими глупостями! не смѣй мнѣ никогда этого дѣлать“.

— Но какъ же, душечка?—началъ я говорить романически — это у насъ наслѣдственный припадокъ отъ моей маменьки-покойницы. Онѣ, бывало, часто хотятъ сомлѣвать, да и ничего; а какъ не удержатся, сомлѣютъ на повалъ, настояще — такъ батенька-покойникъ имъ бумажкою въ носу пощекочутъ — и какъ рукой снимутъ...

„Ги-ги-ги-га-га-га!“ и пошли изъ грамматики всѣ междометія и ахти, и ахи, и у! и о! и все такое кричала она, пока поручики, какъ по барабану на тревогу, явились и ну ей помогать... а она, голубушка и глазокъ не можетъ открыть, только все рукой машетъ на меня и со стономъ говоритъ: „прочь.... прочь его отъ меня... онъ говоритъ про покойниковъ!.. Скорѣе, скорѣе удалите его отъ меня!..“

Мигомъ два поручика схватили меня подъ руки и увели въ кабинетъ, и начали, впрочемъ очень вѣжливо, убѣждать, чтобы я цѣлый день не показывался на глаза дражайшей моей супругѣ, иначе произведу въ ней опять истерику...

Нечего было дѣлать, просидѣлъ преспокойно и безвыходно въ одной комнатѣ цѣлый день. Хотя скоро имѣлъ удовольствіе услышать, что она и поручики съ нею громко хохочутъ, но боялся показаться къ ней, чтобъ не сбить ее съ ногъ еще. Притомъ не безъ причины полагалъ, что, можетъ, и поручики заистеричились отъ нея...

Что вамъ далѣе разсказывать? Отъ появленія у насъ въ домѣ этой проклятой истерики, которую я называлъ и „химерикою“, потому что она ни съ чего, такъ, всегда почти при моемъ приближеніи, нападала на Анисью Ивановну; называлъ ее и „поруческою болѣзнью“, потому что Анисья Ивановна бываетъ здорова одна и даже со мною, и говоритъ и распрашиваетъ что, но лишь нагрянули поручики, моя жена и зачикаетъ и бацъ! на полъ или куда попало! Такъ вотъ, съ появленія-то этой модной болѣзни жизнь моя измѣнилась совершенно. Для своей супруги я сдѣлался совершенно чужимъ и даже ненавистнымъ!.. Лишь поручики въ домъ, я изъ дому, и скитаюсь одинъ. Въ деревню поѣду — скука и хозяйство надоѣло, въ городѣ же—купивши домъ, мы, по волѣ жены, поселились навсегда—сижу безвыходно въ своей комнатѣ, чтобъ не причинять истерики женѣ.

А тутъ, ни отсюда, ни оттуда, дѣти кругомъ осыпали. Самъ не знаю, откуда они уже брались! На свободѣ, какъ-то сосчиталъ наличныхъ, такъ ужасъ! Миронушка, Егорушка, Ѳомушка, Трофимушка, Па-

зинька, Настенька, Марѳушка и Ѳенюшка—ну, прошу покорно! Вѣдь поставила же на своемъ Анисья Ивановна! Исполняла намѣреніе, положенное еще до замужества ея, и я не переспорилъ ее.

Ну, и нужды бы нѣтъ. Дѣти и дѣти, не на улицу же ихъ выкидывать. Я было хотѣлъ, чтобы они всѣ дома росли; куда! какъ это можно? Когда этакіе болваны будутъ около меня вертѣться, такъ меня будутъ почитать сорокалѣтнею старухою... Не хочу ихъ видѣть! А не то... ахъ, ахъ, ги-ги-ги! и заистеричила! Надобно знать, что и поручики давно ушли въ походъ, а эта химерика все осталась при ней. Весела, печальна, заговорили, замолчали... и она, бацъ! и сомлѣла. Такъ, безъ ничего сомлѣвала и—охъ! и теперь у ней такой темпераментъ. Даже въ старости истеричничаетъ.

Нечего дѣлать! Надобно было уважать желаніе больной жены; не дать же истерикѣ задушить ее. Развезъ сыновей по разнымъ училищамъ. А сколько было хлопотъ при опредѣленіи ихъ! Подай свидѣтельства о законномъ ихъ рожденіи, о званіи, и все, все это долженъ былъ достать—и такъ опредѣлилъ.

Думаете же вы, что я насладился радостями семейной жизни? Ничего не бывало. Мои повѣсы, всѣ до одного, не знаю только, по комъ пошли, всѣ вдались въ глубь наукъ. Домой не охотно ѣздили, все надъ книгами; за то, какъ испитые!

И науки кончивши, не образумились. „Пустите насъ

отличаться на полѣ чести или умереть за отечество!“ Тьфу вы, головорѣзы! По нѣскольку часовъ бился съ каждымъ и объяснялъ имъ мораль, что человѣкъ долженъ любить жизнь и сберегать ее, и се и то имъ говорилъ. Въ подробности разсказывалъ имъ, что я претерпѣлъ въ военной службѣ, по походамъ изъ роты къ полковнику... ничто не помогло! Пошли. Правда, нахватали чиновъ, всѣ ихъ уважаютъ: но это суета суетъ.

А что женились? такъ ужъ такъ! Совершенныя иностранки жены ихъ! Слова не скажутъ безъ форбье. И дѣтей такъ ведутъ. Дитя-дескать не должно слышать русскаго слова. Ахъ вы, мамзели, мамзели! отнять бы у васъ дѣтей; вы ихъ имѣть-то недостойны. Увидимъ впослѣдствіи.

Повѣрите ли? Отца, мать, Богомъ данныхъ имъ родителей и Богомъ повелѣнныхъ чтить и уважать, они вмѣсто нѣжнаго нарицательнаго: „батенька, маменька“, иначе не кличутъ, какъ „папаша, мамаша!“ И точно кличутъ — какъ собакъ кличутъ. Кто ихъ пойметъ! Въ критику имъ, я своего стараго пуделя прозвалъ „папаша“; что же? эти щенята, т. е. внуки мои, не совѣстятся горланить: „папаша, папаша!“ Отецъ-дуракъ—между нами будь сказано — и откликается: „чего-дескать, Тиня (и это, возьмите въ резонъ, это христіанское имя Тимофей, а по-ихнему, чортъ знаетъ по-какому, Тиня!)?“ А молокососъ и заливается отъ смѣха: „я-де не тебя, а пуделя!“ И па-

паша-отецъ хохочетъ вслѣдъ за дуракомъ!... И мамашѣ та же честь бываетъ; въ глаза смѣются! По моему, когда уже допустить мое рожденіе говорить мнѣ въ глаза „ты", такъ очень легко услышать отъ него: „ты папаша дуракъ, ты мамаша глупа!" И не сердитесь, нѣжнѣйшіе папаша и мамаша! Настаивалъ я, правда, по власти моей родоначальника, чтобы эта мелюзга съ малыхъ ногтей пріучалась уважать родителей; такъ куда? „Фи! это по-русски: тошно." Надобно же знать, что и это ихъ „фи!" есть подобнозначительное маменьки моей: „тьфу!" Подите же съ ними: все измѣнили!

При ребятишкахъ инспекторовъ, подобно какъ при насъ былъ домине Галушкинскій, нѣтъ, а есть „гуверперы". Оно одно и тоже; только тѣ бывали въ халатахъ и киреяхъ, а эти во фракахъ; тѣ назначали жалованье себѣ въ годъ единицами рублей, а эти тысячами; тѣ боялись своихъ хозяевъ, робѣли предъ ними и за несчастье почитали прогнѣвать ихъ, а эти властвуютъ въ домахъ, гдѣ живутъ, и требуютъ исполненія своихъ прихотей. Польза же отъ нихъ одна и таже: Галушкинскіе ничему не учили, не знавъ сами ничего, а преподавали одинъ бурсацкій языкъ; и гуверперы не учатъ ничему, за незнаніемъ ничего, а преподаютъ одинъ французскій языкъ. Одно, одно и тоже: все иностранный діалектъ и польза отъ обоихъ одна и таже.

Анисья Ивановна моя — не смотря ни на что, все

таки „моя“ — такъ она то хитро поступила, не смотря на то, что и въ Санктпетербургѣ не была. Ей очень прискорбно было видѣть сыновей нашихъ женившихся; а какъ пошли у нихъ дѣти, такъ тутъ истерика чуть и не задушила ее. „Какъ - дескать я позволю, чтобы у меня были внуки?.. неужели я допущу, чтобы меня считали старухою? Я умру отъ истерики, когда услышу, что меня станутъ величать бабушкою!“

— Не безпокойтесь, маманнъ! — сказала старшая невѣстка — мои дѣти будутъ отлично воспитаны: они слова не будутъ знать по-русски, и васъ не иначе будутъ кликать, какъ „гранъ-маманнъ...“

„Вздоръ!“ закричала хитрая Анисья Ивановна: „я не позволю себя уронить; я сама придумаю приличное себѣ именованье.“

И въ самомъ дѣлѣ придумала. Да какъ хитро! совершенно по-Санктпетербургски: „бушечка!“ Каково? Оно и не грубое „бабушка,“ а еще нѣжнѣе самой бабушечки, бабушки и проч. „Бушечка!“ подите вы съ нею; совершенно въ новомъ вкусѣ и сходно съ теперешнею атмосферою, т. е. съ понятіемъ обо всемъ. Одинъ я остался не перекрещенный. Дѣдушка—и полно. А кто иначе назоветъ, или осмѣлится мнѣ тыкнуть, тому я заранѣе объявилъ: мое проклятіе, исключеніе изъ роду Халявскихъ и лишеніе наслѣдства.

„Послѣднее только и опасно“, сказалъ съ критикою „Гого“ или Гриша, двѣнадцатилѣтній внукъ мой, щенокъ, явный фар - мазонъ! Вотъ нынѣшнія дѣти! каковы будутъ люди?..

Изъ числа гувернеровъ есть одинъ, ну-такъ собаку съѣлъ. Я раскасывалъ уже, кто онъ и какъ полезенъ для второй невѣстки. Но его надобно послушать, когда онъ, при чаѣ, за пуншемъ (онъ иначе не пьетъ чаю, какъ съ прибавленіемъ), начнетъ говорить, такъ есть чего послушать! И резонно, и наставительно, и для всѣхъ нравственно. Напримѣръ:

„Къ чему", онъ говорилъ, и говорилъ отборнымъ, высокимъ штилемъ, а я буду передавать по-своему:

„Къ чему, молодыхъ людей, дѣтей, птенцовъ, изнурять ученьемъ? къ чему время, данное имъ благодѣтельною природою для узнанія жизни, и чтобы воспользоваться всѣми наслажденіями ея, обращать въ скуку, въ стѣсненіе, въ досаду? Воспитавъ столько юношей, я на опытѣ знаю, что всѣ науки для нихъ, во время ученія, непонятны, а въ жизни безполезны, отъ непонятія ихъ молодости. Оставьте юношу поступать по волѣ его, слѣдовать всѣмъ его желаніямъ, и не удерживайте его отъ исполненія хотѣній его. Познавъ ихъ всѣ въ подробности, онъ пресытится ими, возненавидитъ ихъ и будетъ удаляться, словно какъ отъ пресыщенія ботвиньи, составляемой у Русскихъ изъ нихъ глупаго квасу. Умъ человѣческій есть полновластный господинъ. Онъ не любитъ стѣсненій, принужденій; онъ имѣетъ нѣкоторые капризы: начините наполнять его познаніями, онъ будто принимаетъ ихъ и сохраняетъ, но разомъ выкинетъ все, переданное ему, такъ что и съ свѣчею и лоскутковъ не най-

дешь. Дайте ему волю; пусть покоится, бездѣйствуетъ; но какъ онъ есть „умъ“, то, въ случаѣ надобности, онъ просыпается, принимается дѣйствовать и производитъ то, чего учившійся всему не въ состояніи произвесть и въ десять лѣтъ.“

— Правда твоя, мусье!—восклицалъ я тогда внутренно, слушая его, и теперь говорю: правда. Ну, что изъ того, что мой умъ съ самаго дѣтства всѣми науками наполняли и панъ Кнышевскій и домине Галушкинскій? Пожалуй, мой умъ и притворился, что все постигнулъ: и быстрый разборъ словотитлъ, и латинскія вокабулы, и синтаксисъ, Пифагорову таблицу умноженія; но какъ только я возмужалъ, такъ мой умъ, раскапризившись, все и выкинулъ изъ себя. Подите же теперь! Лишь только понадобится что нужненькое къ моему уму, онъ тутъ и проснулся и дѣйствуетъ. Сколько было періодовъ въ моей жизни, гдѣ, если бы умъ во мнѣ не дѣйствовалъ, такъ чего бы я не набѣдокурилъ самъ по себѣ? И теперь спасибо уму моему; вотъ и описалъ жизнь мою все по его милости. Куда бы мнѣ самому отдѣлать двѣсти страницъ? Нуженъ мнѣ расчетъ экономическій; что мнѣ въ ариѳметикѣ, которой мой умъ и знать не захотѣлъ? Мы съ нимъ запремся вдвоемъ, нарѣжемъ бумажекъ, раскладываемъ, расчитываемъ, и такъ вѣрно все приведемъ, что люли!

Нѣтъ; гувернеръ резонно говорилъ. Его методъ очень нравится нынѣшнимъ молодымъ людямъ.

Другое онъ говорилъ: „къ чему служить въ какой бы то ни было службѣ? Мало ли въ Россіи этихъ барановъ, мужиковъ? Ну, пусть несутъ свои головы на смерть, пусть роются въ бумагахъ и обливаются чернилами. Но наслѣдникамъ богатыхъ имѣній это предосудительно! Какъ ставить себя на одной доскѣ съ простолюдиномъ, съ ничтожнымъ отъ бѣдности дворяниномъ? Ему предстоятъ высшіе чины, значительныя должности. Несвѣдущъ будетъ въ дѣлахъ? возьми бѣднаго, знающаго все, плати ему деньги, а самъ получай награды безъ всякаго безпокойства“.

— Правда, правда, тысячу разъ правда твоя, господинъ мусье! Ну что было бы изъ меня, если бы я продолжалъ военную службу? Мучился бы, изнемогалъ, а все бы не дошелъ выше господина капрала. Теперь же—даже губернаторомъ могу быть. Состояніе у меня отличное, могу найти двухъ-трехъ съ большими познаніями людей, буду имъ платить щедро, и служилъ бы отлично. Подите же вы съ теперешнею молодежью! И слышать не хотятъ. Все бы имъ самимъ служить, не какъ предки наши.... Портится свѣтъ!

Еще мусье говоритъ: „уваженіе къ заслугамъ, чинамъ, достоинствамъ, а въ особенности къ старости—вздоръ, ни съ чѣмъ несообразно, не должно быть терпимо даже. Каждый долженъ себя цѣнить выше всего и смотрѣть на всѣхъ какъ на нѣчто, могущее быть только терпимо. Старики же? фи! они не должны тре-

бовать никакого къ себѣ вниманія. Вѣдь они старики: а что старо, то негодно къ употребленію. Глупое правило у Русскихъ: уважать родителей, есть также вздоръ! И что это родители? Тѣ же старики!...

Тутъ я приходилъ въ запальчивость; я не могъ переносить такихъ кривыхъ толковъ; но какъ я не могъ остановить мусье гувернера, потому что все мое поколѣніе, съ жадностью слушавшее его, возстало бы противъ меня: такъ я, молча, вскакивалъ, звалъ своего папашу-пуделя и уходилъ съ нимъ въ свою комнату размышлять, тужить и повторять восклицаніе, коимъ и началъ описаніе моей жизни.

„Тьфу ты пропасть! не наудивляешься, право, какъ свѣтъ измѣняется!....“

КОНЕЦЪ.